

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

16+

ПРЮКСКИЕ ЗВЕРИ

ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

3

2017

**ЗА ВЕРНОЕ СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ
ЕЕ ТРАДИЦИЙ ЖУРНАЛ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»
УДОСТОЕН СЛЕДУЮЩИХ НАГРАД:**

**Орден Гаврилы Романовича
Державина — знак литературно-
общественной премии
«Живи и жить давай другим...»
(Г. Р. Державин «На рождение
царицы Гремиславы»
Л. А. Нарышкину)**

**Медаль «300 лет
Михаилу Васильевичу Ломоносову» —
в честь 300-летия со дня рождения
великого русского ученого-
энциклопедиста и основоположника
современной русской поэзии**

**Медаль к 190-летию
со дня рождения великого
русского поэта
Николая Алексеевича Некрасова —
знак лауреата Некрасовской
литературной премии**

ПРИОКСКИЕ ЗВУКИ

**ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ
РАЗА В ГОД
ИЗДАЕТСЯ
В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ
ЖУРНАЛ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ**

**ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ОСНОВАН В 2005 ГОДУ
2017 — 3(48)**

СОДЕРЖАНИЕ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛОНКА

Последний романтик империи. К 200-летию со дня рождения выдающегося русского писателя Алексея Константиновича Толстого (1817—1875).....	3
К 100-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ	
Алексей Яшин. Катехизис идеалиста: Роман-размышление.....	13
КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР	
Игорь Нехамес. Бородатые боги (киноповесть).....	47
Игорь Карлов. Дважды Краснознаменная повесть имени Генерального секретаря ЦК КПСС.....	80
Николай Тимохин. Любовь — до гроба (Остросюжетная повесть).....	117
СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ	
Леонид Иванов. Тоскова-а-ал.....	136
Константин Емельянов. Дорога к мечте, или Есть ли в США кумовство?.....	142
Михаил Кириллов. Поселок Переделкино.....	149
Наталья Емельянова. Таня.....	152
Сергей Крестьянкин. Библиотека отца.....	158
Ольга Борисова. Сон.....	163
Михаил Смирнов. Заглянуть в душу.....	167
Людмила Козлова. Крещенская сказка.....	173
Николай Макаров. Наши свадьбы в Афганистане.....	178
Яков Шафран. Ополченец.....	185
Алина Ульянова. Рассказы.....	192
Галина Зеленкина. Двести тактов тишины.....	196
Геннадий Маркин. Шахтеры (глава из повести).....	199
Ефим Гаммер. Израильский Козьма Прутков.....	205
Лариса Семенищенкова. Живая вода.....	214
ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ	
Валерий Демидов. Из новых стихотворений.....	220
Анатолий Краснослободцев. Душа моя сильнее все грустит.....	229
Виктор Мызников. Мой дом.....	232
Дмитрий Грасс. Ты сладко спишь.....	235
Ирина Кедрова. Прекрасна жизнь!.....	237
Лидия Шишко. Городу Полоцку.....	239
Ольга Фокина. Стихотворения.....	244

Олег Пантюхин. Ожидание.....	247
Сергей Редков. Зимнее.....	248
Юрий Мартишин. Новые стихи.....	252
Александр Хадарцев. Памяти Гюлаба Арамовича.....	255
ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
Яков Шафран. Отзыв на книгу Николая Макарова «Медики земли Тульской».....	256
Марина Баланюк (составитель). Нескудеющая жизнь. К 200-летию со дня рождения выдающегося художника-мариниста, академика живописи Ивана Константиновича Айвазовского (1817—1900).....	259
ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ	
(Материалы авторов и об авторах: Ольга Карагодина, Лариса Яшина, Евгений Скоблов, Николай Макаров, Яков Шафран, Евгений Трещев, Людмила Авдеева, Тамара Булевич, Ефим Гаммер, многие члены Тульского регионального отделения Союза писателей России).....	
	261

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Рукописи принимаются отпечатанными с приложением файла на CD-RW-диске и публикуются с фотографиями авторов. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи не возвращаются. Требования к рукописям — см. последнюю страницу. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены. По электронной почте материалы принимаются: проза — markingennady@yandex.ru; поэзия — sensei419@yandex.ru; заказ журнала — elisafine@yandex.ru

Адрес редакции: 300025, Тула, а/я 920; e-mail и телефон главного редактора: priok.zori@mail.ru, (4872)25-47-42

Главный редактор Алексей ЯШИН (Тула), член Правления Академии российской литературы
Зам. главного редактора — ответственный секретарь Яков ШАФРАН (Тула)
Зам. главного редактора — зав. отделом прозы Геннадий МАРКИН (Щекино)

Редколлегия:

Людмила АВДЕЕВА (Москва)
Анатолий АВРУТИН (Минск, Белоруссия)
Виктор БУЛАНИЧЕВ (Бийск, Алтай)
Ефим ГАММЕР (Иерусалим, Израиль)
Валерий ГАНИЧЕВ (Москва), председатель
Правления Союза писателей России
Олег ЗАЙЦЕВ (Минск, Белоруссия) —
председатель Беллитсоюза «Полоцкая ветвь»
Игорь КАРЛОВ (Эль-Кувейт, Кувейт) —
зав. отделом международных связей
Валерий КСЕНОФОНТОВ (Тула)
Сергей ЛЕБЕДЕВ (Тольятти) — зав. отделом
литературы Поволжья
Вячеслав ЛЮТЫЙ (Воронеж)
Николай МАКАРОВ (Тула)
Игорь НЕХАМЕС (Москва)
Олег ПАНТЮХИН (Щекино)
Сергей ПРОХОРОВ (Красноярский край) —
зав. отделом литературы Сибири
Владимир РЕЗЦОВ (Тула) — зав. отделом поэзии
Владимир САПОЖНИКОВ (Тула)
Валентин СОРОКИН (Москва)
Вадим ТРУСОВ (Мончегорск) — зав. отделом
критики и литературоведения
Александр ХАДАРЦЕВ (Тула)
Леонид ХАНБЕКОВ (Москва) — президент
Академии российской литературы

Зав. редакцией Марина БАЛАНЮК (Тула)
Художник Олеся ЯНГОЛ (Юрмала, Латвия)
Редактор Валерий ДЕМИДОВ (Тула)
WEB-мастер Виктор ХРОМУШИН (Тула)
Секретарь Елизавета БАРАНОВА (Тула)

Информационная поддержка:

— Литературное агентство «Московский Парнас»
— журнал «Истоки» (Красноярский край)
— журнал «Бийский вестник» (Бийск, Алтай)
— журнал «Новая Немига литературная»
(Минск, Белоруссия)
— «Общеписательская литературная газета»
(Москва)
— газета «Тульская правда»
— газета «День литературы» (Москва)

Журнал издается при организационной поддержке Академии российской литературы, Тульского госуниверситета и Тульского регионального отделения Союза писателей России (председатель Н. А. Жуков)

Полный текст журнала публикуется в электронном виде на сайте Интернета:
<http://www.pz.tula.ru> (в PDF формате).
См. также на сайте «Русское поле»:
<http://priokskie.ruspole.info> и на сайте
«Мегалит: евразийский журнальный портал»:
<http://www.promegalit.ru/magazines/priokskie-zori.html>

Альманах «Ковчег» журнала «Приокские зори» публикуется в электронном виде на сайтах:
<http://www.pz.tula.ru/pz:Bgr.html>,
<http://www.promegalit.ru/magazines/kovcheg.html> и
<http://priokskie.ruspole.info>

Адреса журнала «Приокские зори» и альманаха «Ковчег» в «Журнальном мире» — едином ресурсе русскоязычных литературных журналов и альманахов:
<http://журнальныймир.pdf/zhurnaly/priokskie-zori>
<http://журнальныймир.pdf/zhurnaly/kovcheg>

Адрес страницы журнала «Приокские зори» в Фэйсбуке:
<https://www.facebook.com/PRIOKZORI2017/>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛОНКА

ПОСЛЕДНИЙ РОМАНТИК ИМПЕРИИ К 200-летию со дня рождения выдающегося писателя Алексея Константиновича Толстого (1817—1875)

«...В прошлом, в старой литературе,— слащавые, лубочные сочинения Загоскина, Масальского, Лажечникова, А. К. Толстого, Всеволода Соловьева и еще кое-что, столь же малоценное и малоисторическое. В настоящем — превосходный роман А. Н. Толстого «Петр I...». Нечего сказать, отличное начало юбилейной публикации! Но я намеренно привел цитату из статьи «О литературе», принадлежащей перу А. М. Горького, чтобы продемонстрировать тот «классовый» подход, коим рекомендовано было во время оно и специалистам, и читателям руководствоваться при изучении и оценке русской литературы XIX века. Отличнейшая, надо вам сказать, метода,— начни ей пользоваться, и можно «заколотить в небытие» кого вашей душеньке угодно. Тем паче потенциального, но явного «белогвардейца», согласно классификации академика М. Н. Покровского. И хорошо, если масштаб личности художника и значение его творческого наследия не позволяют этого сотворить ни при каких обстоятельствах. Жизнь и творчество графа Алексея Константиновича Толстого, слава Создателю, как раз тот случай. Что ни говори, как ни суди, но «Средь шумного бала...» или «Колокольчики мои» пели, поют и петь будут. Такого уже более чем достаточно, чтобы занять вполне достойное место в отечественной литературе. Но у А. К. Толстого все гораздо глобальнее и весомее.

200-летний юбилей писателя — вежа значительная, монументальная, но именно поэтому мне очень не хотелось бы производить на свет очередную громоздкую «статеищу», с мучительно подробным изложением биографии и библиографии юбиляра, с пугающим читателя своей навязчивостью «анализом» его творений, с пространными казенными умозаключениями о чем бы то ни было, и прочая, и прочая. И сама личность А. К. Толстого едва ли, на мой взгляд, к подобному располагает. Художник с живым и богатейшим воображением, ироничного и весьма изящного мышления, создававший яркие, внятные, очень душевные и очень русские произведения, достоин большего, нежели обычное «статистическое» восхваление и классифицирование. Да и вообще, вся эта классификация, с определением «значимости» и весомости творчества способна нанести непоправимый вред как отдельно взятому литератору, так и литературе в целом. Не спорт, знаете ли... Конечно, считалось, что графов Толстых в русской литературе даже многовато, и уж конечно во времена известные не было принято особенно упоминать Алексея Константиновича, тем паче приближенного государя — императора Александра II и автора вполне «верноподданнического» романа «Князь Серебряный», эпитафией к коему вполне можно было бы поставить известную фразу «Честно служи, ни о чем не тужи». Конечно, была книга Дмитрия Жукова, были критические и литературоведческие исследования, но... Впрочем, обо всем этом чуть позже. Хочется лишь заметить, что без элементов анализа творчества А. К. Толстого, конечно же, не обойдется, однако же под иным, чем обычно, углом зрения. Поговорить, кстати, тоже придется. Так что если не на «статеищу», то уж на

довольно объемную статью себя сподвигнуть необходимо, слегка «растекшись мыслею по древу».

Итак, перед нами «родовитейший имперский аристократ», по отцовской линии старший, на одиннадцать лет ранее появившийся на свет, хоть и троюродный, брат Льва Николаевича Толстого, с девяти лет товарищ цесаревича Александра, будущего государя — императора, по детским играм, и в дальнейшем очень близкий монарху человек, сохранивший с ним теплые отношения, литератор, чьи первые стихотворные опыты одобрили Жуковский и Пушкин, а дебют в прозе — сам Белинский, смолоду светский повеса и проказник, создатель, совместно с трио своих двоюродных опять-таки братьев Жемчужниковых, почти легендарного образа Козьмы Пруткова, дотянувшего худо-бедно до наших дней, консерватор самых передовых взглядов, мастер исторической, с философским подтекстом, прозы, человек глубоко русский, истинный патриот своей родины, глубоко волнующийся за ее судьбу, за судьбу народа и самодержавия...

Заслужить, лишь вступив на литературное поприще, одобрение Виссариона Григорьевича Белинского, мало сказать, что дорогого стоит. Тем паче, что великий русский критик разглядел и по достоинству оценил дарование начинающего автора уже после публикации «готической» повести «Упырь», а я не склонен думать, что В.Г. Белинский вообще сей жанр почитал сколь-нибудь важным. И тем не менее вот, извольте: «... несмотря на внешность изобретения, уже самая многосложность и запутанность его («Упыря» — прим. В. Т.) обнаруживают в авторе силу фантазии; а мастерское изложение, умение сделать из своих лиц что-то вроде Характеров, способность схватить дух страны и времени, к которым относится событие, прекрасный язык, иногда похожий даже на «слог», словом — во всем отпечаток руки твердой, литературной,— все это заставляет надеяться ожидать в будущем многого от автора «Упыря». В ком есть талант, в том жизнь и наука сделают свое дело, а в авторе «Упыря» — повторяем — есть решительное дарование». Все правильно, так оно и выходило с самого начала. Волею судьбы воспитанием будущего писателя с младых лет занимался его дядя по материнской линии Алексей Алексеевич Перовский, снискавший себе известность на ниве беллетристики под псевдонимом Антоний Погорельский (кстати, ставший впоследствии прототипом Пьера Безухова в «Войне и мире»). Дядя всячески поощрял «художественные склонности» племянника и специально для него сочинил известную сказку «Черная курица, или Подземные жители». А еще были поездки в Германию и знакомство и И. В. Гете, далее вояж по Италии, в которую юный Алеша Толстой, по его же признанию, влюбился всей душой и навсегда. Словом, молодой граф мог быть светским повесой, но, получив отличное домашнее образование, недорослем вырасти никак не мог, сдав со временем экзамен в Московском университете и определившись на службу сначала по линии иностранных дел, а затем в императорской канцелярии. Забавы забавами, а дело делом. Все правильно.

Впрочем, в 40-е годы А. К. Толстой мог, так сказать, «и служить, и не служить», т. е. более числясь на должности, нежели действительно исполняя чиновничьи обязанности, и даже вполне успешно двигаясь по карьерной лестнице, заниматься тем, что душе угодно. Материально молодой граф был вполне обеспечен (А. А. Перовский, ушедший из жизни в 1836 г., оставил ему весьма крупное наследство), поэтому и время проводил «мешая дело с бездельем». Да, и такое бывало, господа мои, ну, не бедствовал человек, и все тут. Не «сгорал от чахотки», например, не служил за копейки... Что поделаешь?! Но тем ценнее тот факт, что именно в это время, распрощавшись со всей этой «готикой», с «Семьей вурдалаков», с «Упырем», молодой писатель напряженно искал свой путь в литературе, этот поиск не оставлял его даже на фоне светских проказ, сходявших графу с рук чаще всего благодаря заступничеству цесаревича Александра Николаевича. Именно тогда Алексей Константинович пробует себя жанре поэзии, создавая ряд выдающихся баллад и лирических стихов, в частно-

сти поистине бессмертные «Колокольчики мои...» и «Василий Шибанов», где очень лаконично, ярко и даже как — то неотвратимо раскрыта тема верности присяге и родине. Именно тогда задумывается молодым аристократом роман «Князь Серебряный», и вообще, на мой взгляд, происходит выбор литературного стиля, характерного для А. К. Толстого впоследствии, а также основного тематического направления в творчестве, что в совокупности я рискнул бы назвать историческим. Кстати, вы давненько «Василия Шибанова» или «Князя Михайло Репнина» перечитывали? То-то и оно. А ведь от этих баллад прямой путь к «Князю Серебряному» и к трилогии о последних Рюриковичах и узурпаторе престола Борисе Годунове. И совершенно неважно, что из «Современника», где публиковался А. К. Толстой в начале 50-х, он уходит в «Русскую беседу», «Русский вестник» и «Вестник Европы». Дело даже не в конкретном журнале. Дело в самой теме, художника интересует не просто проблема кризисов монархии, уже не раз случавшихся на Руси, но поведение истинного патриота в такие периоды, его отношение к гибнущей власти, его поведение во времена острейших коллизий, происходящих с властными институтами и державой. Пусть эти вопросы не ставятся в прямую, но, обыгранные художественно, они становятся еще более актуальными. Верность избранной теме Алексей Константинович сохраняет до последних дней своей жизни. Так или иначе, но он будет грезить проблемой идеального государственного устройства, острым чутьем художника предвидя будущие потрясения, грозящие монархии и России неисчислимыми бедами. Опять же, все сие происходило не лапидарно и безапелляционно, напротив, художника никогда не покидала надежда на лучшее, да и молодость по-прежнему брала свое. И потом, долго ли, коротко ли, но пришло время Козьмы Пруtkова, созданного Толстым совместно с тремя своими двоюродными братьями Жемчужниковыми: Алексеем, Александром и Владимиром.

Впервые А. К. Толстой читает стихи и главы из романа «Князь Серебряный» в 1850 г. в доме Калужского губернатора, в присутствии Н. В. Гоголя. В жизни обретающего творческую силу литератора начинается очень плодотворный период, когда его дарование раскрылось наиболее полно и разнопланово. Да и вообще жизнь А. К. Толстого с началом 50-х существенно разнообразилась, если можно так выразиться. Послепремьерный запрет к показу пьесы «Фантазия» (тоже, кстати, связанной с Козьмой Пруtkовым), со скандалом прошедшей в Александринском театре Санкт-Петербурга) был компенсирован знакомством с будущей супругой, Софьей Андреевной Миллер (урожденной Бахметьевой), чему и посвящается знаменитое стихотворение «Средь шумного бала...», впоследствии ставшее прекрасным романсом на музыку П. И. Чайковского, далее, через год, граф Толстой, «используя служебное положение», успешно хлопочет о смягчении участи И. С. Тургенева, пострадавшего за статью памяти Н. В. Гоголя, и в этом же году происходит знакомство с Л. Н. Толстым. Наконец-то публикуются стихотворения, в том числе «Колокольчики мои...», и начинают выходить творения Козьмы Пруtkова. Образ самовлюбленного, весьма умственно и нравственно ограниченного бюрократа, обладающего непомерным самомнением и чудовищным апломбом, созданный уже упоминавшимся творческим квартетом, был естественной реакцией нового поколения дворян на всегда присутствующую в любом обществе косность мышления, нравственную неразбериху, неприятие прогрессивных тенденций общественного развития, да и попросту хамство, слишком гибкую совесть и приспособленчество всех мастей. Конечно, сатирические стихи, афоризмы, эпиграммы нельзя отнести к проявлению явной фронды, знатым и вполне благополучным молодым дворянам, слава Богу, это и на ум не приходило (довольно нам монстров, подобных кровавой и патологической Софье Перовской), но общественный резонанс «творчество» Козьмы Пруtkова, объявившего о своей литературной и вообще мыслительной состоятельности и действующего поэтому безапелляционно и хамовато, безусловно имели определенный успех в среде интеллигенции. Хоть переоценивать значение сего «предприятия», по

моему мнению, вовсе не следует. Да и авторы, со временем, переросли сам проект, конечно же, оставив его в наследство благодарному потомству: я помню, как в семидесятые годы прошлого века афоризмы Пруткова вновь стали востребованы в советской интеллектуальной среде и некоторое время имели весьма широкое хождение. История все-таки имеет свойство не просто повторяться, а неожиданно вновь актуализироваться в отдельных явлениях и событиях.

Камер-юнкер, церемонимейстер, вполне успешный придворный, сердечный товарищ государя, казалось бы, зачем графу Толстому участие в Крымской войне? Но очевидно, что Алексей Константинович реализует избранный им принцип исторического романтизма не только в литературном творчестве, но и в жизни, при любом удобном случае. Причем, следует учесть, что это не блажь и не взбрык скучающего аристократа, просто честному человеку, трепетно и святолюбящему Отечество, кем бы он ни был, невозможно сидеть сложа руки в лихую для родной земли годину. Организовать добровольное ополчение не получилось и граф Толстой поступает «охотником» в «императорской фамилии стрелковый полк». До фронта полку добраться не удается, в зиму 1855—56 годов, по прибытии в Одессу, личный состав полка «выкашивается» тифом, и Алексей Константинович тоже находится практически при смерти. Ухаживать за ним приезжает Софья Андреевна, еще не ставшая, в силу жизненных обстоятельств, его супругой, а государю Александру Николаевичу ежедневно шлют телеграммы о здоровье «старого друга». В данном поступке графа Толстого ни намек на позу, вся история очень хорошо соотносится с тем же романом «Князь Серебряный», с концепцией бескорыстного и беззаветного служения Богу, царю и Отечеству для гражданина, а для дворянина в особенности. Конечно, государь-император не мог не оценить героических усилий своего приближенного, и после официальной своей коронации назначил его флигель-адъютантом с чином подполковника.

Примечательно, что после кончины матери и еще одного дяди — Василия Алексеевича Перовского, в 1857 г., Алексей Константинович приглашает на похороны своего отца, графа Константина Петровича, и начинает с этого времени высылать ему пенсион, примерно четыре тысячи рублей в год. А Софью Андреевну с родственниками селит пока в своем имении Пустынька под Санкт-Петербургом. Благородство души не купишь и сословно не обретишь. Очевидно дар Божий и правильное воспитание определили истинно гуманные поведенческие стереотипы графа в жизни и в литературе. Иного он себе и помыслить не мог. Он все более тяготится службой, даже, точнее, официальным своим статусом, они явно ему мешают, он по сути не придворный и не политик, граф не желает быть втянутым в распри «западников» или явных славянофилов, хоть последние ему несравненно ближе и роднее. И тем не менее он желает сохранять независимость и в жизни, и в литературе, говоря о себе: «Двух станом не боец, а только гость случайный...». Но вовсе не по случаю пишется помимо прочих (поэмы «Грешница» и «Дон Жуан») поэма «Иоанн Дамаскин», в коей нашла отражение и даже обоснование как раз житейская коллизия с отставкой от службы. Наконец-то можно поселиться в одном из имений (Погорельцы), откуда выезжать и за границу, вступить в Общество любителей российской словесности и заниматься литературным трудом, не зависимым, по мнению А. К. Толстого, от политических, пусть даже самых прогрессивных, идей и тенденций. А вне литературы? Вне литературы граф вместе с крестьянами в имении Красный Рог празднует в 1861 г. отмену крепостного права. Да, это частность, но весьма показательная, наглядная, это деталь характеристики Алексея Константиновича.

В самом начале января следующего года он наконец-то читает на собраниях у государыни — императрицы своего «Князя Серебряного». Чтения проходят с огромным успехом, автор устаивается личного подарка государыни, а впоследствии книга будет рекомендована как образцовая для детского и юношеского чтения. Странно, что критикой роман почти не был замечен... Да, господа мои, очевидно критикам той

поры требовалось нечто более «соленое» или откровенно протестное, нигилистическое, либо еще какое-нибудь. А тут, собственно, чуть ли не верноподданический гимн. Остается лишь сожалеть, что предки наши в массе оказались столь близоруки и вообще ограничены. Читай они роман внимательно и с душой, возможно... Впрочем они и с Ф. М. Достоевским подчас аналогичным образом поступали, хаяли, не понимали... А потом, утратив монархию и предав самодержца, бегали, как настигаемые, якобы «спасая Россию»... Правда, справедливости ради, хотелось бы и А. М. Горького помянуть не добрым словом в связи с цитатой, приведенной в начале статьи, — где же он слащавость и лубочность обнаружил? Вчитайтесь в «Князя...», перед нами впечатляющее, масштабное, художественно-историческое произведение, исследующее очень непростые отношения гражданина и власти в период острейшего кризиса последней. Прекрасно показана противоречивая, психически не здоровая, жуткая порой, личность Иоанна IV Грозного в период Опричнины, когда царь, наверняка преследуемый кошмарами молодости, мстит родовитой аристократии за испытанные в отрочестве и юности ужасы, ведь в самом начале царствования малолетний царь стал по сути заложником борьбы боярских партий, свидетелем народных бунтов, когда страх смерти, да и сама смерть, были его ежедневными спутниками. Казалось бы и служить такому государю нет никакого смысла, ибо любого подстерегает опасность быть отравленным или казненным, после изощренных издевательств и пыток, безо всякого повода или из корысти тех же опричников, но...

Но были, есть и будут на Святой Руси люди чести и долга, люди совести и веры, для которых жизнь имеет смысл, ежели она может быть положена на алтарь Отечества, которые присягают один раз, а присягнув, не колеблясь следуют этой присяге, считая государя, каким бы он ни был, действительно помазанником Божьим, данным свыше народу, либо в поощрение, либо за грехи. Такие люди свято чтят любовь, и свою и чужую, но никогда не испачкают высокое чувство низменными страстишками и не пойдут ради удовлетворения оных на преступление. Именно таким и предстают перед нами князь Никита Романович Серебряный и боярин Дружина Андреевич Морозов с супругой Еленой Дмитриевной, бывшей возлюбленной князя. Это яркие антиподы опричников — Вяземского, Годунова, Скуратова, Басмановых, Грязнова... Тяжкие испытания уготованы главному герою и его близким, но себя они не уронят, против совести не пойдут, даже под страхом неминуемой смерти, но и присяге, и государю, и личным нравственным установкам не изменят.

Повторяю нарочно, я не могу понять и точно сказать, в каком страшном сне привиделась А. М. Горькому «лубочность и слащавость» на страницах романа, где царят любовь и смерть, где главные герои подвергаются гигантскому искушению сиюминутных вожделений, где так просто сломаться, пойти на поводу у собственной слабости, «утолив все свои печали», и перестать быть русским человеком своего времени, встав «на одну доску» с князьями Андреем Курбским или тем же Афанасием Вяземским. И совершенно не случайно поминается несколько раз в романе изменник и переребечник Курбский, вроде бы никакого отношения к сюжету не имеющий. А. К. Толстой неявно, исподволь, подводит читателя к определенной критериальности, задавая вопросом, когда же русский человек таковым быть перестает? Однако же и прямого ответа вы не найдете, хоть все лежит на поверхности. Да, на первый взгляд, сюжет романа прост и даже незамысловат, но... но ведь и повседневно наша чаще всего не особенно вычурна и витиевата. Сложность ее не в «закрученности» фабулы, а в ежедневном морально-нравственном выборе, который мы должны совершать порой по самым, что ни на есть, мелочам. Но ведь в мелочах, как известно, и дьявол, и Бог. Кому как приведется. Афанасий Вяземский идет на поводу, да, собственно, он давным давно пошел на поводу у своих низменных желаний, а темная плотская страсть к Елене Дмитриевне лишь довершает картину его полного падения

и даже распада, как личности человеческой, и в результате некогда всемогущий опричник сей гибнет лютой смертью по воле государя. Та же участь постигает и Басмановых, совершенно утративших понятия чести и совести. А их антиподы — Никита Серебряный, Дружина Морозов, Елена Дмитриевна, пройдя сквозь «разрушительные» испытания, не утрачивают человеческих достоинств и цельности натуры, характера, сохранив верность человеческим устоям и Божьим заповедям. Даже если в итоге всех коллизий старый боярин гибнет на плахе, его супруга оказывается в монастыре, а молодой князь, неся пограничную службу, гибнет в очередном бою с татарами. Они прекрасно знают и кровно ощущают, что такое долг, честь и совесть. И кстати не они одни, всем читателям советую внимательнее приглядеться к персонажам из ватаги лихих людей, автор создал отличные образы народных характеров, это те, что тоже «творят историю», защищают Отчизну от врагов и осваивают новые земли, расширяя пределы государства Российского. Вообще в романе я не заметил «ходульных» действующих лиц, возможно, некая схема кое-где и присутствует, но на достоинства произведения она влияния почти не оказывает.

И вот именно поэтому так называемая «критика» и не сочла нужным «Князя Серебряного» заметить и отметить должным образом. И долгое, очень долгое время, о романе более упоминали, нежели читали и всерьез разбирали. Ну, понятно, либеральной интеллигенцией подобные произведения не принимались в принципе, помилуйте, никакой крамолы, никакой клубнички, «об чем же тут читать?». Этой братии свергнуть бы кого, поерничать над святынями, оппозицию затеять. Вот и дозатеваались в итоге до государственных переворотов, а потом в эмиграции лицемерно вздыхали «об утраченном»... Впрочем, об этом в другой раз. Аз же, грешный, почитаю роман сей краеугольным камнем во всем творчестве графа Алексея Константиновича, и числом как откровенную и талантливую удачу. Эту книгу хочется время от времени перечитывать, что немаловажно, как ее характеристика. И совершенно не зря она была практически сразу же рекомендована юным читателям. Честность и верность во все времена непререкаемо почитаемы и достойны подражания.

Итак, роман написан, и в следующем, 1863 году, граф Толстой наконец-то, после двенадцати лет ожидания, венчается с Софьей Андреевной Миллер (Бахметьевой). Такое вот интересное совпадение, и у Алексея Константиновича, и у Льва Николаевича жены — Софьи Андреевны. Наверняка женитьба стала источником дополнительных творческих сил и А. К. Толстой приступает к созданию трилогии о последних Рюриковичах на престоле, ставшей, пожалуй, самым масштабным из его литературных свершений. И вновь, в июле 1864 года, первыми слушателями «Смерти Иоанна Грозного» становятся государыня императрица Мария Александровна и ее свита. Через два года трагедия печатается в «Отечественных записках» и еще через год с большим успехом ставится на сцене Александринского театра в Санкт-Петербурге. До 1870 года А. К. Толстой создает последующие произведения Трилогии: «Царь Федор Иоаннович» и «Царь Борис». Современники считали трилогию главным успехом писателя, она принесла ему и международную известность, будучи практически сразу же переведена на немецкий язык. Следует заметить, что уже много позже, спустя почти четверть века после смерти автора, постановкой трагедии «Царь Федор Иоаннович» был в 1898 году открыт Московский художественный театр. Эту часть трилогии вообще почитают наиболее удачной, графу Толстому очень удался образ царя Федора, его психологический портрет человека не простого и неоднозначного, и отнюдь не слабоумного дурачка, как очень любили трактовать о нем даже некоторые солидные историки.

Квинтэссенция всей трилогии, на мой взгляд, в попытке автора наглядно продемонстрировать гибельность полярных воплощений монархической власти при отсутствии четкой программы действий у самого монарха. Ведь, казалось бы, Иоанн Гроз-

ный, борясь с родовой аристократией, должен был и стремился укреплять абсолютизм, что не могло не способствовать совершенствованию государственного устройства и управления, но на деле кровавые гекатомбы царя и опричников ни к чему хорошему не привели, здоровье государя, в том числе и психическое, было безнадежно подорвано, самобытные и честные служилые люди также очень часто подвергались репрессиям, а «оплот» престола составили карьеристы и приспособленцы, люди не лишённые дарований и личной храбрости, способные, при необходимости, проявить себя и на военном поприще, но... главным своим долгом посчитавшие сбережение своей драгоценной жизни любой ценой. Интересный факт, на Терском берегу, т.е. на побережье Кандалакшского залива, что в Мурманской области, в старинном поморском поселке Умба, бабушки до сих пор величают маленьких проказников, пацанов, басаргой, восклицая, мол, ах, вы, басарга этакая. Так вот, это прямая память об опричнине, ибо опричник Басарга Леонтьев со товарищи в свое время был послан Иоанном Грозным на Терский берег, дабы «вразумить» местных богатых рыбо- и соле-торговцев, что и выполнил с пристрастием, оставив по себе соответствующую память. А в результате, как свидетельствуют последние исследования, и сам Грозный, и его старший сын Иван, коего отец ни в коем случае не убивал, вопреки известной картине И. Е. Репина, скончались в результате систематического отравления ртуть-содержащим ядом. Кто отравитель? Нетрудно догадаться, ближнее окружение, смертельно уставшее от постоянных репрессий и угрозы своим жизням. Понятно, что они были согласны на такого монарха, как Федор Иоаннович — мягкий и набожный человек, скорее всего лишенный талантов государственного деятеля и допустивший к управлению царством бывшего опричника и будущего узурпатора престола Бориса Годунова. А тот в свою очередь, при всех своих административных способностях и опыте дворцовых интриг, волей или неволей, но запятнавший себя кровью невинно убиенного царевича Дмитрия, ничего путного не свершил, по смерти своей ввергнув страну в жуткую многолетнюю смуту. Вот эту пагубу и стремится продемонстрировать А. К. Толстой, убежденный монархист, не равнодушный к судьбам трона и государства российского. Он романтик, при всей реалистичности своих взглядов, он словно верит, что может вовремя подсказать, например, государю императору, где, что и как нужно исправить в самодержавном устройстве, дабы впоследствии избежать потрясений и общественных катаклизмов, когда никакие внешнеполитические успехи не исключат и нисколько не купируют кризиса, если вообще не краха, политики внутренней.

Поэтому пристальный интерес А. К. Толстого к теме самодержавия, власти вообще, отношения власти и человека, далеко не случаен. Патриот-консерватор, человек острейшего ума и недюжинной наблюдательности, художник с богатейшим воображением, он не мог не понимать, что кризис монаршей власти так или иначе будет развиваться и шириться, благо исторических аналогий на эту тему хватало. А судьбы родины и народа так или иначе, но остро волновали графа Алексея Константиновича на протяжении всей его жизни. Конечно, романтический, в силу принадлежности к изящной словесности, склад характера накладывал свой отпечаток на эти переживания. Не зря же писатель открыто трактовал как идеальные властные институты Киевской Руси и Великого Новгорода. Но необходимо учитывать, что эти пристрастия касались определенного времени, а именно XI века, т.е. инерционной фазы этногенеза древнерусского этноса (по Л. Н. Гумилеву), когда «украсно украшенная русская земля» достигла гармоничного культурного расцвета, когда развивались ремесла, народное творчество, самобытная культура, велись летописи, закладывались основы славистики, что, впрочем, не исключало жесточайших междоусобных конфликтов, как например взятие и, жесточайшее, разграбление Киева войсками Андрея Боголюбского в 1169 г., в отместку за отравление киевлянами его отца, Юрия Долго-

рукого, севшего вполне легитимно, по лествичному праву, на Золотой стол Киевский. Да и не остывающая кровавая борьба между киево — волынской и чернигово-северской группировками дорого стоила земле русской. (К слову, смоленский князь Рюрик Ростиславович в 1204 г. взял Киев «на копье» и отдал своей рати на разграбление не менее безжалостным и кровавым образом, совершив это по прямому наущению великого князя черниговского Игоря Святославича, героя бессмертного «Слова о полку Игореве»). Тем не менее, в поисках оптимального государственного устройства с неизменным сохранением самодержавия, графу Толстому необходимо было отчего-то отталкиваться. Оттого он взял за образец древнерусские властные модели. Это ли не романтика мышления и искреннего заблуждения? Ведь идеализированные политические и общественные институты той далекой поры ничего общего с историческими реалиями былых времен не имеют. Например, Великий Новгород «пламенно» стремился стать партнером германских городов Ганзейского торгового союза гораздо более, чем войти в состав объединенного государства Российского, а старания «завести дружбу» с Западом и папским престолом незаслуженно прославленного советской исторической романистикой Даниила Галицкого привели через столетие (в середине XIV в.) к польской оккупации Червонной Руси, т.е. Волыни и Галицкой земли в период правления короля Казимира Великого.

Очевидно, что писателя и гражданина не устраивали ни либеральная идеология, ни тем более нигилистические «изыски», ни всяческие «...измы», поскольку в них он не видел ни намека на какой бы то ни было конструктив по отношению к проблемам власти и соотношения гражданских свобод и государственных интересов. Оттого-то и рождалась язвительная сатира, оттого и острилось перо «Историей государства Российского от Гостомысла до Тимашева», «Сном Попова», «Порой веселой мая», отповедями пустозвонным оппозиционерам, коим в кои-то веки даровано было право трещать на всех углах фрондерскую чушь и хаять власть, якобы за «слабость». Вот ведь странная штука такая, так называемая оппозиция, в том числе и не системная, махрово расцветает при малейшем послаблении и нагло обвиняет власть, сие послабление даровавшую, в неспособности к управлению государством, и начинает нагло и почти открыто расшатывать устои государства всеми возможными и невозможными способами. Похожая ситуация и сложилась в Российской империи к началу 70-х годов XIX века, чего не замечать граф А. К. Толстой не мог. Без всякого преувеличения писатель-государственник, столбовой дворянин, человек, близкий к государю-императору, статский советник, кавалер ордена Святого Станислава II степени, не последний помещик в империи, ох, как он был не похож на дворянчиков следующего поколения, распятых безжалостно А. П. Чеховым! Однажды на вопрос Александра II, мол, что делается нынче в русской литературе, граф Толстой, не чинясь, ответил: — Русская литература надела траур по поводу несправедливого осуждения Чернышевского.

Благородно, ничего иного не скажешь. При том, что в обратном благородстве я не был бы столь же уверен, перевернись ситуация с точностью до наоборот. Однако же по отношению к поэту, к литератору вообще, и сегодня не очень-то принято благородное или даже уважительное отношение. Ну, что там чиниться, господа, эка невидаль — сочинитель. К великому сожалению, в истории остались свидетельства того, что даже «муза» Алексея Константиновича, его супруга Софья Андреевна, когда ей порядком наскучила первоначальная семейная идиллия, открыто заявляла мужу, что считает того же И. С. Тургенева более крупным писателем, избрав основным аргументом возражения в возникающих то и дело пикировках и спорах фразу: «Какую ерунду ты говоришь, Толстой!» Я не собираюсь огульно в чем-либо обвинять эту женщину, которую А. К. Толстой очень любил и очень жалел, считая, что ей в жизни смолоду крепко «досталось», но факты остаются фактами. Сложный характер был у «музы» Софьи Андреевны, дамы весьма умной, сообразительной и активной, уже по смерти мужа открывшей в Петербурге литературный салон, пытавшейся оказывать

знаки благосклонности Ф. М. Достоевскому, впоследствии много путешествовавшей и скончавшейся в Лиссабоне в 1895 г. Порой она попросту не скрывала, что супруг ее раздражает, что ей скучно то в имении, то в Европе. Скучно и все тут. Подобные отношения никому не прибавят оптимизма и позитива, а графа Алексея Константиновича они весьма и весьма удручали, особенно на фоне ухудшавшегося здоровья, что вынуждало его часто выезжать за границу для лечения прогрессирующей астмы и учащающихся невыносимых головных болей, как утверждалось, невралгического характера, избавляться от которых врачи предписали с помощью морфия.

Работать становилось все труднее, но примечательно, что последним масштабным произведением писателя стала драма «Посадник», из истории Новгородской «республики». В письме К. Сайн-Витгенштейн А. К. Толстой говорит, что «...сюжет не исторический, а лишь взят из нравов того времени и того города...», оно и понятно, ведь тогда возможности автора шире и богаче. Значит можно создавать желаемое, как действительное, ибо такая фантазия направлена во благо, наглядно демонстрируя, что и как можно «устраивать» для процветания Отечества. Избранная тема не оставляла стойкого имперского патриота, подспудно силящегося найти некие рецепты «оздоровления» монаршей власти даже в истории торговой республики. А ведь не столь уж многие мыслили подобным образом, не столь уж многих в то время уже всерьез волновали судьбы монархии, несмотря на то, что выстрел Д. Каракозова возвестил о начале эпохи политического террора, приведшего к чудовищной гибели государя императора Александра II Освободителя и получившего дьявольски зловещее продолжение в начале двадцатого века. Истинного патриота Ф. И. Тютчева не стало в 1870-м году, еще жили и творили Ф. М. Достоевский, да, пожалуй, А. Н. Майков... И граф Толстой наверняка остро и болезненно ощущал свое практически одиночество в оценке грядущих времен. В последние годы жизни Алексей Константинович вновь обратился к поэтическому творчеству, не изменив, впрочем, исторической его направленности. Он пишет много баллад и былин, не стилизаций, а вполне самобытных, со своей трактовкой, стилистикой, лексикой. И то сказать, знакомство с творчеством А. К. Толстого для меня, в частности, и началось в далеких семидесятых годах прошлого века с баллады об Илье Муромце, которая одна и была приведена в школьном учебнике литературы для пятого или шестого класса. Навсегда врезались в память строки:

*Под броней с простым набором,
Хлеба кус жуя,
В жаркий полдень едет бором
Дедушка Илья...*

Сюжеты баллад разнообразны и в значительной степени вполне историчны, конечно же не без художественной идеализации, как, например, «Роман Галицкий», где отец Даниила, князь Роман Мстиславич, представлен ярким ревнителем независимости Червонной Руси, дающим отповедь папскому легату, предлагающему ему королевскую корону. На деле князь Роман, действительно отвергнув папские посулы королевского титула (от которого впоследствии не отказался его сын, уже упомянутый князь Даниил), предпочел воевать за интересы гибеллинов, противников святого престола и сторонников германских императоров, и погиб в Польше, в схватке с князьями Лешком и Конрадом. Но ведь автора интересует лишь отповедь галицкого князя посланнику Рима, склоняющего русского владетеля по сути в предательству Родины. Императив верности родной земле, рдения о ее благе, ясен, он прослеживается, пожалуй, в большинстве поэтических произведений А. К. Толстого, от сказочных («Садко», «Змей Тугарин», «Алеша Попович») до вполне реалистичных («Песня о походе Владимира на Корсунь»).

Если художник обладает собственной, отличной от прочих позицией в жизни и в

творчестве, он рискует остаться в одиночестве, и быть порицаемым и властью, и оппозицией. Ведь «верноподданность» в буквальном смысле художнику не будет свойственна, этому мешает известная широта и свобода взглядов творческого человека, его душевные метания и постоянный творческий поиск. Вот и А. К. Толстой в письме А. Губернатису (итальянский драматург, лингвист, историк литературы, прим. В. Т.) пишет примерно о том же: «Резюмируя свое положение в нашей литературе, могу сказать не без удовольствия, что представляю собой пугало для наших демократов-социалистов и в то же время являюсь любимцем народа, покровителем которого они себя считают. Любопытен, кроме всего прочего, тот факт, что, в то время, как журналы клеймят меня именем ретрограда, власти считают меня революционером». Кроме прочего, доставалось Алексею Константиновичу от коллег-литераторов и за его утверждение, что «...назначение поэта — не приносить людям какую-нибудь непосредственную выгоду или пользу, но возвышать их моральный уровень, внушая им любовь к прекрасному, которая сама найдет себе применение безо всякой пропаганды... Наша печать почти целиком находится в руках теоретиков — социалистов, поэтому я являюсь мишенью для грубых нападков со стороны многочисленной клики, у которой свои лозунги и свой заранее составленный проскрипционный список. Читающая же публика, наоборот, высказывает мне несомненное расположение».

Вот так. Тридцать пять лет в литературе, издано полное собрание сочинений, «Князь Серебряный» выдержал три издания, «...его очень любят в России, особенно представители низших классов...», роман переведен на пять иностранных языков, вторая и третья части самобытнейшей Трилогии запрещены к постановке на сцене сразу после появления в печати... живет своей жизнью и будет еще очень долго жить Козьма Прутков... вся страна поет «Колокольчики мои...», а «Средь шумного бала...» на музыку П. И. Чайковского вошел в золотой фонд русского романса, на стихи А. К. Толстого также пишут романсы Н. А. Римский-Корсаков, М. П. Мусоргский, С. И. Танеев, а еще есть баллады и былинные стихотворения, где в каждой строке ощущается дыхание родной земли, неподдельная любовь автора к России и его стремление помочь Отечеству длить свои годы незыблемым, мощным и величественным. И вполне заслуженно Алексей Константинович избран членом-корреспондентом Петербургской академии наук по отделению русского языка и словесности. И никакой слащавости, никакого лубка... есть мастерское художественное слово, и великолепные произведения, пронизанные общей идеей, связанные одним лейтмотивом. И остается лишь искренне сожалеть о преждевременном уходе талантливого русского литератора из жизни, в следствии принятия им слишком большой дозы морфия с целью избавления от приступа сильнейшей головной боли. Стояла осень 1875 года, Российская империя, окончательно справившись с последствиями Крымской войны, вновь обрела мощь и все было вновь впереди, и великие победы, и величайшие трагедии, и кровь, и смерть, и крах монархии, от которого так стремился уберечь Родину последний имперский романтик граф А. К. Толстой.

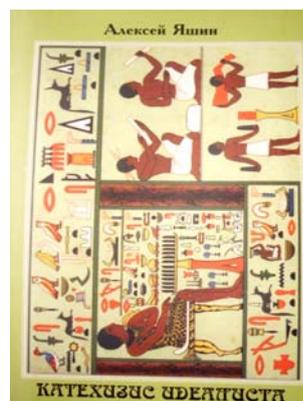
*Вадимир Трусов,
г. Мончегорск Мурманской области.*

К 100-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Алексей Яшин
(г. Тула)

**КАТЕХИЗИС ИДЕАЛИСТА:
РОМАН-РАЗМЫШЛЕНИЕ***

ПОЛИТЭКОНОМИЯ И ГЕОПОЛИТИКА; ДВУХПОЛЯРНЫЙ МИР

Если бы руководимая Америкой Антанта дважды за полвека не сталкивала нас лбами с Германией, с которой у нас не было, нет и не будет никогда предметов раздора, то умом немцев можно нелицеприятно восхищаться. Даже два главных и определяющих учения двадцатого века создали два же немецких Карла. Политэкономии сформировал автор «Капитала», а геополитику — возможный редактор «Майн кампф», генерал Карл Хаусхофер.

Самое существенное, что роль этих двух «политик» из чисто умозрительных теорий неуклонно возрастала по мере разделения мира на противостоящие стороны: наш социалистический лагерь и отживающий свое, но еще очень крепкий капитализм во главе с Америкой. И опять же наше невольное сходство с немцами: все другие народы и страны спокойно живут без политэкономии, а мы с нашими недавними злейшими врагами заснуть без нее не можем. Да еще каждый в своем отечестве-фатерлянде без конца свару устраивает по тонкостям политэкономических законов.

Тут азарт задали немцы еще в прошлом веке: Энгельс с Дюрингом так сцепились, что начали бабахать друг друга толстенными томами: я вот тебя «Анти-Дюрингом», камрад Евгений! А я тебя, камрад Фридрих, приложением критики твоего социализма-коммунизма к своему труду**!

Сейчас немцам, восточным и западным, не до политэкономии... точнее, западным. За восточных мы подумаем. Но у нас самих всего год назад с небольшим как отгремела ноябрьская дискуссия пятьдесят первого года по политэкономии социализма. Как всегда, пришлось самому все в свои руки брать. Порой приходится скры-

* Продолжение, начало в № 1, 2017 «ПЗ». Полный текст романа см. на сайте «ПЗ» www.pz.tula.ru; раздел «Библиотека журнала «Приокские зори». Стихотворения юного Джугашвили в романе в переводе Владимира Резцова.

** Евгений Дюринг. Курс национальной и социальной экономики с включением наставления к изучению и критике теории народного хозяйства и социализма: Пер. с нем.— СПб.: Изд-во Шредера, 1893.— 556 с.— Первое издание на русском языке.— Прим. авт.

вать раздражение: для чего у нас Академия наук и куча академических, отраслевых экономических институтов? И учебных институтов тоже. Ведь не только свои лекции студентам в той же «плехановке» профессора талдычат? За всех должен товарищ Сталин думать. За одних уже фюрер думал... Чем закончилось — хорошо известно.

А всего-то и требовалось понятным языком растолковать: законы политэкономии одинаковы для капитализма и социализма. И советская власть не в силах отменить их и создать новые взамен. Но вот, следуя этим законам, «заглушать» одни, не работающие на социализм, и усиливать действие других, отвечающих социальной идее, — это и есть наша задача. Кстати, успешно нами решаемая. В этом-то, в отличие от естественных наук, и состоит особенность общественно-экономических наук и теорий: их законы не вечны, действуют в течение отведенного им исторического периода. Затем они уступают место новым законам, но при этом никак не отменяются директивно, а просто теряют свою силу в новых условиях. Такова и политэкономия.

То есть, и основные законы политэкономии капитализма, как то: закон стоимости, товарное производство, даже — в определенном смысле — прибавочная стоимость, действуют и при социализме, но в совершенно иной ипостаси и «работают» на социализм. И не могут, как утверждают неопытные товарищи, вновь повернуть нас к капитализму, поскольку здесь ему поставлена непреодолимая преграда: полное упразднение частной собственности на средства производства и общенародный характер этого производства. Даже колхоз, являясь кооперативной собственностью, защищен от перерождения в фольварк или кулацкое хозяйство, поскольку в колхозе частной собственности нет и не будет.

И второй существенный момент: формальный подход многих товарищей к изучению политэкономии — слепое цитирование Маркса. Но при этом напрочь забывают, что Маркс создал политэкономии капитализма, чтобы дать практикам социализма знание тех приемов, которыми капиталисты эксплуатируют пролетариат города и деревни, целые подчиненные им колонии и слаборазвитые страны. Создать же теорию, политэкономии социализма он не успел, дав только ее наметки в «Критике Готской программы».

Третий же момент в той недавней дискуссии особо никто не выпячивал, хотя соответствующий вопрос так и витал в воздухе залов заседаний: практика построения у нас в стране социализма намного опередила теорию, то есть политэкономии. Именно поэтому потребовалась дискуссия с широким ее освещением в печати, с общественным резонансом. Поэтому остро встал вопрос о проекте учебника политэкономии социализма. Правильнее и честнее — нужно ее создать — политэкономии нового общества. Я так и повторил дважды в выступлении на дискуссии: *«Без теории нам нельзя»*.

Вроде как все и всем ясно, но как преодолеть ортодоксальный марксизм, который в части политэкономии совершенно не соответствует нашей широкой практике социального строительства? Но преодолеть это нужно и как можно скорее. Ибо уже через пять-десять лет это выйдет нам боком. Из-за отсутствия новой экономической теории мы можем потерять, снизить ныне наш высокий, по сравнению с капитализмом, темп развития.

...И опять я не могу, не имею права сказать открыто: да, товарищи, марксизм-ленинизм был, есть и навсегда останется базисом нашей теории и практики построения социализма и далее коммунизма. Этот базис суть диалектика Гегеля, политэкономия Маркса, исторический материализм Фейербаха и научно-практическое наследие Ленина. На все эти замечательные учения оказались несколько позади нашей практики, устарели и уже тормозят наше движение в условиях уже де-факто развитого социализма. К сожалению и столь близкий к нам по времени и духу Ильич тоже «устарел» (между нами шепотом говоря: его «Материализм и эмпириокритицизм» сейчас смотрится достаточно... ну-у, не слабой теорией, но все же...). Поэтому при-

шла пора под нашу практику создать новую теорию, не отрицающую прежние, но — новую.

Разве могу я сейчас это сказать? Тем более я не могу апеллировать к Георгу Лукачу и Антонио Грамши, еще в двадцатых-тридцатых годах заложивших, пока умозрительно, предтечу этой новой теории коммунизма, современного марксизма. Лукача наши академисты-ортодоксы «от Маркса в девственной чистоте его учения» давно записали в отъявленные ревизионисты. А Грамши Муссолини, социалист и почти друг Ильича во время «революционных каникул» на Капри, надолго упрятал в тюрьму, присвоив его идеи при создании Итальянской социальной республики, сокращенно *САЛО*.

...Куда ни кинь, всюду клин.

Все что можно пока сказать — было много сказано в «Экономических проблемах социализма в СССР», написанных по итогам той самой ноябрьской дискуссии. Более того, свои замечания по проекту учебника политэкономии социализма в «Экономических проблемах» мною были совершенно разжеваны в приложениях: ответах недопонявшим суть политэкономии социализма Ноткину, Саниной и Венжеру. И во второй раз разжевано в подробной критике воззрений нахала Ярошенки, заявившего: дайте мне двух помощников, а я в год-полтора сам напишу искомый учебник. Из его выступлений и реплик на дискуссии понятно, что бы он наворотил в этом единоличном учебнике... Заблудился товарищ и нахал в квадрате.

Обидно, если не сумею проконтролировать в ближайший год-два издание базового учебника. Начнется драчка за власть, не до политэкономии «наследникам» будет. Потом и вовсе забудут, а без выверенной теории в конце-концов приведут страну к экономической неразберихе и всяким сомнительным схоластиям с надергиванием цитат из «Капитала». Но и при таком раскладе страна еще продержится лет тридцать; слишком мощную базу мы успели создать.

А геополитика? Она неразрывна с политэкономией и, вообще говоря, является ее высшим развитием. Но у нас не то что партийно-хозяйственные руководители, а и академики-обществоведы такого слова-то не знают. На что умен и переимчив ко всему новому Лаврентий, но и он, скорее всего, услышав про геополитику, начнет мысленно перебирать пункты 58-й статьи... Как говорится, у каждого своя специальность. О чем же тогда разговаривать с прохиндеем Хрущевым, Маланьей-Маленковым и даже трезвым Булганиным? Это все одно, что против ветра мочиться.

Опять же у нас неувязка с теорией. С созданием мирового социалистического лагеря и разделением этого мира на две реально и потенциально противостоящие стороны геополитикой манкировать неразумно и даже опасно. Почитывали мы генерала Хаусхофера, почитывали. Народу пока его теории знать рановато, но переводчики цэковские у нас хлеб не задаром едят. И товарищ Сталин не зазря повышенную зарплату генералиссимуса получает, хотя всю ее и передает в фонд Сталинских премий. И, как по ведомству Лубянки и *ГРУ** ставшие словоохотливыми плененные генералы вермахта рассказывали, Гитлер с Хаусхофером побили горшки, а генерал даже некоторое время побыл почетным заключенным в концлагере, — как раз по причине геополитических разногласий. Дураком-то в итоге оказался фюрер, что не послушал доводов генерала, Бормана, Розенберга и других, что поумнее, ссылавшихся на авторитет Бисмарка: «Никогда не воюйте с Россией!»

Действительно, в обеих мировых войнах Германией воспользовались. Впрочем, и Николашкиной Россией тоже. Мы же не поддавались до последнего, до половины четвертого ночи двадцать второго июня сорок первого года. Что же поделаешь, если умным немцам судьба даровала клинического психопата? А ведь умным казался, за

---

* Главное разведывательное управление Генерального штаба. — Прим. авт.

десять лет из бардака Веймарской республики солдафона Гинденбурга сделал военно-индустриальное пугало для всей Европы. В этом-то и сущность такой психопатии, как объяснял профессор Коновалов: умный и волевой во всем, дурак в одном, но в самом главном.

Итак, уже пришло время сделать выводы из событий первой половины этого века и принять генеральную линию нашего геополитического противостояния с империалистическим миром. Решить: кто главный наш враг, где направления наших и ихних главных ударов, в ком искать вольных или невольных союзников? Наконец, по Ленину, как нам наиболее выигрышно использовать внутренние противоречия в стане капитализма?

...И все это замыкается на геополитике, уже сейчас действующей науке о политической, идеологической и социально-экономической расстановке и движении противоборствующих сил. Как это перевели на русский ключевую фразу Хаусхофера? — Да-да, теория и практика движущихся границ. В наше время — границ социалистического и капиталистического лагерей.

Еще Маркс обозначил, что внутри капиталистической системы главная линия взаимных противоречий в Европе проходит по Ла-Маншу: Британия и Европа материковая. Разумеется, островной империи не справиться с целым материком, поэтому она уже не первое столетие успешно применяет свой главный принцип: разделяй и властвуй. Именно «англичанка» почти до конца девятнадцатого века держала в раздробленности Германию. А после создания «железным канцлером» Германской империи не менее успешно начала сталкивать ее с Францией из-за извечного яблока раздора: Эльзаса с Лотарингией.

Но Германия буквально на глазах набирала мощь экономическую и силу военную. Казалось — а так и было на самом деле, что вся энергия немецкого народа, доселе статическая в десятках крохотных маркграфств и княжеств, слившись в единой империи, дала такой мощный всплеск, что грозил подчинить себе всю Европу и перемануть через неширокий пролив на Британские острова, поглотить некогда отколовшихся от фатерлянда англосаксов.

Одной Франции, порастратившей цвет нации в наполеоновских войнах, уже не хватало для противостояния Германской империи Вильгельма Второго. Сама же Британия, даже в Индии не пачкавшая свои холеные руки, а местное население предохранявшая от бунтов наемными сипаями, явно не собиралась посылать свои дивизии и армии на Рейн, Майн и в Померанию. Для грядущих войн потребовалась гарантия второго, восточного для Германии фронта. То есть, потребовалась ведомая на заклатание Россия.

Многоопытная в таких делах «англичанка» разыграла свою козырную карту быстро и ловко, благо последний из царей Романовых явно природой был задуман для иных дел, не относящихся к престолу. Спровоцированная, совершенно не нужная России и Японии война, затем французские кредиты на гашение революции 1905-го года, восстановление потопленного япошками тихоокеанского и балтийского флотов, перевооружение двухсот сухопутных полков. И все, капкан захлопнулся, Антанта приобрела второй фронт для Германии и встала на гоп-стоп. Прием воровской, сам знаю по революционной молодости, когда Камо экспроприировал тифлисские банки на нужды партии и подпольной работы. Дело прошлое, хотя и было позарез необходимым. Царский режим, особенно после Кровавого воскресенья, был преступным. А во время совершения преступления закон не действует. Это одно из оснований римского права.

Непосредственно перед гоп-стопом на Германию Англия сделала и завершающий шаг: подключила *САСШ* в роли кредитора Антанты. Дальше все как по нотам. Америка финансирует, готова кабалу Старому Свету, Франция истекает кровью и

травится под Верденом газами от «Фарбениндустри», Россия ни шатко, ни валко держит окопные позиции Восточного фронта. Англия, послав во Францию несколько дивизий, распределяет между союзниками американские деньги. Все при делах. Такая вот империалистическая геополитика.

Как в театре от сезона к сезону повторяется проходная пьеса, те же «Чайка» и «Три сестры» в *МХАТ*е, так и во вторую войну тот же расклад с тем отличием, что мы до последнего сопротивлялись вовлечению в бойню, а Америка уже не просто банковала, но входила в роль мирового империалистического гегемона.

...И вот середина этого невеселого столетия, иная картина мира, тем более геополитическая. Теория генерала Хаусхофера на первый взгляд устарела, как у нас устарела Марксова политэкономия. Вроде как мир поделился на социалистический и капиталистический, соответственно чему и геополитика упростилась: мы разрастаемся численно и территориально, крепнем экономически... словом, наступаем на старый мир, который, как шуткуют в гниловато-интеллигентских кругах, оглядываясь по сторонам, успешно загнивает. Такая установка, исключая, конечно, «успешность загнивания», дана нашему агитпропу.

А как же противостояние «моря» и «суши» у классиков геополитики? В архив списать? Нет, разделение мира на два социально-экономических лагеря не снимает противостояния атлантистов и традиционно сухопутных евразийцев. Хотя это и похоже на какую-то мистику: геополитическое противостояние выше социально-экономических противоречий. Так получается, что в одном, континентальном лагере по признакам геополитической принадлежности могут оказаться социалистические и капиталистические страны, да? Нет, это не мистика, не чушь собачья.

Марксу такой расклад и в страшном сне не привиделся, а Ильич рекомендовал использовать в нашу пользу межимпериалистические противоречия, но и у него не возникало мысли о таком диковинном симбиозе.

Получается: с одной стороны атлантисты — Америка и Англия, жирующие на торговле, финансовых спекуляциях, вывозе капитала и производств в страны второго и третьего мира. И еще на Ближнем Востоке их форпост — Израиль — на содержании *США* и вечной дани с Германии. А на континенте соцлагерь от Праги и Варшавы до Пекина и Пхеньяна, а на Западе — униженная Второй мировой войной, немецкой оккупацией Франция и сведенная той же войной к ничтожеству Германия. И прочая европейская мелочь. Все они по плану Маршалла в должниках у дяди Сэма. Но пройдет время, расплатятся. И снова «суша» и «море» столкнутся между собой, ибо атлантисты в своих финансовых спекуляциях всегда будут держать континентальную Европу на вторых, хотя и почетных, ролях, что всегда будет унижать Германию и Францию, помнящих о своем давнем и недавнем прошлом. Франция — о наполеоновских войнах, доведших ее до Москвы; Германия — о покоренной Гитлером Европе и бомбардировках ракетами Британии, разрушенном до основания Ковентри.

Вот здесь-то нам и не следует зевать, искать в них невольных союзников. И похоже, без всяких сантиментов, у нас есть реальная возможность этих невольных союзников обрести. С Германией у нас на руках главный козырь: треть ее, главное — Пруссия, военно-агрессивное немецкое ядро, у нас. А Западную Германию при всех раскладах мы можем сколь угодно долго этим козырем держать в невольных союзниках: политика кнута и пряника. Главное — не заиграться, не польститься на джокер, как говорят картежники.

С Францией же многие надежды сулит политика де Голля, патриота и националиста своей страны, органически не признающего американского верховенства. Но здесь дело тонкое, не очень-то предсказуемое.

...Все же, пожалуй, генерал Хаусхофер прав. Но с нашей поправкой: укрепляя и расширяя соцлагерь, мы должны максимально использовать геополитические проти-

воречия капиталистического мира. И не забывать о наших форпостах в европейских странах, о компартиях. А они сейчас, особенно во Франции и Италии, как никогда сильны. Дай-то, бог!

Разделение современного мира на два противостоящих лагеря, как по линии социализм — капитализм, так и исторической геополитике атлантисты — континент, диалектически неизбежно. Так оно и вырисовывалось после окончания Второй мировой. Опять-таки гегелевское единство и борьба противоположностей. Действительно, все мы на планете едины, как едины по месту проживания в одной избе или квартире зять и теща. И никакой половине мира не дано, да и не будет дано плюнуть на другую и улететь к чертовой матери на Марс или Венеру. Так что мечта калужского идеалиста, не хуже меня в этом качестве, о «животном космосе», увы, так мечтой и останется. По крайней мере на ближайшие десять-двадцать тысяч лет. И всем нам, белым и черным, идеалистам и скопидомам-прагматикам, коммунистам и империалистам, жить вместе; причем чем дальше, тем это «вместе» становится все теснее и теснее.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ — НАШ ТРИУМФ; ЯПОНИЯ, ФИНЛЯНДИЯ, ИТАЛИЯ — СТРАТЕГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ И ПРЕВЕНТИВНЫЕ УДАРЫ

Любой триумф предполагает долгий, а в случае войн — кровавый, путь к нему. Потому и само понятие триумфа, триумфатора возникло в Древнем Риме, государстве чисто военном.

В своей тысячелетней истории Русь, Россия не была обделена военными триумфами: разгром и полное уничтожение Хазарии Волжской Святославом, Куликовская битва и разгром тевтонов Александром Невским, Полтавская битва и завоевание Крыма Потемкиным, Итальянский поход Суворова и Отечественная война 1812-го года с последующим маршем на Париж, освобождение Балкан от турок в 1877—78 гг. и завоевание Средней Азии. Даже Брусиловский прорыв на фоне в общем-то неудачной для Российской империи Первой мировой войны. А для Советской уже России, СССР — это победа в Гражданской войне, разгром японских милитаристов на Дальнем Востоке, освобождение Западной Украины и Белоруссии, Бессарабии.

Победа в Великой Отечественной войне — величайший триумф во всей этой тысячелетней истории страны, хотя лучше бы его не было, рассуждая по-человечески. Немыслимые жертвы, величайшее напряжение всех сил. В определенном смысле война подорвала суммарный человеческий актив советского народа, особенно русского. Ведь на войне всегда гибнет цвет нации. В исторической параллели это как с Францией после двух десятилетий наполеоновских войн; сами французы признают: они, как нация, стали совершенно другими. Наш народ другим не стал, слишком большой запас прочности у него. Но все же для восстановления этого суммарного человеческого фонда советскому, русскому народу понадобится не менее трех десятков лет, то есть два-три поколения.

Любой самодостаточно мыслящий человек, хотя таких по «биологической разрядке» весьма мало, понимает: законы исторического движения неподвластны человеку. «Ни бог, ни царь и ни герой» не в силах эти законы отменить, исправить, тем более — переписать по своему желанию. Индивидуальный или коллективный разум могут только, предугадав удачно два-три ближних хода истории, в какой-то степени использовать свои преимущества. Или недостатки своих локальных, реже — геополитических противников.

Повторим в этом смысле уже явное: если предназначенная историей цель Первой мировой войны — крушение последних и основных монархий континентальной Ев-

ропы, то есть империй Романовых, Габсбургов и Гогенцоллернов, то Вторая мировая, уже предуказанная Первой, должна была ответить на очередной эксперимент истории: какой из «предложенных» ею вариантов социального, социалистического государства является наиболее жизненным: советский интернационализм, германский национал-социализм, то есть, нацизм, или итальянский фашизм — итальянская социальная республика Муссолини, присвоившего себе идеи Антонио Грамши. Кровавый эксперимент с полусотней миллионов жертв показал жизненность социализма в советской, интернациональной форме.

...История не профессор-исследователь, свои опыты ставит не на лабораторных собаках, как у Павлова, но на людях, на целых государствах, на всем населении земного шара. И если над государствами-негодями устраивают Нюрнбергский процесс и Суд в Токио, то история неподсудна.

Понятно, что свои эксперименты история творит не эсхатологически, хотя элементы конспирологии, масонской мистики и всего такого прочего присутствуют. Нет, опыты эти реализуются посредством совершенно реальных событий, дел, стран и лиц. Хотя тем же нашим фронтовым политрукам было сложновато объяснять бойцам, почему во встречном бою обе противоборствующие стороны сражаются неистово, до последнего патрона и солдата под одинаковыми красными знаменами. Только на одних — звезда и серп с молотом, на других — ведический, древнеарийский символ вечности движения жизни — свастика.

Точно так же профессорам геополитики, международной экономики и взаимоотношений — в историческом ракурсе — не менее сложно всегда было объяснять своим студентам: почему дважды за первую половину двадцатого века в смертельной схватке сталкивались именно Германия и Россия? То есть, страны, на протяжении всей их истории не имевшие ровно никаких политических, экономических и любых других противостояний, главное — территориальных претензий.

Даже известный *drang nach Osten*, расширение 80-миллионной Германии, якобы задыхающейся в своих исторических границах, было явно внушено Гитлеру для сраживания с СССР. Следует «держать в уме», что фюрер — личность явно клиническая. Это отмечали такие светила психиатрии, как Бехтерев и Ганнушкин, а особенно его соотечественник Фромм. Причем клиника эта располагалась в его мозгу на границе невроза и шизофрении, что есть предэпилептоидный характер. Возможно причина этого в его ранениях и контузиях на позициях Первой мировой войны. А для таких персонажей присущи почти гениальные ходы — кто создал за десять лет Третий Рейх, завоевал всю Европу и дошел до Москвы и Волги? — Но тут же и гибельные для Германии стратегические просчеты, объединившие против нее весь мир.

Опять же для таких характеров свойственно сочетание почти демонической способности к овладению умам десятков миллионов людей и в то же время глубокой личной внушаемости. И здесь Гитлер стал подопытным кроликом тех кукловодов, что и столкнули Рейх с СССР. Потому-то руководство СССР после пакта Молотова — Риббентропа до самого последнего момента, до двадцать второго июня надеялось, что фюрер образумится и сам не полезет в уготованную ему на Востоке петлю.

Слишком хорошо известны эти кукловоды, что втянули Российскую империю в Первую мировую, опутав ее долгами Франции и использовав самого глупого из всех русских царей, и натравили Рейх на СССР, опять же сыграв на шизоидности личности Гитлера. Это все атлантисты, ныне уже и де-юре объединяющиеся в военный блок, а перед Второй мировой прежде всего мировая интриганка Англия, ведущая на поводке Америке, самую уже устремившуюся в мировые хозяева.

...Это как у нас на Балхаше, где проголодавшегося, полуслеплого по природе своего свирепого тигра наводит на добычу руководящий этой зверюгой маленький камышовый кот, родной брат наших домашних Васек и Мурок.

Что же касается красных знамен с обеих сторон, то следует быть точным в названиях политических режимов наших противников в Великой Отечественной войне. Национал-социалистическая Германия Гитлера не была фашистским государством, как Италия; Рейх — нацистское государство, что, объективно говоря, намного хуже и зверинее, особенно учитывая специфику исторически сложившегося национального немецкого характера: сочетание предельной дисциплины, исполнительности и жесткости, в крайних случаях переходящей в жестокость. Да приплюсуем к этому историческую обиженность и обделенность Германии, до последней трети XIX века пребывавшей в раздробленности и геополитической ничтожности. А после проигрыша в Первой мировой ее и вовсе Антанта обшипала: отняли немногие африканские колонии, Франция прибрала к рукам Эльзас и Лотарингию, даже Польша и Чехословакия что-то из территорий прихватили.

Фашистской же нацистскую Германию стали обыденно называть с начала тридцатых годов с легкой руки не очень политически грамотных газетчиков. Или как в первые послевоенные годы распевали эстрадные куплетисты:

*Я в Италии родился,
А в Германии закалился,
И поехал в русские края...*

Соблюдая истину, политическое определение не было нами помещено в надписи на победной медали: «*За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.*».

И еще один существенный момент, требующий точности определения. Также расхожим стало словосочетание: победа советского народа в Великой Отечественной войне. Это справедливо. Советский народ достоин такого определения, учитывая массовый героизм советских людей, их каждодневный — в течение четырех лет — воинский и трудовой подвиг.

Однако нужно быть объективным: в войне побеждает не народ, а государство, то есть, Советский Союз победил Германию, ее союзников и сателлитов, а исполнителями этой победы и был героический советский, прежде всего русский, народ. Ибо во всех революциях, в восстаниях, даже в стихийных народных выступлениях побеждает не только и не столько поднявшийся народ, но его организация. Тем более, если речь идет о войне мирового масштаба. Как настойчиво повторял в своей «Всеобщей организационной науке» Богданов, за что его не совсем справедливо упрекал в «Материализме и эмпириокритицизме» Владимир Ильич, не человек, даже не выдающаяся личность делает историю, но система, то есть социум, государство. Да, здесь наш выдающийся «эмпириокритицист» безусловно прав.

А побеждает то государство, у которого лучше системная организация и у которого бóльший запас в экономике, в индустрии, преимущественно военной, в социально-политическом устройстве. Такой выигрышный запас оказался у СССР, такого запаса не оказалось у «двунадесяти языков», то есть у Германии и всей совокупной с ней Европы. Это и есть убедительнейшее доказательство того, что в кровавых играх-экспериментах истории именно советская, социалистическая, интернациональная организация государства новой социально-экономической формации является первенствующей над всеми остальными. Величие Ильича и созданной им партии в том и состоит, что, будучи гением, он сверхнайтием нашел ту единственную, советскую форму организации социального государства, лишь в общих чертах продекларированную классиками марксизма, которая только и позволила сделать социализм на Земле реальностью. Позволила нам победить в величайшей войне всех времен и на-

родов. Именно поэтому логически верным является определение: *«Победа Советского Союза над Германией, ее союзниками и сателлитами»*.

Не надо преувеличивать, но и преуменьшать роль в войне союзников Германии, прежде всего Румынии, Венгрии, Италии и Финляндии, которые направили против СССР вовсе не обозные подразделения, а *армии в комплектации военного времени*; некоторые даже по две армии, воевавшие, по-преимуществу, не за страх, а за их, мягко говоря, своеобразную совесть. Достаточно напомнить, что полугодовое сражение за Воронеж Красная Армия вела не с гитлеровцами, а со Второй венгерской армией. Кстати, там же полностью и уничтоженной. И Одессу брали румыны. Они же и итальянские дивизии действовали на Сталинградском фронте. В Прибалтике свирепствовали дивизии СС из местного населения. И только тем фактом, что большинство из союзников и сателлитов Третьего Рейха после войны вошли в социалистический лагерь, либо проводят в отношении СССР достаточно либеральную политику, объясняется определенное «затушевывание» их неблагоприятной роли в войне в качестве приспешников Германии, губителей сотен тысяч советских людей: бойцов и мирных жителей.

...Заслуги Владимира Ильича велики, он предначертал тот единственный путь, которым мы пришли, в числе прочего, к триумфу-победе в Великой Отечественной войне. Но и военно-политическое руководство СССР в предвоенные и военные годы, следуя этим путем, оказалось на высоте. События самой войны слишком хорошо известны — это об упреждающих наших ударах в предвоенные годы. Это была не агрессия «во все стороны», но продуманная военная стратегия с целью уменьшить число врагов в неизбежной большой войне.

И эта война показала абсолютную верность наших расчетов. Особенно — в отношении Японии. Полномасштабные сражения и разгром японцев при Халхин-Голе и Хасане, а также не очень широко известное уничтожение дальней бомбардировочной авиацией Тихоокеанского флота крупнейшей авиабазы на Хоккайдо, причем со всей ее инфраструктурой и полутысячью самолетов, оградили СССР от губительной для него войны на два фронта, отрезвили японских милитаристов. Здесь был и запасной ход, когда, предоставив Гоминьдану биться с японцами на востоке и юге Китая, по рекомендации советского руководства Мао Цзедун со своей Восьмой армией весь период Отечественной войны стоял заградительным заслоном в горах Северного Китая, в Синьцзяне.

Не менее значимой была и Финская кампания, да плюс к ней и наша политическая демонстрация: создание шестнадцатой, Карело-Финской союзной республики и выступления председателя финской компартии товарища Отто Вильгельмовича Куусинена на заседаниях Коминтерна о «стремлении трудового финского народа к единению с советским народом». Поскольку же бывшему генерал-адъютанту Николая Второго, маршалу Маннергейму в самом страшном сне не привиделось стать почетным председателем Верховного Совета расширенной на запад Карело-Финской ССР, то он свел участие Финляндии в войне против СССР до минимума: отказался перерезать стратегически важную для нашей страны Мурманскую железную дорогу, несмотря на мольбы и угрозы Гитлера, не допуская до нее и немецкие дивизии. А в блокаде Ленинграда ограничился сторожевой службой в северной части кольца, запретив использовать артиллерию и авиацию. В сорок же четвертом году сам предложил СССР сепаратный мир, разоружив и интернировав двадцать немецких дивизий, вернув Советскому Союзу Выборг и стратегические острова на выходе в Балтику, даже предоставил столицу Хельсинки под базу Балтийского флота!

Свою лепту в дело Победы внесло участие советских добровольцев в войне в Испании и разгроме советскими же войсками в Абиссинии итальянского корпуса, то

есть половины армии. Памятуя об этом, Муссолини послал на Восточный фронт не армии, но лишь дивизии, а Франко и вовсе «отделался» почти символической «голубой дивизией». Хорошо вела себя Турция, до этого за двести лет четырнадцать раз воевавшая с Россией. Но это уже ленинское наследие: военно-экономическая помощь младотуркам Кемаля Ататюрка. Подлинно совесть не позволила вступить в войну и болгарскому царю Борису.

Большая военно-политическая стратегия не позволила СССР нанести превентивные удары по Румынии и Венгрии, будущим главным союзникам Гитлера на Восточном фронте. Антонеску и сухопутного адмирала* Хорти здесь спасли условия пакта Молотова — Риббентропа, который явился важнейшей предвоенной победой СССР в масштабе мировой политики.

Но еще более судьбоносными для грядущей нашей Победы явились «превентивные удары» по внутреннему врагу: остаткам троцкистов и недееспособной военной верхушке, зажавшейся на сомнительной славе своего участия в Гражданской войне — типа наполеончика Тухачевского, вчистую проигравшего Польскую войну, равно как и все остальные сражения, но зато блестяще расправившегося с кронштадтскими «братишками», сделавшими Октябрьскую революцию, и потравившего газами тамбовских мужиков...

...И еще мы загодя до войны воспользовались опытом царской России в Первую мировую войну: в части составления и исполнения планов эвакуации промышленности и людей на Восток.

Тяжело далась нам Великая Отечественная, неисчислимы потери и жертвы, но советский социализм победил. Поэтому наша Победа — наш триумф.

ПАКТ МОЛОТОВА – РИББЕНТРОПА: ПО ЗУБАМ АНТАНТЕ! СИОНИСТЫ, ХОЛОКОСТ, ИЗРАИЛЬ

Да, вне всякого сомнения, наш договор с Германией тридцать девятого года был крупнейшей победой СССР на политическом фронте. Мы прекрасно, с цифрами на руках, понимали: война с Рейхом — это сражение менее двухсот миллионов советских людей с 330 миллионами немцев с их союзниками; молодой, еще не полностью окрепшей индустрии против ресурсов промышленности всей Европы. И много чего другого — все не в нашу пользу.

Наш агитпроп уперто толкует, что главный итог пакта с Германией — полученная передышка в два года, что позволило подтянуть Красную Армию и военную промышленность к уровню, достаточному для противостояния с Германией, в крайнем случае чтобы выдержать первый, самый мощный удар. А именно такая стратегия и характерна для вермахта и военного мышления самого Гитлера, что и позволило ему в кратчайшие сроки завоевать всю Европу.

Что ж, это сущая полуправда — в том смысле, конечно, что это правда, но не полная. Полная же правда и наша политическая победа в пакте — мы дали по зубам Антанте! Крепко врезали и ее самую подставили под удар немцев. Причем сделали это со спокойной совестью и с полным на то моральным правом. Это вам за вскармливание гитлеризма, за натравливание Германии на СССР, за Мюнхен и сданную Гитлеру Чехословакию, доселе нашего единственного почти союзника в Восточной Европе.

Вот почему уже чертову дюжину лет, с глухим перерывом на годы нашего военного союзничества поневоле, западная пропаганда — а она намного опытнее нашего

---

* Это как Тимур Аркадьевич Гайдар, сын детского писателя и отец нашего «выдающегося реформатора», ныне возводимого в ранг спасателя России, что получил адмиральский чин, не выходя из редакционного кабинета газетчика в Москве.— Прим. авт.

агитпропа! — не устает твердить об азиатском коварстве Сталина, захотевшего натравить Германию на цивилизованные страны Европы, вместо того чтобы объединиться с Антантой и уничтожить... и так далее. Не сомневаюсь ни на минуту, что если и у нас примутся натаскивать мусор на мою память, то даже впереди тридцать седьмого года, впереди *ГУЛАГ* а будут вменять в мое главное «преступление» договор товарища Молотова с партайгеноссе Риббентропом. По мнению тех и других, западных и «восточных» моих хулителей я вроде как должен был не рыпаться, не искать договоренности с Гитлером, а слушать пустопорожние обещания Антанты и петь тихие песни о мире:

*Мы славу Грузии поем!
Да будет мир в родном краю!
Учитесь, дети, и трудом
Восславьте Родину свою!*

...И допелись бы до войны с Германией на единственном фронте в Европе — на Восточном. Почему-то Европа давно уже привыкла полагать русских полными идиотами, такими легковверными простаками из лесов с медведями и развесистой клюквой. Как у Дюма-отца. Цари, что ли, их так разбаловали, все стремясь в Европу, в Европу! С немьтым рылом из азиатчины в цивилиность политесную. До Петра всякого европейца немцем кликали, пальцами на него показывали и плевали вслед, если такой чудак на Святую Русь попадал. А с Петра все и началось: либо прямое низкопочлонство, либо ту же Европу от внутренних ее драчек разводить. За спасибо, а то и вместо *спасиба* получить Крымскую войну.

А тут мы Антанту по сусалу, по зубам! Узнав о пакте, Черчилль, наверное, сигарой подавился и галлон виски выжрал. Рузвельт же первым делом схватился за арифмометр, подсчитал убытки от упущенной прибыли. Французы? — Понадеялись на совершенно глупо построенную линию Мажино при открытом-то бельгийском фланге, но внутренне похолодели: вот она, расплата за торжество восемнадцатого года и высокомерие маршала Фоша при подписании на железнодорожном полустанке пораженческого для немцев перемирия.

Конечно, политическое значение пакта было огромным и в целом предредило исход Отечественной и всей Второй мировой войны. Но и более продекларированные стороны договора впечатляющи. Во-первых, Гитлер «подарил» нам два года, за которые мы в части подготовки к большой войне перевыполнили полную пятилетку. Особенно в постановке на серийное и массовое производство новых средств вооружения. Года эти выдалась урожайными, поэтому мы довели почти до трехгодичной нормы стратегический запас продовольствия. Тем обиднее, что большинство складов в первые месяцы войны пришлось уничтожить, не вывозя всего — чтобы немцам не достались...

Еще за эти два года Генштаб, Управление тыла и Госплан провели гигантскую работу по разработке планов эвакуации предприятий на Восток. Еще раз царский Генштаб за невольную помощь и опыт поблагодарим. И на многих местах будущей эвакуации подготовили площадки и другую инфраструктуру. Понятно, что сейчас агитпроп про эти планы и подготовку помалкивает, апеллируя к трудовому подвигу народа воюющей страны. Так надо в идеологических целях.

Тем более, что «на людях» мы совсем не афишируем экономическую сторону пакта. В этой части Молотову и его хозяйственным консультантам на переговорах были даны категорические указания: Германии сейчас мирный договор с *СССР* в каком-то смысле важнее, чем нам. Из этого и исходить. Так и получилось. Видимо,

Риббентропу и его завхозфюрерам тоже команда была дана: особо не торговаться, уступать до разумных пределов. А результаты впечатляющими получились.

В обмен на наши нестратегические, в основном сырьевые, материалы и зерно, которого у нас в эти два года было достаточно для внутреннего потребления и экспорта, Рейх поставил в СССР нескрываемо военную технику, которой у нас еще не производили. Это прежде всего цейссовская оптика для артиллерии, броневые сплавы, тяжелое станочное и пресловутое оборудование и много чего другого, включая образцы самых новейших истребителей и штурмовиков и недостроенный тяжелый крейсер. А Северный флот, единственный провоевавший до дня Победы, тогда же усилился лучшими на то время немецкими U-ботами, подводными лодками, что уже через год-другой после их перегона с верфей Киля в Полярный топили немецкие корабли и транспортные суда под командованием героических североморцев.* Может, и такие прославленные командиры, как Фисанович, Лунин и Гаджиев, воевали на подлодках германской фабрикации? Надо как-нибудь дать команду выяснить. Не афишируя, конечно... А самому чтобы знать. Зарубка на память.

Конечно, когда мусор на меня понесут, то к итогам пакта с Германией повесят на меня и отдачу на растерзание Гитлеру невинной Польши, и мифический тайный сговор с фюрером о разделе сфер влияния в Восточной Европе. Предела фантазиям не будет. Польша, как не раз в ее беспокойной истории было, в очередной раз сама себя подставила, отказавшись от союза с нами, даже не пропустив Красную Армию на помощь Чехословакии. Ничего не «помнят польские паны»... Главное, не только ихняя верхушка, но и большая часть народа не могут простить России полуторавековое ей подчинение, а СССР наш марш на Варшаву.

Вот и говори после этого о коллективном чувстве самосохранения: из вековой ненависти к России обрекли себя на многолетнюю оккупацию с полным бесправием, с миллионами уничтоженных нацистами евреев и поляков. Товарищ Сталин, ЦК и Политбюро, Генштаб и Совнарком здесь ни при чем. А то, что мы воспользовались ситуацией пакта и нападения Германии на Польшу, вернули исторически свое — Прибалтику, Западную Украину и Белоруссию, Бессарабию, да еще нанесли превентивный удар по Финляндии — так мы же не пальцем деланные, ума еще не потеряли. Не сделай этого, так весь бы мир над нами потешался. Понятно, что и Гитлер со своими партайгеноссе и генштабистами иного не ожидал.

Но «тайный сговор», конечно, уже придуман западниками; со временем и у нас будут это муссировать. Если, не дай, бог, меньшевики, троцкисты, а то и просто контрреволюционеры и агенты империализма, придут к власти. Чему бывать, того не избежать. И конца испытаниям в вывихах истории для нашей страны не видно. Такова судьба любых провозвестников: и личностей, и народов, и стран.

Народ же уши развесит. Как это в характере человека? — Никогда он не поверит в отношении себя: что он глуп, труслив, злопамятен, бесхарактерен, или просто горький пьяница. Но охотно воспримет любую нелепость со страниц газет, из радио и входящего в быт телевизора, из выступления на партхозактиве агитпропа райкома. Дескать, едва не об руку с Гитлером товарищ (нет, это слово будут опускать) Сталин делил по карте-двадцативерстке бывший «санитарный коридор», отделявший Советский Союз от цивилизованной Европы.

...Не говорю уж о себе, но почему Гитлера, хотя и клинково-шизоида, но вовсе не дурака в военной политике, за ноль с палочкой считают? Хотя и понятно, что вселен-

---

* В 90-е годы, то есть в годы «государственного антисоветизма», уже демократический агитпроп все развернул на 180°. Мигом были написаны и изданы опусы типа «Фашистский меч ковался в СССР» автором имярек. Конкретно эта книга посвящена подготовке летчиков люфтваффе под Липецком в конце 20-х годов, что было запрещено Веймарской республике. — Прим. авт.

ский обыватель всех по себе равняет. Никто из них не даст себе труда повернуть еще не распрямившимися извилинами мозга: кто же из серьезных людей, а Молотов и Риббентроп явно к таким относятся, будут в архиважном, судьбоносном международном документе что-то записывать, подписывать, даже междометием единым намекать на раздел самой ершистой и раздрайной в Европе страны, в которой если ты не пан, то пропал, а пан там каждый? Это нам было нужно, лидеру мирового социализма-интернационализма? Может, это немцам, еще со времен Германа Херуска, битвы в Тевтобургском лесу и нашествия вандалов на Рим, из кожи вон лезущим и доказывающим, что они цивилизованный европейский народ, было нужно?

Все тайное становится явным; эту формулу римского права еще никто не опроверг. Даже никто и не пытался. Особенно крупные политические фигуранты. Другое дело, если это тайное лишь витает в воздухе, являясь фигурой умолчания. Как эти веселые ребята из Одессы, один брат Катаева, писали? — Да, согласие есть продукт непротivления сторон. А к моменту нападения Гитлера на Польшу и при подписанном пакте такая ситуация и сложилась. Германия на текущий момент не может проглотить сверх меры, а мы своего не упустим... того, что Троцкий с Тухачевским по своей военной и политической бездарности по Рижскому договору прос...

Бессарабию же тоже по праву первообладателя вернули. Да и своего рода превентивный удар по Антонеску. Правда, он этого не понял. Тем хуже для него в итоге получилось — с его горделивостью за якобы римское происхождение. Сколько их, римских-то легионеров, на Траяновом валу было? Один на два-три десятка даков, не больше. А шуму-то, как их царь от турок избавил: мы — потомки римлян, прямо от Ромула и римской волчицы родословную ведем! При османах в тряпочку молчали про цезарское прошлое. Зря, все же, мы недоросля короля Михая орденом Победы пожаловали. Тем более, что тут же его и свергли. Недавно Лаврентий смеялся: экс-король вроде как, в Египте мелочной торговлишкой питается. Неисповедимые пути высшего помысла!

Даже сионистская верхушка в Америке, отчасти в Европе и в Израиле, у которых все в мире виноваты, помалкивает о пакте. Все же помнит, что присоединением Западной Украины и Белоруссии мы спасли от Гитлера более миллиона бывших подпольных евреев. А за мой царский подарок — первопризнание, то есть, фактически создание Израиля они мне памятник в Тель-Авиве задолжали. Не в Иерусалиме; место святое, уже кощунством бы было. Все же я почти православный священник.

Дождешься памятника! Все же антисемитизм приклеят. Не за пакт, не за нынешнюю контравверзу с Израилем, а за тридцать седьмой год, за «дело врачей». Все провокации ежовщины и нынешней маленковщины, естественно, на меня спишут. Ну, об этом бесполезно не то что говорить, но и думать.

Евреи, евреи... Как же с вами зачастую хлопотно, а еще чаще по-человечески вас жаль бывает. И так всю историю, с ветхозаветных времен. Отец Ираклий в семинарскую бытность хорошие уроки веротерпимости и межнациональной приязни преподавал. А сама тифлисская жизнь и вовсе практику такой терпимости дала.

Чудную вам религию ветхозаветные патриархи придумали! Соль земли, пуп земли, богом вашим Адоном назначены во властители всего мира... Каждый из вас по отдельности прекрасно понимает: тяжелая это ноша — постоянно стремиться к верховенству. Да и опасное это дело. И каждый из вас в душе стремится жить среди других людей, не высываясь, спокойно. Но тут беда почище ветхозаветных преданий — всех вас повязала сионистская верхушка, уже реально нащупывающая путь к мировому верховенству — через Америку и клановую финансовую олигархию.

А через эту повязанность все вы заложники этой верхушки, которая играет на гиперпрофирированном национальном самосознании и которой, по сути, глубоко плевать

на всех вас ради своих реальных и мистических высших целей. Потому-то они так спокойно подставляют миллионы и миллионы рядовых единоплеменников под заклание.

Да что тут рассуждать, если и десяти лет не минуло с самой кровавой такой подставки. Одно дело западный и наш агитпропы, в общем-то одинаково говорящие, пишущие и вдалбливающие: дескать, у немцев, столетия живших вместе с евреями и даже давшим им новый язык — идиш, почти диалект немецкого, с приходом к власти Гитлера под воздействием нацистской пропаганды пробудилась дикая ненависть к евреям и, начиная с «хрустальной ночи», штурмовики *СС* и гестапо принялись методично их уничтожать: газовые камеры и газенвагены, человеческое мыло, матрасы, набитые человеческим волосом, крематории и так далее.

Это все по показаниям Нюрнбергского процесса. Не надо забывать, что сам этот процесс, происходивший по инициативе и под верховенством американцев, о чем опять же помалкивают — каждый по своим причинам — ихний и наш агитпроп, по сути являлся судом над верхушкой нацистской Германии не столько за их военные преступления, сколько за преступления против еврейского населения оккупированной Европы. Именно Европы, но не *СССР*. Все доводы о преступлениях гитлеровцев в отношении мирного населения Советского Союза, в том числе против еврейского населения временно оккупированных западных областей, документально обоснованные советской стороной обвинения, представителями союзников лишь формально, с явной неохотой принимались во внимание.

Уже тогда создавалось впечатление, что истинные хозяева *США*, финансовые магнаты, олигархическая верхушка банкиров в седьмом и более поколениях, такой суженной направленностью процесса в Нюрнберге стремятся к двум целям. Первая, рассчитанная на явное прочитывание, суть наказать главных нацистов за действительно злодейские преступления — с подтекстом, тоже мало скрываемым: массовые преступления против еврейского населения Европы. Вторая, но уже сугубо тайная, скрываемая (и я поначалу Лаврентию не совсем поверил, но — разобрался, понял) — финансовая американская, сионистская* верхушка этим процессом вроде как за что-то извиняется, откупается, маскируется перед мировым еврейским сообществом.

А за что извиняется-откупается, то тут загадки нет. Все шито белыми нитками. Конечно, гитлеровский нацизм, согласно своей догме, стремился сделать Германию арийским, мононациональным государством, а заодно избавиться от конкуренции евреев, традиционно в Германии имевших большой вес в экономике, культуре и других сферах жизни. В то же время, все же стремясь выглядеть благоприятно в глазах всего мира, а главное, расплатиться «по счетам» с американскими банкирами, вставшими Рейх для уничтожения Советского Союза, Гитлер обещал им, как только Роммель вытеснит англичан из Египта и Ближнего Востока, то он создаст государство Израиль, куда переселятся все евреи Германии и подконтрольных ей территорий.

Однако «генерал на Солнце» крепко застопорился под Аль-Аламейном. И здесь американские олигархи-сионисты в сорок втором году, разуверившись в возможности Гитлера выполнить свое обещание, тем более, что Рузвельт после Пирл-Харбора принял окончательное решение на полномасштабную войну в составе союзной коалиции, отказались от первоначального плана в отношении будущего Израиля.

Именно с сорок второго года взбешенный Гитлер отдает приказ о массовом

---

* С конца 80-х гг. мировые, просионистские в своей основе, *СМИ* напрочь «забыли», что в 70-е гг., годы наивысшего военно-политического могущества *СССР*, по решению *ООН* сионизм был осужден как идеология, противоречащая общепризнанным правам человека и наций. Это решение «втихую» *ООН* отменило после разрушения *СССР*. А для масс-медиа, то есть, мирового, в том числе российского, обывателя придумали смехотворное толкование сионизма, как невинного стремления евреев к проживанию в Израиле. Хотя в самом Израиле для этого используется специальный термин «алия». — Прим. авт.

уничтожении евреев, ранее интернированных в концлагерях для удобства организованной их перевозки на Ближний Восток. В очередной раз в истории сионисты бросили на произвол судьбы своих единомышленников. Поэтому-то для самооправдания им и понадобился Нюрнбергский процесс. Что касается нашей позиции, то мы, конечно, не отрицали массового, чисто по-немецки методично организованного, уничтожения евреев Европы, но все же наши жертвы мирного населения, прежде всего русского, белорусского, еврейского, намного больше. Это при всем при том, что выпячивать число жертв не по-человечески. Все жертвы осатаневшего нацизма вопиют об отмщении. Без разделения на «наших» и «ваших». Однако господам сионистам это трудно принять, ибо они из всего, даже на крови, привыкли делать гешефт.

И сколько же они еще принесут горя своим соплеменникам в Израиле, который на полном содержании Америки? И еще больше горя арабам Ближнего Востока — через направляемую ими же агрессию еврейского государства...

Очень тугой узел на Ближнем Востоке завязан.

Лаврентий как-то спросил, не жалею ли что стал крестным отцом Израиля? Нет, не жалею. Все равно через год-другой Америка, преодолев сопротивление Англии, создала бы еврейское государство. В конце концов, евреи имеют право на свое государство, причем не на Дальнем Востоке, что не получилось у нас с Биробиджаном, тем более — не в Уганде, как предлагали англичане. Другое дело, что в Палестине уже две тысячи лет живут арабы и принявшие ислам коренные евреи.

Конечно, мой врожденный идеализм одно, правда, короткое время, тешил. Дескать, и Голда Меир с русскими корнями, направим в Израиль наших «евреев-двадцатипяти тысячников» и создадим едва ли не семнадцатую советскую социалистическую... Наш форпост на Ближнем Востоке. Забыл от военных успехов о силе мирового сионизма!

Конечно, нынешние и далее устойчиво проамериканские правители Израиля постараются предать забвению мою роль в его создании. Но ведь и Англии по зубам хорошо ударил! Как всей Антанте в тридцать девятом. А если смотреть стратегически в будущее, то наличие Израиля сулит нам значительные политические выгоды. Ибо неприкрытая агрессивность Израиля, подпитываемая Западом, и непреклонность в очистке своей территории от палестинцев в итоге заставит все окрестные арабские страны — от Сирии до Египта — обратить свои взоры на нас, принять нашу военно-политическую и экономическую опеку.

...Один бог рассудит: правы мы или нет. Но так делается большая политика, если хотим и далее оставаться наступающим форпостом социализма во всем мире.

СОЮЗНИКИ ПОНЕВОЛЕ — МОЯ И АЛЕКСАНДРА ПЕРВОГО ОШИБКА

Все же истоки моего подспудного романтизма и идеализма в детстве и юности. Первое — от неустроенности семьи: бедность, сын вечно пьяного сапожника, а мать горничной у состоятельных людей, дома ее почти и не видно. Да и пьяный муж опостылел. Так, наверное, и было. Дети в подобных семьях становятся либо ворами-гопниками, а то и просто живорезами из-под подворотни, либо же неисправимыми романтиками. Не я это открыл, а Диккенс своими романами все рассказал и пояснил: неустроенность для мечтательного от рождения ребенка — прямой путь к поиску хотя бы мысленного, придуманного идеала.

А вот учеба в семинарии, куда и попал-то по протекции очередного хозяина, у которого прислуживала мать Кеке*, перевоплотила детский романтизм в юношеский

---

* Грузинское уменьшительное от имени Екатерина; так же как и Вождя в детстве звали Сосепо Джугашвили.— Прим. авт

идеализм. И каким бы последовательным, сугубым практиком в своих делах я ни был в последующие полвека с лишком жизни, но от раз воспитанного в молодые годы идеализма никуда уже не уйдешь. Как его не прячь в подсознании, не отрекайся от него, нет-нет да выскочит и обязательно приведет к ошибке в оценке обстоятельств, а то и к промаху. Старею, куда от этого денешься, раз тянет к анализу всего прожитого, прочувствованного, увиденного... и сотворенного.

Вот с Израилем промашка вышла. Хотя, конечно, Израильская советская республика уже на момент нашего — первыми — признания этого государства четко понималось мною как чистой воды романтизм-идеализм. Против лома нет приема, как еще до революции питерская, обуховская шпана приговаривала. Никакие двадцатипятидесятники, даже стотысячники из СССР против американского доллара и всемирной сионистской организации и двухтысячелетнего опыта политического и финансового гешефта не устояли бы.

Дело прошлое и проигранное. Но ведь в войну был же реальный шанс не повторить ошибки «властителя слабого и лукавого», царя Александра Павловича. А ведь наиболее проницательные из царедворцев и даже военных не советовали ему в восемьсот двенадцатом-тринадцатом годах, изгнав остатки шестисоттысячной армии Наполеона из пределов России, эти же пределы покидать. Естественно, округлив западную границу империи за счет той же Финляндии, да кое-что отняв на юго-западе от австрияков и турок.

Символично, что национальный герой той Отечественной войны, Михаила Илларионовича Кутузова (да еще и Голенищев...), воспитанный в воинских искусствах, в военной политике Суворовым и Румянцевым, как-то скоротечно скончался в сilesском Бунцлау, едва только русская армия перешла западную польскую границу... Не хотел фельдмаршал дальше воевать уже не за русские, а за европейские интересы. Хоть таким, скорбным, способом, но уклонился от приказа вообразившего себя Антинаполеоном всей Европы «плешивого щеголя, врага труда».

Тогдашние светлые, прозорливые и многоопытные головы понимали так. Наполеон — головная боль Европы. И последние десять лет предыдущего века — первое же десятилетие века девятнадцатого все эти австрияки, пруссаки, голландцы, бельгийцы и — особенно — варшавские поляки, наушаемые Британией, только и думали, лишь для видимости противостоя французам, да и то русскими штыками генералиссимуса Суворова, как в итальянской кампании 1799-го года, как бы всем им, пропустив через свои территории Наполеона, лоб в лоб столкнуться с Россией на ее же территории, к востоку от Немана. Самим же сторговаться с Бонапартом, откупиться рекрутами в его армию для завоевания Российской империи, поизображать из себя королей-лакеев, а в удобный момент спихнуть с республиканского престола почившего на лаврах корсиканца и вновь стать самостоятельными монархиями. С одним приятным довеском: Россия уже не восточное пугало для них, а разоренное Наполеоном географическое пространство.

Так стоит ли игра свеч? — «Освобождения» этих европейских монархий и добития монстра, порожденного революцией 1789-го года, выстилая путь от Немана до Парижа костями русских воинов?

Выгнав трехколорного императора с масонским «Почетным легионом»* за пределы «округленной» границы, предоставить европейцам самим разбираться с ним:

---

* Как-то раньше не приходилось видеть изображение этого высшего военного ордена Франции с наполеоновских времен. Однако несколько лет назад на юбилее Тульской писательской организации Союза писателей России рассмотрел его в оригинале на лацкане пиджака тульского же писателя Шпилевого — одного из немногих на то время живых кавалеров этого ордена (за участие во французских маки). И поразился: ведь это пятилучевой мальтийский крест: и звезда Соломона, и мальтийский крест — признанные символы масонства. А здесь и в «квадрате». — Прим. авт.

Европа создала, играя в поддавки, своего губителя престолов и артефактов средневекового феодализма, она же и должна загнать его на Эльбу, а потом на Св. Елену. Или встать под французский, он же протестантский, триколор.

Самое существенное, что даже во втором варианте развития большой европейской игры в казаки-разбойники повторное вторжение Наполеона России не грозило. Во-первых, французы — народ хорошо обучаемый, а отчалившие в обрат через Неман остатки «старой гвардии» на отдыхе в Париже многое порасскажут о пользе питания трупной кониной и воронами, об отможенных ушах и носах в сорокаградусный русский мороз, конных ордах казаков и калмыков, вооруженных вилами и выпрямленными косами бородатых мужиках, которым великий Наполеон поопасался объявить об отмене крепостного права...

Во-вторых, правда, при условии умного царя, отгородившись от Европы, где нам делать вовсе нечего, заряженной на пяти-десятилетнюю драчку, следовало, упреждая заразу масонского декабризма, провести реформу всего уклада жизни. В первом приближении чем-то похожую на грядущее реформирование Александра Второго. Но, конечно, не в духе «раннего Александра Первого» с пропольским нашептыванием Чарторыйского, а разумно сочетая необходимую толику либерализма с реальным укреплением монархического фундамента. Иного пути для России на начало века не предвиделось.

И, наконец, укрепить армию, удвоив-утроив производство современного оружия на заводах Тулы, Сестрорецка, Златоуста и уральских пушечных.

А после этого, на благо отечества и чтобы Наполеону или каким другим европейцам не пришла в голову очередная мысль-искушение насчет России, разобраться с Турцией, благо «больной человек» в силу сложившихся обстоятельств остался бы без поддержки европейских ненавистников русских. На шестьдесят лет раньше освободить Балканы, взяв их под отеческое, но и жесткое покровительство царя. А заодно и исполнить великую мечту России — Третьего Рима. Выбить османов с Балкан полностью, переименовать Стамбул в Константинополь, водрузить крест над Святой Софией, перестроив минареты в колокольни, взять под контроль Черноморского флота проливы и все северное Средиземноморье до Апеннинского полуострова.

...После чего уже без всяких хлопот и опять же на семьдесят лет раньше «белого царя» и «белого генерала» взять под скипетр и державу Среднюю Азию. Понятно, что с Кавказом и тогда пришлось бы возиться долго, но все равно не полвека, как потом получилось. Все это позволило бы Российской империи — и опять на три четверти века раньше — сделать стратегический отворот от Европы на Тихий океан. Благо Аляску, Алеутские острова и Калифорнию братец Второго Александра Константин еще Соединенным Штатам не продал...

История обратного хода не имеет. Но жаль, что в восемьсот двенадцатом году не было создано исторического, судьбоносного для России прецедента. Вместо разумного предоставления Европы Наполеону, или наоборот, недалекий «щеголь» исправно выполнил запасную директиву «англичанки». То есть, еще год с лишком трепал русскую армию по полям сражений Европы, позади ее смешным триумфатором въехал в Париж, очаровал буржуа и белолшвеек приторным либерализмом и вернулся восвояси, оставив на Сене свое имя в городских названиях и память о русских казаках и гусарах в переименованных в *бистро* парижских забегаловках. А за мимолетный триумф получил Финляндию и временное генерал-губернаторство в немецком княжестве. Впридачу же будущую, позорную для России Крымскую войну, малоутешительные итоги Балканской войны 1877—78 годов без Константинополя и крестов над Софией, объединившуюся в империю Гогенцоллернов Германию и «вершину» всего — роль европейского палача-усмирителя в Священном союзе, что сделало

имя России ненавистным для всей Восточной Европы. Это и до сих пор нам аукнется. И еще аукнется не раз, вернее всякий раз, как у нас дела будут разлаживаться.

История и у нас обратного хода не имеет. Почему я не решился на прецедент, повторив ошибку царя Александра Первого? А сейчас и вовсе только в тайных своих мыслях могу об этой упущенной возможности вспоминать.* Хотя это, строго говоря, уже и не явилось бы прецедентом, ибо был сепаратный мир Ленина — Троцкого (последний и здесь подлость сделал: «Ни мира, ни войны, но армию распустить») с Германией. Но этот мир — от безвыходности. А у меня и Александра Первого это был бы мир с противником в нашей выигрышной ситуации.

...Видно, Гитлер на какое-то время поумнел после Сталинградской битвы, а скорее всего животное чувство самосохранения обострилось, но из ведомства Лаврентия начали поступать агентурные данные о пробных ходах немецкой дипломатии — зондирования возможности заключения с СССР перемирия, по существу — сепаратного мира. Причем, по анализу спецов с Лубянки, это не была инициатива какой-то военно-политической группировки, как переговоры позже, в 45-м году в Швейцарии генерала Вольфа с Даллесом, желавшего отмежеваться от фюрера. Нет, все указывалось на инициацию этого зондирования самим Гитлером.

Все эти телодвижения шли через Стокгольм, в годы войны ставший «ничейным полем», заменившим окруженную государствами Оси Швейцарию, где здания посольств с флагами со свастикой, с серпом и молотом, звездно-полосатым и «двухспальным английским левою» соседствовали, а на дипломатических приемах в день рождения шведского короля дипкорпус делился на две группы, не здоровающихся друг с другом. Но дипломаты и представители разведок всего воюющего мира при необходимости могли встречаться и в более скромной обстановке, нежели королевский дворец.

Умная баба двух мужиков стоит. Сколько же таких негласных контактов сделала Коллонтай? И главное — с огромной пользой. Выход из войны Финляндии, удержание Японии от искушения в самые тревожные для нас первые полтора года войны, ограничение дуче в количестве посылаемых на Восточный фронт дивизий, опять же удержание, как и Японии, Болгарии и турок, наконец, и румыны в сорок четвертом году повернули свои штыки на северо-запад. Ее дела.

Смех и грех, но в двадцатые-тридцатые годы наши успели в строительстве социализма, а главное — пропаганда наших будущих противников среди своих народов, такого монстра из СССР в глазах правителей и обывателей всей Европы сделали, что главным нашим аргументом в тайной стокгольмской дипломатии была не столько наша военная мощь, но прозрачные намеки через посольство Коллонтай. Дескать, Финляндия в одночасье может войти в состав Карело-Финской ССР, а Маннергейма сменит на посту товарищ Куусинен. Для Японии: вопрос о Южном Сахалине и Курилах, увы, гражданин император Хирохито, особому обсуждению по окончанию мировой бойни не подлежит. Но ведь и японский трудовой народ может захотеть жить в Аино-Хоккайдской ССР? И на носке итальянского «сапога» как бы не случилось Сицилийской... и так далее республики? А для восточноевропейских союзников и сателлитов Германии это все и сбылось.

---

* Излагаемую ниже версию в стиле столь популярного ныне литературного жанра «параллельной истории», впрочем, имеющую некоторые реальные основания, не следует принимать в штыки (в беллетризованной форме она описана нами в романе «Историк и его История», Тула, 2005), в мыслях радея о возможной обиде западников, наших нынешних «партнеров по борьбе с мировым терроризмом». Они-то не стесняются тиражировать романы «параллельной истории», а Голливуд пачками снимает фильмы, которые и на российском телевидении идут, в которых Запад заключает перемирие с Гитлером, а тот увязает в бесконечной войне с «Советами». А в Европе тишь да благодать... Резюме: неча на зеркало пенять, коли рожа крива!

Вот такая высокая, тайная и стратегически важная политика делалась в годы войны в благоденствующем и жиреющем на поставках Германии промышленного и сельскохозяйственного сырья Стокгольме. Но вот в чем ни единым полусловом не упрекнул мои вероятные будущие гробокопатели, так это в неиспользовании того редчайшего и судьбоносного случая, который дается государством раз в сто, а то и побольше, лет. И который не решился использовать ни Александр Первый, ни товарищ Сталин, аз есмь грешный поневоле.

Что остановило? — Конечно, не желание получить на погоны самую большую звезду. Не искушение в третий раз за историю России войти триумфатором в Берлин и по-хозяйски пройти своими сапогами под знаменитой аркой в Потсдаме. Я, все же, не Гитлер, что после падения — без боя, правда — Парижа, стоя под тамошней же Триумфальной аркой, демонстративно топал по асфальту французской столицы, позируя перед кинокамерами.

Нет, здесь другое. То, что было возможно в войне восьмьсот двенадцатого года, в первые месяцы установления в России советской власти, увы, во время Второй мировой стало практически нереальным. Вернее, шанс имелся до Сталинградской битвы, но на него не пошел бы Гитлер. А после Сталинграда это было уже для нас табу. Причин назвать можно много: от потери международного авторитета, особенно в глазах доселе сочувствующих нам и надеющихся на нас миллиардов людей труда, до вполне реального заговора наших маршалов и генералов, почувствовавших после Сталинграда весомость своих золотых погон, дающих сладость почти неограниченной власти, личной и коллективной, почет и почитание в *СССР* и даже во всем мире. А это дороже чем материальные блага. Впрочем, и в них страна не отказывала своим полководцам. Здесь же надежда на трофеи в поверженной гитлеровской Европе. Кстати, чем они в сорок пятом с подачи своих от природы жадных баб — жен, дочерей, любовниц — и воспользовались, разграбив даже бесценные музейные коллекции. Не все, конечно, но ведь было?

...Это все можно было предусмотреть и упредить. Авторитет — дело преходящее. И, вообще-то говоря, в современном, сугубо прагматичном мире авторитет сопряжен с силой: военной, экономической и политической. На всякие заговоры есть Лаврентий и его ведомство, избавившееся после ежовщины, после бериевской же чистки аппарата *НКВД* от явных и тайных наших врагов, а в годы войны ставшее лучшей разведкой и контрразведкой мира.

И мировая социалистическая система все одно бы образовалась. Гитлер за развязывание своих рук на Востоке без разговоров бы отдал нам уже ненужных ему восточноевропейских союзников и сателлитов, даже Польшу без Данцига и Померании. А мы бы в един миг вытеснили англичан из Южного Ирана, заняв всю его территорию с неисчислимыми запасами нефти, и жестко поставили вопрос перед Турцией: с кем вы, бывшие османы, ставшие волею Ататюрка и военно-экономической помощью Ленина гражданами светского государства?

На Востоке же не только Китай, Корея и Вьетнам вошли бы в соцлагерь. Не только... Для этого потребовалось только сокрушить Японию. Советская военная мощь это позволила бы сделать за год-полтора: на континенте и на самих самурайских островах. Самое существенное, что войной с Японией, уже по нашей инициативе, мы бы раскололи атлантистов и приобрели даже в условиях сепаратного мира с Германией невольного союзника — *США* — на Востоке. А в новых условиях мы бы и атомную бомбу сделали одновременно с американцами, лишив Запад приоритета оружия возмездия за сепаратный мир.

...Военно-политическая стратегия — вещь жесткая, очень часто жестокая и за пределами обыденной морали. Хотя разве думала о ней Антанта, второй раз за не-

полную треть века сталкивая ради своих интересов нас с Германией в жесточайшей схватке?

И еще один существенный момент. Мы бы нейтрализовали сионистскую верхушку США и спасли от гибели миллионы европейских евреев, создав на пять лет раньше Израиль броском Красной Армии из Ирана через Ирак, заставив по условиям перемирия Гитлера ни единым пальцем не трогать евреев Европы, а желающих переселить в Израиль. Главное же — этим ходом мы бы спасли от гибели миллионы наших людей: солдат и мирное население.

Главное, самой Европе тоже не долго пришлось бы истекать кровью. Лишившись пушечного мяса для противодействия Рейху на Востоке, Англия и США мигом перестали бы придуриваться, отделяваясь корпусными операциями в Северной Африке и Южной Италии, тотчас бы открыли Западный фронт, а многоопытная английская разведка организовала смещение Гитлера. То есть, война в Европе — а это ведь тоже сохраненные людские жизни? — закончилась бы очень быстро и по образцу завершения Первой мировой.

...Так почему я не сделал такого шага, результаты которого, исключая несостоявшиеся амбиции Германии Гитлера, устраивали бы всех и вся? В том-то и дело, что середина нашего века — это не его начало, тем более — предыдущие века. Наступило время, когда, образно говоря чьими-то словами, не вспомню сейчас, история вырвалась из-под какого-либо, пусть даже и малого, контроля человека, человечества. На это намекал и умнейший наш историк, академик Тарле. А наши кондовые марксисты-ортодоксы еще и травлю на него пробовали организовать! Основной признак такой полной автономии истории — запутанная взаимосвязь всех стран, независимо от их социального, экономического строя и развития, противостояния или союзничества. Все связано, запутано и перепутано. И без того ограниченная роль личности в историческом процессе все более и более сводится к некой статистической усредненности. Наверное, и я засиделся «на должности» Вождя, последнего могикинина, что имел право и силу — от воли народа — творить эту самую историю.

Впрочем, если доживу — что сомнительно — до мемуарных лет, все равно ни полслова, ни четверть намека не напишу и не озвучу о мыслях идеалиста, что упустил в своей деятельности возможность «укоротить» развязанную империалистами Вторую мировую войну. Это я унесу с собой.

КАКОЙ БУДЕТ ТРЕТЬЯ МИРОВАЯ?

Бог троицу любит. Но это не бывший семинарист, несостоявшийся поп во мне говорит. Закон троицы, как наставлял нас отец Иракий, не только в патристике имеет силу действия, но присущ всему духовному и физическому мирозданию, космосу, как университетские профессора и приват-доценты говорят.

Когда наш добрый и мудрый наставник начинал говорить о мироздании и космосе, мы, семинаристы, наверное знали: вчера ввечеру отец Иракий заходил на поздний ужин к директору второй мужской гимназии Махарашвили. Если же к мирозданию и космосу добавлялся закон троицы, или триединого основания — с упоминанием философа Шопенгауэра, то даже самый тупой в классе мог сказать: отец Иракий вчера был в гостях у Георгия Церетели. Да-да, Георгий Ефимович. Как нас с ним судьба переплела? — В девяносто шестом году он напечатал в своем журнале «Квали»* мое стихотворение «Старец Ниника». Последнее мое опубликованное стихотворение. А с его сыном, тож Иракием, лидером меньшевиков в РСДРП, двадцать

---

* Еженедельный журнал, в переводе его название — «Борозда». Редактировался Г. Е. Церетели в 1893—97 гг.— Прим. авт.

лет мы баталии вели, хорошо хоть словесные. Непримирымый был человек, эмигрировал и посейчас в эмигрантских газетах пишет о своих обидах. В том числе на меня.

...А отец Иракий, далекий от всякой политической кухни, объяснял закон троицы просто и наглядно. Из всех, мол, фигур самая жесткая и плодящая все остальные фигуры — есть треугольная. Три угла — минимально нужное для образования фигуры, то есть чего-либо сущего. Потому закон триединства одинаково справедлив в натуральной философии, в философии рассудительной, в истории и во всех делах, поступках и мыслях людей. И аминь на том!

...Аминь аминем, но третьей по счету мировой войны человечеству не избежать. Из чего исходим? — Из того, что мировые войны двадцатого века — это спуск пара перегретого котла, в котором капиталистическая формация переваривается в социалистическую. Ничего здесь удивительного нет; все предыдущие смены социально-экономических систем точно так же сопровождалась чередой войн. Это всякий знающий мировую историю в объеме средней школы или дореволюционной гимназии мигом сообразит.

Все дело только в масштабах, возрастающих по ходу истории. А вот кто знает историю досконально, например, как увлеченный самообучающийся или преподаватель этой дисциплины, то как дважды два с цифрами дат и названиями докажет: каждый переход от одной формации к другой сопровождался тремя видами войн, каждая из которых в строгой последовательности реализует один из трех законов диалектики. Так и в нашем веке. Первая мировая — это овеществление закона единства и борьбы противоположностей внутри созревшей капиталистической системы. Только что минувшая война явно подчинялась закону отрицания отрицания. То есть, история делала выбор между вариантами устройства социальных, социалистических систем, которые, в свою очередь, отрицают предыдущую, капиталистическую формацию.

А для демонстрации действительности закона перехода количества в качество, увы, потребуется Третья мировая. Что в данном случае означает этот переход? — Это полный и окончательный кризис капиталистической формации, обоснованный Карлом Марксом, и переход от многообразия, то есть, количества, оттенков выраженного социализма, как у нас, социальных систем в рамках капитализма, как в той же Скандинавии. Наконец, от полусоциализма-полукапитализма и даже остатков феодализма, как в разных странах Азии. Да и в странах развитого, классического империализма, в странах Запада усиливаются тенденции социализации — поневоле, чтобы трудящийся класс подмазать, отвлечь его от примера СССР и стран соцлагеря. А в итоге — переход количества в качество.

В этом смысле Третья мировая будет уже решающей; тот самый «последний и решительный бой». И в этой последовательности мировых войн их жестокость, объем и жертвенность стремительно возрастают. Это видно даже по используемому высшему оружию уничтожения. В Первой мировой войне — отравляющие газы. Вторая война завершилась взрывами атомных бомб. А Третья что человечеству преподнесет? — Водородная бомба вот-вот придет на вооружение Советской Армии. Не задержится дело и у американцев. Правда, атомщики наши, Курчатов и Зельдович, поговаривают уже о нейтронной бомбе. Но все одно, ядерное оружие в любой его ипостаси, это прерогатива прошедшей войны и системы взаимного запугивания — сдерживания современного нашего противостояния с Западом.

Нет, содержание и средства грядущей Третьей мировой будут совершенно иными, абсолютно отличными от всех предыдущих войн человечества. И нынешних — навроде Корейской.

Чисто оружейная, традиционная, хотя традиция дурная, война уже и сейчас гонится только для местных битв. Локальных, как сейчас говорят западные политики.

Причем за исключением «выяснения отношений соседей» где-нибудь в Азии, Африке и Латинской Америке, эти местные войны будут опосредованным противостоянием Запада и соцлагеря, которые уже скоро формально объединятся в свои военно-политические союзы.* То есть, эти войны по сути *договорные*. Ведь фактически не Ким Ир Сен с Ли-Сын-Маном в Корее воюют, а мы с Америкой. Качество же договорности суть неприменение в местных войнах ядерного, химического и бактериологического оружия.

Третья мировая по определению не может быть договорной. С другой стороны, невозможно и применение оружия массового уничтожения, прежде всего ядерного.

Считается, что американцы упустили момент уничтожения СССР до начала пятидесятых годов с их монополией на атомную бомбу. И даже после испытания нашей бомбы, еще не поставленной на серийное производство. Соответствующие планы нападений «срисовывались» службами нашей внешней разведки и ГРУ. Но наш генштаб сомневался в возможности их исполнения: средства доставки до территории СССР были «по зубам» нашим ПВО.

А уже сейчас, тем более через пять-шесть лет, при серийном производстве бомб американцами и нами, созданием межконтинентальных ракет и атомных подводных лодок-ракетоносцев, что сейчас проектируют ленинградские ЦКБ «Рубин» и «Алмаз», ядерная война — это самоубийство человечества.

И пора задуматься о средствах и содержании грядущей Третьей мировой. Пока же Генштаб, его ГРУ и Лубянка ничего определенного сказать не могут. Опять «фьюрер» за всех думать должен?

Итак, атомные и водородные бомбы исключаются. Они для противостояния в нынешней, «холодной» войне. Химическое и бактериологическое оружие, скорее всего, по нашей с Западом договоренности будет всемирно запрещено. Не из гуманности, конечно, а по той причине, что это легко создаваемое оружие, не требующее огромных коллективов высоких умов и непосильных затрат ресурсов. Поэтому им легко могут обзавестись всякие «промежуточные» страны, что ни вашим, ни нашим. Но и Западу, и нам такие не нужны. Такая вот простая и нелicenseмерная механика...

«В начале было слово»,— затвердил в моей семинарской памяти отец Иракий. Из его же толкований: слово может быть утешительным, а может стать и разрушительным. Далее отец Иракий садился на своего излюбленного конька: философия в живых образах. Святы Евангелия — величайшие творения и откровения Сына Божия. Чтение писаний Марка, Иоанна, Луки и Матфея, даже апокрифов от Дидима Иуды Фомы, апостола Филиппа, приносит исцеление измученной душе и ослабленному от болезней телу. Но если вам, не дай, Бог, попадутся в руки мерзопакостные писания маркиза де Сада или Мазоха, масонская «Молот ведьм», то отриньте их, выбросите в помойку, а для очищения от греха держания этих книг в руках поднимитесь на Мтацминду и помолитесь праху наших великих воинов, правителей и учителей мудрости. Ибо только за боговдохновенным словом стоит истина и утешение. Как сказал апостол Павел в Первом послании к коринфянам: *«И слово мое и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы»*.

Вот и с Лубянки в недавнем докладе, который передо мною на правах куратора МГБ читал Лаврентий, его же рукой подчеркнуто красным: «...В последние два-три года резко активизировалась антисоветская пропагандистская работа западных радиостанций, вещающих на СССР, причем не только на русском языке, но на прибал-

---

* Блоки НАТО и Варшавский договор были созданы уже после смерти И. В. Сталина, но аббревиатуры «НАТО» уже с 1952 года муссировались в прессе.— Прим. авт.

тийских, закавказских и среднеазиатских. Для двух последних случаев используется территория Турции и Ирана. А на одной из американских верфей заложено опытное судно — радиостанция широковещательного типа. Такая активизация, связанные с ней немалые финансово-технические затраты, а также поступающие к нам разведданные свидетельствуют о том, что в США, в ЦРУ задействована специальная долгосрочная программа массовой пропаганды антисоветизма и буржуазного образа жизни. Согласно достоверным сведениям, разработка деталей программы ведется в Гуверовском центре изучения общественного мнения, где создана специальная группа из ведущих специалистов по «промыванию мозгов». В нее входят также в качестве консультантов представители белогвардейской эмиграции, перебежчики и невозвращенцы, изменники и предатели периода войны...»

...И приписка Лаврентия в конце доклада, сообщающая, что в структуре МГБ уже создается специальная служба по техническим средствам контрпропаганды и противодействия западной пропаганде.

И еще вспомнилась та давняя беседа с академиком Бехтеревым, что консультировал меня по больной, усыхающей руке. В части руки он подтвердил артрит и плечевое ущемление сухожилия — следствия травмы времен Гражданской войны. Между делом на мой вопрос, скорее из вежливости, о направлении работы академика в научной части, тот пояснил: занимается со своими учениками и с использованием недавно приобретенного в Германии медико-технического оборудования исследованием некоторых феноменов человеческой памяти и психики. Уловив из реплик именитого пациента, что тот не только в политике разбирается, пояснил: в основном это опыты по массовой внушаемости, научное подтверждение мыслей на этот счет у Лебона и Фрейда. «А это может стать со временем оружием страшнее газов и линкоров,— невесело сказал Бехтерев,— поэтому мы и должны знать о сути этих феноменов».

...Отец Ираклий, доклады с Лубянки, инициатива Лаврентия, более всего то давнее замечание академика Бехтерева, попавшего по наивности в житейских делах в цепкие путы германской разведки,— все это неспроста все чаще и чаще в такой странной, на первый взгляд, взаимосвязи вертится в голове, обостряясь в такой вот вяло-болезненной бессоннице.

Да и по личному опыту хорошо знаю: грамотно поставленная в нужное время и в нужном месте пропаганда — великая сила. Мощнее дальнобойных орудий, аэропланов и танков. Все это уже продемонстрировала наша, почти бескровная революция и братания на позициях русских и австро-немецких солдат. А великая перековка двухсотмиллионной страны за считанные двадцатые годы от «церкви, самодержавия и народности» к «социализму, советской власти и труду»?

Но кто застрахован от обратного? Правильно, никто. Стоит ослабить нашу пропаганду делом и словом, победами и достижениями, досыта накормить страну — а ведь мы к этому всеми силами стремимся! — и этим непременно воспользуются наши внешние и затаившиеся внутренние враги. И главный наш враг — загнанный в подсознание биологический инстинкт частнособственничества, потребительства и безудержного накопительства. Здесь, конечно, абсолютно прав уже упоминаемый этой ночью Конрад Лоренц...

Империалисты Европы и Америки, особенно Европы — с ее двухтысячелетним опытом оболъщения и улещивания, не идиоты с наших простецких плакатов с «Окон РОСТА» и страниц «Крокодила». В части обработки человеческих масс они сто очков вперед могут дать нашему агитпропу, не всегда поворотливому и боевитому. А составляющая его интеллигенция по русской мягкости характера недостаточно агрессивна в отношении критики и изобличения врага. Но самое здесь страшное —

если во властные кресла и в тот же агитпроп пролезут троцкистские последыши. Их и покупать-то за фунты и доллары, тратиться на них Западу почти не придется. Сами свои услуги предложат, впереди паровоза поскочат.

Таким образом, скорее всего Третья мировая, как логическое завершение нынешней «холодной» войны, если она случится, будет, во-первых, не мировой бойней, какой была Вторая; во-вторых, она станет перманентной — почти по Троцкому, затянувшейся на годы и даже полтора-два десятилетия; в-третьих, конечно, и пушки по всему свету, то там, то здесь, будут постреливать эти десятилетия, ракеты с атомными и водородными зарядами будут грозить друг другу, но война эта случится как пропагандистская. И кто в ней победит — мы или они — такого конкретного ответа сейчас никто не даст. Победит тот, у кого пропаганда поставлена лучше. Не только количественно, но главное — качественно лучше, убедительнее, «дальнобойнее». В этой войне мало что будет зависеть от народных масс. Здесь не потребуются тысячи «братишков», перепоясанных пулеметными лентами, миллионы солдат, сотни тысяч офицеров. Все здесь зависит от правительств и их идеологических штабов. Иной яйцеголовый, лысый, затылочек тыковкой и в очках будет стоять дивизии, а то и корпуса, на полях былых сражений. При условии, что этот тыквоголовый из ЦРУ с гарвардским образованием или в идеологическом отделе ЦК — выпускник МГУ — знает как из советского человека уже во втором, третьем поколении сделать мелкобуржуазную овечку или кондового нью-йоркского биржевика заставить по ночам читать ленинскую «Империализм как высшая стадия капитализма»...

Скажите, что товарищ Сталин переутомился почти в тридцатилетнем руководстве 1/6 части земной суши, мерещится ему в тумане неясного будущего образ дьявола-пропагандиста? Ну, во-первых, сейчас никто этого не скажет, даже лучшему другу после распития литровки сорокаградусной, после войны, памятуя слова Менделеева, пришедшей на смену слабосильной тридцатиградусной «рыковке». И даже не потому что в памяти ежовщина, а просто уважают слова и дела генералиссимуса. Во-вторых, никому не дано знать будущее, но никому не запрещается думать о нем. Кстати, дать указание в ЦК кому поумнее: организовать совместную с Академией наук, Генштабом и Лубянкой закрытую дискуссию-обсуждение возможных вариантов Третьей мировой. Конечно, самого этого пугающего названия не употреблять, а завуалировать под грядущий общий кризис империалистической системы. Ворошилова с Буденным, да еще Булганина — в президиум, для благоустройства. Основной доклад Лаврентию. Может, и я выступлю под конец. Поскребышеву особо пометить у себя: коньяк в буфете не подавать, а то военные сдружатся с академиками и превратят дискуссию в благодушную говорильню и шапкозакидательство.

И еще зарубку в память. Лаврентию по контрпропаганде, а Маленкову с Кагановичем по внутреннему агитпропу подготовить развернутые планы мероприятий в перспективе на десять лет. Сроку дать по полтора-два месяца.

...Все-таки, а особенно имея в виду решительное столкновение с мировым империализмом, не покидает ощущение: где-то мы дали слабину, левизну ли, правизну? С одной стороны, по-человечески понятно: надо дать передых народу, даже его руководителям, после нечеловечески трудных лет войны и восстановления страны. А то мы все напрягаем и напрягаем; без этого тоже нельзя, если смотреть с другой стороны. Ведь может случиться как в той присказке о цыгане, что постепенно уменьшал своей лошади день ото дня паек овса и сена. Сдохла ведь лошадь, когда по расчетам ромалы она совсем было от еды отвыкла.

Так ведь речами и плакатами «Ешьте крабов» единственно не прокормишь народ. Пора уже и о сытости подумать, но не чрезмерной, чтобы не освободить в головах джина частнособственничества и потребительства. Агитпроп тоже пора пришла на

научный базис переводить от пустопорожнего алилуйничества. Время Губельмана-Ярославского прошло, слава богу, безвозвратно. Дело пропаганды и контрпропаганды следует так поставить, чтобы и без «железного занавеса», который, правда, еще некоторое время потребует, но годы его уже сочтены, не наш колхозник ихнему фермеру, не фрезеровщик Иванов расточнику Джону в чем-то завидовал, а чтобы ихние фермеры и расточники с некоторым удивлением и недоумением смотрели на наших колхозников и рабочих: сыт, одет-обут, поголовно грамотен и при всем при этом уверен в своем будущем, будущем своей страны.

Хрен тогда они нас возьмут своей пропагандой, на которую тратят миллионы и миллиарды долларов и фунтов. Главное — не перекормить фрезеровщика Иванова и не дать колхознику Петрову замечаться о «свободном хлебопашестве».

...Но перед самим собой хорохориться не буду: страна без хозяина может оказаться и добычей в Третьей мировой. Увы.

ЗАПАДНАЯ ДЕМОКРАТИЯ: ПРОТЕСТАНТСКИЕ ШТУЧКИ-ДРЮЧКИ; Я ВЗЯЛ РОССИЮ С СОХОЙ, А ОСТАВЛЮ С АТОМНОЙ БОМБОЙ И РАКЕТАМИ

В перманентной, пропагандистской войне с нами Запад в качестве основного козыря вовсю использует свой институт демократии. Здесь игра на внешних различиях нашей и ихней организации государственной системы. Мы их систему называем показной буржуазной «демократией». Обязательно в кавычках. Они же нас именуют закрытой тоталитарной системой, отгородившейся «железным занавесом» от Запада только для того, чтобы советские люди не ведали о жизни всем довольных, свободных людей в странах традиционной демократии.

Здесь каждый прав по-своему, но никакого компромисса между этими правдами нет и быть не может.

Да, «железный занавес» в двадцатые-тридцатые годы заставили ввести именно западные демократии. И как перед стенами крепости дополнительно вырывают ров, наполненный водой, так и западники, принудив нас к занавесу, еще организовали санитарный коридор, правильнее — кордон, от Балтийского до Черного морей. Во главе с люто нас ненавидящей Польшей.

Спрашивается: почему мы после войны, перелицевав буржуазный санитарный кордон против нас в социалистический пояс против них, не убрали занавес? Отвечаю: во-первых, традиции столь быстро не меняются, да и вредна такая быстрота; во-вторых... Здесь придется пользоваться терминологией школы первой ступени. Или подготовительного класса царской гимназии.

Внешне, особенно на расстоянии, демократия завлекательна: хочу работаю, а нет, так попрошайничаю или по мелочи подворываю; сегодня я никто, а завтра по выборам депутатом стану (только кто тебе это позволит?); читаю что хочу или вовсе грамоте не знаю. И так далее: ни колхозов тебе, ни принудработы за тунеядство, а главное, открыты все пути к богатству. Если, конечно, повезет. Но в характере человека полагать именно себя назначенным судьбой.

А наш народ, добрый в историческом своем характере, перенесший не одну войну за тридцать с небольшим лет, при необходимости выживания страны в полном вражеском окружении предельно задисциплинированный, редко евший досыта, к тому же романтик и мечтатель, может с непривычки и поверить в жупел западной демократии. Как малые дети, сидя за партой, все в мечтах об уличной вольнице. Забывая, или еще не зная, что на улицах, за пределами школы и родного дома, гурьбой ходит шпана, строгие дядьки-милиционеры, противные ворчливые старухи и много кого еще из малопрятных и пугающих.

...Занавес надо снимать постепенно по мере умудрения нашего человека, уравнивания его с западниками в материальном положении. То есть, у нас никакой не тоталитаризм, как внушают европейскому и американскому обывателю, а дисциплина, учение и труд. Как в школе, ибо мы уже тридцать лет учимся строить новую жизнь, опыта которой доселе история человечеству не предоставляла.

...А вблизи западная демократия не столь уж приглядна. Символично и показательно, что провозвестниками капитализма стали религия и социальная философия. Прежние не устраивали новонарождающийся класс сугубых частных собственников и безмерных накопителей ради самого накопительства.

Не устраивало христианство, худо-бедно, но канонически поддерживаемое католицизмом с папским престолом в рамках Христовых заветов, в особенности касающихся заповеданного Спасителем примата коллективизма перед индивидуальностью и отрицания богатства как нормы бытия. Так в нужное время появились Лютер и Кальвин, отколовшие от Ватикана почти всю Европу, во всяком случае ту ее северную и центральную части, где и предстояло родиться капитализму.

Англиканский и континентальный протестантизм хотя и называет себя реформированной апостольской церковью, даже соблюдает определенную, хотя и сильно упрощенную, обрядовость, но это уже иная религия, ушедшая от заветов Христа. Так что наш агитпроп в части школьных учебников истории, проводя аналогию между расколом западного христианства и расколом русского православия при Никоне, показывает себя совсем не с умной стороны. У нас никакого раскола не было, но также его не было в Европе. Ибо в России никониане и староверы как были, так и остались в православной полноте. А протестантизм в Европе вышел из ареала христианства.

...И семинарский отец Иракий не с бухты-барахты, не со вчерашнего вечернего гостевания у Георгия Церетели намекал: протестантизм и ислам санкционировали опытные в таких многосложных делах потомки ветхозаветных патриархов: чтобы сузить ареал влияния христианства, почти ставшего мировой религией в раннем Средневековье, добравшись до Индии и Китая, создав азиатское «царство пресвитера Иоанна». Что ж, так в долгой истории и бывает. Здесь то же самое: Христос на ритуальной базе иудаизма создал свое учение, а дождавшись своего часа, иудеи откололи от европейского христианства солидную его часть, создав протестантизм на ритуальной базе христианства.

Конечно, протестантизм вовсе не брат, даже не троюродный брат ветхозаветной религии, во многом, особенно в обрядовости, антагонист ей. Мудрецы Сиона — люди исключительного, дальновидного ума. Свою сакральную веру они не распьяют; это их и только их вера, данная первым пророкам древнего Израиля Всевышним как избранному народу. У них только один «идеологический» противник — христианство, и их сверхзадача — дробление церкви Христа, а лучше — трансформирование ее в нечто иное. Как в случае с реформаторством.

Так говорил отец Иракий, так написано во многих трудах достаточно серьезных ученых нашего века, что мне довелось прочитать.

Протестантизм предуготовил нарождающейся буржуазии свободу от запретов Христа на сугубый индивидуализм и частнособственническое накопительство. Чуть позже, в эпоху Просвещения, в восемнадцатом веке, во Франции и в Англии свершился и переворот в философии, прежде всего в социальной. В своих трудах Юм, Локк, Кондильяк, Руссо, Вольтер и все остальные именитые мыслители создали философское учение эпохи Просвещения. Это явилось высочайшим взлетом этой науки в истории Западной Европы, исключая Германию, время которой еще не подошло...

Это учение и явилось основой идеологии и культуры нарождающегося капитализма. Таковой оно остается и для современного нам буржуазного мира. Основной

догмат просвещенческой философии — сугубая индивидуальность личности и либерализм. Но все это при признании естественным, как в «Общественном договоре» Руссо, разделения общества на антагонистические классы и частнособственничества.

Кстати, это сразу же породило ответную реакцию предшественников социализма — социальных утопий Томаса Мора, Кампанеллы, Кабэ и других. Правда, еще слишком прямолинейно понимающих социальное равенство, опирающихся на идеальное государство Платона.

И вот, как те две шерочка с машерочкой, церковь и философия подготовили социальную и этическую предтечу капитализма, который и явил себя миру, и продолжает являть как воплощение протестантской, в особенности кальвинистской, идеологии: примат классового разделения, частнособственничества и накопительства при личной свободе человека по принципу: свободен жить и не жить, стать миллиардером, если получится, или люмпеном, изгоем, нищим. А превыше всего — торговая и финансовая спекуляция.

Такая вот демократия при ближайшем рассмотрении. А отсутствие планового регулирования производства, конкуренция и принцип навязывания совершенно ненужных товаров населению приводит к периодическим кризисам перепроизводства. Но это кажущееся изобилие товаров и их фасонов на рынке сбыта — издали кажется признаком добротной устроенной жизни всего населения капстран. Это-то и может совратить наш народ, еще не отошедший от скромного потребления. Поэтому надобность в занавесе от мира капитала — в бытовом смысле — еще не миновала. Пусть советский народ пока твердо усвоит смысл мудрой присказки: славны бубны за горами! Протестантские штучки-дрючки...

Коварные качества современного протестантского капитализма я всегда держал и держу в голове на первом месте. И тихо, не на трибуне, не в президиуме, горжусь тем, что, имея столь изощренного, умного и коварного врага, опираясь на идеи Маркса и Ленина, на плечи многих верных товарищей и соратников, чувствуя поддержку подавляющего большинства советского народа, за исторически короткий срок из нищей и разрушенной подряд двумя войнами лапотной России создал сверхдержаву, сдерживающую натиск всего капиталистического мира. Конечно, с помощью стран народной демократии... Ну, вообще-то это напоминает, честно говоря, смешливые рассказы Рокоссовского, маршала СССР и Польши. Как сейчас поляки говорят об участии в освобождении их страны Войска Польского? — «Наши бойцы из Войска единым ударом выбили гитлеровцев из Варшавы и всей Речи Посполитой. Только москали мало-мало подмогли!» Вот так и не меньше. А когда мы в сорок третьем — сорок четвертом спешно формировали это «Войско Польское», больше чем на половину комплектуемое из тамбовских, пензенских и других областей сроков призыва, так те поначалу никак не могли привыкнуть к чудным гимнастеркам и конфедераткам, спешно пошитым в Шуе и Иванове.

С трибун и президиумов, разумеется, нужно говорить о единой мощи соцлагеря, но народ наш далеко не так прост и привычно заменяет в своей голове эту мощь соцлагеря на советскую военную, экономическую, политико-идеологическую силу.

Вот и Мао — без году неделю, как правит Китаем, но уже проскакивают в его речах для «внутреннего пользования» слова и фразы насчет опоры на собственные силы. Как будто у нас на Лубянке и в других специальных учреждениях некому с иероглифов на русский язык переводить китайские газеты! Везде и за всеми догляд нужен хозяину страны: и за вашими, и за нашими. Ну пусть, пусть, по молодости руководства. Пока слушается. В корейской войне себя хорошо показал.

Итак, как ни крути, но это именно мы рассчитывали и сейчас рассчитываем на свои силы. Человек быстро привыкает к хорошему... Впрочем, и к постоянно плохому...

му. И вообще ко всему на свете. Вроде как уже никто, ни у нас, ни у капиталистов, не удивляется: как это мы сумели за тридцать с небольшим лет от сохи, неграмотности и территории страны, три четверти которой лишь абрисом нанесены на карту, стать высокоиндустриальным государством, красной империей, мощи которой опасается весь буржуазный мир?

И это был-то не ровный путь созидания без сучка и без задоринки. Начали построение советского государства с жестокой братоубийственной войны, даже если это братья Авель с Каином, продолжили позорной польской кампанией и успешными превентивными ударами, а потом грянула Отечественная. А после нее — «холодная», по затратам ресурсов и нервов не менее значимая. Вот так все и шло... и идет: вооружение, войны, восстановление. Кажется, только на это сил и хватит. Ан нет, «попутно» мы построили сверхдержаву.

В итоге никто не задумывается, не удивляется. Как будто все само собой устроилось. Ну, врагам нашим такая забывчивость на руку. А друзьям нашим во всем мире? — Да они молятся на нас, видя в СССР светоч иной жизни: не рабами капитала, но освобожденными от заразы существовать только ради доллара или фунта. Раз же речь идет о вере во что-то и в кого-то, то символ веры абстрагируется от реальных трудностей, поэтому они и не задумываются о движителе и содержании нашего гигантского скачка от ничтожества к великому государству. То есть, их можно понять.

Можно понять и наш народ, ибо человек русский туго знает: глаза боятся, а руки делают. А когда некто от природы, по многим предкам, пращурам своим, трудолюбив, упорен и радетелен, не снимает пенки, а горбатится, то ему и не кажется ничего необычного. Живет себе мужичонка захудалый в избушке об одном оконце, бычьим пузырем затянутым. Ни бабы у него по худородству нет, соответственно и детишек, во дворе неогороженном только две курицы из живности, да и тех соседский петух уваживает. Своего-то нет.

А почему мужичонка так скверно живет? — Да потому что безземельный и на деревенского кулака целыми днями за одно лишь хлебово несытное работает. Но вот сговорились такие же бедолаги стрезву и взяли кулака в топоры и вилы. Землю его поделили промеж себя. Первый год мужичонка на себе пашню обихаживал, а на урожай в рассрочку лошадь купил. Затем женился, детишки пошли. Сколько-то лет прошло, не так уж и много, но вот живет он уже в крепком доме сам-пять, две лошади на дворе — тягловая пахать и для выезда. Хлев полон: корова с телятком, овцы, свиньи, птичий гомон под вечер стоит.

И кажется ему, что так он всю жизнь и жил добротным хозяином. Про конуру свою безлошадную и во сне забыл.

А доведется мужику, если малопьющий и крепкую голову на плечах имеет, старостой или председателем колхоза избраться, так и здесь будет казаться: так и раньше рачительно обчество в добронравии и порядке содержал.

Таков русский человек. Потому и нынешний наш генерал на степном полигоне похлопывает по крутому боку атомную бомбу, что подвешивают под крыло самолета и которая через час ухнет многокилометровой высоты ядовитым грибом, и вовсе не вспоминает, что произошел он на этот свет в год коронации Николая Кровавого в нищей семье безлошадного батрака. С десяти лет и сам батрачил, а в шестнадцать, когда отец-мать от оспы примерли, и семья распалась, ушел в город на фабрику ремеслу учиться, к грамоте и листовкам бунтарским потянулся. На позиции Империалистической по возрасту призыва не попал, но Гражданскую завершил ротным командиром. Затем служба по всей необъятной стране, учеба, война в Испании, снова учеба в академии, Финская кампания и Великая война. Уже генерал-майором с академическим образованием по боеприпасам переведен на службу в атомное ведомство Лаврентия Павловича.

Вот сейчас генерал-полковник со звездой Героя похлопывает по крутому боку нового «изделия» мощностью в сотню хиросимских... На какой бы ступени столь стремительно переменчивой жизни ни находился наш генерал, никогда он не сравнивал: когда ему было лучше, а когда хуже?

Так и я, хотя и постарше чином атомного генерала, все-таки генералиссимус, но не могу сказать: отличается ли в своем мироощущении семинарист или обсерваторский рабочий Сосепо Джугашвили от генералиссимуса Иосифа Сталина?

Другое дело, что за душой было у Сосепо, и что есть у товарища Сталина. У первого, все же, горькие воспоминания о малосчастливом детстве и неясные устремления стать священником, утешать изможденных трудом крестьян в далеком кахетинском или мингрельском селе. Но вот у второго — созданная немалой толикой его трудов могучая держава с атомной бомбой и ракетами. Правда, серийные-то ракеты пока всего лишь перелицовка немецкой *ФАУ-2*^{*}, а линкоры только заложены на верфях Николаева, а атомные подлодки только проектируются в ленинградских конструкторских бюро, но Королев уже обещает ракеты межконтинентальные и космические. За линкорами, а потом и авианосцами, подводными атомоходами дело не задержится.

В том-то все и дело, что в человеке биологическое и социальное соседствуют. Хотя и очень близкие соседи, но все же каждый идет своим путем. Биологический человек приспосабливается для выживания и жизни в любой обстановке. В которой вообще жить можно, разумеется. Поэтому для него, вообще говоря, нет прошлого, настоящего и будущего. Нет прошлого, настоящего и будущего времени. Оно — едино и воплощено в человеческой жизни. Поэтому для человека биологического и не стоит вопрос: а когда ему жилось лучше? Оптимист по характеру скажет: во всяком времени жизни свое счастье. Пессимист же ответит: хорошо там, где нас нет. Или не было. Или не будет.

Но совершенно иное — человек социальный. Для него существенно не биологическое время-единство, а развертывание в последовательности течения времени все усложняющейся социальной, экономической, политической и любой иной структуры общества и государства.

Это не из Фейербаха, хотя и логика исторического материализма та же. Все, все проверено собственной жизнью. Все, о чем велись жаркие споры, особенно в Курейке с Яковом Свердловым. Заботился о нас царь, отправляя периодически в ссылки: передохнуть от опасной и изнурительной подпольщины и повисить теоретический уровень профессиональных революционеров.

Я горжусь тем, что дело моей жизни почти свершилось.

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ КАК АПОФЕОЗ НАРОДОВЛАСТИЯ; ОТЛУЧИТЬ ПАРТИЮ ОТ АДМИНИСТРИРОВАНИЯ

А свершилось отнюдь не волею товарища Сталина, в каком-то смысле рядового — хотя и из высших рядов — строителя *СССР*, а потому что в семнадцатом году была выбрана единственно правильная для решения такой грандиозной задачи форма власти — советская власть. Она настолько естественна, настолько народна, что даже восставшие кронштадтские матросы, мужики в крестьянских восстаниях первых лет нашей страны, даже и царские баловни — донские казаки выступали под лозунгом:

---

^{*} Первая советская оперативно-тактическая ракета *6Ж32* отличалась от *ФАУ-2* только одним узлом, второстепенным: аккумулятором давления-вытеснения топлива и окислителя из баков в двигатель; у одной был пороховой, у другой — газовый аккумулятор.— Прим. авт.

советская власть, но без большевиков! Насчет большевиков они, конечно, глубоко заблуждались, но ведь советскую власть не отринули?

Не с бухты-барухты эта форма народовластия к нам пришла. Народу вовсе не нужно отвлекаться от многих полезных дел и изучать все перипетии выбора и обоснования этой формы. Поэтому наш агитпроп говорит просто: Ильич в семнадцатом году так решил, на то он и гений революции. А до середины двадцатых к Ильичу присовокупляли Иудушку. Теперь вот я присовокуплен. Но это с разрешения-решения того давнего, тридцатых годов пленума ЦК и с добавкой: верный соратник и продолжатель дела великого Ленина. Так надо для общей пользы дела.

На самом же деле форма народовластия рождалась долго, в упорных словесных баталиях: на съездах РСДРП, начиная с Лондонского, в тюрьмах и ссылках, подпольных собраниях и политкружках. И даже не мы первые начали. Она упорно, почти наощупь, по наитию искалась членами «Народной воли» и «Черного передела», анархистами и эсерами, большевиками и меньшевиками.

Но опять же и они не являлись первооткрывателями. Герцен с Огаревым, Чернышевский, Добролюбов, Писарев, анархист князь Кропоткин, а до того декабристы-масоны. Наивные русские офицеры, клонувшие на удочку... И все эти слова, размышления, споры русского века мятежей и революций базируются на всемирной социальной философии: от идеального государства Платона к утопиям, к классикам французской, английской и — особенно — классической немецкой философии девятнадцатого века; наконец, вершина социально-философской мысли: Гегель, Фейербах, Маркс и Энгельс.

Но это все, в основном, теоретические построения и обоснования. А тот факт, что именно Советы оказались имманентными России, СССР, объясняется исторической спецификой государственного устройства Древней Руси и Руси Московской — до пришествия на самодержавный престол западника и торопыги Петра Первого.

Русь сравнительно поздно — по отношению к Европе — приняла христианство, поэтому все русское Средневековье суть симбиоз православия и позднезрелого славянского язычества во всех сферах жизни: от устройства семьи до государственности. А что такое славянский, русский языческий социум? — Прежде всего сугубый коллективизм, община и общинные основы управления. Собственно крестьянская, земледельческая община никогда и не прерывалась со времен волхвов древних вятичей и кривичей до нынешних колхозов и совхозов «им. Ильича». Даже выдержала искус разбежаться по хуторам и отрубам в реформы Александра Второго и Столыпина-вешателя. Но, что наиболее существенно, не только низовая община, но и традиции государственного управления в Древней и Московской Руси явились предтечей нынешнего устройства советской власти. Здесь и новгородское вече, и земские соборы уже во времена московских царей. Тот же знаменитый Стоглавый собор, принявший первое регулярное законоуложение России.

Только в изложении пролеткультовского историка — проститутки Покровского эти соборы являлись «высшей властью эксплуататорских классов и церковных мракобесов». Впрочем, что ему в тот момент велели из комиссии Луначарского — Крупской, то он и сочинял... Неча и нам пенять на верного слугу советской власти. Но ведь достаточно посмотреть в Третьяковской галерее или в Русском музее картины исторических живописцев прошлого и начала этого века? — Рядком стоят или сидят боярин в меховой шапке с высоченной тульей, поп с полупудовым крестом на золотой цепи, казанский мурза в полосатом халате, нижегородский купчина, черкесский князь, только-только перешедший под скипетр Ивана Грозного, но более всего крестьян в глухо застегнутых армяках. Все с бородищами до пупа, исключая щеголеватого князя в усиках и мурзу с реденькой «шотландкой».

И никаких тебе мастеровых в чуйках, местечковых думских репортеров либеральных газетенки, адвокатов и прочих представителей свободных профессий! Бла-а-лепие, Третий Рим — и соборность, наивный еще вариант советской власти.

Но только наша советская власть стала апофеозом народовластия. Не зря же у наших внешних и оставшихся еще внутренних врагов особую ненависть вызывают слова, относящиеся к самоназванию государственной власти *СССР*. Отсюда и их «совдепия».* То есть социализм, народная демократия, союз республик — это их меньше трогает. Но вот «советский» — вызывает у них зубовный скрежет.

Советское народовластие — уникальное явление, единственное и неповторимое в своем роде. При всей внешней схожести с советской, власть во всех других странах соцлагеря — просто народный вариант парламентаризма в западной ли, в восточной ли окраске. Принципиальное отличие советской организации от парламентаризма состоит в том, что во второй лейтмотивом является институт выборности с той или иной системой представительности. А сразу после акта выборов все властные функции делегируются избранной власти: народной ли, капиталистической...

Именно поэтому в парламентаризме столь важную роль играет альтернативность выборов: классическая двухпартийная в англоязычных странах, многопартийная в европейских государствах. Даже в *наших* Германии и Польше — при приоритете правящих народно-демократических, читай — коммунистических, партий.

В советском же народовластии выборы вторичны, равно как и альтернативность: партийная и кандидатская. У нас ее вообще нет. Это-то и вызывает критику у наших врагов: дескать, в советах выборы — фикция, а страной правит диктатор Сталин с узкой группкой смотрящих ему в рот приближенных.

Пусть считают, если им по каким-либо причинам не хочется знать сущность советской власти. А сущность эта состоит в том, что советская власть, она же народовластие, не сосредоточена в парламенте, в том же Верховном Совете *СССР*, Советах союзных и автономных республик, но она органически неотделима от нашего социалистического государства. Советская власть и государство переплетены, смешаны друг с другом, как, например, песок и галька на морском берегу. Или кому что нравится. Главное — смысл понятен.

Правильнее будет сказать: Советы скорее не власть в юридическом ее понимании, а воспитанный образ жизни, когда каждый человек, даже и не очень лояльный к власти, тем не менее ощущает себя не винтиком огромного государственного механизма, но действенным соучастником жизни государства, государственного строительства. А выборы? — Но ведь выборам со столь веселящей наших врагов результативностью 99,99 % «за» у нас предшествует объективная и пристальная оценка кандидатов. Да, можно и просто назначать руководителей и функционеров органов законодательной советской власти. От этого ничего — в худшую сторону — не изменится. Но зачем гусей-то дразнить? Именно поэтому во многом формальная процедура выборов в Советы различных уровней у нас сохраняется. Причем на нижних уровнях, в тех же сельсоветах, зачастую это вовсе не формализм. Там-то все друг друга знают как облупленных. И скорее библейский верблюд через игольное ушко пройдет, нежели какой местный прохиндей во власть местную же встрянет.

То есть основной принцип выборов-назначений в системе советской власти состоит в сочетании, с одной стороны, доверия народа, с другой — наличия деловых качеств и способностей. Наконец, с третьей и последней стороны, — это система полного контроля, рекомендаций и сочетания доверия с дамокловым мечом крушения карьеры руководителя, если сумма его огрехов превысит допустимые нормы.

---

* В современный период государственного антисоветизма в сознание и лексику обывателя внедрено презрительное, как тягучий плевок через губу, «совок». — Прим. авт.

Такая-то вот наша советская власть, истинное, не показное народовластие. Конечно, в такой понятной терминологии агитпропу в самом страшном сне не приснится не то что говорить прилюдно, но даже сам-один молча размышлять...

Главное, такая система истинного народовластия не просто сложилась, но закрепились как естественный порядок вещей. Даже несмотря на врожденный идиотизм всевозможных охранительных служб. Тех же «лубянщиков» на местах, лейтенантов-стажеров, что по приказу выслуживающегося городского начальства после очередных выборов сутками запариваются, вычисляя по правилам криптографии и графологии те самые 0,01 %, что проголосовали «против»... Лаврентий рассказывал, смеясь: дескать, пусть тренируются ребята, чем водку хлестать и девок местных портить от непьющей провинциальной службы.

Советская система сильнее и лубянских застоявшихся в безделье жеребцов, и гражданских начальников-карьеристов всевозможных мастей и рангов. И пока я у кормила — советская власть будет соответствовать своему определению. И после меня она еще лет десять-пятнадцать будет таковой. Но дальше ее сожрет, извратит или в конце-концов сделает фикцией враг, сто крат опаснее простоватых ребят с Лубянки и областных управлений, начальников-карьеристов. Этот враг советского устройства жизни страны — выродившаяся в партноменклатуру партия.

Увы, это так. Как ни печально. Но силен и умен тот, кто предупрежден. Я же начал задумываться о вырождении партии еще со времен фракционных баталий и склок двадцатых годов. Но суровые будни тридцатых, война и послевоенное напряжение всех сил, когда число лишних людей, карьеристов и выжиг, было сведено к минимуму, как-то оттеснили эти опасливые мысли даже не на второй, но на третий план. Но с конца сороковых, когда снова начались внутривнутрипартийные склоки, игры, причем нередко кровавые, партноменклатуры и «лубянщиков» в поддавки и рокировки, вновь потянуло расстрельным смрадом ягодвицины-ежовщины... Словом, стало предельно ясно: если не отстранить партию от прямого администрирования*, то это будет началом конца советской власти.

Другой гипотетический вариант выхода — создание в стране многопартийной системы — полная чушь. У нас нет такой традиции, это в полной мере подтвердил «думский период» 1905—1917 годов. А потом выглядело бы в глазах нашего народа и всего мира как полная наша капитуляция...

Итак, разделить советскую власть и партию. Пробный камень здесь я бросил на последнем съезде партии. Очень опасаясь, что меня за это уничтожат. Именно уничтожат, поскольку отстранить меня от руководства страной и сделать почетной фигурой навряд ли нынешних Ворошилова и Буденного невозможно. Ну ладно, где наша не пропадала!

На съезде пришлось по понятной причине все настолько завуалировать в суконо-казенные слова и словосочетания, что суть начавшейся новой партийно-хозяйственной политики поняла только партноменклатура. Она всегда нос по ветру держит, если это касается ее шкурных интересов.

С советской властью все понятно: она остается как есть, ее не надо менять или видоизменять, она дана нам раз и навсегда. С нее снимается ярмо партийного диктатора. На будущее поясним: во-первых, чем «не угодила» партия? Во-вторых, какую роль будет играть партия после ее отстранения от власти-администрирования?

---

* Сталин не успел этого сделать, потому советская власть у нас была уничтожена. Но это сделал в Китае истинный сталинист Мао Цзедун и его последователь Дэн Сяопин. И хотя современный Китай де-факто уже не социалистический в полной мере, а советским никогда не был, но кто знает, что будет дальше? Во всяком случае сейчас компартия в Китае от администрирования отстранена. Да, на каждом госпредприятии имеется партком, но находится он где-то на окраине города. Там ведутся учеба и дебаты.— Прим. авт.

Коммунистическая партия, как ведущая сила создания социалистического государства и победы реального социализма, была насущно необходима при создании революционной ситуации, собственно в «пробной» революции 1905-го года и в победоносной Октябрьской революции. На время Гражданской войны, периодов военного коммунизма и *НЭП* а роль партии несколько снизилась по отношению к административной власти, которая в те же периоды в определенном смысле доминировала над советами и партией. Таково было требование и веление времени. Объяснение этому лежит на поверхности и особых растолкований не требует.

Но во второй половине двадцатых годов, когда развернулась фракционная борьба почти по принципу «все против всех», роль партии становится лидирующей. И это хорошо понятно: для построения реального социализма в *СССР* требовался переход от умозрительной теории Маркса — Энгельса, отчасти Ленина, к качественной, практической стратегии социалистического строительства. А в период индустриализации и коллективизации, когда с фракционностью, а главное — с троцкизмом было покончено, роль уже единой большевистской партии достигла апогея. Ибо понадобилась единая организующая сила, причем всенародная, всеобъемлющая, в то же время в определенном смысле не зависящая от власти и конкретного администрирования. Истинно исполнялся девиз: партия — наш рулевой!

Точно такая же надвластная, наадминистративная организующая сила требовалась в предвоенные годы, в войну и в послевоенное восстановление страны. Из идеологических соображений руководящая роль партии в *СССР* требовалась для наглядного примера странам возникшего после войны соцлагеря.

В наше время, когда у нас построен реальный социализм, создан соцлагерь, а после создания атомной бомбы — и носители почти «на выходе» — положение страны в мире неузвимо. И это на многие десятилетия. С другой стороны, сложилась тенденция к перерождению партии в самодовлеющую силу. Как говорится, спокойная и сытая жизнь скорее портит человека, нежели беспокойная и полуголодная. Признак такого перерождения — выделение из партии партноменклатуры. Но это полбеды. Истинная же беда — верховенство партноменклатуры над советской властью и ее сугубое администрирование во всех отраслях жизни: от быта людей до промышленности. То есть наступил такой момент в жизни нашего государства, когда доминирование партии становится тормозом дальнейшего развития. Ничего в этом удивительного нет, что роль партии то возвышается, то снижается. Ибо марксизм не догма, а вечно живое учение. Как говорит наш агитпроп.

Итак, настало время отлучить партию, во избежание греха, от администрирования, а всю полноту власти отдать Советам. Понятно, что такой переход, такую смену приоритетов следует проводить хотя и быстро, но без излишнего афиширования. Здесь агитпропу надлежит из кожи вон вылезти — чтобы комар носа не подточил. И эти штучки-дрючки в духе Емельяна Ярославского пора уже забыть напрочь. Но — это все дело техники, так сказать. Точнее — так говорит Лаврентий.

Вопрос другой: какие функции будет выполнять партия после ее отстранения от реальной власти?

Ей останется другая, не менее важная власть — власть идеологического руководства. Поскольку с партии снимается ответственность за хозяйственную деятельность и руководство на местах, то есть власть над большими массами людей, то она гарантированно освобождается от карьеристов и чиновников. Уже очень скоро партия очистится от балласта и партноменклатуры. Она не будет столь массовой, как то имеет место быть сейчас. Не будет в ней и шолоховских дедов Щукарей с портфелями, набитыми старыми газетами...

Общий научный потенциал партии резко возрастет. Но и сугубой партией интел-

лигенции она не станет, постоянно подпитываясь молодежью, серьезно задумывающейся над текущими и перспективными задачами коммунистического строительства. Главное — теперь у партии будет достаточно времени и умов, чтобы разрабатывать теорию коммунизма.

Итак, теория коммунизма, социалистической экономики и политэкономии, вопросы народовластия и так далее, вплоть до этики и эстетики нового общества — вот на чем должна будет сосредоточиться партия. И в то же время каждый партиец — не освобожденный чинуша с портфелем, но активный участник жизни государства, участник коммунистического строительства. Не партийный сектант, но член общества, его строитель.

Главное — этот процесс я уже начал на последнем съезде партии. А для кого — *последнем?*

(Окончание следует)

КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР

Игорь Нехамес
(г. Москва)

БОРОДАТЫЕ БОГИ
Киноповесть*

*Прошел год.
Май 1987 года.*

Валентина Павловна (медленно водит Андрюшу по большой комнате): Сыночек, еще три шага и давай до шкафа дойдем.

Андрюша делает два шага и заваливается на мать.

Валентина Павловна (пытается шутить): Нашел подставку! Тебе уже одиннадцать лет. Пора бы маму на руках носить!

Андрей тяжело вздыхает. Пот выступил на лице. Нащупал левой рукой стул и присел.

Валентина Павловна: Тридцать шесть шагов прошли! Молодец, Андрюшечка!

Мальчик грустно улыбается.

Андрюша: Скоро учительница придет. За весь год будет у меня по предметам экзамены принимать за пятый класс. Целый год никто не приходил. Только учебники из школы выдали. Да программу обучения. А что Витюшечка не приходит? Наташа? Неужели забыли меня? Или знаясь бояться?

Валентина Павловна: Они тоже болеют. Как и многие другие ребята. В ваш класс перевели 18 новых детей из другого класса, который расформировали.

Андрей: Написал бы Вите записку, да рука не слушается. Что ты скажешь, мама?

Валентина Павловна (сдерживая тягостный стон): Что его зря беспокоить! Выздоровеет — сам в гости придет.

Андрюша (горестно вздыхает): Mam! Кто-то звонит в калитку!

Валентина Павловна пошла открывать.

В комнату вошла Анна Ивановна. Нарочито бодрым голосом сказала.

Анна Ивановна: Здравствуй, Андрюша! Ну что, сейчас поговорим, экзамены приму. А ты бодро выглядеть стал. То все лежал, а сейчас, смотрю, и ходить стал. Рубашки сам себе стираешь? Вон какую чистую и красивую надел!

Андрюша (улыбается): Нет, это мама постирала. Я после старого нового года немножко вставать стал. Сначала просто ноги опускал с кровати. Потом стал ходить. А сегодня уже тридцать шесть шагов прошел. Mamе 1 июня 36 лет исполняется.

---

* Продолжение; начало см. в № 2, 2017 «Приокских зорь».

Анна Ивановна подошла, погладила Андрюшу по голове. Мальчик заулыбался еще больше.

Анна Ивановна: Давай начнем с географии. По каждому из десяти предметов буду задавать по одному вопросу. Если не ответишь на какой, то второй вопрос задам по этому предмету. Согласен?

Андрюша (посерьезнел): Согласен.

Анна Ивановна: Существует четыре стороны света, Андрей. Это основа географии. При помощи какого прибора можно ориентироваться и как эти стороны света называются.

Андрей: Задание понял.

Анна Ивановна (улыбнулась): Ты с первого класса так говоришь, отвечая на все мои вопросы. Хочу поинтересоваться: почему?

Андрей: Это мой дедушка Михаил Валерьевич так говорил. Он же в партизанском отряде был на Брянщине. В конце войны даже комиссаром стал. Хотя ему было всего 23 года.

Валентина Павловна: Простите, что мешаю урок вести. Но у дедушки три ордена и медаль за войну были. Свекор уважаемый был человек. Жаль, прожил мало. 21-го года рождения.

Андрей: Разрешите отвечать?

Анна Ивановна достает школьный журнал, открывает раздел географии, готовится записывать.

Андрей: Прибор называется компас. А сторон света четыре: запад, север, юг, восток.

Анна Ивановна одобрительно кивает головой. Затем она задает вопросы по биологии, русскому языку, алгебре. Вопросы задает самые простые.

Мальчик старательно отвечает.

Анна Ивановна ставит оценки. Потом смотрит на Андрея. Видит, что он утомился и вид у него болезненный.

Анна Ивановна: Андрей! Поздравляю тебя с окончанием 5 класса. Я поставила тебе все итоговые оценки «отлично». Давай мне свой дневник. Я поставлю отметки за год. Ты перешел в шестой класс. Поздравляю!

У Валентины Павловны слезы умиления накатываются на глаза.

Валентина Павловна: Анна Ивановна! Милая вы моя! Огромное вам спасибо! Мы, честно скажу, даже не думали. И дневник на 1986—1987 год не купили. Но я вам обещаю, что дневник найду и принесу к вам в школу.

Анна Ивановна одобрительно кивает.

В это время в комнату входит отец Андрюши.

Валерий: О, гости! Гостям всегда рады. Какие вести принесли?

Валентина Павловна: Вот Андрюша сдал экзамены за пятый класс и перешел в шестой.

Валерий подходит к сыну. Обнимает его и целует. Все радостно улыбаются.

Андрюша просит положить его на диван. Мальчик сильно устал.

Валентина Павловна (всплескивает руками): Что ж я такая нескладеха! Давайте хоть чаем напою. Тем более, что повод есть. Да я и трубочки с кремом испекла — как чувствовала.

Андрей закрывает глаза и затихает. Все тихонько выходят на кухню. Но перед тем как покинуть комнату, Валентина Павловна бросает взгляд на сына и замечает, что у него опять из носа начинается кровотечение.

Валентина Павловна опрометью бросилась к сыну, забыв попрощаться с Анной Ивановной.

Валентина Павловна: Андрюшечка, милый мой сыночек! Притомился. Сейчас-сейчас я тебя полечу! Вот и валик. Давай тихонечко положим под шею. Сейчас я капельки возьму. В носик закапаем. Терпи, сыночка!

Говоря эти слова, она действовала быстро и сноровисто.

Кровотечение через несколько десятков секунд прекратилось.

Муж Валерий и Анна Ивановна стояли в проеме двери и с волнением наблюдали за производимыми ею манипуляциями.

Андрюша задышал ровно, закрыл глаза и постепенно стал засыпать.

Валентина Павловна присела на краешек дивана и осторожно взяла правую руку сына в свои ладони. Ласково и осторожно гладила его по руке.

Мальчик заснул. Валентина Павловна медленно опустила руку сына на диван, встала, обернулась и приложила палец к губам — разговаривать нельзя.

Анна Ивановна согласно кивнула и постаралась бесшумно удалиться.

Валерий стоял в проеме двери и преданно смотрел на жену.

1 сентября 1987 года.

Андрюша решил пойти в школу.

Андрей: Мама, папа! Я уже шестиклассник! Пойду на линейку.

Родители переглянулись и Валентина Павловна утвердительно кивнула головой.

Валентина Павловна: Давай, сыночек, попробуем. Только пешком не пойдем. От дедушки осталась коляска с ручным приводом. Посадим тебя в нее, а папа аккуратно повезет. Договорились?

Андрюша расстроился.

Андрей: Мам! Но тогда подумают, что я полуинвалид. А я ведь здоровый, как ты говоришь, только сильно ослабевший за полтора года. Сама говоришь, что мясо нарастет — лишь бы дух был.

Валентина Павловна ничего не ответила сыну.

Валерий молча потрепал сына по плечу.

В 7:45 вышли из дома. Андрей сделал несколько шагов с крыльца, опираясь на поддерживающих его родителей. Аккуратно опустился в коляску.

Было солнечное первосентябрьское утро. Валерий встал сзади и взялся за ручки. С разных улиц к школе стекались учащиеся. Многие шли с родителями, в руках были цветы. Все, мимо кого проезжал Андрей, смотрели на него. Мальчик улыбался и не обращал на жалостливые взгляды внимание.

А Валентину Павловну коробили не столько жалостливые взгляды, но взгляды тех, кто старался не замечать ее сына и не приближаться к нему. Это брезгливое отношение она еле терпела.

Валентина Павловна (мужу, негромко): Видишь, брезгают Андрюшечкой! Стараются обходить его. Все боятся заболеть. Не дай Бог, конечно! Но некоторые ведут себя некрасиво.

К Андрею подбежала восьмилетняя Таечка, которая пошла в третий класс. Она звонко поприветствовала Андрея.

Таисия: Здравствуй, Андрюша! Вот ты в шестой класс идешь, а я — в третий! Поздравляю тебя с Днем знаний. А почему ты ножками не идешь?

Андрюша открыл глаза и посмотрел влево, на стоящую рядом с ним соседскую девочку.

Андрей: Здравствуй, Тая! Приходи ко мне, я тебе помогать учиться буду! А ножками я пока не иду, потому что болею. Но скоро выздоровлю и буду с тобой наперегонки бегать.

Таечка хотела пожать руку Андрею, но идущая рядом с ней бабушка ловко вы-

хватила у нее букет и передала девочке в другую руку, а сама схватила Таю за левую руку и потащила вперед. Она пробормотала что-то нечленораздельное, но Валерий распознал. Бабушка сказала: «Не трогай гнилушку, Тая! Все одно конец будет».

Валентина Павловна потемнела лицом. Валерий играл желваками и приостановил коляску. Андрей ничего не понял и оптимистично закричал вслед Тае.

Андрей: Встретимся на школьном дворе!

Тая повернулась к нему и от неловкого движения выронила букет цветов. Девочка хотела наклониться и поднять его, но бабушка упрямо тащила ее вперед.

Андрей попросил отца двигаться быстрее.

Андрей: Папа! Давай, букет подберем и Тае отдадим!

Валентина Павловна: Сынок! То, что упало, уже не поднимают. Если хочешь, отдай ей свой букет.

Андрей: Я же Анне Ивановне хотел подарить.

Валентина Павловна: Она и так будет рада видеть тебя. А если хочешь — сейчас постоим, а папа сбегает обратно, мы ведь недалеко отошли от дома, и соберет еще один букет. Согласен?

Андрей отрицательно покачал головой. Ему хотелось быстрее на школьный двор — принять участие в торжественной линейке.

Валерий (вздыхнул): Быстро поедem, Андрей? Или не спеша?

Андрей: Пап! Давай сильно спешить не будем, я хочу и своих товарищей по классу увидеть, чтобы поговорить. И тех, кто постарше, и совсем маленьких.

Они обогнали Таю с бабушкой. Бабушка настойчиво тащила Таю вперед, не обращая ни на кого внимание. Девочка буквально бежала за ней, чуть не плача. Андрей помахал ей рукой и Тая разулыбалась.

Заметив это, бабушка наоборот замедлила шаг. Тая удивленно посмотрела на бабушку, но перечить не посмела. Раз мама сказала слушаться бабушку и не баловаться, значит, так и должно быть.

Когда Андрей въехал в школьный двор и папа покатыл его к очерченному прямоугольнику, где было написано «б А», то наступило молчание. Огромный школьный заасфальтированный двор — и полная тишина. Андрей еще не понимал, что произошло, потому радостно воскликнул.

Андрей: Анна Ивановна! Здравствуйте! Я вам цветы привез! Ребята, привет! Ого, сколько новеньких!

Анна Ивановна растерянно улыбалась и молчала.

Валерий аккуратно поставил коляску с сыном и замер в напряжении: их здесь не ждали. Здесь были только здоровые дети.

Андрей обратил внимание на то, что Анна Ивановна была в черном платке. Он еще не понимал, почему, но заволновался.

Кто-то из новеньких одноклассников беспечно ему сообщил: «С нами девочка Наташа числилась в классе, вот 25 августа она умерла».

Андрей застекленевшим взглядом посмотрел на мальчика и жестко ответил.

Андрей: Ты обманываешь!

Мальчик обиделся: Как же я обманываю, когда мы все по горсти земли в могилу бросали! Она после Чернобыльской аварии в школу не приходила. Только Анна Ивановна нам про нее рассказывала. Кстати, и про Витю Сумарокова рассказывала, который еще в прошлом году умер.

Андрей потрясенно огляделся вокруг и закрыл лицо руками.

Валентина Павловна не знала, что делать. С одной стороны, она хотела прикрыть сына от всех невзгод, с другой — понимала: течение жизни неотвратимо, а Андрею надо как-то приспособливаться к ней, потому что на всю жизнь его не убережешь. Между прочим, о смерти Наташи она узнала только что.

Андрей сидел, закрыв ладонями лицо. А все вокруг молчали. Неслышно подошла Анна Ивановна.

Анна Ивановна: Андрюша! Наташа тебе браслет из бусинок сплела. Просила передать. Только я вот еще не успела. Ты прости меня.

Андрей промолчал.

Инициативу взял на себя Валерий.

Валерий: Ну ладно, сынок! На торжественной линейке мы побывали, в школу нам пока не надо. Учебники и программы мама через несколько дней возьмет. А нам уже домой надо. Скоро медсестра придет — надо продолжать лечиться.

По лицу мальчика было видно, что он расстроился. Он молча махнул папе правой рукой, показывая направление.

Андрей протянул руку нескольким товарищам, чтобы попрощаться. Многие старательно избегали рукопожатия. Только один Сережка, который сидел впереди него за первой партией второго ряда, осмелился подать руку. Андрей благодарно пожал ее.

Анна Ивановна увидела это и на ее лице отразилась гримаса сострадания.

Андрей нарочито бодро сказал.

Андрей: Всем привет! Пятерок! Дружбы! А я поехал лечиться. Пап! Вперед!

Валерий пересек по диагонали школьный двор и выехал с него. Он шел медленно, с достоинством. Потому что вез самое дорогое, что у него было, — своего сына.

Валентина Павловна шла следом. Ее душили негодование и слезы. Но ради сына она сдерживалась и кивала направо и налево. Про себя же она думала: «Какие лицемерные люди! Как бояться всего! А мой Андрюша, мытый-перемытый, леченый-перелеченый, должен терпеть все это от окружающих!»

Когда вышла со школьного двора, она негромко сказала Валерию.

Валентина Павловна: Валера! А ты бы как поступил? Неужели наш сын недостойн, чтобы его поприветствовали?

Валерий чуть-чуть ускорил шаг, молчал и катил коляску. Уже возле дома он ответил жене.

Валерий: Лучше нам никогда не испытывать такое. Пусть дети живут как живут, но Андрюша наш, если все будет хорошо, никогда изгоем не будет. Это я могу тебе со всей ответственностью сказать.

Андрей смотрел молча перед собой и не слушал шепот-разговор родителей. Он был сильно растерян и переживал всю ситуацию.

Андрей (негромко, про себя): Со мной даже здороваться не хотят! Чем же я такой неполноценный?

Валентина Павловна услышала едва слышно произнесенные сыном слова и приободрила его, погладив по щеке.

Валентина Павловна: Сынок! И в нашем райцентре много недалеких людей. И хотели бы они, чтобы тебя среди них не было. Им это будет удобно. Но мы для них не сделаем этого. Ты обязательно поправишься. Вон как хорошо учишься! Мы еще всем им докажем, что они неправы. А у тебя все будет хорошо. Я это точно знаю.

Мальчик благодарно посмотрел на мать, взял ее левую руку и поцеловал. От избытка чувств Валентина Павловна расплакалась. Валерий стоял у калитки и молчал.

Через несколько минут заехали во двор, когда Валентина Павловна успокоилась. По ступенькам Андрюша поднимался, опираясь на родителей, очень медленно. Встал на одну ступеньку, помолчал, повздыхал. Потом встал на другую. Родители не торопили его. Все они думали об одном и страстно этого желали. Пусть судьба будет милостива к семье Наумовых.

К 10 часам утра пришла свекровь Матрена Николаевна с необычным известием.

Матрена Николаевна: Андрюш! Я немного запоздала к началу, а линейку еще

позже начали. Анна Ивановна что-то ответила директору, когда та стала на нее кричать. А она взяла и увела почти весь свой класс в школу. Я слова ее слышала: «Я от мешанства вашего устала и не хочу, чтобы дети это впитывали». Взяла колокольчик из рук первоклассницы, помахала им перед лицом растерявшейся директрисы, потом отдала колокольчик девочке и повела своих в класс. Некоторые говорят, что это из-а тебя, Андрюша. Правда?

Андрей (расстроено): Я Анну Ивановну осуждать не могу, но ведь у ребят праздник сорвался. Как бы ее не наказали.

Валентина Павловна охнула и увела маму-свекровь на кухню. Андрюша сел в кресло в большой комнате — идти в свою комнату дальше он не мог, так как сильно разволновался и устал.

Валерий вышел во двор и начал складывать коляску. Злорадства он не испытывал, потому что тоже был глубоко расстроен. Во всем он винил только себя: не предупредив Анну Ивановну и одноклассников, самовольно заявился в школу. Вот все так и получилось.

Валерий вернулся в дом, помыл руки и зашел на кухню.

Валерий: Анна Ивановна боец! Упорный человек! Многие ребята задумаются, правильно ли вели они себя со своим товарищем-одноклассником, нашим сыном. Было успокоившаяся Валентина Павловна подошла к мужу, прижалась к нему, приобняла и снова слезы выступили на ее глазах.

Мама-свекровь нравоучительно заметила.

Матрена Николаевна: Все, что в жизни не происходит — должно было произойти. А Андрюша все правильно поймет: иногда по жизни приходится идти и одному. И шаги надо ускорять. А другие пусть остаются сзади. Анну Ивановну увижу — спасибо ей скажу.

Валентина Павловна прошла в комнату. Андрей молча сидел, уставившись в одну точку. По выражению его лица ничего нельзя было понять: переживал он или равнодушно смотрел перед собой. Валентина Павловна присела возле него на диван и сторожко замолчала. Она сердцем поняла, что сына лучше не беспокоить.

4 сентября 1987 года. 15 часов.

Валентина Павловна с книгами — школьными учебниками и идущая с ней рядом Анна Ивановна зашли домой. Мальчик сидел в кресле в комнате и читал какой-то приключенческий роман. Вид у него был заинтересованный — чтение увлекло ребенка.

Валентина Павловна нарочито громко и с воодушевлением сказала.

Валентина Павловна: Андрюша! А мы к тебе с Анной Ивановной пришли! Я книги нес, а она — программу по всем предметам первой четверти. Вы нас, ваше сиятельство, примете?

Пока они заходили в комнату, Андрей улыбнулся, но потом сделал строгое лицо.

Андрей: Заходите, любезные. Барин примет вас!

И, продолжая важничать, добавил.

Андрей: Анна Ивановна! Как там ваши школьные дела?

Анна Ивановна: Хотели сегодня педсовет провести, да я сказала, что должна идти на дом к ребенку — к тебе, Андрюша! Обе завучихи со мной согласились, а директор вообще отменила педсовет. Подошла ко мне и сказала: «Все, что было — забыто. А я вела себя неправильно!»

А тут и Валентина Павловна пришла к нам. Мы взяли книжки в школьной библиотеке и пришли к тебе, Андрюша!

Андрей: А вы зря назвали меня «ваше сиятельство». Я тут анекдот прочитал про

физиков-ядерщиков. Так там написано: если ты находишься в пяти километрах или ближе от очага ядерного поражения, то к тебе надо обращаться «ваше сиятельство». Если в десяти километрах, то надо говорить «ваше святейшество», если находишься в двадцати километрах, то «ваше благородие». А если находишься в ста километрах или более, то надо говорить «ваше долготерпение». Вот я и терплю, Анна Ивановна. А вот к чему это терпение приведет — не знаю. Но пока вот получил от своих одноклассников — прежних и нынешних.

Мальчик тяжело вздохнул.

Анна Ивановна отвернулась, смахнула слезу. Потом повернулась к Андрею и спокойным тоном произнесла.

Анна Ивановна: Переживать не надо, Андрюша, а чем больше терпишь, тем ближе к выздоровлению. Думаю, что организм свое возьмет.

Валентина Павловна молча подошла к столу, достала учебники и положила их перед Андрюшей. Мальчик посмотрел на нее.

Валентина Павловна: Вот твои кирпичики знаний, чтобы подняться на шестую ступеньку, сыночек. Уверена, что ты все выучишь и запомнишь. Лишних знаний, Андрюшечка, не бывает.

Мальчик благодарно посмотрел на мать. Затем взял одну книгу, другую... И углубился в учебник по алгебре.

Женщины увидели, что он отвлекся и на цыпочках вышли из комнаты.

Валентина Павловна (в коридоре говорит Анне Ивановне): Раз ребенок увлекся — уже хорошо.

Анна Ивановна согласно кивнула в ответ.

25 ноября 1987 года.

Валентина Павловна достала спрятанный дневник, 12-ю книжку которого она ведет, и села записывать.

Валентина Павловна (пишет): Позвонила мне сегодня Тамара и сообщила, что ЦК КПСС поручил Минздраву начать работу по лечению пострадавших от Чернобыльской аварии. Необходимо взять на учет всех граждан из пострадавших областей России, Украины, Белоруссии и Молдавии, а особенно — детей.

В ушах Валентины Павловны все стоял голос Тамары: «Мой Витюшечка не дождал, официальный диагноз поставили, что умер от пневмонии, где-то недоглядели. Мало двигались, вот легкие и спались. Может, твой Андрюшечка счастливее будет».

Валентина Павловна задумалась над дневником. Затем решительно приписала: «Завтра звоню Агриппине Самойловне и будем жаловаться в Брянск — в облздравотдел. Пусть Андрюшечку ставят на спецучет в Брянске и лечат по-другому». «По-другому» она три раза подчеркнула жирной чертой.

Закрыла дневник, положила на него руки, упала головой на руки и бесшумно зарыдала.

15 февраля 1988 года

К семье Наумовых приехала спецкомиссия: пять докторов — все мужчины. Лица сумрачные.

Руководитель группы, представительный мужчина лет 50-ти: Решили начать с вас. Вы тут жалоб набросали и пишете, что вашим мальчиком никто, кроме районного педиатра, не занимается. Мы лечим всех.

Руководитель группы помялся и добавил: Кто живы.

Валентина Павловна бессильно опустила на стул.

Валентина Павловна (еле сдерживая гнев): А сколько семей освободили вас от лишних хлопот?

Руководитель врачебной группы (примирительно): Цифру мы вам не назовем, но из восемнадцати человек, стоящих в вашем райцентре на спецучете, у нас три действующих карточки. Приглашайте вашего мальчика.

Дрожь била Валентину Павловну. Она еле сдерживала себя, потому что ей было известно только о двух умерших — Витюшечке и Наташе.

В комнату вошел Валерий, увидел представительную делегацию и растерялся.

Валерий: Что-то случилось? Почему так много врачей пришло?

Валентина Павловна сумела перебороть свое волнение.

Валентина Павловна: Валера! У нас все хорошо. Сейчас Андрюшу покажем докторам, а потом они будут лечить по-новому и долечат.

Не поняв иронии, руководитель медицинской группы согласно кивнул головой.

Валентина Павловна пригласила Андрюшу.

Мальчик вышел в белой рубашке и в красном галстуке. Молча отсалютовал врачам. Мужчины заулыбались.

Андрей: К медосмотру готов.

В это время в комнату зашли две женщины. В руках у них были небольшие металлические ящички.

Руководитель медицинской группы: Ну что, боец-молодец! Раздевайся до пояса, будем тебя осматривать, записывать. Потом у тебя две наши клинические медсестры возьмут анализы прямо на дому. А через пять дней поставим тебе диагноз и назначим новое лечение.

Валерий: А я же ездю в специальную клинику в Москву, что в районе метро «Красногвардейская». Почти за два года уже восемь раз съездил, лекарства покупал.

Врачи удивленно переглянулись.

Руководитель медицинской группы: И чем же вы лечите сына?

Валерий достал упаковки с лекарствами. Тот заинтересованно все осмотрел, прочитал о назначенных процедурах и удовлетворенно хмыкнул.

Руководитель медицинской группы: А знаете, почему ваш мальчик до сих пор... (он сглотнул воздух, поняв, что может сказать лишнее, и вывернулся) успешно противостоит болезни и склонен к выздоровлению? Лечение назначено на очень хорошем уровне. Я приятно удивлен.

Андрюша разулыбался.

Андрей: Вот хорошо, что вы приехали. Мне в мае двенадцать лет будет. Пора бы уже и выздоравливать, чтобы, как все, в школу ходить, в любимый мною волейбол играть, помогать папе и маме скотину содержать, в огороде работать. А еще я учусь на все пятерки.

Врачи переглянулись, а Валентина Павловна с нежностью посмотрела на сына.

Руководитель медицинской группы: Давай, боец-молодец, я тебя послушаю.

Наступила тишина. Слушал он минуты четыре, обстукивал грудную клетку Андрюши, удовлетворенно хмыкнул.

Руководитель медицинской группы: Клавдия Ивановна! Садитесь записывать: легкие в норме, развитие организма лучше, чем удовлетворительно.

Валерий вышел из комнаты, чтобы не мешать осмотру.

Валентина Павловна застыла в углу и с благоговением смотрела на рассеявшихся по комнате врачей, к каждому из которых по очереди подходил Андрюша.

Медосмотр занял около двух часов.

Старенький врач, примерно лет под семьдесят, седой, невысокого роста, но с сильными руками, после осмотра живота Андрюши что-то стал говорить руководителю медицинской группы по-латыни. Тот покивал.

Изо всех слов Валентина Павловна разобрала только одно — холецистит. И еще

одну фразу: «На семьдесят процентов подавление функции». Старенький доктор добавил уже на общепонятном языке.

Старенький доктор: Еще пять—восемь процентов и будет показана операция.

Валентина Павловна не сдержала стопа отчаяния.

Руководитель медицинской группы (со страданием посмотрел на нее): Не надо, матушка, зря переживать! Скоро весна наступит. Давайте ребенку щавелевые супы, голубцы, куриную печень измельчайте и давайте. Обязательно по два грецких ореха в день. И самый животворящий сок на свете, который поднимет гемоглобин,— это гранатовый сок.

Валентина Павловна лихорадочно записывала за доктором. Каждое указание она воспринимала как провидение свыше.

Валентина Павловна: А куриную печень мы даем каждую неделю. Мы курочек держим для Андрюшеньки и ему даем.

Руководитель медицинской группы: Надо давать не реже трех раз в неделю. У вас на окраине Брянска есть птицефабрика. Не хватает своего материала — берите там, договаривайтесь. Мальчик растет, необходимо увеличивать полезное питание.

Андрюша вопросительно посмотрел на мать.

Валентина Павловна: Все выполним, все! Когда вы в следующий раз с медсотром приедете?

Руководитель медицинской группы довольно улыбнулся. Ему было приятно, что в семье Наумовых изо всех сил занимаются лечением ребенка и, возможно, воспаление желчного пузыря удастся ослабить, а то и вообще излечить. Организм-то молодой, растущий.

Пока у Андрюши брали анализы, потом врачи о чем-то спорили между собой, Валентина Павловна заслала в комнату мужа, чтобы был на подхвате, а сама стала готовить на кухне обед для врачей.

К ее огорчению, медики обедать отказались.

Руководитель медицинской группы: Вы, мамочка, на нас не обижайтесь! Мы не брезгуем и ничего не боимся. Но у нас есть этические нормы. Вот когда он полностью выздоровеет, тогда уж мы посидим! Может, вас и на коньячок дорогой разорим, и не на одну бутылку!

Валентина Павловна: Господи, на все пойду, лишь бы сынок выздоровел! А самого лучшего коньяка ящик куплю! У нас три кабанчика растут, продам — и куплю.

Руководитель медицинской группы покровительственно погладил ее по плечу.

Врачи ушли. Усталый Андрюша захотел лечь и уснул.

Валерий: Валь! Намного наготовила?

Валентина Павловна: Да дней пять есть будем!

Раздался шум отъезжающего автомобиля.

Валентина Павловна вздохнула: Скоро два года, как маемся! Но Андрюшу все равно на ноги поднимем!

Валерий согласно посмотрел в глаза жене. Они думали и действовали вместе, как единое целое.

Месяц сменялся месяцем. Андрюша уже самостоятельно, без посторонней помощи, выходил во двор, правда, сразу же усаживался на свою любимую скамейку. Сто-сто двадцать шагов — это была его норма.

Старался он выходить около двух часов дня в будние дни. Когда соседские ребята шли из школы.

Иногда к забору подходила третьеклассница Таечка и требовательно спрашивала.

Таечка: Андрюшенька! Ты написал мне изложение за третий класс?

Андрей молча улыбался и протягивал ей тетрадь.

Довольная девочка, заливисто смеясь, убежала.

Андрей стеснялся самого себя, потому что от него исходил стойкий запах мази Вишневого. Если кожу головы и рук не мазать, то она начинала трескаться. И хотелось расчесывать — и так до крови. Каких-то полезных веществ в организме не хватало. А точный диагноз врачи поставить не могли.

Никто к Андрею в гости не стремился, а сам он не приглашал: знал, что все равно не придут.

На майские праздники Валентина Павловна решила сходить на кладбище. Могилы родителей проведать и на погосты Витюшечки и Наташи цветы положить.

Шли они вместе с Тамарой. Тамара немного подзапустила себя: стала выпивать, не всегда была причесана. Но Валентина Павловна не смела делать ей замечания — понимала подругу и сочувствовала ей.

Андрюша смотрел по телевизору какой-то фильм про войну. Валентина Павловна сказала сыну, что пойдет в магазин. Народ ручейками стекался к месту вечной памяти. Люди расходились по участкам.

Валентина Павловна и Тамара подошли к могиле Витюшечки, возложили цветы. Тамара присела на лавочку и застыла в немом покаянии. Она жива, а сын — нет.

Валентина Павловна машинально стала считать могилы. И вдруг в ужасе вскрикнула. На погосте «чернобыльских» детей, так называли в райцентре могилы умерших, она увидела еще одну могилу — совсем свежую. Там стояли люди, одетые в черное. Человек пятнадцать.

«Это Сема, из восьмого класса», — тихонько шепнула ей подошедшая Тамара.

Валентина Павловна подошла к скорбящим людям: Переживаю вместе с вами! Беда-то какая!

Мать Семена, еще не старая женщина лет сорока, в своем мрачном одеянии и после пережитого смотрелась старухой.

Тамара: Валь! А ведь пела в районном хоре, была солисткой! Как смерть сына ее согнула.

Женщина услышала шепот, но не поняла, о чем он. Узнала Тамару, Валентину Павловну. И скорбно кивнула.

Валентина Павловна вдруг почувствовала, что ее начинает как будто бы кружить, кружить и кружить. Она без чувств осела на землю и завалилась на бок, потеряв сознание.

Тамара закричала. Этот крик услышала Валентина Павловна и попыталась приподняться, но снова упала на землю.

Народ засуетился. Валентине Павловне оказали первую помощь. Влили в рот валерьянку, бережно отнесли ко входу на кладбище. Омыли лицо ключевой водой и дали попить.

Валентина Павловна пришла в себя, лежа на большой кладбищенской скамейке. Она осторожно, держась за рейки, присела и, почти ничего не понимая, смотрела вокруг, переводя взгляд с одного лица на другое, но никого не узнавая. Люди потрясенно молчали.

Приехала «Скорая помощь». Валентине Павловне сделали внутривенную инъекцию, а потом подкожно ввели ампулу папаверина. Через несколько минут сознание стало возвращаться к ней. Она даже вспомнила имя похороненного мальчика и тихонько произнесла.

Валентина Павловна: Восьмиклассник Семен. Как же тебя угораздило!

Крупный пот заливал ей лицо. Врач «Скорой помощи» терпеливо вытирал ей лицо салфеткой до тех пор, пока ей не полегчало.

Домой она приехала на машине «Скорой помощи». Сопровождала ее Тамара.

У калитки Тамара сказала.

Тамара: Все, Валюш. Дальше иди сама. Я во двор заходить после Витюшечки не могу.

Женщины обнялись. Тамара пошла к себе, не оглядываясь. Валентина Павловна несколько минут стояла, держась за калитку, а потом ее пронзила мысль и она сказала сама себе.

Валентина Павловна: Ой! Нужно же через десять минут Андрюшечке лекарство давать!

Медленно, подобно каторжанину, у которого на ноги надеты кандалы, она дошла до ступеней крыльца и, стараясь не шуметь, тихонечко поднялась и вошла внутрь. Дала Андрюшечке лекарство, налила ему гранатовый сок, дала шанежку, а потом, сославшись на усталость, ушла в свою комнату и без сил упала на кровать. Тут же заснула.

Андрюша заглянул в комнату, увидел спящую мать и тихонько закрыл дверь — пусть отдыхает.

В конце мая 1988 года к Андрюше вновь пришла Анна Ивановна. Ни о чем она его не спрашивала, только с надеждой произнесла.

Анна Ивановна: Андрюша! Ты приходи к нам осенью, первого сентября. Ты вон поправляться стал. Уже триста шагов проходишь.

Андрюша сумрачно ответил: Анна Ивановна! До школы почти два километра — я не дойду! Это мне еще года два надо, чтобы сил набраться! Иногда справа внизу живота болит. Да так, что по часу-полтора выдохнуть не могу.

Анна Ивановна: Взрослеешь, Андрюшечка! Верю, что ты все учил и знаешь. А может, и не по одному разу учебники прочел. Да и не только их. Валентина Павловна брала книги и для домашнего чтения.

Андрей согласно кивнул.

Анна Ивановна: Сейчас я в журнале пятерки поставлю. Ты переходишь в седьмой класс. Поздравляю!

Мальчик с одной стороны был доволен, а с другой — чувство досады не покидало его.

Андрей: После аварии в Чернобыле я оказался в клетке, потом постепенно стал ходить по всему дому. Сейчас, Анна Ивановна, и ко двору привыкаю, правда, родителям помочь не могу ни в огороде, ни в сарае. Даже курочек боюсь — как бы от них чем не заразиться. А они, нахальные, все лезут ко мне. Даже из вольера вылетают. Папа их гоняет. Но сетки нет, чтобы повыше сделать.

Мальчик грустно вздохнул.

Анна Ивановна перекрестила мальчика.

Анна Ивановна: Расширим, расширим стены твоей клетки! И не только до райцентра расширим, а до Москвы! А то и на весь мир.

Андрюша недоверчиво посмотрел на учительницу.

Андрей: Правду старики говорили: пока живешь — надейся!

Он перевел взгляд на стоящую рядом маму и увидел ее лучистые глаза.

Она была рада успехам сына и тому, что ему стало немного легче.

1 августа 1988 года.

Валентина Павловна только что проводила врачей из Брянска, которые проводили очередной осмотр Андрея. Прощаясь у калитки, руководитель врачебной группы негромко сказал Валентине Павловне.

Руководитель медицинской группы: За полгода мальчик прибавил два килограмма. Это очень несущественно. Но все-таки положительные изменения есть. Улучшилась жизнедеятельность щитовидной железы. Я ее оцениваю в 40—42 процента. Увеличился гемоглобин, хотя по сравнению с нормой все равно показатель низкий. Мне кажется, что мы топчемся на месте. Может быть, устроить его в Центральную московскую больницу, что у метро «Красногвардейская»? Может быть, там эффективно помогут?

Валентина Павловна: Его туда не возьмут, потому что он не ликвидатор Чернобыльской катастрофы. Там и так все койки забиты, рассказывал мне муж. Даже в коридорах лежат. А главврач свой кабинет освободил, чтобы еще лишние пять-шесть коек поставить, а сам в ординаторской уголок себе выгородил.

Руководитель медицинской группы: Наши возможности исчерпаны. Будем поддерживать, но прорыва я не чувствую. Не можем же мы дойти до той ситуации, когда в ваш райцентр уже и приезжать не придется.

Валентина Павловна вся сжалась: Простите, доктор! А никаких тревожных симптомов нет? А то вы сейчас так сказали...

Руководитель медицинской группы: Улучшения настолько микроскопические, что я ничего гарантировать не могу. Единственное — это стабильность очень низкого уровня. Думайте сами. Я тут слышал, что собирается какая-то коллегия Минздрава обсуждать очередные итоги. Может быть, вам попробовать?

Валентина Павловна достала тетрадку, и он продиктовал несколько телефонов и адресов.

15 августа 1988 года. Раннее утро.

Валентина Павловна едет в самом раннем поезде, который идет на Москву. В ее объемистой сумке ксерокопии медицинских документов сына: от первых симптомов, проявившихся во второй половине дня 27 апреля 1986 года, и по 1 августа 1988 года включительно.

Она не выспалась. Едет в общем вагоне, чтобы было подешевле, но бодрится, не спит. И про себя все время повторяет: «метро Кузнецкий мост». Спуститься вниз к Рахмановскому переулку. Министерство здравоохранения СССР. Я записана на прием к министру. Прием с четырнадцати часов. Мой номер третий. Спецочередь. Фамилия министра Чазов Евгений Иванович. Недавно назначен. Очень совестливый, доброжелательный человек».

Постепенно светает. По радиотрансляции звучит песня:

*Вместо беседы в купе
Я предпочту вспоминать.
Как, без мечты заглушев,
Удачу стал сухой сминать.
И только протяжный гудок
Поможет мне грусть отпустить,
Зазывность железных дорог
Проверена счастьем в пути.*

В это время поезд резко тормозит и раздается разраженный голос машиниста: «Это кто там со стоп-краном балуется? Двери я никому не открою! А вот кое-что начистить могу!»

Валентине Павловне вдруг стало весело и она еле слышно прошептала про себя: Будет у меня счастье, будет!

Поезд медленно стал набирать ход.

13 часов.

Валентина Павловна заходит в главный вход Министерства здравоохранения СССР. Выглядит она простовато, охранник свысока оглядывает ее и говорит.

Охранник: Что вам надо, гражданка?

Валентина Павловна: Меня министр приглашал, встретиться хочет.

Охранник (не сдерживая смеха): Прямо к вам так с челобитной: приедьте ко мне на прием?

Валентина Павловна понимает, что над ней насмеются, и жестко говорит.

Валентина Павловна: Видите, мне пропуск выписали. Я хочу пройти в приемную министра!

Охранник тушует. Но пытается держать фасон.

Охранник: Еще рано! Ждите здесь! Да и министр еще не подъехал.

В это время в вестибюль заходят четверо мужчин и две женщины. Охранник подобострастно обращается к ним.

Охранник: Пожалуйста, товарищ министр! Пожалуйста, члены коллегии! Проходите! Приветствую вас!

Валентина Павловна по-детски придерживает дородного мужчину с интеллигентным лицом за рукав и полуспрашивает-полуутверждает.

Валентина Павловна: Извините меня! Вы и есть Чазов Евгений Иванович!

Мужчина поворачивается к ней и видит перед собой расстроенную взволнованную женщину.

Валентина Павловна видит, что он не раздражен, не высокомерен, а просто удивлен.

Евгений Иванович Чазов: Да, я и есть Евгений Иванович Чазов. У вас ко мне дело?

Сопровождающие его члены коллегии Минздрава добродушно улыбаются.

Валентина Павловна (волнуясь): Я к вам из райцентра Брянской области по направлению. Вот у меня пропуск. Вы меня примете? А то ваш охранник вон какой сурьезный! Говорит, что пока два часа не будет, никого не пропустит.

Валентина Павловна разнервничалась и чуть не плачет. Заметив это, Евгений Иванович участливо приобнимает ее за плечи и говорит.

Евгений Иванович Чазов: Пройдемте с нами. Чайку попьете. Историю свою расскажете.

Словно попав под его гипноз, Валентина Павловна послушно идет с ним и входит за ним в его кабинет.

Заседание коллегии Минздрава.

В приемной множество людей. Выходит строгий молодой мужчина лет тридцати и называет фамилии. Люди сменяют друг друга, а Валентину Павловну все не вызывают. Время уже пятый час вечера, а она полседьмого должна уже быть в поезде, чтобы ехать обратно. А еще надо попасть на Киевский вокзал.

Наконец вызывают и ее.

Евгений Иванович (обращается к членам коллегии): Товарищи! Мы сейчас ведем переговоры с несколькими странами и пытаемся скомплектовать группы наиболее тяжелых детей. Предлагаю в первую пятерку включить Андрея Валерьевича Наумова, 1976 года рождения. Ему поставлены следующие диагнозы, вызванные радиацией после Чернобыльской катастрофы...

Его с почтением выслушивают и единогласно голосуют.

Евгений Иванович Чазов (обращается к Валентине Павловна): У нас еще три человека на приеме, а потом вам выпишут документ. Копию мы пошлем в Брянск. Но вы еще проверьте сами, приедьте в облздрав. В нашей специальной аптеке выдадут лекарства. Так что хватит на полгода.

Валентина Павловна (ахает от благодарности): Как же я такого маленького куда-то за границу отпускаю!?

Евгений Иванович Чазов: Ну, матушка! Переживать не надо! Вылечим мы вашего брянского партизана! Здоровым будет! Еще на несколько дней пригласим в Москву, чтобы уточнить диагноз и подготовить все формы для иностранных врачей согласно утвержденной методике. А вы его будете сопровождать в столицу.

Валентина Павловна (вспоминает): Ой, у меня же поезд меньше чем через полтора часа. А мне еще надо до Киевского вокзала доехать.

Евгений Иванович Чазов: Давайте ваш билет! *(Вызывает помощника):* Поменяйте этот билет на вечерний поезд. Вот Вам деньги.

Валентина Павловна (едва не плача): Что вы, что вы! У меня свои деньги есть!

Евгений Иванович Чазов: Все, матушка! Разговор исчерпан! Ожидайте в приемной. Кстати, угоститесь там бутербродами и кофе. И ждите.

Помощник вернулся минут через сорок. Передал Валентине Павловне билет на вечерний поезд, отбывающий из Москвы около полуночи.

Валентина Павловна (всплескивает руками): Ой, меня же муж потеряет! Свекровь! Сын волноваться будет.

Помощник: У вас есть дома телефон? Назовите номер.

Валентина Павловна называет номер. Помощник тут же набирает номер и передает трубку Валентине Павловне. Трубку берет сын.

Андрей: Наумов Андрей Валерьевич у аппарата! Говорите!

Валентина Павловна (сладостно замирает): Сыночек! Это я. Я в Москве. Выеду поздно. Рано утром буду дома. Прими лекарства по графику, разогрей ужин. Пусть папа тебе поможет. И ложитесь отдыхать. Я буду утром около восьми часов. Сразу доберусь домой. У меня столько новостей!

Помощник министра, видя ее радость, улыбается.

Валентина Павловна передает ему трубку и взглядом благодарит.

Помощник: Пойду доложу министру, что его поручение исполнено.

Валентина Павловна благодарно смотрит ему вслед.

1 января 1989 года.

Валентина Павловна вместе с семьей и свекровью празднует новый год. Встает и говорит тост. В бокале у нее лимонад.

Валентина Павловна: За выздоровление Андрея! Пусть в наш дом вернется счастье!

Все чокаются сладкой газировкой.

Валерий: Двух кабанчиков забили. Осталось три кролика. Денег очень мало.

Валентина Павловна: После новогодних праздников пойду искать работу. Может, все-таки возьмут куда. Правда, профессия у меня тяжелая для трудоустройства. Была лаборантом на элеваторе.

На несколько минут замолкает.

Андрей: Мам! Ты любую работу сможешь делать! Папа говорит, что ты десяти-жильная. А бабушка на тебя не нарядуется.

Валентина Павловна выходит из-за стола, со спины обнимает маму-свекровь и сына, и слезы счастья текут по ее щекам.

Валентина Павловна: Раз утешаете, значит любите! Ни в ком из вас я никогда не сомневаюсь! А давайте споем наш «Железнодорожный вальс».

В четыре голоса затягивают:

А пассажиры живут:

В тундре, степи и лесах.

*Судьбы их рельсы завьют
В жизненный ход на часах.
Звуки часов и колес:
«Метр-секунда» отсчет,
Поезд в то место привез,
Как предсказал звездочет.
Припев: Вагонных колес перестук
Будто судьбы молоток,
Ритмично-загадочный звук
Сквозь рельс бесконечных моток.
Этот моток размотать
Не довелось никому.
Чтоб тайный стук разгадать,
Жизнь посвети полотну.*

Песня окончена. Все радостно смеются и аплодируют.

Матрена Николаевна: За новый год выпили. Подарки подарили. А сейчас давайте в лото играть. Я лотошница знатная.

Все смеются.

Февраль 1989 года. 6 часов утра.

Валентина Павловна складывает в пятнадцать судочков картошечку, лучок, по несколько кусочков колбаски, по ломтику хлеба и защелкивает пластиковые судочки.

Просыпается муж.

Валерий: Ты чего это с сумкой колдуешь? Куда собралась?

Валентина Павловна: Я расписание посмотрела. Между семью и десятью часами шесть поездов пройдут. Вот решила по полтора рубля торговать.

Муж (усмехается): Ну что, Валюшка! С почином. Я видел, как старушки на перроне торгуют.

Валентина Павловна, одевшись в телогрейку, валенки, накинув сверху белый платок-паутинку, вдруг говорит.

Валентина Павловна: Валер! У тебя на антресолях старая удочка лежит. Без лески и без крючков. Я, если чего, в окна стучать буду.

Валерий, жалея жену, забирается на табурет, находит удилище, складывает его и протягивает жене.

Валерий: Придешь, осмотришься, вытяни удилище и... давай!

Валентина Павловна благодарно целует мужа и выходит во двор.

Почти не светает. Ранний рассвет. Валентина Павловна Наумова идет на вокзал.

Без десяти семь утра. На перроне стоят только несколько старушек. Они с подозрением оглядывают Валентину Павловну, но ничего не говорят. Она выбирает место, встает.

Подходит поезд. Раздается голос дежурной: «Стоянка поезда 15 минут!»

Откуда-то еще появляются несколько женщин. Валентина Павловна подходит к седьмому вагону и стучит в несколько окон. Она берет пример с других женщин.

Несколько человек покупают у нее. В итоге сразу продала четыре судочка.

Мимо проходит какая-то бабушка, загребая ногами. Она явно хочет ударить по сумке Валентины Павловны. Валентина Павловна отодвигает сумку и бабушка, не вписавшись в вираж, начинает заваливаться набок. Валентина Павловна удерживает ее и беззлобно спрашивает.

Валентина Павловна: Что ж вы, бабушка, с утра-то? Нехорошо выпивать.

Старушка поворачивается к ней. Валентина Павловна видит совершенно трезвое лицо, злобное выражение которого вызывает у нее изумление.

Старушка: Что, Валюха! На перрон пришла? Деньги загребать? Быстро отсюда, сволота!

Валентина Павловна: Я вас не знаю, почему вы себя со мной так ведете? Где хочу, там торгую. Вам-то какое дело?

Старушка: Щас узнаешь, какое. И вдруг резво убегает от Валентины Павловны.

Проходят еще два состава. Валентина Павловна довольна. Продала уже одиннадцать судочков. Осталось четыре. Несколько раз вспоминала об угрозе бабушки и про себя улыбнулась: какая старушенция!

Вдруг ее кто-то сзади бесцеремонно дергает за локоть левой руки.

Неизвестный голос: Ты чего это чужое место заняла, поганка! Лабуду мне не разводи, а то сейчас промеж глаз дам! То, что накрала — твое. А с остальным мотай отсюда!

Валентина Павловна оборачивается и видит перед собой закутанное женское лицо. Женщина здоровая, крупная.

Валентина Павловна (думает про себя): Такая точно промеж глаз даст.

Вдруг ее лицо кажется Валентине Павловне знакомым. Неожиданно она видит смущение во взоре грубящей ей женщины. Еще мгновение — и женщина обнимает ее и буквально кричит от счастья.

Женщина: Валя! Кузнецова! Вожатая наша!

Этот звонкий голос знаком Валентине Павловне. Через несколько секунд и она восклицает:

Валентина Павловна: О, Люда! Из четвертого «Б»! Командир звездочки!

Несмотря на холод, они целуются и слезы счастья появляются у них на глазах.

Старушка, которая привела Люду для разборки, мгновенно исчезает.

Несколько старушек с огромным интересом наблюдают за ситуацией.

Людмила: Запомните, бабки! И всем передайте по сменам! Здесь Валя всегда будет торговать, когда захочет. В любое время и в любой день. Все понятно?

Одна из бабушек покорно и льстиво: Мы все уразумели, Людуха! А ее мальчишку знаем, и ее тоже. Который от радиации все мучается-то и до сих пор не помирает.

Лицо Валентины темнеет от обиды. Но она не успевает ничего сказать, вмешивается Людмила.

Людмила: Попридержите язык, старперки! А то щас быстро выкину отсюда!

Она успокаивающе гладит Валентину варежкой по щеке, смахивая выступившие слезы.

Людмила: Валь! Сколько уж мы с тобой не виделись, как ты школу кончила?

Валентина Павловна: Люда! Я десять классов кончила, а ты в седьмой перешла. Потом уж я уехала в Брянск, учиться на лаборанта в техникум хлебобулочной промышленности. Проучилась десять месяцев, устроилась на элеватор. В 24 года замуж вышла. Заочно училась в Москве, в Пищевом институте. На третьем курсе взяла академический. Потом вот Андрюшу родила. Да-а! Почти двадцать лет прошло.

Женщины снова обнялись.

Валентина Павловна: А ты как, Люда?

Людмила: А я, Валя, после восьми классов в ПТУ пошла. В 18 лет двойняшек родила. Сейчас им по пятнадцать лет. Свекор-то у меня начальник станции. Вот я тут как бы и пристроилась. Он не знает, что я потихоньку шабашу — старушки мне подплачивают, а я их охраняю. Жить-то надо. Работы нет. А так — рублей 100—120 в месяц набегает. Если чё — свекор всегда мне защита. Правда, ему через два года шестьдесят будет. Вот бы еще потрудились. А то спихнут — молодые вон какие!

В этот момент подошел еще один поезд. Людмила, задорно свистнув, кричит выходящим пассажирам.

Людмила: Эй, братва! Налетай! У Валюхи покупай! Съешь судочек — будешь сыт часочек.

Валентина смеется, услышав такую присказку. А пассажиры, несмотря на морозец, начинают делать покупки.

Валентина Павловна: Люд! У меня сумка пустая. Пойду домой. Сейчас сын проснется. Мужа покормлю.

Людмила: А, пошли домой (*машет рукой*).

Идут до перекрестка. Валентине Павловне надо налево, а Людмиле — идти прямо. Откуда ни возьмись, появляется злобная старушка. Она виновато смотрит на Валентину Павловну и говорит.

Старушка: Валюх! Ты не серчай на меня! Я ж не знала, что ты Людмилу воспитывала в детские годы!

Валентина Павловна и Людмила смеются.

Людмила (примиряюще): Это бабушка Казакова. Ей 75 лет. Она с твоей свекровью соседствует. У них огороды рядом. Все злится на всех. Одинокая. Мне ее жалко. Когда-то она была учительницей начальных классов у моего свекра. Мы не возражаем — пусть приторговывает.

Старушка заискивающе кивает Людмиле.

Валентина Павловна предлагает: Люд! А помнишь, как мы всегда прощались на этом перекрестке, когда со школы шли после уроков или классного часа?

Людмила улыбается. Они обе сгибают руки, прикасаются, в виде салюта, и хором говорят: Комсомольско-пионерская дружба нерушима!

Со стороны это смотрится необычно, но женщины не обращают на это внимание — им хорошо!

Валентина Павловна шла домой счастливая, во всем теле ощущала легкость, несмотря на хмурый морозный день. Возле калитки своего дома она увидела женщину средних лет, одетую в старомодное пальто с узким песцовым воротником. Из-под каракулевой шапки выбивались рыжеватые волосы.

Это была Люсьена, жительница города Шуя Ивановской области. Женщины, почти ровесницы, поприветствовали друг друга.

Валентина Павловна: Давно ждете? Я только когда вас увидела, вспомнила, что мы договорились о встрече.

Люсьена: Да минут пять-восемь. Зазябнуть еще не успела. Но я в звонок не звонила, как вы и сказали, чтобы сына не тревожить.

Валентина Павловна благодарно кивнула.

Зашли в дом. Валентина Павловна помогла Люсьене занести объемистую сумку на колесиках. Люсьена зашла на кухню, немножко отогрелась. Валентина Павловна угостила ее чаем с домашними пирожками.

Люсьена радостно сообщила: Вот вам четыре комплекта постельного белья отдам, потом доберусь до перрона, оставшиеся три сторгую — и домой! Дочек-близняшек уже пять дней не видела, соскучилась очень!

Валентина Павловна: А на каком поезде в Москву поедете?

Люсьена: На двухчасовом проходящем, если все успею распродать.

Валентина Павловна (энергично взмахивает рукой): Люсьена, я у вас все семь комплектов возьму. Мне сегодня приработок подоспел. Деньги руку жгут.

Люсьена благодарно заулыбалась.

Женщины несколько минут пили чай.

Валентина Павловна: Как-никак, вы — моя палочка-выручалочка на протяжении

почти трех лет. Если бы я в магазине покупала — разорилась бы. А у вас не только в полцены, да еще и домой привозите.

Люсьена: Люди должны идти друг другу навстречу. А нам уже два года на работе почти всю зарплату постельным бельем выдают. Вот я две недели тружусь у станка, а потом две недели продаю. Дети меня урывками видят. А близняшкам-то моим уже пятнадцатый год идет — самый возраст переходный. Следить надо, чтоб девчонки правильными выросли.

Люсьена поблагодарила, оделась и вышла. А Валентина Павловна стояла у окна, смотрела ей вслед, пока та закрывала калитку, и сказала негромко сама себе.

Валентина Павловна: Что-то неправильно в нашей стране. Как бы не развалилось государство. Везде люди живут трудно, с надрывом. Вечно так продолжаться не может. У меня одно горе, у Люсьены — другое. Все, что создаем, сами же и продаем. Какое-то натуральное хозяйство в государстве. Каждому рублю радуешься. А заработать не дают.

Вдруг она услышала нечеткие шаги за спиной. Обернулась. Из своей комнаты вышел Андрюша.

Андрей: Мама! А где ты была так долго? Я уже встал, зарядку сделал, позавтракал, посуду помыл. Немного учебник почитал по географии, потом решил отдохнуть. А вот слышу, что ты с кем-то разговариваешь — подумал, что это бабушка наша с богомолья вернулась.

Валентина Павловна (с любовью глядя на сына): Сынок! Я смотрю, ты уже сам уверенно ходишь. Значит, здоровья в тебе прибавляется. А бабушка вернется с богомолья только через три дня. Все просит Господа, чтобы тебе полегчало и ты выздоровел.

Сын прижался к матери, она с горечью заметила, что он почти не вырос, хотя ряд его ровесников в райцентре уже почти вровень с ней. А Андрюшечка ей даже до подбородка не достает.

Андрей: Мам! Пойду к себе в комнату. Через десять минут кинофильм хороший начнется по телевизору. Нет, сначала похожу по квартире, а то всего сто шесть шагов с утра прошел.

Он пошел в коридор, потом на кухню, потом вернулся обратно в большую комнату, затем прошел в комнату родителей, потом — в свою. И так сделал несколько раз. Валентина Павловна внимательно следила за ним и беззвучно шевелила губами.

Андрей: Мам! Сколько шагов насчитала?

Валентина Павловна: К тем твоим еще восемьдесят три.

Андрей: Мам! Ошиблась! На два меньше. Не сто восемьдесят девять шагов, а сто восемьдесят семь. Но я за день теперь уже четыреста шагов прохожу.

Довольная упорством сына, Валентина Павловна поцеловала его в щеку. Мальчик зарделся от удовольствия. Подобный знак внимания был ему очень приятен.

День шел за днем, неделя за неделей. Валентина Павловна не меньше двух раз в день без выходных ходила к поездкам. Материальное положение немного поправилось.

Вернулась с богомолья бабушка. И два раза в неделю, по средам и пятницам, приходила к ним домой, усаживала Андрюшу на стул и ходила вокруг него, что-то нашептывая. Время от времени к его ногам она бросала гречишную шелуху.

Андрюша терпеливо сносил бабушкины действия.

Как-то он сказал маме.

Андрей: Мам! Бабушка же тоже старается ради меня. И верит в это. А может, и правда, есть какие-то потусторонние силы, которые плохое у меня заберут, а хорошим мою душу наполнят. Я хоть и пионер, но тоже верю в Бога.

Валентина Павловна (вздыхнула): Андрюшечка! Понемногу, правда, очень медленно, но судьба поворачивается к нам лицом, а не спиной. Вот и работа у меня появилась постоянная, и Люду подшефную встретила, и у тебя, слава Богу, кровотечный уже полгода нет. И ходить ты стал все больше. А в приворотях сила божественная есть. Видишь, бабушка с одного богомолья, да на другое — тебе здоровье вымалывает.

Андрюша согласно кивнул матери.

Андрей: Мам! Я тебе обещаю, что к 1 сентября буду тысячу шагов делать.

Мама доверчиво покивала сыну.

25 апреля 1989 года. 10 утра.

В доме Наумовых раздался телефонный звонок.

В соответствии с негласной семейной договоренностью к телефону всегда подходила Валентина Павловна. А в этот раз она замешкалась на кухне, и трубку взяла Валерий. Он послушал минуту и сказал.

Валерий: Хорошо. Завтра она обязательно будет.

В комнату вошла Валентина Павловна, вытирая о передник руки.

Валентина Павловна: Валера! С кем это ты разговаривал? Куда это я должна придти? Что-то тревожно мне стало.

Валерий: Тебя приглашают в районный комитет партии, к первому секретарю товарищу Баклажкину.

Валентина Павловна: Баклажкин-Баклажкин... А не Сергей ли?

Валерий: Я не знаю имени. Со мной говорила женщина с неприятным резким голосом в ультимативной форме. Сказала, чтобы ты взяла с собой паспорт.

Валентина Павловна: Хорошо. Я пойду завтра. Но времени-то у меня будет мало, потому что в полпервого я уже должна буду кормить обедом Андрюшечку.

Валерий: Я с сыном посижу — вдруг ты задержишься. А ты походи пораньше — может быть, раньше пригласят.

Валентина Павловна (грустно усмехаясь): Может, мне райком партии работу нашел? А то я уж три года безработная. Или кто-то меня на перроне увидел, застыдился. А я довольна своей жизнью. Главное — сына поднять.

26 апреля 1989 года.

По улице райцентра идет Валентина Павловна. Несколько знакомых кивают ей и стараются побыстрее пройти мимо, не сближаясь.

Валентина Павловна (говорит негромко сама себе): Да-а! Видно, я какая-то прокаженная! Люди-то меня избегают. Только в магазине одна продавщица тетя Лера всегда говорит: «Какие деньги от кого только в руки не брала, а все живу и здоровею».

Валентина Павловна представила перед собой продавщицу — крупную женщину килограммов под 100. Невысокую, но очень жилистую. Она легко поднимала тридцатикилограммовые ящики с трехлитровыми банками огурцов.

Незаметно дошла до райкома партии. Охранником оказался сосед Василий — мужчина лет 45 — жил в доме наискосок. Поулыбались, раскланялись. Затем для порядка Василий сказал.

Василий: Документы ваши проверил, поднимайтесь в приемную на второй этаж.

Едва Валентина Павловна сделала несколько шагов по лестнице вверх, как появилась какая-то худая крашенная блондинка и недовольно сказала охраннику.

Блондинка: Пусть посетительница подождет — внизу постоит. А без трех минут одиннадцать пусть поднимается наверх.

Валентина Павловна растерялась: так пренебрежительно с ней никто никогда не

говорил. Она почувствовала себя здесь ненужной. Но помощь неожиданно пришла от Василия.

Василий: Уж не обессудьте, Екатерина Станиславовна! Вы — начальник канцелярии, помощник первого секретаря райкома партии. Но если я человека уже пропустил, то он должен пройти и сесть в приемной — ожидать. Да и осталось ожидать всего пятнадцать минут. А здесь у входа — ни стула, ничего. Что ж мы людей-то не уважаем.

Женщина что-то недовольно буркнула и быстро поднялась по лестнице, скрывшись в коридоре.

Валентина Павловна благодарно улыбнулась Василию. А он, в свою очередь, одобряюще кивнул ей: мол, какими бы ни были люди, а мы — соседи, друзья на всю жизнь.

В приемной молоденькая девушка-секретарь сконфуженно улыбнулась Валентине Павловне. Она ее знала. Это была Танечка, которая в прошлом году окончила школу, принимала ее Андришечку в пионеры. Танечка, насколько помнила Валентина Павловна, поступила в Брянский пединститут на заочное отделение и заканчивала первый курс.

Валентина Павловна: Танечка, здравствуй! Как учеба? Скоро на сессию?

Танечка (разулыбалась): Садитесь на диван, Валентина Павловна — там вам будет удобнее. А с учебкой у меня все хорошо. первую сессию сдала на одни пятерки. В конце марта ездила на установочную — на 10 дней. Жила в общежитии, мне все понравилось. И вот второй семестр заканчиваю.

В приемную вошла крашенная блондинка. Она высокомерно обратилась к секретарю.

Блондинка: Татьяна! С посетителями нельзя разговаривать, можно только отвечать на вопросы, относящиеся к приему. Я делаю вам замечание.

Валентине Павловне стало неприятно, что она невольно подставила Танечку. Но Татьяна сама могла постоять за себя.

Татьяна: Екатерина Станиславовна! Согласно штатному расписанию, я непосредственно подчиняюсь только первому секретарю райкома партии товарищу Баклажкину Сергею Поликарповичу. Поэтому прошу замечания мне не делать.

Блондинка: Хорошо. Вам сделает замечание сам первый секретарь.

Она на негнущихся ногах, цокая высокими каблуками, прошла, бесцеремонно открыла дверь.

Через несколько секунд в приемную вышел Баклажкин. Посмотрел презрительно на Татьяну и сказал.

Баклажкин: Не смейте ссориться с сотрудниками. Тем более, что они старше вас по возрасту. Я указываю вам на ваш промах.

Валентина Павловна встала с дивана и сделала несколько шагов навстречу Баклажкину, стремясь затушить неловкую ситуацию.

Валентина Павловна: Здравствуйте, Сергей! Я надеюсь, вы меня помните — мы учились в параллельных классах.

Баклажкин отлично помнил Валентину Павловну, но нужно было держать фасон. Он повернулся в ее сторону и сказал.

Баклажкин: Здравствуйте, посетительница! Через три минуты прошу вас пройти ко мне в кабинет.

Потом повернулся и гордо прошествовал к себе, прикрыв обе двери.

Татьяна весело посмотрела на Валентину Павловну и прыснула.

Татьяна: А все-таки замечание сделал! Знает, какая у нас Екатерина Станиславовна! Из ничего может скандал раздуть.

Валентина Павловна подмигнула ей, потом посмотрела на часы и пошла открывать дверь в кабинет первого секретаря. На мгновение задержалась и прочитала претенциозную табличку на двери: «Коммунистическая партия Советского Союза. Баклажкин Сергей Станиславович, первый секретарь районного комитета Брянской области, РСФСР».

Танечка едва не рассмеялась.

Танечка: Валентина Павловна! Раньше вообще была другая надпись. Только фамилия, имя и отчество. А как Баклажкина два года тому назад избрали первым секретарем райкома, так и начали внедрять всякие причиндалы: трехцветные номерные бланки, поменяли таблички, купили две новые «Волги». Он же у нас еще одновременно и районный совет возглавляет. Многодолжностный руководитель. Валентина Павловна! Вы с ним поосторожней! Говнистый мужичонка!

Валентина Павловна: Да я его еще по школе знаю! Тот еще был карьерист. С ним в классе даже ребята почти не дружили — так, общались... А он, будучи секретарем комитета комсомола школы, каждый раз какие-то мероприятия придумывал. И все пустое, зато он был впереди и всегда открывал.

А слова-то какие были: симпозиум, конференция, молодежный семинар. До четырех-пяти вечера из школы не уходили.

В это время часы в приемной стали бить. С одиннадцатым ударом Валентина Павловна зашла в кабинет Баклажкина.

Он предупредительно вышел к дверям, первым протянул ей руку и отеческим тоном произнес.

Баклажкин: Здравствуйте, Валентина! Лет двадцать не виделись после окончания школы. Так, иногда промелькнете где-то — и все. Я не захотел при секретаре показывать, что мы знакомы.

Валентина Павловна, еле сдерживаясь: А вот посторонняя дама здесь. При ней можно?

Баклажкин растерялся. И недовольным тоном произнес.

Баклажкин: А вы по-прежнему такая, как и в школе. Если что не так — то сразу правду-матку режете. Но надо уметь приспособливаться, Валентна Павловна! Присаживайтесь, пожалуйста!

Он указал ей место за большим столом, а сам демократично устроился напротив. Через два стула от него сидела помощник первого секретаря.

Баклажкин: Теряетесь в догадках, почему я вас пригласил, Валентина Павловна?

Валентина Павловна внимательно посмотрела на него.

Валентина Павловна: Сергей Поликарпович! Понятия не имею и ни о чем не думала.

Баклажкин обиделся.

Баклажкин: Ну, раз вы так официально, то и мы будем официально.

Он испытывающе посмотрел на Валентину Павловну, думая, что своим взглядом смутит ее. Но она спокойно смотрела на него.

Баклажкин продолжил: Тут нам в очередной раз из обкома партии позвонили. Вы все письма в разные инстанции пишете. Наш район по этому показателю считается неблагополучным. Я понимаю, что у вас в семье драма, ребенок на последнем издыхании, но это не дает вам право подводить район. Общественное нужно ставить выше личного. А вы даже в ЦК партии написали о том, что вашего сына плохо лечат и не могут излечить.

Валентина Павловна: Вцепилась бы я в твою цыплячью шею, Баклажкин! И выгрызла бы твой кадык! Но не буду этого делать. А дома у меня не драма, а сложная ситуация. И сын у меня не на последнем издыхании, он выздоравливает, но очень медленно. Как вам не стыдно!

В разговор вмешалась Екатерина Станиславовна.

Екатерина Станиславовна: Вы хоть понимаете, где вы находитесь? Это райком партии, а не лавочка, где люди могут сцепиться друг с другом. Ведите себя соответственно.

Валентина Павловна вспомнила предупреждение Танечки и даже не повернулась в сторону говорившей. Чтобы не разнервничаться, она внимательно посмотрела на галстук Баклажкина, отметив про себя, что узел завязан безупречно. Два раза вздохнула и обратилась только к нему.

Валентина Павловна: Сергей Поликарпович! Вы меня пригласили проработать? Так я не член партии. Я сейчас встану, повернусь и уйду. А если вы меня пригласили поинтересоваться, какие у меня трудности, то я могу продолжить с вами беседу. Но только один на один. Мне посторонние здесь не нужны.

Баклажкин (разозлившись): Я вас пригласил сюда как жительницу нашего района. Вы пытаетесь дискредитировать общественность и район в целом своими жалобами. Я предлагаю вам прекратить это.

Валентина Павловна (гневно): Товарищ первый секретарь райкома партии! Я никому не жалуюсь. Я обращаюсь только в органы здравоохранения, а также в партийные и советские организации, которым необходимо взаимодействовать с медицинскими учреждениями. Я не жалобы пишу, а заявления. Чтобы к моему ребенку было надлежащее внимание.

Баклажкин побарабанил пальцами правой руки по полированной столешнице.

Баклажкин: Значит, вы признаете, что вы обращались в разные организации? И сколько раз это было?

Валентина Павловна (еле сдерживая возмущение): Сегодня как раз три года со дня чернобыльской катастрофы. До сих пор нам многое не сказано. Все обещают направить детей за границу на лечение. То договориться не могут, то валюты нет. То еще что-то придумывают.

Баклажкин (перебивает ее): Но ваш-то ребенок пока жив! Терпите.

Валентина Павловна: Что я должна терпеть? Чтобы он остался инвалидом на всю жизнь и не мог обслуживать со временем и сам себя?

Баклажкин: Ему же присвоили вторую группу инвалидности и платят шестьдесят девять рублей в месяц. Вам что, мало?

Валентина Павловна, уже не сдерживая себя, ложится грудью на стол и приближается к Баклажкину. Он в испуге отшатнулся.

Валентина Павловна: А ты знаешь, Серега, сколько стоят лекарства в месяц? А ты знаешь, что я каждые два дня кормлю ребенка куриной печенью? А ты знаешь, сколько стоят массажи, через два дня на третий — по три рубля пятьдесят копеек плачу за каждый. А ты знаешь, сколько постельного белья нам пришлось поменять? А ты знаешь?..

Она не договорила и раскашлялась.

Баклажкин положил ладонь на стол, хлопнул два раза.

Баклажкин: Не нервничай, Валентина! Давай договоримся раз и навсегда. Ты больше жалобы не пишешь, а мы пришлем к тебе еще раз районного педиатра и, кстати, ты ходишь торгуешь — тебя же можно привлечь за самовольную торговлю.

Валентина Павловна (встала): Я буду делать то, что считаю нужным. Я ничего не нарушаю. А вам должно быть стыдно. Вы же первый секретарь райкома партии, а о людях совсем не думаете. Когда мой сын выздоровеет, я подойду к вам и публично плюну под ноги. Вы не тот человек, который должен находиться на этой работе.

Баклажкин вытаращил глаза и с изумлением снизу вверх смотрел на Валентину Павловну.

В это мгновение из кабинета выскочила Екатерина Станиславовна, затем выбежала из приемной в коридор, перегнулась через перила и истошным голосом завопила.

Екатерина Станиславовна: Василий! Василий! Избивают первого секретаря райкома партии! Помогите! Милицию вызовите.

Через десяток секунд в кабинет вбежал Василий. Растерянный Баклажкин сидел на стуле, а через столешницу от него стояла Валентина Павловна и что-то гневно говорила.

При виде охранника Баклажкин приосанился. Встал, прошел по кабинету за свой стол и сказал.

Баклажкин: Валентина Павловна! Я понимаю ваше материнское сердце! Я вам искренне сочувствую. Но, пожалуйста, пусть эта беседа не пройдет для вас бесследно. Потому что наше терпение может быть долгим, но не безграничным.

Валентина Павловна молча вышла из кабинета. Слезы стояли у нее в глазах. Танечка привстала со своего места, но не успела ничего ни сказать, ни сделать. Валентина Павловна стремительно спускалась по лестнице.

Перед тем как выйти и открыть дверь, она услышала со второго этажа визгливый голос Екатерины Станиславовны.

Екатерина Станиславовна: Хамка! Сволочь! Как ты посмела угрожать первому секретарю райкома партии! Мы тебя под товарищеский суд отдадим.

Валентина Павловна посмотрела на часы. Было около полудня. Она быстрым шагом пошла к остановке автобуса, чтобы успеть вовремя доехать до дома. Она ни на мгновение не забывала о сыне. А в 12:30 надо было давать очередные таблетки, а затем кормить его обедом. Она помнила слова Евгения Ивановича Чазова: «Валентина Павловна! Только безупречная дисциплина по соблюдению режима поможет содействовать выздоровлению вашего ребенка. Помните, пожалуйста, об этом! Все лекарства давать, производить процедуры в строго установленное время и обеспечивать надлежащее питание. Чего бы это вам не стоило и какие бы затраты вы не несли».

Перед тем, как войти в дом, она достала платок, вытерла лицо и стерла помаду с губ. Сын ничего не должен видеть и чувствовать. С ним всегда его преданная любящая мать.

26 мая 1989 года.

В гости к Наумовым пришла принаряженная Анна Ивановна. Родители и Андрей собрались в гостиной. Матрена Николаевна хлопотала на кухне, готовя праздничный обед.

Анна Ивановна: Андрюша! У меня для тебя три хороших новости и ни одной плохой. Прежде всего, Андрей Валерьевич, поздравляю: единогласным решением педагогического совета нашей школы вы переведены в восьмой класс.

Валерий заплодировал. Валентина Павловна скромно сложила руки на коленях и ждала дальнейших новостей.

Анна Ивановна: Во-вторых, мне поручена торжественная миссия вручить тебе почетную грамоту за победу в областной олимпиаде по зоологии. Помнишь, ты писал специальный реферат о животных семейства кошачьих?

Андрей утвердительно кивнул.

Анна Ивановна: Со всей области было около восьмидесяти работ и тебе, семикласснику, присудили первое место. А ведь были и старшеклассники тоже. Тебя рекомендовали для участия в республиканской очной олимпиаде по зоологии. Она пройдет в июле, дата пока не утверждена, во Всероссийском лагере «Орленок». На школу также пришла премия — 500 рублей. Мы долго думали и решили половину этой суммы передать Валентине Павловне. А остальные деньги пойдут на школьные нужды.

Андрей (довольно улыбаясь): Мама! Папа! Вот видите! И я уже вашим помощником становлюсь. Зарплату получил. Принимай деньги, расписывайся в ведомости, мама.

Валентина Павловна: Не в деньгах дело, сынок. А в том, что ты уже приносишь всем пользу. И нашей семье тоже.

Затем состоялся праздничный обед, в котором приняла участие и Анна Ивановна. Она загадывала загадки Андрею, а тот с удовольствием отвечал. Всего один вопрос вызвал у него затруднение: сколько когтей на лапах у тигра? Все внимательно посмотрели на Анну Ивановну.

Она смеясь ответила.

Анна Ивановна: Это шуточный вопрос. Ответ звучит так: нужно подойти к тигру, поочередно взять его за четыре лапы и сосчитать все когти.

Валерий: Я бы так отвечать не стал.

Все вышли провожать Анну Ивановну до калитки. Она обратила внимание на то, что Андрей вышел уверенно, почти не покачивался, и сам, не держась за перила, спустился по ступеням крыльца.

20 ноября 1989 года.

Пришла почтальон. С робостью протянула Валентине Павловне большой конверт, на котором была наклейка «Правительственная почта».

Когда Валентина Павловна расписалась в получении, девушка сказала.

Почтальон: Первый раз в жизни такое письмо вижу. Интересно, а что там?

Валентина Павловна достала ножницы и аккуратно распечатала конверт. В нем было два листа. На первом было личное письмо министра здравоохранения Евгения Ивановича Чазова, адресованное ей.

Валентина Павловна (читает вслух): Уважаемая Валентина Павловна! Наконец-то нам удалось заключить соглашение с Республикой Куба на массовое излечение детей и некоторых взрослых, подвергнувшихся радиационному облучению. У нас состоялась коллегия Минздрава СССР, где персонально были утверждены дети первой группы. В марте 1990 года они вылетят на Кубу на лечение. Потерпите, пожалуйста, еще немного и вашего сына обязательно вылечат.

На втором листе была выписка из решения коллегии Минздрава. Там были указаны телефоны, куда обратиться, какие документы подготовить, чтобы впоследствии можно было осуществить выезд на Кубу.

Почтальон, довольная, что принесла радостную весть, разулыбалась и пожелала Валентине Павловне выздоровления ее сыну.

Валентина Павловна уже в который раз перечитывала оба листочка и вдруг ее взгляд зацепился за фразу, на которую она раньше не обратила внимание: «Выезд ребенка Наумова Андрея Валерьевича, 1976 года рождения, уроженца Брянской области, осуществляется непосредственно — без сопровождения».

Валентина Павловна: Валера! Почитай! Андрей поедет один!

Валерий вздохнул: Валюшечка! Мальчику уже идет четырнадцатый год! Он за день делает уже тысячу триста шагов. Ты его в «Орленок» не отпустила. Конечно, оберегать сына надо, но ведь он взрослеет. Я думаю, что он может полететь самостоятельно.

Валентина Павловна: Валер! Пойдем к сыну, покажем ему письмо. Как он скажет, пусть так и будет.

Через два дня Валентина Павловна едет в Москву.

И снова по поезвному радио звучит песня «Железнодорожный вальс».

Валентина Павловна (негромко говорит сама себе): А песня-то счастливая. Каждый раз что-то сдвигается в лучшую сторону.

Мимо проходит проводница и предлагает чай. В купейном вагоне, почти пустом, она усаживается напротив Валентины Павловны и спрашивает.

Проводница: Вроде вы улыбаетесь, а лицо у вас такое усталое. Какие-то трудности? Кто-то болеет?

Валентина Павловна (сначала хочет исповедаться перед проводницей, поделиться сокровенным, но потом вспоминает слова бабушки Нади-приворотницы).

(В памяти всплывает лицо бабушки Нади-приворотницы, как она ходит вокруг кровати, где лежит Андрюшенька, время от времени сыплет на пол какие-то семена и что-то шепчет. Потом впадает в транс и говорит: «Запомните, Валюша и Валерочка! И ты, моя давняя подруга Матрена Николаевна. Никому ничего нельзя говорить. Плохое наворожат. Поняли меня?» Убитые известием о тяжелой болезни сына родственники покорно кивают).

Снова в купе Валентина Павловна и проводница.

Валентина Павловна делает беззаботным выражение лица и говорит.

Валентина Павловна: Не выпалась я, а вечером допоздна с мужем телевизор смотрели. Вот я и сомлела.

Проводница (недоверчиво хмыкает): Выпей чаю горячего. Ну, раз не хочешь делиться — не надо.

Валентина Павловна рассчитывается с проводницей, открывает две упаковки с сахаром и высыпает в чай. Ложечкой аккуратно помешивает. А по поездной радиотрансляции раздаётся:

*Под стук вагонных колес
Приятно прихлебывать чай,
Разлет светлых девичьих кос
Меня захмелит невзначай.*

Песня звучит дальше, а Валентина Павловна грустно усмехается: «Да, были у меня когда-то косы. Но пришлось коротко постричься, потому что педиатр Агриппина Самойловна предупредила еще в далеком 1986 году в майские праздники».

(Выплывает лицо педиатра Агриппины Самойловны. Она на кухне строго выговаривает Валентине Павловне, тряся указательным пальцем правой руки: «Валентина! Во-первых. Волосы убирать в косынку. Во вторых. К сыну подходить только в тонких резиновых перчатках. В-третьих. Все время одевай марлевую повязку на лицо. И, наконец, купи три медицинских халата, которые завязываются сзади, и только таким образом подходи к сыну. Любая инфекция для него может привести к непредсказуемым последствиям. Ты все поняла?» Изображение гаснет).

Валентина Павловна (в вагоне поезда, сама с собой): У Андрюшечки тогда кровотечения по два раза на дню были. И капельницы ставили. И лекарства давали. И в носу все время палочки то с подсолнечным маслом, то с соком ревеня... Андрюшечка ртом дышал, исхрипел весь. Вытаскивали тогда, когда кровотечение приостанавливалось или прекращалось.

У нее на глазах выступили слезы. В это время дверь купе стала открываться — опять вошла проводница. Валентина Павловна быстро наклонилась к стакану с чаем и прихлебнула большой глоток. Закашлялась. Вытерла слезы.

Проводница не заметила, что она плакала.

Проводница: Ой, девонька! Смотри, не подавись. Ладно, я тебя тревожить не буду, когда чай допьешь, сама мне принесешь стакан с подстаканником. А я че волнуюсь-то. Народ сейчас на руку нечист стал. Вот я подстаканники и собираю.

Валентина Павловна (усмехнулась): Да вы, товарищ проводник, не переживайте. Я последнее с себя снимаю, а чужое никогда на трону.

Женщины поулыбались друг другу. Довольная проводница прикрыла дверь купе и пошла по своим делам по коридору. А Валентина Павловна сомлела. Недопитый чай остался на столике, она легла на незаправленную нижнюю полку и... уснула.

Когда она заходила в Министерство здравоохранения СССР, то навстречу ей спуускался Евгений Иванович Чазов, министр.

Увидел ее, разулыбался.

Евгений Иванович Чазов: О-о-о! Несгибаемая матушка пришла! Мы потом о вас несколько раз на коллегиях вспоминали. Зайдите, пожалуйста, в 207-й кабинет и покажите там наше письмо-уведомление. Заполните все данные о сыне и оформляйте заграничный паспорт. А если что, то вот вам моя визитная карточка.

Помощник также узнал Валентину Павловну. И также приветливо ей покивал.

Почти два часа заполняла Валентина Павловна разные анкеты и справки. А потом спросила у вежливой терпеливой женщины лет тридцати.

Валентина Павловна: Мальчик поедет — с ним ничего не случится?

Работница Минздрава: Не переживайте.

Валентина Павловна: А я из нашего райцентра одна?

Работница Минздрава: Да, из вашего городка вы одна. А вообще из Брянской области поедут шесть человек — вместе с вашим мальчиком. Все тяжелые.

Обе женщины помолчали.

Новогодний праздник 1990-го года.

За праздничным столом четыре человека: Валентина Павловна с мужем, свекровь Матрена Николаевна и Андрюшечка.

Мальчик бодрится.

Андрюша: Мама! Пусть этот нулевой год станет для нас счастливым! А я выздоровлю! И буду учиться со своими одноклассниками в школе. Кстати, Анна Ивановна, наш классный руководитель, поздравительную открытку прислала. Может быть, ей написать, что я еду на Кубу лечиться?

Валентина Павловна: Сынок! Умоляю тебя! Никому ничего не говори.

В разговор вступает свекровь Матрена Николаевна.

Матрена Николаевна: Внучек! Народ глазливый, завистливый. В стране, вон, неспокойно. Я после январских праздников на богомолье поеду, чтобы все у тебя получилось.

Андрюша: Мама! А ты со мной поедешь? Как же я без тебя?

Благодарно улыбаясь, Валентина Павловна гладит сына по волосам. Затем тяжело вздыхает.

Валентина Павловна: Андрюшечка! Ты один поедешь. Тебе уже скоро четырнадцать лет. Ты — парень самостоятельный у нас. Правда, папа?

Валерий (широко улыбаясь): Андрей! Ты не желторотый воробей. Ты должен поддерживать всех людей, кого судьба обидела радиоактивным облучением.

Андрюша: Ну как же я могу поддерживать?

Валерий: А как же дедушка Миша мог в партизанском отряде? Хотя совсем молодым парнем был. Комиссарил в отряде. Договорились?

Андрей задумчиво кивает головой. Потом спрашивает.

Андрюша: Мама! А на Кубе хорошо лечат? Я точно выздоровлю?

Валентина Павловна встает из-за стола, подходит к сыну и ласково приобнимает его.

Валентина Павловна: Ты приедешь здоровым и сильным. И инвалидность снимут со временем. Лучше ведь самому зарабатывать, чем у государства на иждивении числиться.

Андрей прижимается к маме. Ему хорошо и спокойно в кругу близких людей.

29 марта 1990 года. Москва. Аэропорт «Шереметьево».

Андрей впервые в жизни выехал так далеко от дома, да еще и летит за границу. Он крепко сжимает в одной руке советский загранпаспорт, в который вложен красивый авиабилет, а другой рукой держится за руку мамы. Валерий несет две сумки. Одна — большая, с вещами. А другая — маленькая. В ней бутылка минеральной воды и лекарства.

Валентина Павловна (наставляет сына): Андрюшечка! Будь очень внимательным. Воду пей только там, где пьют все. Руки мой постоянно — перед едой и после еды. Лекарства принимай по графику. А если будут еще лекарства давать, то слушайся врачей.

Мальчик кивает в ответ. Он подавлен и немного расстроен. Мимо на коляске провозят юношу лет 16-ти. Валентина Павловна вздрагивает: правая рука у него повисла, одна сторона лица неподвижна. Его везут две женщины. На их лицах отчаяние и безысходность.

Вдруг парень резко машет левой рукой и женщины в недоумении останавливаются.

Юноша (оборачиваясь к Андрею. Говорит хоть и понятно, но тяжело): Я вижу, ты тоже покореженный бедой? Давай знакомиться. Меня зовут Денис.

Андрей с радостью жмет левую руку парня. Рукопожатие у того сильное.

Юноша: Я из Калужской области. Из Медыни. А ты откуда.

Андрей называет себя.

Денис: Вот и хорошо. Я буду командиром нашего воинства. А тебя назначаю комиссаром.

К ребятам подходит высокий сухощавый мужчина средних лет. Валентина Павловна замечает это, но так как он подтянутый и в красном галстуке, то кажется значительно моложе.

Денис: Это наш вожатый. Евгений. Евгений, я комиссара нашел!

Евгений приветливо улыбается и представляется родителям Андрея.

Валентина Павловна молитвенно складывает руки: Вы, пожалуйста, за моим мальчонкой приглядите — ему еще 14-ти нет. Все время слабость у него. Шесть диагнозов поставили. Вторая группа инвалидности.

Андрей (обиженно): Товарищ вожатый! Не слушайте ее! Я уже почти тысячу шестьсот шагов в день делаю. Когда за спинку держусь, то четыре раза приседаю. Маме по дому стараюсь помогать. Учусь на «отлично». Победил в областной предметной олимпиаде в прошлом году.

Евгений (одобрительно хлопает Андрея по плечу): Нам такие бойцы нужны!

Возле стойки регистрации собираются родители с больными детьми. Матери узнают своих товарок по глазам. Дети в основном чувствуют себя бодро: перемены их радуют, а новизна в основном не пугает.

Высокий мужчина в летчицкой форме придерживает красивую 17-летнюю девушку. Она остановилась возле Андрея. Мама девочки катит за ручку очень большой чемодан.

Валентина Павловна (интересуется): Приданое для дочери? За кубинца замуж решили отдать?

Мама Любы рада шуточному вопросу: Да, осталось только вылечиться! Мы сами-то из Гомельской области, из Белоруссии. У Любы поражение костного мозга.

Валентина Павловна вздрагивает в страхе. Андрей, несмотря на то, что на полго-ловы ниже Любы, говорит ее отцу.

Андрей: Вы не переживайте, я ее опекать буду. Ты согласна?

Девушке нравится худощавый внимательный и вежливый мальчик. И она согласо-вно кивает ему.

Люба: Спасибо тебе, Андрей. Не знаю, как по отчеству. Мне помощь очень нуж-на. Я несколько шагов прохожу, и меня всю простреливает. Если не удержусь, то могу упасть. Ты как, удержишь меня?

Андрей (выпячивает грудь и хорохорится): Да я больше тысячи шестисот шагов прохожу за день. У меня силы ого-го сколько! Mam, правда же?

Валентина Павловна смотрит на худенькую фигуру сына. На его слабые руки. Но виду не подает.

Валентина Павловна: И среди легковесов есть чемпионы мира. Мой сын — стой-кий оловянный солдатик, Люба!

Все улыбаются. Только Валерий темен лицом. Он очень любит сына, а неизвест-ность, в которую уезжает мальчик, его очень пугает.

Валентина Павловна замечает это. И незаметно шлепает его по руке.

Валерий удивленно оглядывается. Валентина Павловна внимательно смотрит на мужа и бодрым голосом говорит.

Валентина Павловна: Валера! Тебе торбы за сыном носить не надоело? Вон, на-ша очередь регистрации подошла.

Валерий отвлекается и начинает суетиться, ставя большую сумку на ленту транс-портера.

Все зарегистрировались. Медленно, в меру своих сил, при помощи родителей идут и едут на колясках в зал вылета. По пути их следования люди останавливаются и молча провожают их глазами.

Там уже ждет вожатый Евгений, сопровождающие их медики. Шестеро сопрово-ждающих и пять взрослых мужчин, которые тоже пострадали от чернобыльской ава-рии. Двое — на костылях.

Вожатый Евгений (командует): Прошу подойти ко мне командира отряда Дениса и комиссара Андрея.

Мама и старшая сестра Дениса охают, потому что понимают, что наступает ско-рое расставание.

Денис держится и пытается шутить с Андреем.

Денис: Комиссар! Я говорю плохо, поэтому командуй ты.

Валерий (шепчет жене): Валюш! А Андрей-то приободрился! Ответственность за всех чувствует.

Валентина Павловна еле сдерживает слезы: Хоть бы выздоровел. А сердце у не-го большое, сострадательное.

Андрей (мягко командует): Пострадавшие в чернобыльской катастрофе взрос-лые, комсомольцы, пионеры и октябрюта, в три шеренги становись!

Началось шевеление. Все строятся.

Андрей: Командир отряда Денис! Все построились.

Денис: Предлагаю на выбор три названия нашего отряда: «Непокоренные», «Не-страшимые» и «Борющиеся за здоровье».

Все молчат.

Денис недоуменно оглядывает всех и спрашивает: Какое название выберем?
Неожиданно говорит четырехлетний мальчик, которого поддерживает мама: Я еще даже не октябренок, но тоже еду с вами. А название предлагаю такое: «Несломленные»! Раз мы все здесь, значит, мы верим в выздоровление. Правда, мама? *(Обращается он к крупной высокой женщине, которая поддерживает его за руку).*

Женщина лет тридцати: Все верно, сынок! Я горжусь и тобой, и твоими новыми друзьями.

Она замолкает, чтобы не расплакаться.

Денис: Отряд «Несломленные»! Равняйся! Смирно! *(Поворачивается в коляске к вожатому, нахлобучивает фуражку и левой рукой отдает честь).* Вожатый Евгений! Отряд «Несломленные» к поездке построен. В строю 137 человек. И плюс мы с Андреем.

Вожатый Евгений принимает правила игры: Рапорт принят. Товарищи бойцы! Наш полет будет беспересадочным, лететь мы будем почти пятнадцать часов. Наш самолет называется Ил-62 М. Командир — пилот первого класса, Герой Советского Союза. В его летной практике это один из самых почетных авиарейсов. Вылетаем из Европы, а прилетим в Центральную Америку. В столицу Кубы — город Гавану. В аэропорт Хосе Марти. Желаю всем удачного полета. Вместе со мной еще шесть сопровождающих. Пятеро взрослых, которые тоже пострадали от чернобыльской катастрофы, а также бригада медиков. Уверен, что вы все хорошо перенесете полет. Кто-нибудь когда-нибудь летал на самолете?

Андрей увидел, что поднялась только одна рука. Это была Люба. Все посмотрели на девочку.

Люба: Я два раза летала. Один раз с мамой из Минска в Москву, а второй раз с папой. Он летчик и может бесплатно брать с собой одного члена семьи. Это было в 1985 году. Я летала из Гомеля в Брест — на 40-летие Победы над фашистами.

Все бойцы уважительно посмотрели на Любу.

Люба (продолжила): Лететь не страшно, интересно. Кто захочет, может спать. Этот самолет очень большой, можно ходить по проходу.

Тут Люба смутилась. Она поняла, что сказала глупость. Все дети были слабые и, конечно, в самолете им будет не до хождений.

Вожатый Евгений: Сейчас команду «вольно». У вас есть три минуты, чтобы попрощаться с родителями. Потом проходим паспортный контроль, и — мы уже за границей.

Некоторые из матерей едва сдерживали стоны. Отцы старались не подавать виду и пытались быть мужественными.

Валентина Павловна с Валерием подошли к Андрею. Мальчик застыл на месте и о чем-то сосредоточенно думал. Валентина Павловна взяла сына за плечи и повернула к себе. Валерий тоже наклонился к сыну.

Валентина Павловна: Сынок! О чем ты задумался? Что с тобой?

Андрей посмотрел на мать таким взглядом, от которого она вздрогнула. В нем читались отчаяние, мольба.

Андрей: Мама! Ты меня не бросаешь? Я живым вернусь обратно? Я сейчас вспомнил, как я сидел в комнате, смотрел телевизор, а двери в коридор и на кухню были приоткрыты. И как тебе тетя Тамара, мама Витюшечки, говорила, чтобы ты меня никуда не посылала. Мол, какой бы ни был, а все равно самое родное — сын. А если что и случится, то она с тобой вместе на могилы ходить будет. И говорила, что возле Витюшечки место есть. Мам! А если я умру, то тебе тело отдадут потом?

Лицо Валентины Павловны закаменело. Своими вопросами сын надрывал ей сердце. Она окинула взглядом других родителей. Матери тоже переводили взгляды

друг на друга. Тем самым они давали молчаливую клятву: не плакать, сдерживаться, улыбаться и вдохновлять своих детей на обязательное выздоровление.

Даже четырехлетний Тоник (Антон) поскуливал и ластился к матери.

Краем глаза Валентина Павловна увидела, как Люба упала лицом на грудь матери. Мать сдерживала эмоции и молчала.

Мать и сестра охали вокруг Дениса, чуть не причитая. Денис прикрыл глаза, откинулся головой на спинку коляски.

Неожиданно вмешался Валерий.

Валерий: Андрей! Ты отвечаешь за моральное спокойствие всех! Ты понимаешь это?

Андрей отвлекся от своих тягостных мыслей. Больные дети рано взрослеют. А если болезнь еще и длится долго, то они в некоторых вопросах даже мудрее своих родителей. Он обнял своих наклонившихся к нему маму с папой и сказал.

Андрей: Ждите здорового! Ищите невесту! У нас в доме три больших комнаты. Так что места на всех хватит.

Произнося эти слова, он сделал такое важное лицо, что Валентина Павловна невольно расхохоталась. Своим смехом она разбудила всех — и детей, и их родителей, и близких.

Вожатый Евгений понял, что пора командовать построение.

Евгений: Отряд советских детей «Несломленные»! В колонну по одному становись!

Первыми пошли больные взрослые. Открыли специальную калитку. Каждый держал паспорт, и все медленно двинулись вперед. За вынесенным из будочки столиком сотрудница ловко ставила штампы на одной из страниц паспорта, подтверждая вылет.

Родители еще стояли несколько минут и смотрели вслед.

Поднялись в самолет.

Как и обещал, Андрей опекал Любу.

Вожатый Евгений негромко подгонял больных детей: Проходим вперед! Не останавливаемся! Первый салон не наш.

Люба сделала несколько шагов и вдруг стала валиться набок. В кресло она села удачно, вся покраснелась и тяжело задышала. Подбежала врач и аккуратно отстранила Андрея.

Все остановились. Врач поднесла к носу Любы ватку с нашатырным спиртом. Быстро измерила давление. Тут же дала ей запить таблетку. И улыбнулась девушке.

Врач: У тебя все хорошо. Но дальше идти не надо. Оставайся здесь, а я сяду напротив, через проход.

Андрей протиснулся мимо Любы и уселся с ней рядом.

Стюардесса сострадательно посмотрела на детей. Постепенно прошли все.

Колясочников заносили на руках.

Мимо пронесли Дениса. Он вдруг скомандовал.

Денис: Остановитесь здесь. Андрей, пересядь к иллюминатору. Люба, пересядь к нему, а я пристроюсь с краю. *Затем повернулся к врачу:* Доктор, вы возражать не будете?

Так как все послушались и перемещения произошли, то возражать уже было поздно.

Сложенную коляску Дениса поставили перед первым рядом первого салона.

Постепенно все расселись. Вожатый Евгений ходил по проходу и считал детей.

Вдруг появились трое морских офицеров. Это были советские военнослужащие, которые летели на Кубу. Вице-адмирала сопровождали два капитана 1 ранга. Они зашли в салон и удивленно остановились: на их местах сидели дети.

Один из капитанов 1 ранга хотел было возмутиться, но посмотрел на лицо Дениса, потом перевел взгляд на побледневшую Любу и осекся. Другой капитан 1 ранга нарочито радостным голосом сказал.

Капитан 1 ранга: Товарищ вице-адмирал! Я думаю, мы и в хвосте хорошо устроимся?

Вице-адмирал согласно покивал, потом снял свою фуражку и надел ее на голову Любы.

Вице-адмирал: Будешь на Кубе моей дочкой!

Девушка слабо улыбнулась: В Союзе у меня один папа, а на Кубе будет другой?

Вице-адмирал засмеялся. Он снял с ее головы фуражку и достал из портфеля-дипломата фломастер.

Вице-адмирал: Как тебя зовут?

Девушка представилась.

На внутренней стороне фуражки он написал несколько слов, размашисто расписался, поставил дату и время. Затем приложил правую руку к виску и отдал фуражку девушке.

Они пошли по проходу дальше, а Люба прочла текст вслух.

Люба: Мой доченьке Любе. Возвращайся в Москву здоровой! Верю. Роспись.

Люба расплакалась. Андрей достал платок из левого нагрудного кармана, который предусмотрительно ему положила мама, и вытер ей слезы.

Денис вздохнул: А вот у меня папы нет. Ушел из семьи после чернобыльской аварии. Но я на него не сержусь. Алименты платит. В день рождения подарки передает. А вот сам не приезжает. Это моя бабушка, его мама, настроила отца: зачем тебе инвалид? У тебя еще дети будут.

Андрей бестактно поинтересовался: И что, дети есть еще?

Денис: Да, двойняшки родились. Им сейчас по полтора года.

Люба: Глупые вы оба! (*и тяжело задыхалась*).

Мальчики переглянулись и замолчали.

Полет начался. Стюардессы предложили конфеты «Взлетные». Постепенно сон охватил всех.

Вожатый Евгений и шестеро сопровождающих зорко ходили по проходам. Кому полет, а им — забота. Время от времени детей отводили в туалет.

Андрей тоже уснул. Проснулся он от того, что стояла полная тишина. Вожатый Евгений о чем-то разговаривал со старшей стюардессой. Люба спала. На ее коленях лежала адмиральская фуражка, которую она бережно обнимала двумя руками.

Денис не спал, а смотрел вперед, прислушиваясь к разговору вожатого и стюардессы.

Андрей тоже прислушался. Заметив, что Андрей проснулся, вожатый Евгений протянул ему красный галстук.

Евгений: Добрый день, Андрей! Видишь, комиссар, командир уже красный галстук одел. Ты одень тоже. Вместе с Любой первыми выйдете из самолета. А я буду стоять на верхней площадке и помогать ребятам.

Разбудили Любу. Она начала прихорашиваться. Длительный полет она перенесла хорошо.

Вдруг появился маленький Тоник. Он бесцеремонно похлопал вожатого Евгения по правому боку.

Антон: Товарищ вожатый! Мы уже прилетели? Давайте выходить!

Вожатый Евгений ласково потрепал Антона по голове: Антон! У нас же дисциплина! Нужно слушаться командира и комиссара.

Андрей отстегнулся и вышел в проход. Помог подняться Любе. Затем медленно, очень медленно, поднялся Денис.

Денис: Я посчитал: семнадцать ступенек на трапе. Я спущусь сам, держась за поручень. Ты меня, пожалуйста, поддерживай, Андрюша! А потом мне вынесут коляску, разложат ее и я буду чувствовать себя уверенно.

Андрей: Может, попросить сопровождающих, чтобы помогли тебе справиться. А то вдруг упадешь, травмируешься.

Денис напрягся: По тра-пу я сой-ду сам!

Вышли. Андрей ничего не замечал перед собой — только ступеньки трапа. После одиннадцатой ступеньки он почувствовал, что Денис наваливается на него все сильнее. Спустились на бетонные плиты аэродрома. Андрей поднял глаза и увидел перед собой очень большого высокого человека в форме защитного цвета и в берете. У мужчины была окладистая борода с проседью. На детей он смотрел добрым внимательным взглядом.

Андрей почувствовал себя сильным и уверенным и вытянулся. Это же чувство передалось и Денису.

Один из сопровождающих уже разложил коляску. Денис уселся в нее. Андрей с облегчением вздохнул и вдруг почувствовал страшную усталость. Он ухватился за ручки коляски и сделал несколько шагов вперед. Ему стало легче.

Следом стали спускаться ребята. За спиной Андрея стояли двое смуглых высоких мужчин и на плохом русском разговаривали друг с другом.

Один, указывая пальцем на стоящего на верхней площадке Евгения, говорил другому: По моим данным, это офицер КГБ, Евгений Крайнев. Но почему он не в форме и на нем красный галстук?

Мужчина постарше (ответил): Наверное, он работает вожатым. А считается, что служит офицером КГБ.

Молодой недоуменно продолжил: Альфредо! Получается, что КГБ — это друзья пионеров?

Мужчина постарше: А чему ты удивляешься? КГБ — друг всех.

Вожатый Евгений стоял на площадке трапа и приветственно махал встречающим рукой.

Мужчина постарше помахал ему в ответ. Более молодой коллега последовал его примеру.

Денис что-то негромко сказал Андрею. Он не расслышал, наклонился и переспросил.

Денис: Пусть все строятся справа от меня и ты поприветствуешь встречающих. И пионеров, и взрослых кубинцев. Я немножко подремлю.

Он вытянулся в коляске и прикрыл глаза.

Когда все спустились, Андрей скомандовал построение.

Вожатый Евгений легко сошел с трапа и передал Андрею забытую им сумочку с минеральной водой и лекарствами.

Вожатый Евгений: Комиссар! Будь внимательнее.

Тут же он разулыбался появившимся из-за спины Андрея двум мужчинам в штатском. Они поздоровались.

Кубинские пионеры бросились к советским детям, стали вручать им цветы и небольшие сувениры.

Андрей отrapортвал: Отряд советских детей «Несломленные» прибыл для лечения на Кубу. Все здоровы. Готовы следовать дальше.

Кубинцы добродушно рассмеялись.

Андрей смутился, потому что понял, что сказал не то.

Всех стали рассаживать по автобусам. А Андрей вдруг почувствовал, как большая сильная ладонь легла на его голову и погладила. Андрей понял, что это был тот самый высокий сильный мужчина в костюме защитного цвета.

Он услышал приятный баритон: Ола! Советские дети! Здоровья и счастья. Андрей тогда не знал, что это был команданте, руководитель Республики Куба Фидель Кастро Рус, который специально приехал, отложив все государственные дела, чтобы лично встретить советских детей.

Андрей хотел оглянуться, но постеснялся. В двух шагах от него, поддерживаемая маленьким Антоном, стояла Люба. Она терпеливо выдержала всю приветственную церемонию, но видно было, что она очень устала. Андрей подкатил коляску с Денисом к автобусу и передал сопровождающим. А сам устремился к Любе.

На аэродроме было жарко, но в автобусе прохладно, потому что работали кондиционеры. На четырех автобусах прибывшие гости поехали к месту постоянного расположения.

Они ехали по улицам города. Дети прильнули к окнам. Все вокруг было интересным и необычным.

Вдруг кто-то закричал: «Смотрите, ослик! Ящики с фруктами везет!»

Ослик важно вышагивал куда-то, куда его вела немолодая кубинка и не обращал на автобусы никакого внимания. Вероятно, привык к транспорту.

Приехали в Тарару.

В бывшем пионерском лагере разместился центр по лечению советских детей, пострадавших от чернобыльской аварии.

Вышли из автобусов. Все снова построились. Дети с гордостью смотрели, как на флагштоке поднимается советский флаг. Они поняли, что представляют страну.

Затем подняли кубинский флаг. Два стяга весело развевались под легким ветром, иногда касаясь друг друга.

Затем всех расселили в двухэтажных корпусах. Андрея поселили вместе с Денисом, Антоном и еще двумя мальчиками из Белоруссии. Это были двоюродные братья Борис и Глеб. Они были ровесниками Андрея.

(Окончание следует)

Игорь Карлов

(г. Эль-Кувейт, Государство Кувейт)

**ДВАЖДЫ КРАСНОЗНАМЕННАЯ ПОВЕСТЬ
ИМЕНИ ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ
ЦК КПСС, ПРЕЗИДЕНТА СССР
ГОРБАЧЕВА М. С.***

Лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Заведующий отделом международных связей журнала «Приокские зори».

IV

Ах, какой яркий, какой манящий свет! К нему мотыльком стремится душа, ибо подлинная жизнь лишь там, за ЕЁ окном, а то, что здесь, на остывающей в вечерней прохладе земле, — все смерть и тлен.

Ах, какой резкий, какой слепящий свет! От него бежишь опрометью, как застигнутый внезапно неуклюжий таракан, и хоронишься в щель, пока не обнаружилась твоя позорная слабость, твоя рабская привязанность, пока ОНА со своей высоты не заметила неказистую крошечную козявку, вызывающую лишь насмешки и желание размазать насекомое шлепком тапка.

Молодой человек неприкаянно бродит в надвигающихся сумерках у дома возлюбленной. Юноша то замирает, запрокинув голову, словно вкушая некую благодать, изливающуюся на него (на него одного! исключительно на него!) из заветного окна, то таится от посторонних взглядов в кустах палисадника или за деревом. Кому не знаком трогательно смешной образ скромного трубадура, беззвучно поющего серенаду под балконом прелестницы? Кто не сталкивался хотя бы единожды с таким трепетным воздыхателем?

Но преданный рыцарь, стоящий под окном своей дамы, не ощущает банальности ситуации, ибо он влюблен, влюблен всерьез, влюблен до умопомрачения. Свою большую любовь он меньше всего хотел бы выставлять напоказ, но совладать с собой не в силах, и неизменно приходит к таинственному замку, населенному феями различных рабочих специальностей и фабрично-заводскими троллями. Пылкий обожатель чуть ли не каждый вечер застывает у запертых крепостных ворот, которые стережет злобный огнедышащий дракон по имени Дуська, поднимает глаза горе и безотрывно глядит на четвертый этаж. Озорные работницы, возвращаясь со смены, перешептывались, указывая бойкими глазками на одинокую фигуру, хихикали. Парни косились недружелюбно: «К кому это он ходит?» Женатики снисходительно окидывали взглядом.

Витязь (звали его Саша) был, может быть, чуть низковат ростом, но в остальном — хоть куда. Густые русые волосы уложены волосок к волоску, открытый взгляд прозрачных серых глаз, мужественный подбородок, пропорциональное телосложе-

---

* Продолжение; начало см. № 2, 2017 «Приокских зорь»

ние. Поэтому неудивительно, что еще со школьных лет девчонки не давали ему прохода. Да и Саша откликался на их знаки внимания с готовностью, но как-то так выходило, что ни одна не смогла завладеть его сердцем безраздельно. В новые отношения юноша всегда пускался вдохновенно, восторженно, будто в сказочное странствие, но каждый раз увлеченность, счастье познания женщины, страсть в итоге вызывали эмоциональную опустошенность и пресыщение. Саша пришел к выводу, что так, наверное, у всех бывает, а потому надлежит оставить надежду на встречу с единственной в мире, предназначенной специально для него спутницей жизни. И тогда он стал беззастенчиво использовать свою привлекательную внешность, чтобы склонить очередную пассию к близости, а затем отправлялся в погоню за следующей жертвой. Подобный стиль отношений с прекрасным полом вошел в привычку, так что Саша уже и не видел в этом ничего зазорного.

Однако пришла настоящая любовь, любовь с первого взгляда. Саша, выпускник художественного училища, как раз начал работу над дипломным проектом. Он задумал двойной портрет в манере Глазунова: чистые одухотворенные лица, огромные печальные глаза, хоругвь на втором плане, предгрозовое небо фоном. «Перед Куликовской битвой» или «Князь Игорь»... Что-нибудь в этом роде, что-нибудь традиционно-новаторское. Концепция картины наметилась лишь в общих чертах, у Саши была только модель для главного персонажа — веселый русобородый студент-историк, выпивоха, подрабатывавший дворником во дворе дома, где Саша снимал комнату. Но нужна была героиня, условно говоря, Ярославна. Саша искал лицо.

Может быть, эта женщина сурова, гневна, в глазах ее горит огонь ненависти к супостатам, она стоит плечом к плечу с мужем и сама, если потребуется, готова поднять справедливый меч. Может быть, она кротко взирает на супруга снизу вверх, умоляя взглядом об одном: «Вернись живым!» А может быть, не на супруга, а на сына? Может быть, она преклонных лет? Или юна, почти девочка?.. Жизнь должна была дать Саше лицо.

Ход своих творческих поисков Саша периодически поверял любимому педагогу, изгнанному, впрочем, из числа преподавателей училища за пьянку. Когда начинающий живописец приходил в его квартиру, Станислав Борисович искренне радовался, проводил гостя на кухню и немедленно наливал по стакану самогона. Пожилой художник быстро хмелел, лицо, вывездившееся мелкими малиновыми жилками, начинало подрагивать, подкатывали пьяные слезы, и речь непременно заходила о мастерах прежнего времени. Свернуть Борисыча с этой темы было уже невозможно: он многословно рассуждал о ничтожестве мазни современников по сравнению с творениями великих предшественников, он понимал всю глубину падения актуального искусства, он недоумевал по поводу творческих стремлений молодежи.

— Ты писать хочешь? — спрашивал старик Сашу, как бы удивляясь желанию юноши заниматься живописью. — Ты?! Писать хочешь?! Да нам ли с тобой, шмакодявкам, малевать на холстах? Что мы можем? «Веселые картинки»? Я всю жизнь отдал художественному училищу! Зачем? Для того чтобы воспитать десяток зрителей. Зрителей, толковых зрителей, не художников. Нам с тобой не писать надо, а ходить по музеям! По Третьяковке и Русскому музею. Все! Ходить и трепетать перед мастерами!

Станислав Борисович смахивал слезу:

— Ах, как они могли! Как они творили! Цвет! Рисунок! Композиция! И, главное, великое сердце за всем этим. Великое сердце! Полет духа к горным вершинам, парение всего существа! Ведь старая картина это же что? Это обращение к тебе как к равному. А равны ли мы с ними? Не-ет! Нам только «Веселые картинки» рисовать. Соцреализм какой-нибудь. Ты вот Ярославну ищешь, а тебе не Ярославна нужна, а доярка. Мясистая такая доярка: нос картохой, глаза серые, на щеках румянец... Тебе не

холст надо грунтовать, а возьми картоночку да плакатик сваргань «Решения XXVII съезда в жизнь». И доярку там нарисуй с грудями, сисястую, чтобы ее саму заместо коровы доить можно было! А вот ОНИ,— Станислав Борисович длинным пальцем указывал себе за левое плечо,— ОНИ могли!!

Саша следил глазами за жестом учителя, но не видел ничего, кроме зеленых обоев ядовитого оттенка. Однако палец Борисыча так настойчиво тянулся в пустоту, что необходимо было выяснить, что же там такое. Саша делал глоток из вновь наполненного стакана, и тогда казалось, что за стеной притаились Репин, Серов, Бенуа, Тициан,— словом, ОНИ. Становилось не по себе. Вдруг войдут и спросят строго: «Ты писать хочешь? Ты? Ты?!» Полы старой «хрущевки» скрипели от приближавшихся шагов. Для храбрости Саша залпом выпивал остатки мутной сивухи. И вот дверь из коридора приотворялась, в кухню заглядывала... жена Станислава Борисовича. Наваждение проходило, тучная растрепанная женщина раздраженно захлопывала дверь.

Станислав Борисович опускал голову на грудь, длинные седые волосы спадали ему на лоб. Речь пенсионера становилась все менее отчетливой:

— Да, у нас — «Веселые картинки». А вот они... Ты только представь себе. Они же брали на себя ответственность. Ведь что такое «Над вечным покоем»? «Боярыня Морозова»? «Демон»? Это жизнь. Они создали жизнь. Они демиурги! Представь себе: взяться и написать «Девятый вал». Это непостижимо! Вот это искусство, а не то что мы... Эх! Да ведь что же они сделали? Они нам ничего не оставили, все у нас отняли, все пережили, превозмогли, нас обокрали. На сотни лет обокрали. Мы — ничто. Нас нет. Плевки на асфальте перед Эрмитажем значительнее нас! Как они могли-и-и!

Станислав Борисович начинал рыдать в голос. Вновь возникала в дверном проеме его жена: «Опять завыл, тварь невыносимая!» Эти слова адресовывались ее благоверному, но при этом женщина косилась на Сашу, давая ему понять, что и он отчасти тварь, и его присутствие в квартире выносятся с трудом. Саша внимал и уходил, не получив никакого совета относительно замысла своей картины.

Руководитель дипломного проекта, художник Цымбаларь, тоже ничем не помог. Его не интересовало виденье студентом полотна; ему было все равно, какой предстанет героиня картины; его сверхзадача заключалась в неукоснительном соблюдении сроков. Вечно занятый росписью какой-нибудь чайной, Цымбаларь отмахивался от надоедливого ученика:

— Ну, пиши без женщины. Одних мужиков.

— Нет-нет,— возражал Саша.— Мне нужен женский образ. Мать-земля. Родина-мать. Вера, надежда, любовь. Это же женщины! Без женщины нельзя.

— Ну, потом пририсуешь. Основа-то есть. Давай, пиши, не теряй времени,— Цымбаларь смотрел на часы.— До сдачи совсем мало времени осталось. Ты меня подводишь.

Саша опускал голову, замолкал. Повисала томительная пауза. Цымбаларь, желая поскорее разрешить возникшие затруднения, подсказывал начинающему собрату по цеху несколько конструктивных ходов:

— Ну, не знаю... Если лица нет, ты ее напиши со спины. Или анфас, но под покрывалом. Такой большой платок, спадающий складками. Под складками не видно лица. Это современно: пусть зритель додумывает, какая она. Сейчас надо творить поновому. Без участия зрителя нет картины... А что, если, скажем, героиня вообще присутствует как черный овал? Князь — красный треугольник? А? Интересно? Сейчас так модно...

Саша молчал. Цымбаларю становилось совсем скучно, и он убежал, бросив на прощание:

— Давай, не тяни. Время поджимает...

А Саша никак не мог заставить себя приняться за работу. Станислав Борисович стакан за стаканом вливал в него яд творческого бессилия, Цымбаларь же механически повторял: «Давай, не тяни!» Душа болезненно раздваивалась между желанием создать новую «Неизвестную» и стремлением сдать диплом вовремя. Тупик!

Остро понимая всю безвыходность ситуации, Саша, тем не менее, последние дни, оставшиеся до сдачи государственного экзамена, обреченно тратил попусту: не за мольбертом, а блуждая по улицам в поисках натурщицы. Грустнее всего было то, что в городе не оказалось ни одного женского лица. Округлившиеся бабские ряшки — вот они; глупые мордочки смазливых девчонок — на каждом шагу; грубо раскрашенные гримом, потасканные, усталые до бесчувствия, испуганные до злости, хищные в своей затаенной хитрости маски представительниц «слабого пола» — сколько угодно. А лиц не было! Женщин не стало! Саша начал понимать, что дело не только в утрате секрета старых художников. Писать некого, поскольку люди не носят больше в сердце своем души, а в голове — мысли, и лица их, без горьких складок в уголках губ, без веселых морщинок у глаз, без рельефных, выпуклых лбов, утратили особость и скоро превратятся в одинаковые, гладкие, лоснящиеся воздушные шарики.

Открыв для себя эту горькую истину, Саша подивился гениальности модернистов, ознаменовавших собой конец эпохи иконописных ликов и начало периода плакатных мордovorотов. Как смело нам показали нас же самих в искривленном, покрытом трещинами зеркале современного искусства!

И вот, когда творческая энтропия окончательно парализовала волю, когда фрустрация достигла пика, Саша вдруг встретил свою Ярославну. Причем произошло это настолько буднично, обыденно, что потребовалось немало времени для осознания масштаба произошедшего.

Однажды, торопясь вскочить в отходивший от остановки трамвай, юноша с разбегу наткнулся, словно на стену, на спокойный, несуетный взгляд. Саша почувствовал, что больно ударился об это лицо, отпрянул назад, чуть не сорвался с подножки переполненного вагона, но, подтянувшись к поручню, оказался в буквальном смысле у ног молодой женщины. Но та ничего не заметила. Она смотрела сквозь людей, и глаза ее были озера, в которых все отражалось, но ничто не могло смутить величественной глади. Как-то сразу стало понятно: ОНА, НАШЕЛ. И слова эти были применимы не только к картине (не столько к картине!), но и к художнику. Он чувствовал, что нашел не модель, а судьбу.

Странно, но точнее всего описать ее внешность Саша мог бы, перечисляя недостатки, а не достоинства. В линиях почти круглого лица не было никакой утонченности. Волосы и брови неопределенного белесого цвета. Серо-голубые глаза глубокие и лучистые, но покрытые какой-то пеленой, словно на выцветшей фотографии. Нос... обыкновенный, простецкий прямой нос. Губы полные и мягких очертаний. Хотя это, наверное, уже достоинство. Или нет? Подбородок круглый и тоже мягкий, с ямочкой. Короче говоря, детальный физиогномический разбор не вдохновил бы живописца, а вместе с тем черты эти манили таинственной гармоничностью.

Почти неуловимые штрихи одухотворяли весь облик: мягкие складочки в уголках губ, едва угадываемые ямочки на щеках... А выразительнее всего были, конечно, глаза — с поволокой, как будто туман стоит над лесными озерами, с лучистыми искорками, словно уютный костерок теплится над водной гладью. Оно влекло к себе, это сокровенное пламя, манило отправиться в захватывающее путешествие, в поход к загадочному озерному берегу, к романтичному одинокому огоньку, в поход длиною в целую жизнь.

Лицо женщины было почти младенческим, детским и при том, казалось, останется неизменным до старости. Впервые увиденный, ее образ представлялся знакомым,

даже родным; он не воспринимался, а вспоминался. Вот такое лицо искал художник для картины: оно и для прощания перед боем, и для встречи после длительной разлуки; и для страстных долгих поцелуев, и для платонического созерцания. Оно таит умение простить мужчине предательскую слабость, но оно же внушает мужественную непреклонность. Хотя, не греша против истины, можно утверждать, что заключенное в этих как бы узнаваемых чертах гармоничное спокойствие скрывало в себе также и природную лень, и туповатое безразличие...

Когда же незнакомка сошла с подножки трамвая, стало понятно, что и фигура ее ничего экстраординарного собой не представляет: все было на своих местах и выглядит привлекательно, но что-то слишком просто. А между тем Саша (он, конечно, подобно сомнамбуле, в отдалении следовал за своей Ярославной от остановки до самых дверей, за которыми она скрылась, и, не смея проникнуть далее, долго силился понять, есть ли какой-нибудь смысл в слове «общежитие», начертанном на табличке рядом со входом) дивился этой женщине, как загадке, равной Сфинксу и Джоконде.

С этого дня все пошло вразнос. Саша почти перестал посещать занятия в училище. Живопись больше не интересовала его, ибо вдруг оказалось утраченным всякое представление о фактуре мира и о цветах его. Юноша чуть не сутками валялся на кровати в съемной комнатке коммунальной квартиры либо бродил окрест рабочего общежития с единственной целью: хотя бы издали взглянуть еще раз на поразившую его женщину. Он не решался подойти и заговорить с ней, он не знал о ней ничего, даже имени. Единственное, что выведал, высчитал, угадал Саша после продолжительного топтания у ставшего почти родным крыльца — где находится окно ее комнаты. Вот отрада! Робкий воздыхатель теперь не просто обшаривал томным взглядом фасад здания, а сосредотачивался на заветном прямоугольном проеме, и изредка в награду за преданность ему дано было любоваться словно бы заключенной в картинную раму фигурой своей возлюбленной.

На предварительной защите дипломной работы Саша ничего не смог показать своему руководителю. Художник Цымбаларь пришел в ярость, кричал, стучал пальцем по столу, пугал преисполненного равнодушия студента тем, что документа о завершении образования тому не видать как своих ушей. В ночь перед сдачей «госа» Саша счистил с холста все наброски, по-новому загрунтовал его, наложил крупными мазками бежевый фон, набросал какие-то фиолетовые уступы. На переднем плане изобразил большой красный треугольник, из-за которого выглядывал черный овал. Поставил подпись и для верности приписал: «Киевская Русь».

Председатель выпускной комиссии мутными глаукомными глазами долго вглядывался в представленное полотно, потом страдальчески сморщил лицо, обвел собравшихся недоуменным взглядом, как бы ища поддержки, и попросил Сашу выйти. Закрывая дверь аудитории, Саша слышал, как уверенно басил Цымбаларь:

— Я возмущен не меньше вашего. Где они только набираются этих идей?! Мы же с вами их этому не учим!.. Наброски он мне показывал совсем другие. Интересные, реалистические...

Вот так Саша не стал дипломированным специалистом. Однако ему удалось устроиться художником-оформителем в кинотеатр «Слава». Своей работой молодой человек был доволен, поскольку малеванье циклопических афиш нисколько не отвлекало от мечтаний о НЕЙ. А вечерами рыцарь печального образа неизменно занимал свой пост под стенами общежития. Созерцая единственное в мире окно, он подспудно накапливал запас духовной энергии и собирал в кулак волю, которая понадобится ему однажды, когда он все-таки поднимется на четвертый этаж и откроет ЕЕ дверь... Что будет дальше, Саша еще не придумал.

В подвале «Славы», где помещалась сырая «художка», Саша все глубже погру-

жался в готическое мировосприятие, поэтому вполне закономерной показалась произошедшая в один из дней материализация из промозглой тьмы подземелья некоего странного существа. С шелестом летучей мыши подкралось оно сзади и остановилось за спиной. В тишине слышались только звуки скольжения кисти по натянутой на подрамник дерюге да свистящее дыхание необычного пришельца. Осторожно оглянувшись через плечо, Саша увидел фосфоризировавшие глаза, неотрывно следившие за движениями флейца. Пользуясь гипнотическим трансом незнакомца и пустив руку широкими махами, Саша смог рассмотреть ассиметричное скорбное лицо с высоким морщинистым лбом, запавшими глазами и жидкой бородкой, сутулую тщедушную фигуру, облаченную в траурное одеяние. Несостоявшегося живописца поразило детальное сходство этого человека с портретом Микеланджело. Так он навсегда и остался в глазах Саши двойником титана Возрождения, даже когда выяснилось, что таинственный гость всего лишь дворник при кинотеатре. В современном мире Микеланджело, конечно, не мог стать никем иным, кроме запойного уборщика мусора!

Они сдружились, и это была странноватая дружба. Вербальное общение сводилось к минимуму, поскольку дворник отличался редкостным косноязычием, а Саша под напором нахлынувшего чувства, казалось, навсегда потерял интерес к разговорам. Если безмолвный товарищ являлся к нему в подвал, то мог часами с неподдельным интересом наблюдать за процессом грунтовки, за тем, как из-под кисти появлялись буквы или изображения людей. А Саша в его присутствии уже не так остро переживал одиночество, но в то же время был избавлен от необходимости делиться с кем-то своими интимными переживаниями. Юноше казалось, что так неожиданно обретенный наперсник без слов понимает его мятущуюся душу, прозревает в афишных поделках все страдание его трудной любви. Странную роль играл дворник в жизни Саши: он стал Санчо Пансой и Квазимодо одновременно.

Дворник как будто понимал, что оказался единственным и лучшим ценителем Сашиного творчества, самой Сашиной жизни. Желая ответно раскрыть перед другом свое самое сокровенное, он приучил паренька пить одеколон. От глотка оглушающей маслянисто-пахучей субстанции Саше становилось легче, появлялась вера в себя и в чудеса: если удастся выживать после такого чудовищного насилия над организмом, значит он сможет пить и расплавленный металл, и ртуть, и спать на гвоздях, и ходить по углям... И, наверное, если опорожнить несколько пузырьков «Полета», можно оторваться от земли, красиво влететь к НЕЙ в окно, взять любимую за руку и беспрепятственно затащить в облака... Похоже, Шагал тоже употреблял одеколон не только как парфюмерное средство!

Пристрастившись к суррогатному алкоголю, Саша стремительно разрушался. Сначала исчезли убитые одеколоном вкусовые ощущения, затем подступила глухота, а там уж приближалось помешательство. Но все это воспринималось логическим продолжением процесса перерождения, начавшегося после встречи с Ярославной. И то, что он перестал как художник видеть цвета, и то, что отказывали другие органы чувств, проистекало из невозможности принять такое устройство мира, при котором непостижимая тайна любви помещается в несовершенном и по-бытовому доступном женском теле. Почему приходится мучиться, оттого что однажды увидел незнакомую, чужую женщину? Возможно ли, чтобы смысл человеческого существования помимо воли человека помещался вне него самого? Что происходит?

Споткнувшись тогда в трамвае о любовь, споткнувшись на ровном месте, Саша уже не в состоянии был найти надежные ориентиры. Поэтому краски и созвучия разбредались бесформенным стадом, и выстроить их в систему, воссоздать прежнюю чувственно воспринимаемую картину мира не представлялось возможным.

В подвале рядом с «художкой» постоянно работал репродуктор, но хрипы его

почему-то не складывались в членораздельную речь или музыку. Саша пытался что-то говорить вслух с собой наедине, пробовал петь — и ничего не слышал. Он старался выговаривать слова очень медленно и очень громко. Получалось еще хуже: какая-то какофония несочетаемых по высоте и продолжительности звуков. Однако дворник участливо внимал Саше, кивал головой в знак согласия, иногда блаженно улыбался. Саша брался за кисть, писал ровными или волнообразными строчками названия фильмов, срисовывал с фотографий портреты актеров. Выходили чудовищные мертвецы с лицами, потравленными адскими тенями. А директор кинотеатра, принимая работу, довольно кивал головой, хлопал оформителя по плечу, произносил что-то, и только приложив невероятные усилия, Саша разбирал, как сквозь толщу воды, несколько слов из его блеяния: «Мо-ло-дец! По-хо-же!»

От всего этого Саше хотелось выть, и иногда он выл. «У...у» — для разгона басовито пробовал он. Потом делал глубокий вдох и выдавал долгую руладу, сходу забираясь на высоченные ноты: «У-у-у-у-у-у!» При этих звуках даже в глазах дворника мелькал страх. Вой дрожал, отскакивая от стен подвала, крутился в кубовой, заставлял подрагивать стекло в форточке кассы. Однажды, желая разобраться в происходящем, в «художку» заглянула кассирша, трепетавшая, как жертвенная овца. Она увидела Сашу, который, одну ногу поставив на необтянутую холстиной рамку и поволчьи запрокинув голову, самозабвенно выводил: «У-у-у...у-у-у...у...у-у-у-у!» Рядом сидел на ящике дворник. Черный халат его сливался с полумраком, а голова покачивалась в такт завыванию. Похоже было, что искушенный меломан внимает своему кумиру. У старенькой билетерши прибавилось седых волос, и больше в подвал она не спускалась, хотя слыла бойкой бабенкой и даже достаивалась несколько лет назад нагрудного знака «Отличник ДНД».

Постепенный распад личности сделал ежедневные сеансы завывания необходимою, заменой творчества. Саша вполне серьезно начал считать издаваемый им рев проявлением сути искусства, находил в нем множество оттенков, как на палитре: чаще всего болезненно-заунывный, он иногда становился ярким, жизнеутверждающим. А что если отраженные в звуках цвета его души выставлять в галерее, как картины? А что если кроме похожего на Микеланджело мусорщика найдутся и другие ценители? Вот это, действительно, был бы новый подход к искусству, невиданное ранее слияние творца и публики, прямое, без посредства холста и красок...

Но это возможность, будущность. Сейчас же самым ужасным было то, что вампирские приступы воя стали накатывать на Сашу в людных местах, в частности, под окнами рабочего общежития. Он, конечно, сдерживал себя, соображал: заберут. Хотя спецбригада из психушки ему уже определенно предуготовлена. Саша понимал это с каждым днем все отчетливее, и только один вопрос по-прежнему саднил в мозгу занозой: а из-за чего, собственно, он сходит с ума? Почему именно на него в одночасье свалились и беспросветная любовь, и осознание собственной бездарности, и неэстетичность окружающей жизни, и алкоголизм, и дружба с дворником-Квазимодо? Чем Саша заслужил столь жалкую участь — торчать в подвале кинотеатра и ощущать свою раздавленность? Доколе его судьбой будут вонючая полутемная «художка» и костоломная любовь?!

А сегодня вдобавок ко всем злоключениям Саша увидел за распахнутыми створками на четвертом этаже какого-то мужчину. В ЕЁ, то есть в его, окне маячил посторонний человек... Он по-хозяйски пускал дым из того окна, которое уже несколько месяцев было для Саши средоточием всех помыслов и эмоций...

Ревности юноша не испытал, и от этого стало даже капельку легче: раз нет ревности, значит, изначально не было и любви. Той любви, когда держатся за руки в кинозале на последнем сеансе, а ладони потеют, и это приятно. Той любви, когда

фага, Мендельсон, «Горько!» Когда дети, пеленки, дни рождения. Саше на долю выпало другое: любовь-удивление, любовь-радость-узнавания-что-ОНА-живет-на-свете. Все равно, где, как, с кем живет, но ОНА есть, и это удивительно прекрасно. Поэтому Саша, который вдруг открыл для себя, что бескорыстие — высшее любовное наслаждение, активно, деятельно не хотел сближения с возлюбленной; достаточно лицезреть ее издали. Нет, ревности не было. Но и жизни не было. Следовало срочно что-то предпринять. Что???

Мужчина в окне докурил и резким мощным щелчком запустил окурок в небо. Саша невольно проследил глазами за тем, как нарочито медленно вычерчивалась в сумерках светящаяся парабола. Вот огненная точка потянулась в высоту, вот, обессилев, зависла в зените. В этот миг остановившегося полета Саша по какой-то неуловимой ассоциации представил себе лицо любимой, и впервые оно виделось без ослепительных лучей своей таинственной гармонии, исключительности. Вроде бы даже не существовало боготворимого лица, раз оно оказалось не редкостным, а заурядным, обыденным, таким же, как у тысяч других женщин. Любопытное предположение стало постукивать в висок: а если вся прелесть очаровавшего его лица заключалась в совмещении черт множества лиц, которые он попытался полюбить в одном?.. Окурочек начал замедленно падать прямо на голову молодому человеку, а тот заворуженно смотрел на это пике и не догадывался отойти в сторону. Багровый огонек становился крупнее, выделился еще явственнее, перелетев со светлого фона неба в земные сумерки. «Что я делаю? — подумал Саша и отступил на шаг.— Что я тут делаю?» Нелепость последних месяцев его существования вдруг обозначилась совершенно отчетливо. В голове неожиданно высветились целые залежи хлама, целые завалы нечувствительной глупости. Сознание стало проясняться лишь сейчас, когда Саша увидел окурок, летящий из окна на четвертом этаже, словно любовное наваждение за секунду было отсечено огненным клинком. И едва уголек шлепнулся на асфальт рядом с его ботинком, художник двинулся прочь, будто чей-то голос строго распорядился: хватит терять время в беспомощном топтании на ступенях общежития, нужно завтра пойти к ней и объясниться, а дальше видно будет.

Саша размашистыми шагами двинулся мимо шеренги высоких кустов, высаженных вдоль тротуара, не подозревая, что идет напрямик на встречу с неведомым. А когда в полутемной аллейке перед ним предстало привидение, подумалось: наверное, это усыпленный одеколоном разум рождает чудовищ, или, может быть, пылинка влетела в начинающий слепнуть глаз. Однако, несколько раз энергично потрянув головой, юноша убедился: действительно, на фоне беспросветности начинавшейся ночи прямо на его пути осязаемо бледнело нечто человекоподобное. Саша смекнул, что судьба приготовила ему еще одно испытание мистикой. Ну, значит, надо пройти и через такое! Парень не свернул в сторону и даже не остановился, только сместился на ходу ближе к кустам, чтобы все-таки обогнуть привидение, а не проходить сквозь его туманное тельце. Однако призрак зеркально повторил маневр человека. Саша принял в другую сторону — фантом тоже. Расстояние между ними стремительно сокращалось, столкновения уже нельзя было избежать. Саша, по-прежнему не сбавляя скорости, вытянул руки, чтобы отстранить надвигающееся видение, но и оно взмахнуло краями своего савана, явив во тьме сереющий ромб. Они столкнулись, схватив друг друга за плечи, почти обнявшись. Из-под свисающего кипенного колпака зияющая чернотой пустота зазмеилась каким-то шершавым шипением: «Хочешь спастись?»

Тут бы юноше завывать с небывалой силой, чтобы выражавшаяся в его волчьей колоратуре неизбывная тоска разметала привидение в клочья сероватого марева. Но Саша не меньше, чем призраков, боялся милиции или санитаров, поэтому молча отбивался от крепко державшего его существа. С минуту они возились, сосредоточенно

сопя, и постепенно парень стал уступать в борьбе. Ничего другого не оставалось, и он все-таки взвыл. Сначала коротко, словно клонув жилистую белую массу в то, что у человека считалось бы лицом: «У!» Затем монотонно и длинно, как злая, бесчувственная корабельная сирена в океанской дымке: «У-у-у-у-у-у-у!!!» Привидение испугалось, отшатнулось и свалилось, нецензурно ругаясь.

Саша огляделся, сам оглушенный собственным воем. В окнах окрестных домов возникали встревоженные лица, из дверей общежития опасливо выглянула подвязанная теплым платком старушка. Звонок в милицию последует через минуту. Молодой человек оправил одежду и, боязливо поглядывая на поверженное привидение, копошившееся под простыней, ускоренным шагом удалился. «Да ну его к черту, этого дворника с его одеколоном!» — подумал Саша.

V

«Сколько же психов развелось на свете!» — ворчал про себя Иммануил. Он лежал на жестком равнодушном дорожном покрытии, пытаясь выпутаться из складок своего белого балахона. Высота поднебесья давила на Иммануила всей тяжестью, и он невольно медлил, еще мгновение хотел поваляться на земле, отдохнуть, прежде чем встать, чтобы влачить дальнейшее существование. Шершавый асфальт, почти растворившийся в войлочных сумерках, уже остыл, однако едкая тротуарная пыль впитала весь дневной урожай печального августовского солнца и оставалась тепла и летуча, поэтому быстро забила пазухи носа. Иммануил несколько раз чихнул. Со стороны могло показаться, что в уютной темноте кто-то хихикает высоким голосом. Язвительный вечер кривил рот в змеиной улыбочке, наблюдая за человеком, запутавшимся в простыне.

Столкновение с юношей, резко пахнувшим одеколоном, и последовавшее падение привели Иммануила в смятение: «С виду приличный парень, а воем, как ненормальный! Главное, воем как жутко. Просто мороз по коже». Иммануил, наконец, поднялся. Страхивая пыль с измызанного наряда, он испытал глубочайшую грусть: сколько ни колоти ладонью по некогда белоснежной ткани, все равно следы нечистоты на ней оставались заметны. И это наглядное подтверждение до обидного однозначной пословицы «Береги честь смолоду...» очень раздражало. «Ну, все, теперь только выбросить!» — с досадой решил Иммануил, прекратив попытки вернуть балахону первоначальный вид. Он огляделся по сторонам. Никого вокруг. Но видимость спокойствия обманчива: человек в белом одеянии кожей ощущал, что прячущиеся за оконными стеклами люди наблюдают за ним пристально и неприязненно. «Надо поскорее отсюда сматываться, а то еще меня заметут вместо того психа», — Иммануил ускорил шаг и не останавливаясь прошел мимо входа в общежитие, которое с таким трудом разыскал в этом глухом, враждебном районе.

Вообще, Иммануил не любил бывать в отдаленных концах города — здесь его кипенное одеяние всегда вызывало агрессивную реакцию. Именно в предместье постоянные угрозы и многократные попытки избить странного пришельца реализовывались с удручающим постоянством. Иммануил хорошо себя чувствовал на центральных улицах: там народ сдерживает эмоции, там больше людей с высшим образованием, с духовными запросами. Там легче вступают в разговор, легче подают. Правда, там же находятся и церкви, которых на рабочих окраинах не сыскать. Ну да сколько их, действующих-то, даже и в центре? Кот заплакал.

От церквей Иммануилу следовало держаться подальше, поскольку он в настоящее время сам работал святым. К своим тридцати шести годам Иммануил кем только ни побывал! Он (правда, тогда у него имя было другое) учился в институте, служил в

армии и даже какое-то время занимал должность замполита ракетного дивизиона, был инженером на заводе, директором заводского клуба... Всякого повидал!

Где-то под Кременчугом росла в чужой семье его дочь. Возможно, что детей было несколько, Иммануил точно не знал. Расписан был дважды, дважды разведен. А уж сколько женщин сопровождало ветреника на тернистом жизненном пути — не сосчитать. Теперь, по причине святости, приходилось себя ограничивать. Всего две у него сейчас... послушницы, так сказать.

Главное, чего всегда хотел добиться Иммануил в ходе своих профессиональных и семейно-бытовых метаморфоз, была независимость от командиров, рабочих графиков, жен и домочадцев. Теперь это, наконец, было достигнуто. У святого свобода полная. Проголодался — тут тебе и обеденный перерыв. Захандрил — вот тебе и выходной день, валяйся на диване. Загляделся на облако интересных очертаний — стой, любуйся, проводи сам с собой летучку и производственное совещание. Кроме того, всегда рядом истеричные, согласные на все последовательницы. Плюс ко всему — власть над людьми, которые полностью подчинялись ему, безвозмездно отдавали свое время, жертвовали свое имущество. Доходы у основателя новейшей общины единоверцев не шибко высокие, но сносно существовать можно... Словом, Иммануил устроился в жизни, что и говорить. Казалось бы: живи и радуйся.

Но! Свойственно человеку в мечтаниях своих заглядывать за горизонты обыденности, потому мало кто довольствуется тем, что имеет. Любой уверен, что достоин лучшего, чем выпавшая ему участь. Вот и Иммануил: вроде — святой; чего сверх того желать? А возжелал. До неприличия даже... Хотелось Иммануилу расширить и обособить свою общину. Ему представлялось поселение вроде пионерского лагеря или военного городка. В центре — его резиденция, лучами расходятся от нее улицы, застроенные домами (или палатками хотя бы, на первое время) с послушниками. Все так чинно, вышешенно... Единственная власть в поселении — Иммануил, единственный закон — его воля, единственный завет — его желания.

А что могло помешать создать такую колонию? Иммануил был уверен в реалистичности своего плана. Вся жизнь подводила будущего вероучителя к выводу: люди не хотят свободы, боятся ее. Это отчетливо наблюдалось и в общественных отношениях: чем меньше жесткости проявляло государство, чем терпимее относились оно к шалостям своих подданных, тем больше дурели граждане, тем охотнее приходили к Иммануилу. Соотечественники массово стремились вручить свою судьбу кому-то мудрому. Прежние начальники оказались дискредитированными, косность и глупость партийной номенклатуры была разъяснена населению в печати, и общественное мнение восприняло это разъяснение с радостью, ибо раньше и само так считало, только опасалось открыто проявлять фрондерство. Теперь же, прочитав свои потаенные думы напечатанными в газете, общественность уверилась в них, как в аксиоме. Поэтому срочно требовался новый нравственный авторитет, но непременно такой, чтобы ни обликом, ни строем мысли не походил на отринутых вождей, на кумиров уходящей эпохи. Наиболее нервные советские люди искали надежного духовного прибежища, устоев которого не поколебали бы возможные грядущие «перестройки». Естественно, что самым прочным должно было стать нечто противоположное насаждавшемуся официальной идеологией кондовому материализму, нечто эфемерное, желателно мистическое. Тут Иммануил и предлагал себя, как осязаемую, но нетленную святыню. Он разрешал все проблемы, снимал все стрессы. Он успокаивал и излечивал. Он уводил от обрыдшей грязи существования в гармонию грез. И чего же требовал взамен? Сущую безделицу: обесценивающиеся деньги, неудобные квартиры, ломающиеся автомашины. Люди с охотой расставались с этим мусором, обменивая его на чувство причастности к стаду белых агнцев, ведомых мудрейшим и блаженнейшим из пасторов.

Убедить же адептов в их собственной избрности для Иммануила не состав-

ляло труда. Он вообще умел говорить с людьми и шел к своему виртуозному мастерству поэтапно, начиная со школьных лет. В то время как несознательные отроки под любыми предлогами стремились сбежать с вмененных им в обязанность собраний членов ВЛКСМ, Иммануил неизменно там присутствовал и непременно брал слово. Маленький прыщавый докладчик, горделиво держа спину, чуть приподняв подбородок, чем напоминал гимнаста перед выполнением упражнения, поднимался на сцену актового зала школы и приступал к сеансу болтологии. Он вещал азартно, слегка подвывая от верноподданнического восторга, а речи его были настолько долги и нудны, что даже президиум собрания изнемогал от изрекаемых пошлых, но надежных, как валенок, комсомольских истин, однако остановить болтуна никто не решался. Иммануилу, который, стоя на трибуне, ощущал свою неуязвимость за непробиваемой броней марксизма-ленинизма, нравилось видеть, как постепенно млела аудитория, внимая ему. Юный оратор сладострастно предавался словесному блуду, снова и снова с садистским восторгом вколачивая в головы слушателей гвозди идеологически выверенных фраз, сознательно десятки раз повторяя опорно-ключевые понятия советской риторики, чувствуя, что через несколько часов этой добровольно-принудительной ритуальной пытки люди согласились бы отдать себя на самую чудовищную казнь, только бы не слышать очередного демагогического пассажа.

А после собрания Иммануил, словно страстный коллекционер, бережно перебирал в памяти осколки впечатлений от комсомольских радений, подолгу питался этими воспоминаниями, набирался от них сил для будущих ораторских подвигов. Сопливы Цицерон смаковал пикантные детали своего выступления: как до прозрачности пустели глаза парторга-завуча; как впадал не то в транс, не то в дремоту приглашенный на собрание гость, старичок из числа первых комсомольцев; как постепенно покрывался обильным потом толстый председатель собрания из выпускного класса, как находившиеся в зале старшеклассники томно взмахивали ресницами, равнодушно-порочно заводя вверх глаза, — ох, не о решениях партии и правительства они думали, грешные плотские мысли обуревали их, но сидели вместе со всеми, покорно слушали...

Потом, когда годы учебы остались далеко позади, Иммануилу с кем только ни приходилось беседовать: с нерадивыми солдатами, с пьяницами-работягами, с капризными провинциальными деятелями культуры, с торговыми работниками, с сотрудниками правоохранительных органов... И при необходимости любого удавалось заболтать до такого состояния, что собеседник закатывал глаза, начинал невольно кивать головой в такт словам речеплета, наконец, соглашался на все, лишь бы прекратить ведущийся по всем правилам, но тошнотворный разговор.

Словом, у Иммануила был несомненный талант — он умел добиваться в итоге общения нужного ему результата. Дар редкий, безусловно, востребованный в жизни позднесоветского общества, но, как и другие выдающиеся способности в этой сфере, не дававший своему носителю материальных выгод, адекватных одаренности. Наверное, в годы революции и гражданской войны Иммануил построил бы головокружительную карьеру. Он был способен распропагандировать и привести в стан «красных» хоть казачью сотню, хоть полк колчаковцев. Но кого агитировать на восьмом десятке лет существования советской власти, когда все и без того уже на все согласны и во всем убеждены?

Конечно, в Советском Союзе формирование у населения коммунистического мировоззрения не прерывалось ни на минуту, но давно уже перестало быть делом вдохновенных ораторов и превратилось в конвейер идеологической обработки с помощью массовых методов воздействия, поддающихся контрольным замерам и цифровым измерениям. Стать к такому конвейеру доверяли далеко не каждому, специалистов

отбирали тщательно, отдавая предпочтение проверенному номенклатурному резерву, в который входили, по большей части, люди, связанные личными симпатиями и общими интересами. «Блата» у Иммануила не было, он мог рассчитывать лишь на собственную расторопность, а не на покровительство кого-либо из сильных мира сего. Поэтому к вершинам успеха приходилось ползти с самых низов, с должности армейского политработника в отдаленном гарнизоне. Это неперспективное, пыльное и беспокоейное место не интересовало «позвоночников» (сынков высокопоставленных чиновников), но было доступно «простому советскому человеку».

Однако в грубоватой, далекой от игры мысли и прямолинейной среде служивого воинства Иммануил чувствовал себя неуютно, его горделивая артистичность оказалась чужда подчеркнуто мужественному стилю общения офицеров. А самое главное, выяснилось, что наследники пламенных комиссаров Красной армии с настороженностью и даже отчасти брезгливостью относятся к коллегам, у которых хорошо подвешен язык. Начальник Иммануила прямо так ему и говорил: «Ну тебя на хрен! Чего ты выступаешь все время? Ты чего-нибудь ляпнешь, а мне отвечать за тебя, чудака. Молчи, на хрен. Молчи! Понял?» Словом, проявить все свои недюжинные способности Иммануилу не давали, перспектива карьерного роста оказалась сомнительной, а других резонансов тянуть армейскую лямку не находилось. Иммануил уволился из вооруженных сил.

Полученное образование позволяло работать и по гражданской специальности, но производственная деятельность угнетала не меньше, чем служба в войсках. Иммануил страдал, задыхался в рамках рабочего дня, двадцатирублевое инженерское жалование могло дать ощущение лишь прозябания, а не жизни. А в груди клокотали силы, бурлили соки, трепетали желания. Смутные эти позывы влекли его от одной должности к другой, и каждый раз все оказывалось не то, совсем не то, чего он хотел! Новые места работы мелькали надоедливой каруселью, а кадровики по своему беспроволочному телеграфу уже передавали друг другу нехорошее слово: «Летун».

От женщины к женщине Иммануил тоже метался беспокойной птицей, хотя уже многократно убедился, что ни одна не способна дать ему чего-то большего, чем быстрая и часто самопроизвольная разрядка. И все же Иммануил кидался на каждую юбку, словно бык на красную тряпку, потому что разговор с женщиной перед тем, как она согласится, позволял оттачивать умение убеждать.

Ни привлекательностью, ни мужественностью Иммануил не отличался, напротив, имел грубо обтесанное вытянутое лицо и нескладную оглоблеобразную фигуру. Но выбранная им фемина редко могла устоять перед мастерством риторика. Находились даже такие экзальтированные натуры, которые от одной только болтовни речистого казановы чуть ли не до оргазма доходили. Однако чаще всего несчастные отдавались неказистому любовнику буднично и скучно, лишь бы только отделаться от него, лишь бы не приставал больше с занудной болтовней; а затем поспешно отправлялись по своей жизненной дороге дальше, деловито поправив лифчик, отряхнув колени, стараясь поскорее забыть произошедшее, как это бывает с женщиной после легкого столкновения с автомобилем.

Годы шли своим чередом, и Иммануилу, уже выдохавшемуся, уже почти смирившемуся с тем, что придется покорно встроиться в сложившийся порядок вещей, казалось, что он проживает чужую жизнь, расходуя сведавший его проповеднический жар на мелочи. Но тлевшая в глубине души жажда нового поля деятельности, яркого, пусть даже опасного поприща все-таки реализовалась, правда, в неожиданной для него самого форме.

Однажды в курилке один из сослуживцев по конторе, в которой Иммануил в ту пору зарабатывал трудовой стаж, с шиком вытащил из кармана не «Яву», не «Сто-

личные», а пачку «Пелл Мелл». Мужики вокруг зацокали языками, закачали головами, потянули руки: «Дай-ка попробывать». Молодой инженер, впервые ощутивший себя душой взрослой компании, слегка зарумянился и милостиво разрешал брать даже по две сигареты. Зависть к этому ничтожеству, разыгрывавшему не то доброго барина, не то закутившего купчика, к этому молокососу, вмиг ставшему центром всеобщего внимания, злым огоньком засветилась в зрачках Иммануила. Ему немедленно захотелось выглядеть так же солидно и привлекательно, поэтому после работы он приступил к коллеге с расспросами, словно с ножом к горлу. Иммануил был так настойчив, так лихо взял парня в оборот, что минут через сорок бедолага сдался. Затравленно кося глазами, поминутно сбрасывая с рукава ладонь Иммануила, он рассказал все, что знал: адрес, имя сбытчика дефицита, возможные контакты. На лице юного пижона поочередно отражались страх и изумление, ведь он ощущал себя предателем, открывшимся малознакомому человеку, хотя еще час назад был убежден, что под пытками не признается, как попали к нему иностранные сигареты. Начинающий конструктор ясно осознавал теперь свой дальнейший путь: тюрьма, этап, каторга, гибель на лесоповале. Для него навсегда осталось загадкой, как это случилось, что нескладный долговязый Иммануил, удалявшийся с холодным презрением победителя, за полчаса перечеркнул всю его карьеру, растоптал всю его жизнь.

А для Иммануила дальнейшее оказалось делом техники, стоило лишь найти того фарцовщика, на которого ему указали, и вступить с ним в разговор, хотя, конечно, «расколоть» вчерашнего студента и разговорить прожженного делягу — не одно и то же. Во время этого щекотавшего нервы словесного поединка будущий святой, пожалуй, первый раз почувствовал, что схлестнулся с достойным соперником. Тот, кстати, тоже оценил напористость и хватку Иммануила, рискнув включить его в число своих клиентов. Постепенно у новоявленного нелегального перекупщика стали появляться редкие дорогие вещи, которые на зарплату не купишь. На их приобретение шла прибыль с продажи товаров, взятых на реализацию у того же барыги. Так Иммануил превратился в «теневика».

Он все чаще брал на работе «отгулы» или приносил начальству подозрительные больничные листы, все чаще можно было заметить его слоняющимся с ярким полиэтиленовым пакетом под мышкой около центрального универмага. Оценивая поглядывая на сновавших мимо вероятных покупателей, он иногда подходил к кому-то вплотную и тихо, но отчетливо спрашивал: «Джинсы надо?» Конечно, далеко не каждый мог себе позволить приобретение редкостных брюк по спекулятивной цене, но Иммануил с присущим ему умением убеждать в пять минут склонял сомневающегося к покупке. И вот уже завелись у Иммануила лишние деньги, а модные вещи, приятные напитки, деликатесы, хорошие сигареты стали повседневной и необходимой будничностью. И вот уже у него роман с кассиршей из галантерейного отдела универмага, забавный флирт с девушкой из «Электротоваров» и интересная интрижка с продавщицей из «Мужской одежды».

Жизнь стала яркой и насыщенной, каждый день приносил радость. Иммануил пытался разобраться в веселой чехарде своих эмоций, но не мог подобрать внятное определение тому, что переживал. Пожалуй, наиболее точно передать его праздничные ощущения можно было бы, если сконструировать такую фантастическую ситуацию: мальчишка купил за десять копеек билет на детский киносеанс, а его провели на фильм, на который дети до 16 лет не допускаются, да еще в буфете бесплатно вручили мороженое... И вдобавок по счастливому билету в кино он, как в лотерею, выиграл велосипед «Орленок».

Вот какое безбрежное счастье испытывал Иммануил! Ему нравилось, придя в контору, где лежала его трудовая книжка, натянуть маску незаметного мелкого клер-

ка, но при этом осознавать, что никто из сотрудников не догадывается о двойственности его существования, не знает его настоящего лица. Когда же пожертвованный государству рабочий день завершился, Иммануил погружался в атмосферу красочного представления: он ощущал себя то персонажем заграничной мелодрамы, то героем шпионского фильма и тогда перепроверялся — нет ли за ним слежки, уходил от воображаемого «хвоста», ловко скрывался от милиционеров. А при дележе с фарцовщиком дохода, полученного от очередной спекуляции, Иммануил играл пирата, сбывающего награбленное, и бешено ругался за каждую копейку, хотя уже был избавлен от необходимости вести строгий счет финансам.

На этом интереснейшем этапе жизни Иммануил открыл для себя, что деньги действуют на людей так же неотразимо, как и правильно подобранные слова. Более того: слова, завернутые в солидную купюру (так же как и капиталы, сопровождаемые нужными словами), обретают небывалую, полностью поработавшую человека силу. Эту аксиому Иммануил крепко запомнил и положил в основу своей грядущей святости, до которой, впрочем, было еще далеко. Пока же он почувствовал, что, наконец, нашел свое место под солнцем. Он «кайфовал»! Он уже подумывал о том, что для полной нирваны стоило бы уволиться из конторы и без остатка посвятить себя фарцовке...

Закончилось все очень некрасиво. Однажды в сомнительной компании Иммануил играл в карты и проиграл очень много. Пришлось влезать в долги, пришлось скрываться и от шулеров, и от заимодавцев, пришлось срочно и потому дешево продавать ценности, пришлось расстаться со всем, что было накоплено. В конце концов, обобранный Иммануил оказался в больнице с сотрясением мозга, сломанными ребрами, разбитым лицом и нервным срывом.

Когда Иммануил вернулся к работе в своей шарашке, коллеги с трудом узнали его, настолько он был тих, подавлен. На его лице застыла извиняющаяся улыбка разочарованного идиота, что вызывало жалость и искреннее сочувствие сослуживцев. А сам себе он был просто противен, поскольку никак не решался преодолеть робкую молчаливость, пришедшую на смену переполнявшему его прежде кипучему красноречию.

И долго все оставалось плохо, пока однажды зимой в городском парке Иммануил не столкнулся со своей бывшей одноклассницей. Несмотря на лютую стужу, она разгуливала без головного убора и в легком тренировочном костюме. Притопывая от холода, женщина рассказала Иммануилу о недавно возникшей в городе группе последователей Никифора Кошкина, столетнего старца, закалившего свой организм до каких-то сверхъестественных степеней и собиравшегося прожить еще век. На следующий день Иммануил явился на занятие учеников Никифора, проходившее в том же парке на льду замерзшего пруда.

То, что он увидел, потрясло: бородатые нестриженные пенсионеры прямо на снегу оголяли тщедушные телеса, а затем бодро погружались в прорубь; рядом дородные тетки обливались студеной водой, от их розовой тугой плоти валил банный пар; молодые мужчины с обнаженными атлетическими торсами окунали в ледяную купель красных, извивающихся, словно черви на крючке рыболова, орущих младенцев. От одного лишь созерцания этих картин Иммануила, одетого в подбитую ватой куртку, начинало знобить. Все происходящее воспринималось запредельным кошмаром, но окружающие излучали не омраченное какими-либо сомнениями жизнелюбие. С изумлением глядя на них, Иммануил начал догадываться, что существует в мире нечто более значительное, чем дефицитные товары, которыми он прежде спекулировал, что есть на земле ценности, которые не смогут отобрать у него ни уголовники, ни власть. Ему настолько захотелось сей же час приобщиться к этим ценностям, что он стал неторопливо и вместе с тем решительно снимать свою одежду, пока не оказался в одних несвежих «семейных» трусах. Иммануил как будто подвергся солнечному

удару, хотя мглистое зимнее солнце не посылало людям ни единого импульса тепла. Он не вполне отдавал себе отчет в своих поступках, но интуитивно постигал, что имеет возможность прямо сейчас избавиться от угнетавшей его несколько последних месяцев подавленности, что получит шанс вернуться на стезю наполненной радостью жизни, только если станет действовать нестандартно и дерзко. Оступаясь босыми ногами на колочем снегу, как бы починившись чьей-то чужой воле, Иммануил подошел к краю курящейся проруби, зачерпнул ведром воды, поднял посудину над головой и с мазохистской медлительностью перевернул днищем кверху. Обжигающий липкий холод пронзил Иммануила, тысячами бритв врезался в тело, проник в самую суть его естества. Описать это ощущение было сложно, лишь промелькнула мысль о том, что, наверное, так чувствует себя изнасилованный человек. Однако в этом грубом насилии содержалась возможность очищения. Ломающая кости, выкручивающая суставы вода окончательно смыла терзавшие его уныние и разочарованность.

На другой день Иммануил вновь оказался в больнице, на этот раз с воспалением легких. Выход из лечебницы стал возвращением к активной деятельности, к пламенным речам. Миру явился самый ревностный апостол учения Никифора Кошкина, готовый горы свернуть, дабы обратить в новую веру как можно больше людей.

Грандиозный план созрел еще на больничной койке. Иммануил загорелся идеей привести к открывшемуся ему под струями ледяной воды исповеданию всех соотечественников, все человечество и уже в деталях представлял себе, как устроится это дело. Зародится великое начинание из первичной общины, которую Иммануил организует, возглавит, превратит в орден самоотверженных нестигаемых рыцарей, готовых пожертвовать собой ради грядущего приобщения рода людского к откровению от Никифора Кошкина. Взращенные Иммануилом члены общины пойдут по миру, основывая свои ячейки Сообщества Причастных к Возрождающему Закаливанию. А вскоре частая сеть таких ячеек покроет планету, и вечная жизнь без болезней, без уныния откроется народам Земли!

Но начинать следовало с малого, и Иммануил приступил к реализации задуманного с упорством, достойным восхищения. Он прошелся по инстанциям, необыкновенно веско говорил с чиновниками разных уровней и в итоге убедил начальство назначить его директором клуба, подведомственного предприятию, на котором трудился. Энергии новоиспеченного руководителя учреждения культуры хватало и на самодеятельность, и на ремонт туалетов, и на покупку баянов... Однако главное, ради чего на самом-то деле функционировал отныне клуб, свершалось раз в неделю. Вечерами по средам здесь происходило камлание во имя Никифора Кошкина. Со всего города добирались сюда аскетичного вида мужчины с горящими глазами и маленькие неприметные женщины, самозабвенно отринувшие косметические средства и погоню за модными тенденциями.

В закрытом для посторонних клубе в такие дни не работал даже гардероб, поэтому в холодное время года на прилавке перед пустовавшими вешалками вырастала гора чудовищных кроликовых ушанок и шуб из искусственного меха со свалывшимися блестящими космами. Все это скидывалось в кучу с таким пренебрежением к собственности вообще и к верхней одежде в частности, что в следующий момент можно было ожидать ритуального сожжения псевдопушнины. Проходя мимо этого потенциального кострища, директор клуба неизменно потирал руки и улыбался, видя в нем прообраз мирового пожара, который вот-вот разгорится.

Сбросив стесняющие пути шуб, пальто и курток, действительные члены секции моржевания имени Никифора Кошкина обнимались с такими радостными возгласами, словно еженедельно заново обретали братьев и сестер во закаливании. Непосвященным эта восторженность могла бы показаться гипертрофированной, однако посе-

тители полулегальных собраний приветствовали друг друга не только как союзников, но и как сотоварищей по яростному истязанию плоти, ставившему их впрямь на грань выживания. Крепче родственных уз сплавивала друзей привычка к телесным мучениям во имя... Впрочем, не так уж важно, во имя чего. Часто человеку хватает ощущения причастности к движению единомышленников, цель же движения оказывается второстепенной или вовсе присутствует в снятом виде.

По вечерам в среду неистовые моржи собирались в кабинете директора клуба, чтобы обменяться информацией о произошедшем за неделю, рассуждали о том, насколько окрепло подвергаемое закалке тело, насколько укрепился от этого дух, докладывали, сколько километров пройдено босиком по снегу. Обсуждали доходившие до них временами новости о Никифоре Кошкине, путешествовавшем пешком по России. А когда собеседники вдруг разом стихали, захлебнувшись волнами душевной теплоты и взаимного интереса, кто-нибудь многозначительно бросал взгляд на стоявший здесь же старенький кинопроектор. Собрата понимали без слов. Иммануил в который уже раз доставал свернутый в рулон портативный экран, гасил свет в кабинете, и начинался очередной коллективный просмотр любительского фильма с изложением катехизиса закаливания.

На ветхой пленке Кошкин был запечатлен бредущим по какой-то слякотной распутице в кедах, спортивных трусах и солдатской майке. Изображение было нечетким, переснятым с экрана на таком же тайном собрании неведомо в каком городе, невесть в каком году. Фокус киноаппарата постоянно «плавал», отчего Никифор предстал прозрачным существом с неразличимыми чертами лица. Уверенно воспринималась лишь пушистая и длинная седая борода, словно это был некий Дед-Мороз для взрослых. Глядя на движущуюся картинку с расплывчатыми красками, каждый член секции невольно задавался вопросом: узнает ли он своего кумира по этому изображению, доведись невзначай встретиться со старцем? Да и возможна ли такая встреча? Может быть, Кошкина в действительности не существует, а есть лишь мутные пятна на размытой пленке? И каждый себе на это отвечал: если бы Кошкина не было, его следовало бы придумать!

Когда затертая кинолента обрывалась, проектор «Украина» какое-то время жужжал в абсолютной тишине на фоне ровного яркого белого квадрата пустого экрана. Потом включали освещение, но зрители старались не смотреть друг на друга, стесняясь счастливых глаз, выражавших удовольствие сопричастности к великому. Мужчины сосредоточенно молчали, покачивая головами, дамы, не обращая ни к кому, роняли: «Какая все-таки в нем мощь, энергия...» И тогда с новым приливом сил продолжали говорить о том, о чем уже было не раз говорено.

Центром всех ассамблей был, конечно, Иммануил. Он не только предоставлял помещение для встреч, он также составлял расписание занятий, писал объявления, созванивался с кем-то, кому-то давал советы и почти безостановочно говорил, говорил, говорил... Авторитетные ученики Никифора отнеслись к неофиту с ласковым уважением, на собраниях постоянно подчеркивали, как важна для всех фигура директора клуба, деятельного последователя кошкинского учения, давшего кров непризнанным и гонимым апостолам оздоровления. Иммануилу сулили познакомить его если не с самими Никифором, то с человеком из ближайшего окружения старца. Сообщалось это таким тоном, будто обещанное знакомство принесло бы ослепительное счастье на всю долгую жизнь плюс индульгенцию лет на триста в загробном мире.

Единственное, что омрачало жизнь обласканного вниманием сотоварищей директора клуба, — организм отказывался поддаваться закалке. Импульсивность натуры не позволяла Иммануилу постепенно втягиваться в моржевание, и он всегда перебарщивал, как во время своего первого ледяного омовения, он не желал понемногу при-

выкатать к обливаниям и обливаниям, а стремился сразу спать на снегу. По таковой причине Иммануил был перманентно простужен, что, разумеется, никак не шло одному из апологетов здорового образа жизни. Так исподволь росло напряжение в отношениях с последователями Никифора Кошкина: те начинали с подозрением коситься на вечно чихавшего и кашлявшего Иммануила, он же, в свою очередь, раздражался оттого, что вредные моржи никак не хотели открыть ему секрет моментального избавления от болезней.

А тут одной головной болью стало больше у руководителя ведомственного очага культуры. Однажды к нему пришла странная делегация: работники райкома комсомола вместе с какими-то подозрительными личностями. Предложение последовало, мягко говоря, неожиданное. Директора клуба просили разрешить провести в малом конференц-зале закрытый диспут по религиозным вопросам. Иммануилу эта затея сразу не понравилась. Действительно, полуполюгальных сборищ учеников Кошкина более чем достаточно; к чему еще и верующие во вверенном ему клубе? Это уже могло быть воспринято общественностью как тенденция, и тенденция очень нехорошая. Он посоветовал посетителям зайти на недельке, а сам после их ухода набрал несложный номер и сообщил обо всем в компетентные, как принято говорить, органы.

Неожиданно для себя Иммануил получил почти разрешительный ответ. Органы бархатным баритоном высказались в том смысле, что он, конечно, прав, что со своими раздумьями обратился в соответствующие органы, но органы ничего никому не запрещают, и он как руководитель учреждения вправе сам решать, что проводить, а чего не проводить. Вот, например, он (ни с кем, кстати, не согласовывая) регулярно организует в собственном кабинете, мягко говоря, странные... как бы это сказать... посиделки, что ли, некоторых одиозных товарищей. И ведь никаких препятствий ему не чинили, не правда ли? Так вот, возвращаясь к нашим баранам, если он как руководитель учреждения примет самостоятельное (самостоятельное!) решение разрешить неформальным религиозным деятелям собраться (без всяких афиш, разумеется, и в очень узком составе), то желательно сообщить в органы о времени проведения данного мероприятия. Тогда органы назовут двух-трех специалистов, которых стоило бы пригласить на подобную дискуссию, помимо имеющегося списка.

Первое, о чем подумал Иммануил, положив трубку после этого непростого телефонного разговора,— кто из сторонников закалывания по системе Никифора Кошкина является специалистом из компетентных органов, внедренным в несанкционированную организацию, помимо имевшегося списка? Перебрав в памяти всех соратников, к однозначному ответу незадачливый морж не пришел. Второе, в чем попытался разобраться Иммануил,— почему КГБ попросту не запретил намечавшийся клерикальный шабаш? Видимо, чекисты хотят, чтобы такое сомнительное мероприятие все-таки состоялось. Зачем? Собирают материал на районных комсомольцев? А может статья, материал собирают на него, на директора клуба? Нет-нет, ни в коем случае нельзя разрешать никаких двусмысленных сборищ! Потом Иммануил думал так: «А может, контрразведка проводит хитрую комбинацию с целью выявить... кого-нибудь там выявить, и я своим отказом сорву оперативную разработку?» И, наконец, махнул рукой: «Пропадите вы все пропадом! Я доложил куда надо, а вы делайте, что хотите!..» Иммануил позвонил в райком комсомола, затем вновь в Комитет, согласовал дату проведения диспута и с тревогой ждал приближения назначенного срока.

И вот настал тот день, который оказался поворотным в судьбе будущего святого. К условленному часу конференц-зал заполнили неформальные религиозные деятели. Иммануил даже не предполагал, что их в городе такое количество и что они на первый взгляд ничем не отличаются от обычных граждан. Как один из самых заинтересованных наблюдателей он пытался разобраться: кто из собравшихся верующий, кто

комсомолец, а кто специалист из компетентных органов. Но тщетно директор клуба искал наружных атрибутов неформальной религиозности — инструктор райкома ВЛКСМ внешне ничем не отличался от баптиста (кстати, это показалось Иммануилу принципиально неверным!). Пожалуй, лишь кришнаиты выделялись из толпы собравшихся некоторыми внешними атрибутами своего культа.

Деловито оглядев заполненную на две трети аудиторию, ведущий дискуссии сказал вступительное слово, и началось...

Активнее всех оказались как раз кришнаиты. Они демонстрировали свои барабанчики, какие-то яркие отрезки материи и показывали картинки с божками, имена которых запомнить было невозможно. Иммануилу особенно понравились два из них. Один с золотистой кожей, а вокруг все цветы, цветы, и на шее у него цветы. На лбу — пятнышко. Другой, тоже с точкой на лбу, был совсем голубенький, словно бы отороженный. Иммануилу жалко стало заиндевшее божество: директор клуба и сам так синел, неумеренно закаливая свой организм у проруби. Адепты сознания Кришны горячо заверяли собравшихся в том, что их убеждения не противоречат советской политической системе, а следовать этим взглядам приятно и полезно, поскольку кришнаизм не столько религия, сколько философская и этическая система.

Отвечать диковинным сектантам вызвалась начинающая сотрудница райкома. Видно было, что она старательно подготовила свое выступление, но когда начала говорить, то смешалась и с минуту молчала, затравленно оглядывая зал. Ей на выручку ринулся старший товарищ, назидательно и веско заявив, что бога нет, а религия, пусть даже она маскируется под систему моральных норм, отвлекает от социалистического строительства, «перестройки» и «демократизации», поэтому нечего сбивать молодежь с пути поступательного развития советского общества, затуманивая головы юных строителей коммунизма мистическим дурманом. Закончив краткое, но емкое выступление, комсомольский руководитель сердито посмотрел на сбившуюся подчиненную: вот, мол, приходится за тебя отдуваться, чтобы встреча проходила строго по утвержденному сценарию.

Кришнаиты отвечали в том смысле, что социализм и все такое — это важно, но надо же и о душе подумать. А их верование вполне подходит для строителей коммунизма, так как требует не жесткого соблюдения обрядов, а только самосовершенствования, что и для комсомольцев полезно. Например, перед субботником или демонстрацией можно медитировать всей «первичкой». Или рабочий, пришедший после смены. Он мог бы дома или в общежитии входить в особое состояние духа, что отвлекло бы от пьянства и драк на танцевальных вечерах, приводя в итоге к росту производительности труда целых коллективов.

Потом слово взяла не вполне сознательная девица из несоюзной молодежи и произнесла ключевую фразу: «Я, конечно, в бога не верю, но что-то такое есть...» Кришнаиты в ответ кивали: есть, есть, конечно. Да и вся публика оживилась, видимо, близко к сердцу приняла соображение о том, что «что-то такое есть». В зале зашумели, стали высказываться, не дожидаясь очереди, вразной. Певчий из местного кафедрального собора спорил с кришнаитами: «Вы же русские люди. Зачем вам Кришна? Ведь та любовь и всепрощение, о которых вы говорите, — это же Христос! Идите в православный храм».

Иммануил подумал: «Ну да! Сейчас они пойдут в церковь! Здесь все почти не старше тридцати, а в церкви одни только бабки собираются». Он смотрел на кришнаитов, смотрел на певчего, и сравнение было не в пользу последнего. Те были молодые, красивые, в джинсах (возможно, ранее уже проходивших через руки некогда бедового фарцовщика, ныне культуртрегера-миссионера), в ярких свитерах, с цветными бисерными повязками на головах и запястьях, а этот — худошавый мужчина

средних лет в сером бесформенном пиджаке... Сразу было видно, что и личная жизнь у него неудачная, и вера его мудреная.

Не только Иммануилу, всем собравшимся стало немного стыдно за певчего. Как он, в самом деле, не понимает, насколько интереснее быть кришнаитом, у которого есть и синенький, и золотистый божки!

Долго потом еще спорили в конференц-зале клуба. Говорили то по очереди, то все разом. Слушали, прежде всего, себя, однако улавливали кое-что из речи оппонента. Видели в собеседнике одновременно и заблудшую овцу, которую, болезную, надо спасти, наставив на путь истинный, и непримиримого противника, коего следует без жалости повергнуть в прах... Расходились, как после любого беспредметного спора, с головной болью.

Директор клуба так никогда и не узнал, для чего КГБ разрешил проведение той контролируемой религиозной провокации; впрочем, данный вопрос перестал волновать Иммануила, после того как он убедился, что никаких неприятных последствий состоявшегося действия не повлечет. Гораздо интереснее оказались мысли, пришедшие в голову по завершении диспута, на котором парадом прошли представители разных конфессий, показав виртуозное владение казуистикой спора и навык заorno, без раздумий отвечать на все каверзные вопросы, на все нападки. Иммануил, искушенный в риторике, как мы помним, с отроческих лет, по достоинству оценил проповедническое мастерство завоевывать симпатии слушателей и превращать противников в сторонников. Решительность и изворотливость клерикалов весьма импонировали, манили постичь тонкости ораторского искусства, однако главным было другое. Во время протекавшей на его глазах идеологической битвы Иммануила осенило: оказывается, каждому из нас важнее хлеба насущного найти во враждебном мире родственную душу и уверить окружающих в том, что родственные нам души прекрасны!

Открытие это по степени влияния на человечество достойно было бы Нобелевской премии, но Иммануил не миг осознал его значимость. Он перепроверил себя, вспомнил все, что происходило с ним в жизни, что было ему известно из рассказов окружающих, и убедился: верно! Только это и нужно людям. А между тем, именно этого они лишены.

Восхищенный своим озарением, Иммануил захотел безотлагательно сделаться кришнаитом, но по зрелом размышлении отказался от этой идеи: у тех уже есть собственные гуру, главные по Кришне, а он-то сам рассчитывал стать главным. Или даже (чем черт не шутит!) новым Кришной. Нужно было найти что-то свое!

В сознании Иммануила стали возникать очертания неслыханного предприятия, которое могло исключительно возвысить его. Страсть к самозабвенной болтовне, неудовлетворенные лидерские амбиции, туманный мистицизм, привычки выжиги-спекулянта смешались в пропорциях, необходимых для возникновения критической массы, и взметнули в голове грибок ядерного взрыва. Иммануил решил вернуться к фарцовке, но фарцевать отныне намеревался... Богом. Он станет монополистом, единственным сбытчиком благодати. Он превратится в Никифора Кошкина — непогрешимого учителя, но без всякой моржовой дребедени. Он будет оптом продавать людям самый надежный, недевальвируемый товар — образ жизни. В комплект поставки входят также нерушимые устои братства единоверцев, увлекательные обряды, а по требованию и чудеса. Цена на первый взгляд может показаться покупателю завышенной, но зато какое качество! Фирма! Самый писк моды! Кроме того, приобретая этот товар, вы навсегда обеспечиваете себе отсутствие сомнений, безмятежное и бездумное следование непреложным указаниям наставника. А в каком другом месте вы сейчас достанете душевное спокойствие? Только у Иммануила! Плюс ко всему продавец каждому гарантирует оригинальную упаковку и длительную независимость от всех других продавцов смысла бытия.

Замысел был, безусловно, авантюрный, поскольку до сих пор лишь правящий режим имел право торговать образом жизни, а покушения на казенную монополию всегда чреватые дурными последствиями. Иммануил ощущал себя отчасти фальшивомонетчиком и опасался, что за подделку идеологических ассигнаций может подвергнуться суровому наказанию. Но с развитием «перестройки» прежде всем очевидные жестокость и неизбежность кары со стороны обманутого государства стали казаться все более иллюзорными. Приступы гнева коллективного советского социалистического самодержца со временем явно смягчались, так что при умной постановке дела риски от спекуляции мировоззренческими ценностями можно было свести к минимуму, а барыш предполагался бешеный.

Игра стоила свеч, но надо было еще многое обдумать, подготовить, прочесть, обеспечить минимальную материальную базу грядущего духовного прорыва. Поэтому Иммануил, внутренне уже переродившись в главу религиозной общины, оболочку своего существования на долгое время оставил неизменной: заурядный директор клуба, по-прежнему занимающийся туалетами и баянами.

Начиная восхождение к святости, Иммануил, прежде всего, пересмотрел отношение к системе Никифора Кошкина, поскольку она только до тела человеческого касалась, а душу рассматривала лишь как волевой резерв закаливания. Да и надоело все время ходить простуженным! Потихоньку начал отваживать своих вчерашних собратьев по ледяному крещению: еженедельные встречи стали ежемесячными, потом собирались от случая к случаю, вне графика, а потом Иммануил объявил о начале затяжного ремонта в своем кабинете, и собрания вовсе прекратились. Однако долго еще вечерами по средам приходили к зданию клуба изможденные люди с горящими глазами. Они как бы ненароком прогуливались у входа и, когда дверь распахивалась перед тем, кто имел право доступа, с тоской бросали ревнивые взоры внутрь недоступного теперь для них помещения. Наверное, Адам и Ева вот так же топтались у потерянного парадиза и, прильнув к щели в заборе, пытались хотя бы издали увидеть елисейские поля. А если раздавался скрип заповедных врат, то прародители подбегали к раскрывающимся створкам и грустно наблюдали за тем, как здоровенный битюг выволакивал из рая телегу, переполненную запретными плодами. Небритый ангел в телогрейке шел рядом с повозкой, щелкал вожжами, рассуждал сам с собою: «Вот ить сколько яблоков нападало... Куды их теперь? Битые все, червивые. На вино только, на вино... Но, пошел!»

Активисты секции моржевания, самые закаленные из закаленных, несколько раз встречались с Иммануилом, но говорили мало, уповая больше на то, что, увидав их, прежний собрат устыдится. Выразительно смотрели в глаза, немо вопрошая: «Как же ты мог стать предателем? За что ты нас так? Одумайся!» Иммануил игнорировал их многозначительные взгляды, ссылаясь на объективные причины невозможности продолжения собраний. Несколько раз намекал, что не сошелся же свет клином на Никифоре, что есть и другие достойные, даже с оттенком святости, люди... Вот если бы ради такого человека собираться, то можно было бы что-то придумать с помещением. Но тупоголовые кошкинские активисты не понимали намеков. А может, понимали, но не могли представить себе святого иначе как старцем с белой бородой, бредущим босиком по тающим снегам.

«Ну и черт с вами! — решил про себя Иммануил. — Свежий воздух любите? Вот и гуляйте по свежему воздуху!.. Хоть бы баба какая дала, а то так только... Время трачу...» Это была правда: за весь период увлечения закаливанием ни одна из женщин не стала добычей Иммануила. Поэтому он расстался с последователями Кошкина без терзаний и сомнений. Он решительно изгнал Никифориан из своего храма баянистов и чтецов-декламаторов. Больше того, Иммануил даже затаил в душе ощущение

ние обиды, как будто подвергнутые остракизму соратники что-то ему обещали, но не сдержали слова.

Иммануил методично нагнетал внутри себя ощущение собственной святости, и скоро окончательно утвердился в этом чувстве. Теперь можно было восходить на следующую ступень возвышения, убеждая окружающих в своей избранности и исключительности. Хотя бы одного для начала. Хотя бы одну. Капитальный вопрос встал перед Иммануилом: «С кого начать?» Тут и вспомнилась ему райкомовская работница, та самая, что на сходке религиозных деятелей начала было говорить про несовместимость развитого социализма с религией, да осеклась. Иммануил познакомился с ней поближе, на двух первых свиданиях молотил языком так, что даже уставал, а на третий вечер затащил в постель «разведенку», которая на сидячей бумажной работе давно истосковалась по ласке. Через неделю, прошедшую в угаре сумасшедшей любви, мужчина под большим секретом открыл своей любовнице, что он не просто так себе человек, вообще-то имя его Иммануил, он святой, пророк и мессия. Разогретая страстью комсомолка сразу и безоговорочно в это поверила, и следующая неделя любовных утех стала еще более медовой. Иммануил нарек свою избранницу матерью Апоксионарией и вскоре убедил ее, что снизошедшая на них избранность не должна оставаться тайной для человечества, надо открыться людям. У матери Апоксионарии нашлись две незамужние подружки, которых и обрекли стать первыми посвященными...

Дальнейшие события доподлинно восстановить невозможно, но по клубу, где директорствовал Иммануил, поползли нехорошие, скабрзные слухи; ночные сторожа возвращались с дежурства во взвинченном состоянии, прятали глаза от домашних и мрачно отмалчивались. А однажды ранним майским утром клуб нежданно посетила некая начальственная дама. Накануне она отмечала здесь свое пятидесятилетие и забыла забрать подарок коллектива — чайный сервиз на двенадцать персон. Решив до работы исправить оплошность, она вызвала персональную машину пораньше. К удивлению юбилярши двери клуба оказались распахнутыми, а пожилой вахтер сидел на ступеньках крыльца и курил, затравленно озираясь. Он глянул на начальницу красными глазами и, не поднимаясь, как-то лениво махнул рукой, мол, проходи, раз заявила. От нехорошего предчувствия у посетительницы чаще забилось сердце, а когда она вошла в фойе, сердце просто затрепетало. На стойке гардероба лежала женщина в шитом блестками трико из костюмерной детского народного цирка. Женщина была мертвецки пьяна, а трико, врезавшееся в недетские тела, лопнуло под мышкой. Рядом с ней, всклокоченный, растерзанный, рычащий, стоял директор клуба и пытался вытащить палец из горлышка шампанской бутылки. Директор возбужденно говорил, говорил безостановочно, но решительно невозможно было разобрать ни единого слова его страстной речи. На втором этаже послышался грохот, издать который мог крупный музыкальный инструмент. Поднявшись наверх по засыпанной конфетти и новогодним серпантинном лестнице, начальница увидела вовсе чудовищную картину: в комнате оркестра народных инструментов спали две голые гражданки. Одна из них зарылась в ворох фольклорных костюмов, а другая бесстыдно развалилась на рояле, по крышке которого и ударяла в забытии пяткой, наполняя струнным гулом сконфуженно притихшее здание, пронизанное невинным светом низкого пока солнца. В помещении стоял смрад отрыжки и алкоголя. Портрет Глинки валялся на полу, прожженный окурком.

Скандал был грандиозный! Иммануила и его подруг уволили с работы, причем мать Апоксионарию еще и исключили из комсомола. После этого разбитая четверка принялась за уличный промысел. По одному или парами подходили они к людям на остановках общественного транспорта и, выбрав жертву, вопрошали тихо, но значи-

тельно: «Спаستись хотите?» Если человек откликнулся на эту фразу хотя бы словом, то на него набрасывались все четверо, окружая несчастного, наперебой объясняли, что скоро конец света, и только посвященные могут спастись, а тут на остановке стоит такой симпатичный, милый человек, что жалко будет, если он не спасется, вот они и решили его посвятить, а значит — спасти. Чаще всего можно было гарантировать свою сохранность при конце света, дав избавителям немного денег, но некоторые особо впечатлительные горожане крепко застревали в лапах Иммануила и через какое-то время уже сами приставали к прохожим с жутковатым вопросом: «Спастись хочешь?»

Понемногу община росла, структурировалась. Новообращенные братья и сестры сшибали у доверчивых людишек мелочь, поставляли свежих рекрутов; мать Апоссионария контролировала низовое звено и распределяла полученные средства; а сам Иммануил был занят сохранением авторитета святости и проведением выдуманных им самим ритуалов. Деньжонки у него появились, но глава секты был не особенно доволен: трудно и муторно доставались рублишки, почти как инженеру в шараге. Да и понимал Иммануил, что все это ненадолго, что за ним приглядывают прежние наставники из КГБ и скоро «возьмут». Спасло то, что организаторы очень кстати подоспевших «демократизации, гласности и нового мышления» сделали ставку на все неформальное как на главный свой резерв в борьбе с «противниками перестройки». Иммануил (а уж он-то стал неформален — дальше некуда!) почувал, что, скорее всего, ареста удастся избежать, и продолжил сколачивать «белое братство».

Однако набиравшая обороты «перестройка» несла в себе и опасные для самозванного пророка тенденции: у Иммануила объявилась масса конкурентов. По стране бродило великое множество желающих снять урожай на целинных просторах духовности, поймать добычу в девственных дебрях душ неискушенных советских граждан. С грустью взирал Иммануил на то, как жадные толпы экстрасенсов, заокеанских проповедников, предводителей экзотических сект вытаптывали его посеы. Оказалось, не он один додумался обогатиться, торгуя образом жизни. В руках пришлых захватчиков было такое мощное оружие как телевидение, и они отгрызали жирные куски потенциальной паствы. Хотя и на Иммануила спрос сохранялся, ведь он работал с каждым конкретным человеком, что при его умении говорить становилось решающим фактором коммерческого успеха. К тому же Иммануил скоро научился использовать приемы соперников: таинственный антураж, ускорение и замедление речи, многозначительные паузы, многократное повторение одних и тех же туманных фраз. Успехи окрыляли, помогали держать себя в тонусе.

Вскоре выпал шанс убедиться, что на самом деле никакой конкуренции среди торговцев спасением нет, что они все вместе делают общее дело, помогая друг другу приумножать доходы. Иммануил мог бы даже назвать точную дату, когда твердо осознал: существует негласное сообщество охотников за людскими душами. Это был тот день, когда он оказался в кинотеатре «Слава», арендованном очередным религиозным коммивояжером для массового охмурения русских обывателей.

На афише, исполненной в какой-то упаднической манере, указывалось, что вместо дневного сеанса в кинотеатре состоится выступление отца Пола Кауфмана из США. В назначенный час заезжий пастор с бритым надменным лицом и тщательно уложенными седыми локонами вышел на сцену и медленно обвел зал глазами. Лицо проповедника показалось Иммануилу давно знакомым: не то Кауфман был поразительно похож на голливудского актера, чью фамилию никак не вспомнить; не то вызывал ассоциации с пропагандистским искусством, ведь именно такими изображали советские карикатуристы воротил с Уолл-Стрита, пентагоновских ястребов, империалистов-милитаристов, отстаивавших принципы неокOLONиализма.

А Пол Кауфман, похоже, и впрямь ощущал себя находящимся словно бы среди туземного населения, которое предстоит привести к истинной вере огнем и мечом. Он с брезгливостью и затаенным беспокойством работарговец осматривал сидящих перед ним людей, прикидывая, сколько дюжин таких существ можно купить на доллар.

Конечно, спасительного слова наставления от проповедника так никто и не услышал. Кауфман не собирался мараться о низкосортную публику: он был лицом своей общины, товарным знаком, ярлычком «Сделано в США». Поэтому, процедив несколько слов, услужливо переведенных нанятым толмачом, Кауфман представил собравшимся своего собрата из России, прошедшего стажировку в Штатах, и удалился, подобно роботу переставляя негнущиеся ноги, почти не шевеля руками, чтобы не помять добротный материал безукоризненно сидевшей пиджачной пары. Каким ледяным высокомерием, каким олимпийским презрением к смертным веяло от пастора! Иммануил просто восхитился. Обязательно надо было перенять эту манеру с блестящей наглостью выказывать окружающим пренебрежение!

Но не только у Кауфмана было чему поучиться. Русский воспитанник Пола, овладев микрофоном после ухода босса, с удовольствием и смаком отрабатывал на наших манекенах усвоенные им американские приемчики. Скороговоркой уверив аудиторию, что постоянно испытывает счастье общения с высшими силами, парнишка начал медленно и тихо втолковывать, что каждый человек рано или поздно неизбежно обратится к сверхъестественному, но надо не ошибиться и идти к вере правильной дорогой, дорогой, открытой только последователям секты, которую возглавляет Пол Кауфман. Динамики разносили по залу шепот и даже придыхания говорившего, а когда тот почувствовал, что люди почти усыплены его речью, то заорал вдруг: «Аллилуйя!» Полилась музыка, странная, завораживающая музыка, и вместе с ней нечто тошнотворно-приятное вплывало в зал. Иммануил почувствовал, как в голове что-то стронулось, медленно закружилось, а на губах образовалась блаженная улыбка. Он удовлетворенно подумал: «Хорошо подготовились, черти!» И перестал контролировать себя. Было слышно бормотание проповедника, но не слова имели сейчас значение, а то необъяснимое, что витало между рядами скрипучих жестких кресел, в которых расслаблялись, обмякали собравшиеся.

Вот оно, то, о чем всегда мечтал Иммануил! Оно существует, оно здесь! Вот ради чего гуру-фарцовщик готов был на все: он мог бы проломить кому-нибудь череп, он дал бы отрезать себе палец, лишь бы не прерывались чудесные звуки. Музыка волнообразно наполняла зал, уплотнялась толчками, как кровь в жилах. Музыка навсегда поместилась в мозгу и пульсировала там, словно заевшая пластинка. Иммануил будто бы оказался под стеклянным колпаком, внутри которого было до истомы уютно. При этом Иммануил отчетливо видел то, что творится снаружи, однако происходящее никак не затрагивало его чувств. Сидевшие в зале беззвучно шевелили губами, помимо воли совершая вращательные движения головой, многие поднялись с мест. Встал и Иммануил, двинулся по проходу ближе к сцене. Когда поравнялся с первым рядом, заметил женщину, беззвучно бившуюся в конвульсиях. Чуть поодаль другая вдруг подалась вперед с откинувшегося сиденья, почти кувыркнулась, повалилась на пол, закрутилась волчком. Но, не смотря на экзатичность, двигалась она плавно, замедленно; из-под закрытых век выкатывались слезинки; рот был распахнут. Стон ли, крик ли вырывались у женщины? Или молчала она? Кликуша подкатилась под ноги Иммануилу, и тот захохотал в такт музыке. Вот жертва, у ног его! И как легко взять добычу, как сладостно заставить других валяться в пыли, как ничтожны все, кроме Иммануила! Он воздел руки вверх, ему казалось, что он увеличивается в размерах, что он достает до потолка кинозала, что он заполняет собой все пространство и вытесняет других.

Окружающие вдруг обратились в ничтожных насекомых, копошащихся на своих шестках, покорно отбросивших волю, отключивших сознание насекомых. Рассевшиеся рядами человекоподобные богомолы сучили лапками, часто кивали головами, повинаясь ритму речи стоявшего на эстраде мужчины. Иммануил полез на сцену, чтобы отнять микрофон у проповедника. Иммануил хотел выхватить из чужих рук эту волшебную палочку на гибком шнуре, громоподобно крикнуть в кишасый инсектоидами зал: «Встаньте и идите за мной!»

Какие-то крепыши остановили его, вывели под руки, дали понюхать нашатыря. Несколько минут Иммануил приходил в себя, полулежа на «банкетке» в фойе кинотеатра. Он сам себе казался оплавленным шлаком, постепенно остывавшим по выходе из горнила. Явственно ощущалось, что за стеной, в зале, откуда его только что изгнали, гулко топоча массивными пружинистыми лапами, мечется небывалое существо, слепленное из отдельных людей. У Иммануила мурашки бегали по телу, настолько хотелось влиться в бесноватое, мягко прыгающее по стенам нечто, настолько тянуло вернуться в покинутое логово обаятельного чудища. Однако он понимал, что присутствие там навсегда сделает его рабом Пола Кауфмана и перечеркнет собственные замыслы. Поэтому Иммануил, собравшись с силами, вышел из прохладной полутьмы кинотеатра на улицу, залитую ослепительным солнечным светом.

Бывшее в глаза солнце расплавало городские кварталы в струящийся мираж, и среди радужных пятен перед взором Иммануила подрагивали образы женщин, распростершихся у его ног: одна лежит ничком, сотрясаясь в редких конвульсиях, другая, рядом, пала на колени и клонит, клонит голову все ниже и ниже. Покорные, лишенные индивидуальности куклы. «Вот что можем мы, служители высших сил!» — гордость распирала проповедника.

С того дня его община заработала интенсивнее. Иммануил активно искал информацию о психоделической музыке и препаратах, воздействующих на сознание. Все прочитанное смело применялось им на практике, так что подопытные послушницы вскоре были доведены до окончательного иступления. Кроме того, новоявленный святой разработал дополнительные ритуалы, сочинил множество молитв, усовершенствовал атрибутику своей секты. В этот период возник и ставший позже знаменитым белый балахон.

Идея была в том, чтобы обличем резко выделяться из толпы, привлекать внимание и поражать окружающих внешним видом. Первый вариант униформы мать Апоксионария скроила из простыни — кособокий колпак и неказистая хламида. Иммануил, облачившись, стал похож на ку-клус-клановца. Долго не решался выходить в таком наряде на люди, но постепенно пообвыкся, начал понемногу прогуливаться по улице, а потом втянулся. Добропорядочные обыватели, встретив на пути Иммануила в вызывающей обновке, шарахались в стороны — думали, псих сбежал из лечебницы. Милиционеры, брезгливо морщась, гоняли блаженного чуть не пинками. Но с углублением «перестройки» стражи порядка стали более терпимо относиться к наружности неформалов, а граждане привыкли к городским сумасшедшим, число коих стремительно росло. Помешательство становилось нормой; более того, чем сумасброднее выглядел кто-то, тем заинтересованнее к нему относились. Народ нащупывал границы дарованной свободы: и это можно? Ну, дела! А если вот так? А этак? Все можно?? Ну, вы даете!!!

Со временем покроем балахона, воспринимавшегося сектантами уже как мундир, менялся, становился удобнее, моднее. Вскоре и послушницы получили право на ношение подобного одеяния, только у них не колпак венчал костюм, а капюшончики с оборочками. Когда эта бригада в белых хитонах выходила на промысел, сторонний наблюдатель терялся в догадках. Может быть, в городе вспышка заразной болезни, и

санитарный кордон выискивает зачумленных? Или, может быть, из кареты «Скорой помощи» сбежал больной, и теперь медики, чтобы не получить нагоняй от начальства, подбирают на его место добровольца, обращаясь к прохожим с назойливым вопросом: «Спасись хочешь?»

Впрочем, как ни высоко ценил Иммануил внешний эффект в своих затеях, главным, конечно, оставалось мастерство индивидуального общения с выбранной жертвой. Постепенно приходил опыт первичных контактов с людьми, нарабатывались схемы закрепления длительных отношений с будущими неопитами, определялись приемы тесного взаимодействия и подчинения себе новообращенного собрата. Иммануил научился по-американски улыбаться незнакомцу, демонстрировать сердечность и расположение первому встречному, изощренно угрожать приближенному, заставляя беспрекословно подчиняться посвященного.

Однако приобретенных навыков и опыта оказалось недостаточно! Для закрепления успеха требовалось чудо. Неопровержимое, доказанное, всем очевидное чудо. Но разве мыслимы чудеса в промышленном городе центральной части РСФСР? Дивные сказочные сады тут не произрастают. На залитой машинным маслом, заваленной отвалами горных пород, припорошенной цементом почве даже самая изощренная фантазия не могла бы отыскать и чахлого ростка, хотя бы отдаленно напоминающего волшебный цветок. Сектантки-послушницы усердно доносили своему святому местные сплетни, но какая же все это была дребедень! Какая тоскливая пошлость, какая заскорузлая обыденность и, вместе с тем, какое мелкотравчатое суеверие, какая ублюдочная мистика волновали советских обывателей, граждан атеистического государства!

Но однажды среди потока тягуче-тошнотворных слухов, как крупница золота среди мутного песка в лотке старателя, блеснула неожиданная новость о девственнице, носящей ребенка... В голове Иммануила словно что-то щелкнуло: это же непорочное зачатие! Да, оно! Все сходилось в этой точке, все разрозненные осколки его сумбурной жизни складывались в драгоценную мозаику. Деву, вынашивающую плод чрева своего, следовало непременно использовать для укрепления авторитета секты! Иммануилу позарез нужен был младенец, зачатый не в грехе. Основатель братства показал бы сие чадо общине, он рассказал бы (а мать ребенка подтвердит, Иммануил, без сомнения, сумеет убедить, запугать, подкупить, запутать ее), что зачато дитя силой духа новоявленного пророка. Отец Иммануил понесет младенца, как флаг, а за этим знаменем пойдет послушное стадо белых агнцев, пойдет туда, куда укажут. Он уведет своих последователей, как и мечтал, в какую-нибудь отдаленную местность, и оттуда по всему миру разнесется весть о новом Вифлееме. Так начнется вселенский триумф основанного Иммануилом вероучения!

Понуждаемые своим пастырем вездесущие белые балахоны с сугубым рвением мелькали среди городских кварталов, как стая встревоженных привидений. Наконец, имя и местожительство беременной девицы были установлены, и вот, несмотря на козни взревновавшей вдруг матери Апоксионарии, Иммануилу доставили записочку: «Володина Мария...» Далее отвратительным почерком были выведены название улицы и номер дома.

В тот же вечер, решительно настроенный и сосредоточившийся на предстоящем серьезнейшем разговоре, самозванный святой направился по указанному адресу, однако непредвиденное столкновение у самого порога общежития с пропахшим одеколоном психопатом расстроило все планы. В ходе этого досадного инцидента бывший фарцовщик испытал тот же шок, который, очевидно, переживали прохожие, когда к ним с вопросом о желании спастись приближалась фигура в белом одеянии.

Еще издали завидев на своем пути неестественно жестикулировавшего ватными

руками, замедленно двигавшегося навстречу юношу, Иммануил уже был несколько смущен. Когда же он подвергся немотивированному нападению со стороны незнакомца, смущение переросло в оторопь. А чудовищный вой, изданный молодым человеком, буквально парализовал Иммануила. В этот момент возник странный контрапункт в психологическом состоянии новоявленного вероучителя: он на какое-то время перестал существовать в качестве самостоятельной человеческой единицы и растворился в зыбучей эпической стихии, как если бы его оглушил, смял и искорежил свист былинного Соловья-разбойника. И при этом сам Иммануил четко понимал, что оказался бесконечно далек от идеала мужественного и непоколебимого богатыря, противостоящего чудовищу.

Каждого человека терзает извечный страх, с которым мы сжились до такой степени, что его парализующий холод почти не ощущается; это страх перед неведомым. Любой из нас, столкнувшись с чем-либо загадочным, испытывает смятение всех чувств на грани нервного срыва. Любого свидетеля таинственного явления может охватить всесокрушающее сомнение в устоях бытия: если в реальной жизни происходит нечто необъяснимое для меня, возможно, я до сего момента жил неверно?! Любой человек, встретившись с непонятным, рискует пережить резкий приступ желания заведомо подчиниться авторитету, который сможет все странное разъяснить и (главное!) от всего угрожающего защитить. Любой человек, но не Иммануил! Он, давно уже привыкший навязывать свою волю другим, не должен был бы попасть в подобную ловушку... Однако неожиданно для себя и он во время незначительного, казалось бы, уличного происшествия угодил во власть обморочной слабости, и, осознав это, испытал высшую степень раздражения на фоне абсолютной подавленности.

Тягучая горечь заполняла все существо Иммануила, как кровь заполняет разбитый в драке рот. И когда неизвестный соперник, вышедший победителем из столь внезапной, столь скоротечной схватки, удалился, на глаза главы «белого братства» навернулись прозрачные до искренности слезки, ибо тяжело переживать участь не только психологически сломленного, но и физически поверженного неудачника. Ноющая тоска воспалилась и саднила где-то за грудиной, душу терзал детский ропот на вселенскую несправедливость, подобный тому, что возникает в трепещущем сердечке первоклашки, когда его отпинают «большие мальчишки с соседнего двора».

Обида, способная поставить человека на грань саморазрушения, безраздельно овладела Иммануилом, и он с трудом удерживал рыдания, разглядывая пришедшую в негодность одежду. Разумеется, явиться на первую встречу с Володиной Марией в покрытом пылью позора, потерявшем форму балахоне совершенно невозможно. Может быть, самый важный в его жизни визит приходилось откладывать.

Раздраженный неудачей, Иммануил торопливо удалялся от впадавшего в спячку накануне завтрашней утренней смены общежития. Темными дворами прошел он на желтевший фонарным светом проспект и стал «ловить машину», чтобы как можно быстрее добраться домой. Автомобилей в этот час было немного, и все они как назло проскакивали мимо.

VI

Андрюха Чернышев сегодня припозднился. После работы встречался с «нужными людьми», и, конечно, ему предлагали выпить (да что там предлагали! просто-напросто заставляли!), игнорируя отговорку: мол, «за рулем». Дабы не обидеть приятелей, пришлось проглотить полстакана коньяку; теперь же, по дороге домой, Андрюха переживал: как бы не остановил «гаишник». Дежурная ассигнация хотя и припасена была, чтобы откупиться от блюстителей порядка, но Андрюха «дергался» — бывает, некото-

рые отказываются от взяток на дороге, а бывает, что в ГАИ какая-нибудь операция проходит, или рейд там, или надо план выполнить... Ну, вы сами знаете.

Однако никакие опасения не удержат страстного автомобилиста от возможности в очередной раз проверить резвость верного железного коня. Поскольку на скучно освещенных городских трассах машин почти не встречалось, Андрюха смело подхлестывал свой автомобиль стальной плеткой педали газа, рывками ходившей под ногой беспечного наездника. Славно было мчаться по просторным улицам, ощущая на щеках и на макушке ласку залетавшего в приоткрытые окна прохладного сквозняка независимости; казалось, что растекавшиеся по жилочкам «сто грамм» терпко-хмельного армянского тепла не только не помеха, а действенная одухотворяющая помощь в шоферском искусстве.

Да вот беда: суровая реальность злокозненна и недолго нянчит нас в приятной неге; за мерным, убаюкивающим покачиванием мягких рессор отлаженного до автоматизма бытия непременно последует бесцеремонный и чувствительный толчок, когда колеса сходу влетают в коварно притаившуюся среди дорожного полотна колдобину. Так и сейчас — привыкшего кичиться своим умением все держать под контролем водителя «Жигулей» вывело из состояния вечерней бездельной умиротворенности тревожное, а то и грозное видение. Чернышев вдруг заметил на одном из перекрестков... призывно помахивающее рукой привидение!

Андрюха в первый момент подумал: «Все. Допился. Белуха накрывает». Однако — не бред; у бордюрного камня действительно стояло нечто, завернутое в саван. Чернышев сбросил скорость; удалось рассмотреть человеческую фигуру, драпированную в какую-то простыню... Проехав мимо, Андрюха еще некоторое время наблюдал за этим типом в зеркало заднего вида. Точно: мужик. В белом балахоне, в колпаке. Машет рукой, останавливает машины.

Странный, конечно, но, в общем-то, незначительный эпизод вывел ночного ездока из себя. Он резко «газанул», заматерился по-черному, в раздражении стал стучать кулаком по рулю, отчего отрывисто срабатывал клаксон. Андрюха всегда очень эмоционально реагировал на подобные случаи вопиющего нарушения заведенного для всех порядка. Впрочем, сам Чернышев любил и умел обходить некоторые уложения и принципы, но при этом было важно, чтобы другие как раз оставались бы в заранее определенных границах, давая тем самым проныре, смевшему выйти за общепринятые рамки, повод гордиться своей хитростью.

«Р-р-распоясались, блин, совсем! — рычал Андрюха в пустом салоне своей машины, не замечая, что педаль газа до отказа вжата в пол.— В простынях ходят по улицам. Оборзели! Небось еще и бабки им за это платят. Не терплю сволочей!»

Вызывающий внешний вид, конечно, ярче всего показывает, что человек наглым образом противопоставляет себя всем остальным, поэтому Чернышев просто кипел от негодования, когда встречал людей эпатирующей наружности: мужчин с серьгою и длинными волосами или, наоборот, девушек с чрезмерно короткой стрижкой. Увидев металлиста или панка, которых с началом «перестроечных» преобразований появлялось на улицах все больше и больше, Андрюха с трудом подавлял желание переехать неформала своими «Жигулями».

Чернышев с малых лет ориентировался на убеждения и поведенческие модели лучшей части большинства. «Все как у людей!» — эта расхожая формула являлась жизненным девизом его семьи. Неразговорчивый, малообщительный отец, тренер детской спортивной школы, смысл жизни видевший в очередной победе юных атлетов, хлопотунья мать, бухгалтер в тресте столовых, старший брат, физкультурник, активист и почти отличник, — все они стремились как можно лучше делать свое дело, убежденные, что только благодаря этому они, как и остальные сограждане, соблю-

давшие верность основополагающим принципам советского общества, непременно добьются если не процветания, то устойчивого и стабильного развития. Да так оно и происходило: «как всем» государство в соответствии с жилищным кодексом выделило семье Чернышевых квартиру; «как всем», строго по очереди, предоставлял профсоюз путевки в пионерские лагеря для детей и в дома отдыха для старших; «как всем» удавалось семье кое-что откладывать на крупные приобретения. Хотелось бы, конечно, чтобы зарплата была бы повыше, но тут уж ничего не поделаешь, ведь, опять-таки, у всех так.

Правда, Андрюша с рождения выделялся Чернышевыми из «всех». Он, младшенький, всегда был окружен трогательной заботой родственников. Мать, испытывавшая чувство вины оттого, что через две недели после появления младенца на свет перестала кормить грудью, потом всю жизнь пыталась компенсировать отсутствие материнского молока, добывая каким-то непостижимым образом высококалорийные дефицитные продукты, исключительным правом вкушать которые обладал один только последний (усиленное детское питание пошло впрок, и Андрейка на радость родне рос щекастым крепеньким бутузом). Брату было поручено с пеленок пестовать Андрюшеньку: гулять с ним, собирать и провожать его в садик, а затем и в школу, оберегать от шпаны во дворе, от транспорта на улице, от бродячих собак, от падений и порезов — от любых опасностей, грозивших малышу. Отец готов был взять на себя закалку и физическое воспитание меньшого сына, но тут мать неожиданно и категорически выступила против. Она не позволила записать мальчугана в спортивную секцию, заявив мужу: «Хватит с тебя Ярослава! И так старшего не вижу: то соревнования, то сборы! Ребенок вечно весь в синяках, в царапинах. Хоть маленького мне оставь!» Так и повелось в семье, что Андрюшка был у них наособицу, и принцип «как у всех», хотя и не отменялся окончательно, но на него как бы не распространялся. Младший из Чернышевых олицетворял собой то самое исключение, которое подтверждало основное житейское правило.

И в детском саду, и в школе тоже учили: жить нужно по принципу «все как один», по-другому нельзя. Однако чуть подросший мальчик явственно видел, что на деле детско-юношеский коллективизм трактовался столь широко, что подчас оборачивался своей противоположностью. Вот, например, красивые заграничные игрушки были далеко не у всех, но все завидовали обладателям таких игрушек. Все без исключения мечтали почавкать жевательной резинкой или похвастаться яркой наклейкой с «не нашими» буквами, но мало кто мог себе такое позволить. Абсолютно всем хотелось щеголять в модных брюках, но не каждый был способен приобрести джинсы. Андрюша, с раннего детства имевший склонность мыслить системно, задавался вопросом: «Быть как все — значит мечтать как все, или воплощать в себе мечты всех, становясь тем самым не как все? И если все стремятся к лучшему, но не все живут хорошо, то тот, кто живет лучше других, не является ли лучшим из всех?» Эти сомнения, в чем-то, безусловно, противоречившие как социально приемлемой морали, так и базовым принципам семьи Чернышевых, под влиянием подросткового максимализма однозначно разрешились в пользу понимания отроком своего особого и исключительного положения в структуре советского общества.

Глубинные, но пока неявные идеологические разногласия в доме Чернышевых проявились в восемьдесят четвертом году, когда по стране поползли слухи об «узбекском деле». Поговаривали, что после ареста Адылова, руководителя одного из сельхозпредприятий Узбекской ССР, открылись колоссальные масштабы приписок, которые стали возможны не без ведома высшего руководства этой среднеазиатской республики. Возмущенная молва разносила вести о невообразимых богатствах и байском самоуправстве окружения Адылова, о том, что в распоряжении новоявленного

бека имелись чуть ли не тайная тюрьма для недовольных дехкан и едва ли не персональная армия для расправы с послушниками. Родители Чернышевы с сомнением покачивали головами: «Да возможно ли такое? По каким причинам капиталистические, даже феодальные пережитки столь длительное время сохраняются при социалистическом строе?» Брат (тогда ученик выпускного класса) негодовал: «И это в самой передовой стране, при нашей-то идеологии?! При самом прогрессивном способе производства?! Это же покушение на государственные устои! Это же неприкрытое предательство! Таких изменников надо безжалостно карать, вырывать с корнем такие сорняки! Дожили! Раньше были «Антоновские яблоки», символ искренности и лиризма, а теперь появились адыловские яблоки, воплощение торжества агрессивной обывательщины!»

Андрей ценил начитанность брата и пафос его речей, но про себя кумекал подругому: «И чего это все так кипятятся?» Собственно, что плохого сделал Адылов? Ведь яблоки он выращивал, хлопок собирал. И не только же для личного обогащения — на благо всех! Его хозяйство было лучшим в Узбекистане, Адылов имел награды, поощрения. А то, что нарушал социалистическую законность... Положа руку на сердце, разве в разговорах друг с другом мы сами не бурчим иногда, что с нашим народом надо поостроже, что не хватает в стране порядка? У нас без твердой руки выдающихся результатов не добиться! Так же как без денег, друзей и покровителей, облеченных властью, невозможно войти в число тех, кто своей жизнью воплощает всеобщие представления о зажиточной благоустроенности. И только умелое и умное сочетание силы и изворотливости, только придирчивая требовательность к тем, кто от тебя зависит, в соединении с сервильным дружелюбием по отношению к тем, от кого зависишь ты, могли вывести в люди. Так что Адылова Андрюха считал не преступником, не врагом народа и государства, а представителем той лучшей части большинства, на которую с детства ориентировался в своих помыслах и поступках. Фигура Адылова постепенно приобрела в восприятии Чернышева-младшего черты чуть ли не горделивого графа Монте-Кристо, непоколебимо идущего к своей загадочной цели. Так что Ярослав понапрасну расточал красноречие...

Брат, кстати, по окончании школы выкинул и вовсе обескураживающий фортель: прибыв по повестке в военкомат, написал там же, на призывном пункте, заявление о направлении его добровольцем в Афганистан. В заявлении были такие строки: «Я, как любой советский человек, хочу быть там, где опаснее всего». Андрюху это расстроило и удивило: да разве любой желает подвергнуть себя смертельному риску? По представлениям младшего из Чернышевых, каждый разумный человек стремится как раз к обратному — во что бы то ни стало избежать попадания на войну. Что-то было противоестественное в желании брата вот так, без какого-то стороннего нажима, без всякой выгоды для себя, закатиться в средневековую пустынно-горную даль, очутиться в чуждом нам пространственно-временном измерении, где творилось нечто странное и страшное. Этот отчаянный порыв, это бесшабашное самопожертвование, эта готовность отдать жизнь во имя абстрактных принципов, а не ради счастья, допустим, своей семьи, высветили в Ярославе нечто неожиданно небратское. Андрей пытался во всем разобраться. Говорить с матерью было очень тяжело: она заливалась слезами при любом, даже случайном, упоминании о старшем сыне, и сквозь рыдания, сквозь закрывающие заплаканное лицо ладони слышалось, как стон: «Ну, как же... Надо же и им помогать...» Кому «им»? В чем помогать? Почему именно *нам* надо *им* помогать? Отец, у которого после отправки Ярослава в войска вдруг обозначились суровые неизгладимые складки вдоль щек, объяснял меньшенькому: «Ты пойми, если бы наши части не вошли в Афганистан 31 декабря семьдесят девятого, 1 января восьмидесятого в этой стране стояли бы американские базы». Андрюха все равно не

понимал: ну, и стояли бы, нам что? Ярику что до того, где располагаются американские военные базы? Какое это имеет отношение к нашей двухкомнатной «хрущевке» с кладовой, переделанной под спальню старшего брата? К нашему тихому двору, утопающему в сонной зелени палисадников? К нашему городу? Ко всем нам?

Эти недоуменные вопросы, так никем и не разъясненные, заставили Андриюшу, с малых лет умевшего рассчитывать ходы наперед, всерьез обеспокоиться собственным будущим. А врожденное умение с прищуром хваткого практика заглядывать в завтрашний день толкало на неустанное беспокойное действие, целью которого было по достижении призывного возраста избежать повторения судьбы Ярослава. Вполне понятно, что в своем стремлении Андрияша нашел верную и активную союзницу: мать, подавленная постоянным страхом потерять старшего сына, доходила чуть не до обмороков, думая о грядущей рекрутчине младшенького, своего любимца. Вдвоем упорно, настойчиво искали они врача, который согласился бы внести в Андриюшину медицинскую карточку диагноз, гарантировавший отметку «не годен» в военном билете. Тайком от отца, стараясь не думать о том, как будет к нему относиться брат, допризывник Чернышев слонялся по полутемным коридорам медицинских учреждений, полушепотом заговаривал с полуофициальными лицами: «Вам насчет меня звонили...», кому-то передавал какие-то свертки, пакеты... И добился-таки того, что в его документах была проставлена необходимая запись. От сердца отлегло: «Вот теперь у меня все как у людей!»

Именно после того, как удалось благополучно разрешить первую в его практике нештучную проблему, Андрияша почувствовал себя вправе и в силах отказаться от фамильного девиза «Все как у всех!» Принцип, подвергнутый ревизии эмпирическим путем, был аккуратен, но решительно подкорректирован в соответствии с современными веяниями и трансформирован в лозунг: «Все как у людей!» В филологическом отношении разница ничтожна, но по сути — новое жизненное кредо. Безликие, сливавшиеся в блеклую массу «все» оказались заменены «людьми», вызывавшими уважение уже одной только особостью. Отныне не надо было мучиться, загоняя свою совесть в строго предписанные общественной моралью, но размытые обиденными суждениями границы всеобщности, теперь можно было лавировать в житейском море, ориентируясь, словно на маяки, на «людей». И хотя рисовались эти жизненные ориентиры довольно смутно, главный критерий обозначился явственно: «люди» — это не те, кто, как Чернышевская родня и знакомые, в поте лица добывал хлеб насущный; «люди» (Адылов, например) жили ярко, независимо, разгульно, могли позволить себе многое. Настоящие «люди» виделись то работниками торговли, то дипломатами, то высокопоставленными чиновниками. В идеале Андрияша предполагал будущую взрослую жизнь скроить по таким лекалам, став, допустим, ответственным служащим внешнеторгового ведомства. Да вот закавыка: ни средств, ни связей для реализации столь амбициозных проектов семья Чернышевых не имела...

Мечты о блестящем коммерческом поприще обернулись поступлением в провинциальный торговый техникум; из всех атрибутов дипломата доступным оказалось лишь приобретение чемоданчика с аналогичным названием; а вся красота роскошной жизни воплощалась в пиджаках, сшитых мамкиными подругами по выкройкам из старых журналов мод. Слабое утешение для честолюбивого юноши!

Его планы были гораздо масштабнее. Он грезил уже о собственной квартире, машине и даче — о той заветной триаде, о том подтверждавшем принадлежность к приличной публике обязательном минимуме материальных благ, о той стартовой площадке будущего головокружительного взлета, которые всех уравнивали в стремлениях, ибо в Стране Советов каждый знал: хочешь испытать завистливое уважение окружающих — стань обладателем квартиры, машины, дачи. Об этом мечтал каж-

дый, однако далеко не каждый догадывался, насколько на деле ненадежно столь меркантильное мерило успеха, в своей весомой основательности казавшееся универсальным. Многие, слишком многие, получив желаемое, так и не испытали удовлетворения от достигнутого, ибо впереди уже манили махами рукавов импортные дубленки, а отечественные пыжиковые шапки рукоплескали хлопками меховых наушников, ждали тебя, ибо знали: без них почувствовать себя «человеком» практически невозможно. А еще дальше громоздились тома дефицитных подписных изданий, груды банок с икрой, вороха пачек грузинского чая... И пока не взберешься на этот Монблан, никакой ты не «человек»! Взбираться же было тяжеловато, не всем хватало здоровья и времени, проведенного на воле, а не за решеткой.

Но Андрюхе до его главного в жизни разочарования было еще далеко. Паренек не предполагал, что в тот самый момент, когда с трудом достигший вожделенного горизонта человек пересекал намеченную черту, перед ним раскрывались новые манившие перспективы, а мчаться дальше в надежде разорвать грудью очередную финишную ленточку, коварно колеблемую ветром, мало у кого хватало воли и возможностей. Чернышев пока усвоил одно: только тот, кто находил в себе силы резко рвануть вперед, выделялся из общей массы и входил в касту избранных. «Хочешь жить — умей вертеться». Это было принципиально, это являлось водоразделом, делившим сограждан на «всех» и «людей». И если «простому советскому человеку» желанный набор благ доставался лишь перед пенсией или у крышки гроба, то фартовые искатели приключений благодаря своей предприимчивости получали квартиру-машину-дачу легко и просто, а далее приступали к построению подлинно красивой жизни.

Не смущало юношу даже то обстоятельство, что романтика приобретательства часто противоречила не только общепринятым установлениям, но и юридически закрепленным нормам. Напротив, казалось, что такой конфликт с обществом и государством добавлял перца в жизнь «людей», заставлял становиться еще более изощренными. Первокурсник Андрей Чернышев, имевший отсрочку от службы в армии по состоянию здоровья, отчетливо понимал, что изучение правил советской торговли годится для одетых в костюмчики-самостроки неудачников, прячущих заначки в склеенных из дерматина портфельчиках; а чтобы сравняться с «людьми», следовало преподаваемые в техникуме принципы цинично нарушать.

Пока же дебют партии с судьбой разыгрывался не в его пользу: ни дачи, ни квартиры в личном распоряжении студента не находилось, и не предвиделось. Вот с третьей частью знаменитой триады — автомобилем — неожиданно повезло. Был у Чернышевых старый-престарый родственник, глухой, как пень, одинокий ветеран. Какие-то там подвиги за ним числились во время войны, какие-то награды он имел особенные. Узнав, что таким вот дедам (при наличии определенных медицинских показателей) положено выделять автотранспорт для их инвалидских нужд, Андрюха энергично взял старика в оборот. Приходилось чуть не за ручку водить одряхлевшего героя по разным инстанциям, высиживать часами в приемных, писать кипы бумаг, обещать ответственным товарищам отблагодарить... Наконец, «наверху» было принято решение выделить орденоносцу «Запорожец».

Дед, видимо, так и не понял, что происходило вокруг него за месяцы хождения по присутственным местам, поликлиникам и больницам, впрочем, сносил все безропотно, полагая, что так надо, что начальство в курсе дела, а родня во всем разбирается. Он привык к тому, что время от времени его куда-то вызывают, что-то вручают, с чем-то поздравляют, и не всегда интересовался значением и смыслом очередной полученной бумажки. Старый солдат редко снисходил до общения с окружавшими его мелкотравчатыми невротиками, не нюхавшими пороху, тем более что докричаться до них, бестолковых, стало труднее, чем некогда перекрыть голосом рев канонады, под-

нимая в атаку бойцов. Гораздо милее толковать со своими ребятами из полегшего подо Ржевом взвода. С ними, обитающими в вечности, не знающими суетных забот текущего дня, он подолгу обстоятельно и тихо беседовал на холостяцкой кухоньке за кружкой крепкого чая. Старику хорошо было сидеть с боевыми друзьями в их общем послевоенном абсолютном безмолвии, а носиться за каким-то рожном вперегонки с сопливой молодежью... Во всяком случае, до кончины своей он ни разу не высказал желания куда-нибудь поехать на дарованном автомобиле, и Андрюха оказался единственным и полноправным владельцем «Запорожца».

После смерти престарелого родича удалось продать непрестижную колымагу и, добавив к вырученной сумме выпрошенные у матери деньги, приобрести уже «Жигули», после чего Чернышев-младший оказался в своем учебном заведении самым популярным студентом, с которым стремились свести знакомство парни, к которому тянулись девушки. Новая машина стала любимой забавой будущего Отличника советской торговли, заботливо улучшаемой и трепетно украшаемой игрушкой, предметом гордости и постоянных забот. В тольяттинской «ладушке» со временем все стало в точности, как у «людей»: магнитофончик, мохнатые чехлы на сиденьях, оплетка руля... В ту пору автомобиль заменял своему хозяину и дом, и дачу, и верхнюю одежду, и портфель, был передвижной конторой и клубом. Отныне в «Жигулях» проходила жизнь.

Андрюха уже считал себя бывалым студентом и опытным автомобилистом, когда в положенный срок вернулся из армии брат. Вернулся какой-то чужой, резкий, колючий. Мать и отец хлопотали, чтобы помочь Ярославу занять хорошее место в мирной жизни, дать ему возможность зарабатывать, не меньше, чем остальные. Но Ярослав с каким-то даже бахвальством раз за разом отказывался от всех предложений.

Андрюха недоумевал:

— Ты чего? Бельно гордый? Даже отец со знакомыми договаривался насчет тебя. Он бы никогда ни за кого другого не попросил бы, а тебя уважает. Мать всех нужных людей подключила! Как же не воспользоваться?!

Брат ухмылялся:

— Это зачем? Чтобы денег много было? Не о том ты, братишка, думаешь. Я что... без денег хуже стану?

Потеряв надежду увидеть сына живущим в достатке уважаемым тружеником, растерянные родители изменили тактику. Теперь они надели на Ярослава, чтобы тот непременно поступал в вуз, ведь его афганские «льготы» открыли бы перед ним двери самых престижных институтов. Но и перспектива получения высшего образования не влекла «дембеля», он по-прежнему отмахивался от любых советов, упорно не пуская никого в свою приватность: за время службы сержант Чернышев настолько отвык от семьи, что близкие по крови люди представлялись ему самими что ни на есть дальними, не способными ни к пониманию, ни к сочувствию.

Ярослав оформился ночным сторожем, а днями валялся на диване за чтением: много интересного стали печатать в газетах и журналах, на общество обрушилась лавина ошеломляющих, ранее запрещенных книг.

Раз в месяц, с зарплаты, Ярослав неизменно покупал бутылку водки, зазывал Андрюху на кухню: «Посидим, братишка?» Младший из Чернышевых, конечно, соглашался, хотя каждый раз чувствовал себя на этих посиделках участником непонятного, вызывавшего отторжение ритуала: первая рюмка выпивалась молча и стоя, не чокаясь, третья обязательно поднималась «за тех, кто в сапогах», а потом непременно следовал самый неприятный момент, когда Ярик начинал допытываться: «А ты, стало быть, от армии отшланговал? Ну, и как тебе теперь? Нормально?» Андрюха не знал, что отвечать... даже не на сам вопрос, а на скрытую угрозу-претензию, звучав-

шую в нем. Впрочем, брат и не настаивал на ответе, он наливал еще по одной, подмигивал: «Ну, что? Споем, братишка?» И, опять не дожидаясь ответа, затягивал незнакомое:

*«Каскадеров» я пошла смотреть
И стояла, скрывшись за мечеть.
Вдруг идет навстречу мне один
Синеглазый молодой блондин...*

В их старую кухню, такую привычную, знакомую до каждой трещинки на потолке, до каждого отклеившегося уголка обоев, незваными гостями входили чудные слова, выцветшие под знойным солнцем чужих стран и покрытые пылью дальних походов — «шурави», «бача»...

— Чего не подпеваешь? Не знаешь ты таких песен,— быстро хмелевший Ярик всерьез огорчился по этому поводу.— Ну, давай другую подхватывай... Эту ты должен знать: «Нам нет преград ни в море, ни на суше, нам не страшны ни льды, ни холода...» Тоже не знаешь? Ну как же! «В буднях великих строек в своих дерзаниях всегда мы правы...» Так, кажется? Так вот, это — комплекс неполноценности. Мы все время доказываем миру, что мы правы, что мы не хуже, чем они. Ну, разве не сумасшествие? Эти вечные потуги догнать и перегнать... Сколько можно! И дело тут не в социализме, дело в младенческом состоянии нации. Еще когда было сказано: докажем, что «может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов российская земля рождать». И по сей день орем: может! Платонов — безусловно, может. Никто уже не сомневается. А вот Невтонов... Почему, интересно, Англия не заявляет, что может рождать быстрых разумом Ломоносовых?

Андрюха спешил под каким-нибудь предлогом выскользнуть из кухни. Да и вообще он теперь старался как можно реже общаться с братом, поскольку жизнь вокруг менялась бурно, интересно, непредсказуемо: возникали новые веяния в политике и экономике, появлялись новые модели автомобилей, завязывались новые нужные знакомства. От этого дух захватывало у студента, избравшего темой своей дипломной работы соблюдение принципов социалистической законности в советской торговле. Впрочем, ученический период жизни завершался, настала пора заняться собственным делом. По окончании техникума молодого специалиста Чернышева распределили на работу в столовую № 35. Вот тут бы и проявить себя, вот тут бы и развернуться, тут бы и применить на практике усвоенные в коммерческом училище премудрости, однако наработанные за годы учебы связи не помогли начать трудовую деятельность с тем размахом, на который Андрюха рассчитывал. Дело было в том, что вся общепитовская братия замерла, ожидая, чем обернется для нее объявленный руководством страны курс на создание частных предприятий.

Кто-то из сферы, столь двусмысленно именовавшейся на казенном языке сферой обслуживания, кто-то опытный и богатый (не чета Андрюхе, но так же, как и Андрюха, в свое время восхищавшийся Адыловым) попробовал осторожно засветить толику своих денег, малюсенькую их частичку, которую не жалко было бы потерять. «Посмотрим, что из этого выйдет»,— решил рискованный «цеховик». «Посмотрим, что у него выйдет»,— решили другие «теневики», наблюдавшие за смельчаком. И ничего плохого таки не вышло! Похоже, власть, в самом деле, не собиралась обманывать тех, с кем еще вчера упорно боролась, а давала возможность советским бизнесменам спокойно приумножать прибыли.

И когда «деловые люди» уверились, что ничего дурного с ними не случится, то тут, то там, как проталинки ранней весной, стали появляться полуполигальные на первых порах заведения. В одном месте кооператив пригрелся у корня могучего админи-

стративного дуба, в другом — приютился на милицейском пригорке... А потом, когда прогнозы сошлись с приметами, когда стало понятно, что холода не вернуться, дружно взялось по всей стране, и посеревший, ноздреватый покров социалистической собственности сошел на нет, обнажив скопившийся за зиму мусор и прошлогоднее дерьмо. Так началось кооперативное движение. Ветвась, раздаваясь вширь, бодро и настойчиво тянулись к солнцу некогда чахлые и хилые, бледные и неказистые ростки «многоукладной экономики».

Чернышев внимательно присматривался к дразнившим новизной и выгодой процессам, происходившим в народном хозяйстве, старался примерить на себя роль гордого первопроходца индивидуальной предпринимательской деятельности. Чтобы ближе познакомиться с этим невиданным ранее явлением, предпринял поездку на столичный Рижский рынок, где, по слухам, можно было купить все — «от звезды до самолета». Брат, провожая его, саркастически напевал на мотив модной тогда песенки: «На Рижском рынке воздух свеж, там бродит ветер моих надежд...»

Известное всей стране торжище поразило Чернышева своей несоветскостью. Стоило ступить за хлипкую ограду из покореженных металлических прутьев, и посетитель оказывался в чуждом нашему человеку мире чистогана и изобилия. Если государственные магазины стыдливо прикрывали наготу прилавков какой-то случайной дребеденью, то на базаре ассортимент товаров с непривычки казался даже избыточным и все радовавшее глаз разнообразие продукции манило яркими ярлычками и приятно шелестевшей упаковкой. Для выросшего при тотальном дефиците Андрюхи это оказалось настолько неожиданным, что он какое-то время бестолково метался среди торговых рядов, словно провинциал в музее, чтобы только насытиться возбуждающей нервы пестротой и осознать реальность внезапно открывшейся возможности выбора. Хотелось сразу и все скупить, унести с собой за забор в скучную действительность немного праздничной стихии рынка.

И только чуток пообвыкшись на толкучке, Андрюха уяснил, почему до сих пор эти редкостные товары веселой стайкой вестников экономической свободы не разлетелись по всей стране. Магнитом, удерживавшим столь дивное собрание образчиков изделий кооператоров в одном месте, была противоречившая здравому смыслу стоймость. Эх! Если бы не цены, высотой превосходившие Кавказские горы! Ничто другое не могло бы остановить советского человека от припадка неконтролируемого присвоения себе всего, что видит око или ймет зуб.

Уж на что ушлым малым был Чернышев, а и тот с искушением изобилием не справился, наивно предположив, что «ненашенское» разнообразие базарного барахла непременно сочетается с импортной доброкачественностью. У золотозубой цыганки Андрюха приобрел тенниску с отложным воротничком, а также лампасные шаровары из материала, который при малейшем прикосновении тихонько шуршал на иностранном языке. И хотя уже в момент купли-продажи интуитивно угадывалось, что товар на самом деле — дрянь (так оно и оказалось впоследствии: тенниска обернулась при ближайшем рассмотрении перелицованной майкой, а вызывающе широкие «треники», в которых парень щеголял вечерами на проспектах и в ресторанах родного города, бессовестно полиняли при первой же стирке), Андрюха все равно был доволен покупками, пусть на несколько дней, но позволившими ему четко обозначить принадлежность к разряду «людей».

А главный урок по предпринимательству Чернышев получил уже перед отъездом домой, когда зашел перекусить в вокзальной забегаловке. Почти весь общепит в Москве в те поры без боя сдался кооперативам, вот и на вывеске над чебуречной в здании крупнейшего в Европе вокзала означено было: «Кооп». Андрюха стал в очередь (много было проголодавшихся), которая в чуть замедленном темпе продвигалась к

пышущему жаром прилавку, и поразился ее отличию от знакомого до боли советского «хвоста», безалаберного и бесформенного, то ходкого, то замиравшего по непонятным причинам. Кооперативная очередь выстроилась ровно, изгибалась под прямым углом и двигалась хотя и неспешно, но ритмично. Юный товаровед живо смекнул, что освоившиеся в рыночной стихии столичные коллеги всеми силами стараются пропустить через свое заведение наибольшее количество посетителей. Андрюха даже смог рассчитать, сколько минут понадобится ему, чтобы получить горячий чебурек. «Или пару взять?» — раздумывал он, когда внезапное происшествие затормозило движение отлаженного механизма.

Деловой гул торгового зала перекрыл вдруг неожиданно эмоциональный, искренний до надрыва возглас. Какой-то парень, ровесник, похоже, Андрюхе, в запале кричал покупателям: «Вы посмотрите, что они продают!» При этом, далеко отставив руку, он демонстрировал всем разверстый дымящийся чебурек. Видимо, приобретя его, нетерпеливый молодой человек, не отходя от прилавка, с аппетитом вцепился зубами в долгожданную еду, резко рванул челюстью горячую шершаво-пузырчатую плоть чебурека, отчего тесто разошлось и обнажило нечто поразившее едока, поразившее настолько, что он решил незамедлительно поделиться с окружающими своим неприятным открытием. Оказалось, что румяная, поджаристая корочка имела болезненно-бледную, явно непропеченную изнанку. Мало того, на склизком мучнистом лопухе вскрытого чебурека вместо ожидаемой горки сытной начинки помещался более чем скромный кусочек фарша. Оттеняя его сиротскую непритязательность, из серовато-розового комочка торчала чахлая бледно-зеленая стрелочка лука.

Картина была неприглядная. То, что кооператоры намеревались скрыть от глаз клиентов, то, чему надлежало быть переваренным желудками посетителей чебуречной втемную, по досадной случайности предстало вдруг на белый свет со всем отталкивающим реализмом, с физиологичной достоверностью, в равной мере разочаровав и продавцов, и покупателей.

«Видите? Видите, чем они нас кормят?! — вопрошал правдоискатель. — За чем вы стоите? За что платите? Такой же хотите?»

Никто ему не ответил. Сбившиеся в очередь голодные, измотавшиеся за суетный день в чужом огромном городе гости столицы избегали смотреть в глаза настойчивому обличителю, отворачивали головы, как кони, которых ругает хозяин.

В чадном воздухе чебуречной столкнулись и аж заискрили две энергии — энергия взрыва и энергия статики; в брызгах кипящего прогорклого масла боролись воля к справедливости и воля к сытости: паренек, отпугивая покупателей, хотел наказать обманувших его торгашей; а те, кто ожидал пищи, хотели есть. И, глядя им в лица, беспокойный молодой человек постепенно осознал, что победа будет не за ним, что его импульсивный порыв увяз и растворился в индифферентной среде понурых молчунов: раз в ответ на взволнованные слова не последовало немедленной экспансивной реакции, значит, в ход пошла рефлексия, и вряд ли трюк с разоблачением чебурека повлияет на поведение толпы. В душе парня росли обида, раздражение, даже гнев, но теперь он готов был обрушиться уже на людей по нашу сторону прилавка, всего мгновение назад казавшихся союзниками.

Стоящие в «хвосте», конечно, понимали правоту юного активиста, однако не спешили проявлять солидарность. В другой ситуации под влиянием наглядного разоблачения недобросовестности кооператоров их клиенты, может, и отправились бы на поиски более подходящей харчевни, но ноги, свинцом налитые ноги, гудящие от натуги ноги отказывались сделать лишний шаг. Да и вряд ли найдется на вокзале место, где лучше кормят... Лень, усталость, укоренившаяся в поколениях привычка к посредственным кушаньям, иррационально оптимистическая надежда на то, что лишь

одному из всех достается некачественный продукт, а остальных минует сей жребий,— все это сделало случайно собравшихся здесь едоков неожиданно стабильной и прочной общностью, не лишенной даже патриотизма по отношению к своей чебуречной.

При всем том каждым, безусловно, ощущалось, что его поведение однозначно является оппортунизмом. Ренегаты-очередники предавали 1 Мая и 7 Ноября, предавали взаимовыручку и коллективизм, предавали моральный кодекс строителей коммунизма, в котором сказано: «Человек человеку друг, товарищ и брат». И вот их друг, товарищ и брат бессильным вопросительным знаком один торчит на заплеванном шелухой от семечек полу привокзального буфета, простирая к ним руку с зажатыми лохмотьями чебурека, а они подло бросают его, не только не поддержав, но даже не посочувствовав ни словом, ни взглядом. Низко и мерзко! Стыдней же всего было людям оттого, что они совершали предательство не под угрозой какой-либо расправы, а только из желания набить брюхо! Однако ни один не вышел из очереди.

Молодой человек, тщетно взывавший к гражданским чувствам выстроившихся вереницей изменников, все еще глядел им прямо в глаза, но теперь уже молча. Видно было, как его юношеская вера в людей отлетала в небытие, словно легкий парок, источаемый внутренностями растерзанного чебурека, стывшего в руке, упрямо тянувшейся в пустоту. Потом правдоискатель в сердцах швырнул свою злополучную попку в бачок для мусора и выскочил прочь.

Всем сразу стало как-то легче. Посрамленные было кооператоры распрямили согбенные грузом справедливых обвинений плечи, принялись вновь проворно продвигать очередь и даже начали привычно покрикивать на замешкавшихся с заказом или при расплате посетителей. Клиенты же, получившие вожделенную порцию, вначале осторожно надкусывали чебурек, с опаской заглядывали внутрь, но потом, подстрегаемые голодом, отбросив приличия и сомнения, торопливо жевали, жадно заглывали пищу, не разбирая ее вкуса. Не слыша более возмущенных восклицаний, успокоились и те, кто стоял подалее от раздачи. Вскоре общепитовский конвейер опять заработал в оптимальном режиме.

Андрюха, оказавшийся свидетелем этого происшествия, сделал для себя лично значимый вывод: очень важно вовремя накормить человека. Да и вообще, пищеварение... Низменная, казалось бы, тема, о которой чистоплюи предпочитают не вспоминать, считая позором оказаться в рабстве у желудка. А напрасно, ведь желудок подчас громогласнее сердца или мозга диктует нам, как поступать. Желудок — надежный якорь человечества, удержавший его от многих глупостей и срывов. Когда мозг отказывается понимать, когда сердце разрывается от боли, желудок продолжает вырабатывать свой сок, и человек дисциплинированно становится в очередь за едой. Слава тому, кто наполнит наш желудок! Могут меняться общественные формации и политические режимы, но основательное отношение к своему пищеварению человек оценит всегда. В каменном веке и в веке атомно-космическом люди одинаково злобно рычат на того, кто отнимает у них пищу, и одинаково признательны тому, кто пищу дает. Честно говоря, именно желудок в итоге переваривает всевозможные философские идеи, эстетические концепции, этические формулировки. И вот — они утилизированы и отторгнуты, а желудок остался и готов к новой работе. Чрево — разгонный блок прогресса, его основной элемент. За безмятежность своего чрева человек согласен платить, многим жертвовать.

Чернышев вернулся из столицы в родной город, вдохновленный этим рассуждением, решительно настроенный действовать. Уже через три дня он осматривал на местной автостанции закуток, где разместится его чебуречная (частная! собственная!). Были пущены в ход все налаженные в прежние годы связи: «нужные люди»

помогали по многим вопросам, начиная с оформления документов и заканчивая поставками сырья. Но в первую очередь Андрюха все-таки рассчитывал на родителей. Родители были его самым надежным капиталом, самым снисходительным банком с нулевой процентной ставкой, с эксклюзивными условиями займа (собственно, можно было деньги и не возвращать). Да и «нужные люди» — это, главным образом, коллеги матери по тресту столовых. Впрочем, бывшие отцовские воспитанники тоже пришлось как нельзя более кстати начинающему «частнику»: спортсмены в те годы все чаще и безогляднее становились боевиками бандитских группировок, а когда бандюки узнавали, что Чернышев — сын их тренера, относились к его предприятию с какой-то надрывной заботой, иногда даже бесплатно защищали от «наездов» распоясавшихся «качков» из конкурирующих группировок.

Андрюха и брату предлагал войти в долю. Тут родственные чувства соединились с прагматичной заботой о становлении бизнеса, поскольку бывшие «афганцы» успешно отвоевывали позиции в схватках за собственность: порой они сами, пользуясь предоставленными государством льготами, становились частными предпринимателями, но чаще брали на себя функции народного контроля. Неподкупные, не боявшиеся никого и ничего отставники азартно разоблачали как вороватых коммерсантов, так и нечистых на руку руководителей государственных магазинов. Бывшие интернационалисты готовы были снова идти в бой, в бой с хапугами, в бой за общее дело, за справедливость, за честность. Правда, среди «афганцев» находились и такие, кто видел в нуворишах лишь дойных коров, а в их лабазах — подобие ротных каптерок, подлежащих разграблению на радость «дембелей». В ресторанах, которые Андрюха полюбил посещать, став кооператором, он часто встречал ватаги, отмечавшие успех после очередного рейда по торговым точкам. Странные это были компании. Со своими традициями, с известной очередностью тостов, с непоколебимым осознанием того, что никто вокруг, кроме сидящих за их столом, не сумеет постичь всю сложность души, дотла сожженной азиатским солнцем и в прах выветрившейся под порывами суховея. Казалось, пирующие воины лишь минуту назад вышли из боя. Вот только в чьей армии они сражались?

Должно быть, именно так, подпирая друг друга могучими плечами, сидели в ближневосточных кабаках крестоносцы, кичившиеся святостью их общей миссии, и кутили на деньги, полученные в качестве выкупа за какого-нибудь сарацина, или менялы-хриstopродавца, или даже за своего брата рыцаря... Должно быть, с таким же веселым возбуждением разливали по кружкам эль благородные разбойники Робин Гуда... Должно быть, так же дружно сдвигали чаши с ромом в тавернах Карибских островов висельники-флибустьеры, джентльмены удачи... Должно быть, так же грозно затягивали боевые песни казаки Стеньки Разина, готовые сложить свои буйные головы ради чести бедовой вольницы и ради правды для всех православных...

Короче говоря, человек, который был бы своим для этих суровых витязей избирательной справедливости, в Чернышевской чебуречной явно не помешал бы, поэтому Андрюха снова и снова настойчиво приглашал брата принять участие в «семейном деле». Но Ярослав с присущей ему иронией отшучивался:

— Ну, что ты! Ну, какой кооператив... Я привык работать по старинке. Я привык за свою работу получать не премии, а почетные грамоты. Кооператив может мне дать почетную грамоту?

(Продолжение следует)

Николай Тимохин
(г. Семипалатинск, Казахстан)

ЛЮБОВЬ — ДО ГРОБА*
Остросюжетная повесть

Тимохин Николай Николаевич родился и проживает в Казахстане, в г. Семипалатинске. Окончил филологический факультет Семипалатинского пединститута. Член Союза писателей России, член Союза журналистов России, председатель казахстанского отделения Всемирной корпорации писателей. Зам. главного редактора по международным литературным связям журнала «Северо-Муйские огни», (Бурятия, Россия). Член редколлегии журнала «Огни над Бией», (г. Бийск, Россия). Член литературно-художественного совета журнала «Метаморфозы», (г. Гомель, Белоруссия). Один из составителей первого номера журнала «Литкухня», (Берлин, Германия), 2013. Региональный представитель в Казахстане журналов «Мир животных», «Эколог и Я», и «Метаморфозы», (г. Гомель, Белоруссия). В сентябре 2013 года являлся преподавателем дистанционного обучения Берлинского литературного института им. А. Чехова, где вел авторский литературный курс «Современная методика написания стихотворений». С двадцати лет пишет стихи. Они неоднократно печатались на страницах местных газет и размещаются на литературных сайтах в Интернете. Автор четырнадцати книг стихов и прозы, вышедших в разное время в Казахстане, России и Канаде. Награжден многочисленными грамотами, благодарственными письмами и дипломами от редакторов журналов России, Белоруссии и Германии. Проза и стихи Н. Тимохина многократно были опубликованы в различных литературных изданиях России, Украины, Белоруссии и Германии.

В основу новой остросюжетной криминальной повести «Любовь до гроба» известного казахстанского литератора Николая Тимохина, автора остросюжетной повести «Перстень графа Митрофанова», легли реальные события из материалов уголовного дела, имевшего место в середине лета две тысячи шестнадцатого года в одном из казахстанских городов. Любовь и ненависть, измены и предательство, драки и убийства делают сюжет этой драмы еще более захватывающим. Повесть рассчитана на широкий круг читателей, неравнодушных к проблемам современного общества и напечатана в издательстве MSBooks Publishing, г. Виннипег, Канада, в 2016 г., (ISBN 978-0-9877600-8-1).

Часть вторая

6

Поезд «Алматы — Семей», постояв на разъезде несколько минут, снова набрал скорость. Словно он торопился в Семей, желая как можно быстрее сократить рас-

---

* Окончание. Начало в № 4, 2016 «Приокских зорь».

стояние между злосчастливым прошлым и новым, неизведанным будущим, которое ждало Людку в ее родном городе.

Полдороги было уже позади. И все это время Семакина думала и думала, находясь одна в купе, которое было полностью выкуплено для нее до самого пункта назначения. Одиночество, быть может, это и к лучшему. После нескольких месяцев страшных и непонятных с самого начала событий, происшедших с ней, Людке хотелось побыть одной. Мысли бежали одна за одной, порождая все новые и новые вопросы, на которые она не находила ответов. И, может быть, еще поэтому девушка не переставала пить из небольшой рюмочки дорогой коньяк, стоящий у нее на столике вместе с шикарным букетом цветов в красивой обертке.

Рядом в открытом пакете лежали бутерброды с красной икрой, а в другом — булочки, порезанная небольшими кусочками, и сервелат. А в ее небольшой дорожной сумке, лежавшей на противоположной полке, было вдоволь конины, фрукты и еще несколько дорогих рыбных консервов. Такого запаса еды ей бы, пожалуй, хватило до самого Новосибирска. Денег у Семакиной с собой нет. И удостоверения личности — тоже, потому что оно осталось дома в тот злосчастный день, когда Семакина пошла на квартиру к Виктору, желая его напугать своим заявлением в ментовку. И, естественно, пострадавшая не брала с собой свое удостоверение. Дура, разве так надо было поступить? Сама и попалась к ним в лапки. А к кому именно? Кто в этом виноват, прежде всего? Дипунов или Смирнов? Или может быть — оба?

Чтобы попытаться во всем разобраться, ей надо или поговорить с Алексеем в открытую, или самой попытаться все восстановить в памяти, вспоминая события с самого начала.

Но разговаривать со Смирновым, который ехал в соседнем с Людкой купе, ей не хотелось. Сейчас он выполнял роль ее сопровождающего в поезде или охранника, не более того. И опять непонятно, кто это решил? Смирнов к Людке обращается на «Вы», заболел что ли?

Там, в Алматы, ее похититель был совсем другой, особенно когда в первый день привез ее к каким-то людям... Как выяснилось позже, те, у кого оказалась Людка, занимались поставкой девушек в ночные клубы и другие бордели Алматы. Всеми делами заправляла немолодая женщина казашка. Людке сразу выделили комнату на двоих, в которой уже длительное время жила Наргиз. Эту девушку, как и Семакину, привезли обманом из ее села и заставили работать. Чтобы Наргиз не сопротивлялась, ей, как и Людке, постоянно давали какие-то психотропные лекарства. А иногда делали уколы. После них все проблемы пленницы уходили куда-то сторону, и жизнь начинала казаться интересной, мысли полностью отсутствовали. А голова была словно пуста.

У Людки была своя кровать с чистым бельем, платяной шкаф с хорошей и модной одеждой по ее фигуре. На ее столике никогда не переводилась косметика и различные крема.

Кормили их с Наргиз не деликатесами, но всегда вкусно и сытно. Наличных денег Людка никогда не имела, мобильный телефон ей не полагался. Звонить никуда не разрешалось. Также как и выходить в любое место без разрешения и сопровождения. Семакину, как и остальных жриц любви, всегда охраняли крепкие парни. Причем делали это так старательно, что даже сопровождали в туалет, если, к примеру, девушка в тот момент находилась где-нибудь на выезде.

У этих людей, которые держали Людку в сексуальном рабстве, были и другие девушки, с которыми она не очень виделась, только если на крупных вечеринках, куда их свозили сразу на нескольких машинах и из разных мест.

Про саму работу, если так можно было назвать те издевательства, которые выпадали на ее долю, Семакиной вспоминать не хотелось. Но все же придется.

Поезд снова набирал скорость, и колесные пары на стыках застучали все сильнее. Людка посмотрела в окно, отпила глоточек коньяка из рюмки и снова задумалась. Из этого плена она бы никогда не выбралась, даже если бы как-нибудь убежала и сообщила в местную полицию! Смешно! Ее бы сразу вернули назад, да еще бы наказали. Значит, с ней что-то такое произошло, о чем она не знает. И кому-то очень стало надо, чтобы Людка вырвалась из этих пут. И так, значит надо все вспоминать не сначала, а с конца.

Что же было? Однажды в комнату, где жила Семакина с Нагриз, зашла их хозяйка и сказала:

— Девочки, сегодня вам предстоит важная работа. Вы поедете в дом к одному очень большому человеку. Там будете делать все, что от вас потребуют и даже более того. Человек этот очень важный. Если вы ему понравитесь, то, считайте, вам повезло, а если нет, то тогда мне даже страшно и подумать о том, что вас будет ожидать. Одним словом — собирайтесь, красавицы, прихорашивайтесь. Примите душ. Если кому надо, то мы привезем сюда парикмахера. На все, про все, даю вам час!

Девушек привезли в частный крутой коттедж. Надо признаться, что за время своей работы в Алматы Людка успела повидать и не такие домики. И все же девушку это место впечатлило. Коттедж был настолько многокомнатным, что Семакина так и не поняла, сколько всего мужчин в нем отдыхало. Но девушек легкого поведения туда свезли на двух легковушках.

Проведение данного вечера мало чем отличалось от тех гулянок, в которых Людка и раньше участвовала. Сначала гремела музыка, алкоголь лился рекой. От продуктов ломились столы. Затем стали выступать какие-то певцы из России, имена их Людка не запомнила, потом выступление циркачей, фокусника и акробатов. Дальше — недолгий стриптиз от двух девушек до полного раздевания с прокручиванием на шесте с такими силовыми номерами, что их тела принимали вертикальное положение вниз головой вдоль шеста, а ноги были разведены в разные стороны параллельно полу. Как только эти стриптизерши держались на шесте и не падали — непонятно.

В довершение всего праздника или, наоборот, в преддверии его самого интересного продолжения, по залу, по кругу перед сидящими мужчинами прошлись несколько обнаженных девушек, покачивая бедрами. Среди них, конечно же, была и Людка.

А потом Семакину забрал на всю ночь к себе один влиятельный немолодой человек. Хотя всем папикам на этой вечеринке уже было хорошо за сорок. Но Людку это нисколько не напрягло. Она привыкла. Ведь в начале вечера, когда Семакина сюда ехала, ее сопровождающие тихо шептались между собой, что сегодня там будет развлекаться сам дед. И это для него все организовано.

Странно, а девушка, к своему удивлению, никакого деда среди присутствующих гостей и не заметила. Только одних мужиков, которым уж перевалило за сорок. И того мужчину, с кем она провела всю ночь.

Людка сделала еще небольшой глоток коньяка. Пить уже не хотелось. Но мысли сами по себе навязчиво лезли в голову, выгалкивая одна другую, тем самым рождая все новые и новые воспоминания последних событий пребывания девушки в Алматы.

Семакина посмотрела в окно и с грустью поняла, что среди такого большого количества мужчин, с которыми она по воле судьбы переспала, не было ни одного самого ласкового, желанного, приятного, нежного. Из всего ее окружения, на сегодняшний день, таким бы мог стать только Семен Шадров. Но... Она, дура, сама его отвергала и потешалась над ним. А теперь часто его вспоминала. И даже пожалела, что не Шадров стал первым ее мужчиной. Да лучше бы она ему отдалась! Но нет, Семен бы никогда не воспользовался этим! Он не такой. Он настоящий мужчина.

Готовый за нее на все. Ведь он даже ей стих посвятил, который она сразу не поняла и не оценила. «Как Данко вырву я сердце, чтоб темноту превозмочь...» Даже так. И где теперь ее Данко? Он, наверное, ее забыл и стал другим. А может быть, у него уже есть девушка, ведь он такой хороший.

А Людка зачем теперь ему? Кем она стала за это время, какой? Нервной, потому что ее постоянно пичкали какими-то препаратами, от которых, стоило Семакиной лишь немного выпить с клиентами, когда они угощали, «сразу начинало срывать крышу». И не дай Бог, если это случилось в тот момент, когда клиенты, которых девушка почти всех ненавидела, начинали гнуть перед ней пальцы, а ее унижать.

Один раз Людкин клиент так получил от нее в челюсть стоящим на столе подсвечником, что мужчину с переломом сразу же увезла скорая, записав инцидент как несчастный случай — «падение с лестницы». Ведь пострадавший был непростым клиентом и ему разборки с полицией были крайне противопоказаны.

И другому своему обидчику Семакина, выпив слегка водки, так указательным пальцем засветила в глаз, что чуть не сделала из мужика Циклопа.

Но из всех своих клиентов она все же могла выделить одного, самого последнего, с которым их свела судьба в загородном коттедже. Как и полагается в ее работе, Людка показала мужчине в моменты их близости все, что она знала и могла. Сначала Семакина относилась к нему как просто к клиенту, получающему услуги от жрицы любви. Но потом, в какой-то момент, Людка, по необъяснимой причине, стала обнаруживать к нему непонятное теплое чувство. Нет, это не была любовь. Но оно шло из глубины души девушки.

И мужчина был нежен и ласков с девушкой. А утром его вдруг потянуло на откровенный разговор с Семакиной. У нее уже были пару раз нетрезвые подобные собеседники. Одному Людка пожаловалась, что родилась в детдоме, и прямо из него девочку в нежном возрасте похитили злые дяди и привезли на эту работу. А второму, он был, кстати, журналистом, призналась, что является дочерью американского дипломата, и ее выкрали у влиятельного папочки, под залог большой суммы баксов. А когда богатый родитель не смог выкупить свою дочь, то ее сразу же отдали в рабство. Журналист все только успевал записывать. А потом своего не упустил и поступил с Людкой так же, как и все его предшественники, кобели.

Но своему последнему клиенту, имя которого она даже и не узнала, да ей и не полагалось задавать подобные вопросы, Людка все же открылась. И рассказала, что родилась и живет в городе Семее, это отсюда всего тысяча км. Отца своего не помнила с самого детства. Что девочку воспитывала сначала одна мать, а потом и отчим, чью фамилию Семакина и носит до сих пор.

А мамина фамилия — Лескина. И мама рассказывала, как в школе ее дразнили «леской». И поэтому мать не захотела на свою фамилию записывать дочь. А еще и потому, что у женщины была несчастная любовь с Людкиным отцом. И фамилия Лескина могла бы повторить свою печальную судьбу в следующем поколении. А еще мама упоминала о том, что когда они с мужем ссорились, то она его дразнила «старым дедом». Людка не знает, зачем и почему она так его называла, ведь ее отец был молодым. И в конце своего рассказа девушка уверенно заявила, что когда вернется домой, то обязательно у матери все выспросит про своего отца. А если мать ничего вразумительного ей не скажет, то тогда Людка направится в паспортный стол или в ЗАГС и станет поднимать документы прошлых лет. Она все равно докопается до истины! И точно узнает все про отца!

Собеседник слушал Людку, не перебивая. Лишь только на его лице дергались желваки. А когда Семакина упомянула про «старого деда», ее клиент, наверное, обидевшись, и накрывшись простыней, сразу же встал с кровати и, собрав свою одежду, зашел в ванную комнату.

А когда немного погодя мужчина вышел из нее, то это уже был совсем другой человек. Он, стараясь не смотреть Людке в глаза, попросил, чтобы она оделась и приготовилась уходить.

— Вы сейчас поедете на новое место,— Семакина не помнила ни одного случая, чтобы кто-то из клиентов к ней обращался на «вы». Наверное, у дяденьки совсем по старости «башню свернуло» или он пожаловаться решил на девушку ее руководству, только и успела подумать Людка. Но услышала: — И поживете одна несколько дней в гостинице. А потом вас отправят к себе домой, в ваш город,— так сказал этот непонятный человек.

Вот и все. Так неожиданно подошло к концу Людкино пребывание в Алматы. А дальше у Семакиной началась другая жизнь.

7

В последнее время у криминального авторитета Деда, по фамилии Деденко, дела, что называется, шли в гору. Он уже открыл в Алматы несколько ночных клубов и других развлекательных заведений, для работы в которых требовались красивые и привлекательные девушки «нетяжелого поведения», умеющие развлечь любого мужчину. Одним словом — путаны. Хоть Алматы город и большой, но для такого рода деятельности много девушек в нем не отыскать. Лучше всего для таких занятий их привлекать из других небольших казахстанских городов. Этим делом в последнее время и занимался Дед. У него в подчинении были люди, которым он доверял. Один из таких — это Марат (он же Марик). И несколько молодых бойцов, исполнителей его поручений. К ним относился и Алексей Смирнов (Смирный).

Хорошо организовав бизнес в некоторых городах Казахстана, Дед уже метил выйти на рынок Китая. Это очень выгодно и прибыльно. Все под рукой, рядом. Народу там, как известно,— валом. Значит, спрос всегда будет рождать предложение. И, наконец, Китай одна из мировых экономических держав, которая по своему статусу может конкурировать только с Америкой. Как переправлять туда девушек и на каких условиях, Дед уже продумал. Но, в любом случае, такое мероприятие на самых первых порах требовало постоянного капиталовложения. И Деду стали нужны партнеры по бизнесу. У него сохранились старые связи, бывшие заключенные, с которыми он мотал срок. И вот с двумя из них он уже предварительно договорился о совместном бизнесе. Партнеры все будут работать сообща и совместными усилиями выйдут на многомиллионный китайский рынок.

Дед уже давно собирался пригласить к себе в гости этих важных людей, своих партнеров по новому делу. И поговорить с ними с глазу на глаз обо всех деталях. По разному стечению всевозможных обстоятельств и всех сторон, не находилось времени на такую встречу. Лишь только этим летом такая встреча стала реальной. Гости выразили свое согласие. И в один из дней, в коттедже, принадлежащем Деду, было все организовано для их пышной встречи.

Марик и Смирный сбились с ног и разбились в лепешку, чтобы услужить своему шефу. И все прошло по самому высшему уровню. Сначала гостей развлекали музыканты из России, затем выступали артисты цирка, гастролирующие в эти дни в Алматы. Потом было коротенькое выступление без всякой одежды акробатов на шесте. В самом конце Марик привез в коттедж кучу девиц, которые устроили перед гостями голое шествие. Благо, что друзьям Деда все пришлось по вкусу. И, конечно же, последнее шествие девушек. Несколько из них были оставлены в коттедже до утра, а остальных отправили назад.

Деду приглянулась одна миловидная совсем еще молодая девушка. И он пригласил

сил ее к себе в комнату. Почти до полуночи они занимались взрослыми делами. А утром дед почувствовал какое-то особое влечение к этой юной красотке. Любовью это назвать было бы преждевременно, мужчина считал, что он уже вышел из этого возраста. Но Деду очень хотелось просто побыть в обществе девушки и поговорить с ней откровенно о жизни. Его тянула к ней какая-то необъяснимая сила. Мужчине просто хотелось на нее смотреть и смотреть. Находиться с ней рядом и дышать одним воздухом.

Он понимал, что они разные, и общих интересов, как и тем для разговора, у них просто не существует. И все же Дед, на свою беду, разговорил Людку.

И невольно вспомнил свою жизнь с того самого момента, когда освободился после первой отсидки по малолетке. Почти сразу же, гуляя на свободе и наслаждаясь ей в полной мере, а также радуясь жизни, он познакомился с молоденькой девчонкой, чем-то сильно похожей, ну как две капли воды, на ту, что сейчас находилась рядом с ним и называла себя Людой. Деденко влюбился в девушку по фамилии Лескина. Ему было весело называть ее не по имени, а по прозвищу, которое он ей придумал с первого же дня их знакомства — Леска. И в защиту столь странного прозвища молодой человек говорил, что оно схоже со словом «ласка». А самое главное, что Тань, Марин, Настей везде хоть пруд пруди. Но нет ни одной девушки по имени Леска. И будущая Людкина мать соглашалась со своим избранником. Но когда они ссорились, она его со зла называла «дедом», тоже переименовав его фамилию. При этом нередко добавляя уточнение «старый».

А когда Леска забеременела и вскоре должна была родить, с ее молодым мужем произошла очень нехорошая история, связанная с дракой в ресторане. После чего ее «старый дед» снова загремел за решетку. И теперь уже надолго. Лишенный свободы, он так никогда и не видел свою дочь. После второй отсидки Дед пробовал ее искать, но не знал имени своей кровиночки. А долгие поиски девочки по фамилии Лескина не принесли никаких результатов. Мужчина был упрям в своих поисках. И продолжал безуспешно испытывать судьбу, стараясь найти хоть каких-то молодых носительниц фамилии Деденко. Но все это оказалось тщетным.

И вот, по стечению ужасных обстоятельств, Дед сближается с девушкой, которая по ее рассказам о своей жизни может быть его дочерью. Кроме того, мужчина и сам почувствовал к ней какое-то необъяснимое влечение, не относящееся к проявлению чисто мужской страсти. А, скорее всего, глубоко душевное и сердечное, даже родительское чувство.

У Деда на миг все похолодело внутри. Много, что ему рассказала эта девушка, совпадает с его прошлым. Причем такие факты не придумаешь и не угадаешь. Их надо только знать. Если Людмила, действительно, его дочь, то страшную трагедию, которая по воле злого рока произошла между ними, мужчина не в силах пережить. Да и станет ли он это делать? Как теперь жить дальше? Осознавая, что свою единственную дочь, с которой ты долгое время искал встречи, вдруг познал как женщину! Нет, это какая-то ошибка природы! Такого не может и не должно быть! Это возможно только у животных! А не у человека разумного!

Хотя, может быть, в действительности все не так? Или не все так, как он услышал от Людмилы. Может быть, эта девочка, девушка, что-то выдумала или у кого-то подслушала? Наконец, она могла просто его этим шантажировать? Мужчина все еще надеялся себя как-то этим успокоить. Но не получалось. Девушка не была похожа ни на шантажистку, ни на авантюристку. Людмила своим взглядом и поведением показывала, что ей сильно осточертели все мужики со своими постоянными запросами и изощренными желаниями. И к тому же, девушка у Деда ничего не просила. И, если верить Смирному, то оказалась здесь случайно, только по вызову, и не более того.

Надо было срочно что-то делать. Дед решил на несколько дней устроить девушку в хорошей гостинице, в номере люкс, с предоплатой всех возможных ее расходов, включая питание в номере из ресторана.

А за то время, пока Людмила будет в гостинице, он пошлет своего помощника Марика в Семей, благо, что он город хорошо знает, и даст ему задание. Срочно разузнать все, что можно о Людмиле Семакиной. Для этого Марик должен заехать в Семее в ЗАГС или паспортный стол и любой ценой получить нужные документы. Причем сами оригиналы. Как у Марика это получится — его дело. Пусть выкупает или сворует, но документы должны быть только у Деда. Ведь Людмила, сразу по приезду домой, собиралась искать отца, то есть его — Деда. И по сути, она сама же и надоумила мужчину насчет получения важной информации в горотделе ЗАГСа.

Марик по заданию Деда был в отъезде всего несколько дней. Но Деду показалось, что прошла целая вечность. За это время он закрыл все свои ночные клубы и с нетерпением ждал новостей от своего помощника.

А когда Марик привез необходимые документы, то Дед понял, что самые страшные его опасения оправдались! Людмила Семакина — его дочь!

За многие годы своего существования Деденко немало пережил всякого рода тяжких испытаний. И никогда не терял самообладания и выдержку. Вот и сейчас он хладнокровно принял необходимые решения и с помощью Смирного и Марика приступил к реализации своих планов. Марик должен был купить два билета на поезд до Семей в разные купе. Причем эти купе он должен был полностью выкупить на весь путь следования поезда до места назначения. А Смирный должен был сопроводить Людмилу, до самого Семей, и находиться с соседнем купе, а по приезду лично передать девушку в руки Дипунова. И затем прямо с вокзала в машине Марика, который его уже будет поджидать, вернуться в Алматы.

В день отъезда Смирный негромко постучался в дверь гостиничного номера, в котором проживала Людмила. Но за дверью было тихо. Тогда парень постучал уже посильнее. И услышал недовольный женский голос:

— Ну, кто там еще тарабанит?

— Людмила, откройте, это я, Смирный...

За дверью что-то зашелестело, а потом тот же голос громко проговорил:

— Если ты, гад, пришел меня убивать, то учти, у меня в руке нож и твои кишки вмиг окажутся у тебя на носу!

Находясь все дни в гостинице, Людка не просто отдыхала: отсыпалась, ела и пила коньяк. Она опасалась за свою жизнь. Уж очень неспроста ее отправили из коттеджа в гостиницу. К чему бы это? Она недавно услышала историю о том, как несколько лет назад одну девушку, тоже легкого поведения, за какую-то провинность сначала также поселили в гостиницу, в отдельный номер. А потом она, якобы сама, выбросилась из окна седьмого этажа.

И Людка из своего номера вообще никуда не выходила, лишь принимала еду через дверь от официанток ресторана. И сразу же закрывалась на два оборота, не вытаскивая из замочной скважины ключ. И продолжала попивать коньяк из маленькой рюмочки.

Смирному еще повезло, что он как-то убедил девушку в ее безопасности и на машине Марика они успели на вокзал за полчаса до отправления поезда «Алматы — Семей». Ведь если бы что-то пошло не по плану Деда, не по сценарию, то этим двум парням сильно бы не поздоровилось.

8

Выйдя из вагона на вокзале Семей, Людка и Смирный сразу же увидели Виктора. Новая встреча с ним Семакину не обрадовала, но перекантоваться у него на хате по-

сле поезда она все же согласилась. К тому же выбора у девушки не было. Общение троих людей на вокзале было недолгим. Отозвав Дипунова на минуточку в сторонку, Смирный передал ему заклеенный конверт. И, объяснив, что это деньги, принадлежащие Людмиле, строго настрого наказал ему, чтобы парень у себя дома не забыл их ей отдать. Так Смирный выполнил свое последнее задание от Деда, который не мог передать деньги лично Семакиной. Деденко и не хотел, чтобы девушка знала, чьи это деньги. Пусть это будет просто подарок.

Ступив на привокзальную площадь и отнекиваясь от многочисленных предложений местных бомбил, трое молодых людей сели в машину Марика, который их уже поджидал. Людку вместе с Виктором довели до его квартиры, и, распрощавшись с ними, Смирный и Марик сразу же взяли курс на выезд из города, а затем на алматинскую трассу.

Машина, выйдя за черту города, двигалась почти без остановок на предельно допустимой скорости. И Марик все время обращал внимание на местность, по которой виляла их широкая трасса. Он должен был выполнить важное задание Деда при непосредственном участии Смирного.

Для этого Марик нужно было подходящее место: лесополоса или густые кустарники. Но машину всю дорогу окружала «степь, да степь кругом». Как в известной песне.

Когда вечер стал плавно переходить в темную теплую ночь, и Смирный на заднем сидении машины уже задремал, Марик увидел по ходу их следования долгожданные, правда, редковатые кусты. Другой возможности для выполнения задания Деда у водителя могло не быть. Да и поскорее ему хотелось избавиться от этой проблемы. Марик остановил машину и позвал Смирного.

— А? Чего? Уже Алматы? — спросил парень, неспособный ничего понять.

— Ага, — ответил водитель. — Рио де Жанейро, не хочешь? Выходи и следуй за мной. Мы должны выполнить важное задание Деда. Или ты что-то имеешь против?

Как только они зашли за ближайшие кусты, отойдя от трассы на расстояние видимости машины, Марик встал перед Смирным, спиной к дороге. — Ну, давай быстрее сделаем то, что надо, и дальше поедем, — торопил водителя ничего не подозревавший Смирный.

— Не гони, — оборвал его Марик и заложил свою правую руку себе за спину. — Короче. На тебя Дед сильно осерчал. Косяк за тобой. Ты с этой девкой, с Людмилой, сильно прокололся.

— Так это, ничего... приедем в город, и я попрошу прощения у Деда.

— Такой расклад уже не катит, — резко возразил ему Марик. — Извиняться теперь будешь перед Богом. Пойми меня, ничего личного... — Смирный, наверное, что-то хотел сказать и уже открыл рот, но Марик быстро выбросил свою руку из-за спины, держа в руках пистолет с глушителем. И, направив его на приговоренного к смерти, два раза нажал на курок.

Прозвучали глухие хлопки, и Смирный удивленными глазами, в которых навечно застыл ужас, уставился на Марика. А потом, пошатнувшись и слегка взмахнув руками, тяжело рухнул навзничь. Киллер внимательно посмотрел на бездыханное тело и еще раз выстрелил в него. А затем, не торопясь, сел в машину и помчался в Алматы.

Когда он подъехал к офису Деда и, поднявшись на второй этаж, зашел в кабинет, то увидел своего шефа сидящим в кресле за его рабочим столом. Причем, он также сидел, когда отправлял в дорогу своих подчиненных. Такое ощущение, будто он и не вставал из-за стола.

— Ну, что скажешь? — вместо приветствия спросил вошедшего Дед.

— Все ровно, — доложил ему Марик. — Дело сделано.

— Вольна где? — поинтересовался Дед.— Давай ее сюда. Кстати, сколько там патронов осталось?

— Еще три есть.

— Хорошо, все, можешь идти. Хотя нет, подожди.— Дед словно вовремя одумался.— Выпей со мной с дороги.

— Я это... Дед, не пью сегодня, за рулем и устал сильно,— начал оправдываться Марик, словно что-то предчувствуя.

Но Деденко не унимался:

— А ты газировки выпей, я так хочу! — И, приоткрыв дверцу стола, достал оттуда чистый прозрачный стакан и неполную поллитровую бутылку минеральной воды. Мужчина наполнил стакан и протянул его Марику.— Ну, минералочку, это можно,— даже обрадовался Марик и залпом выпил.— А то ведь и вправду жарко что-то.

Он даже обрадовался, что так быстро отделался от Деда. Недолголюбивал его Марик. И в глубине души он надеялся, что когда-нибудь поднимется и станет серьезным конкурентом Деденко.

Спустившись вниз по лестнице и потянув на себя подъездную дверь, Марик вдруг почувствовал, что его как будто что-то сильно-сильно трянуло. А в животе начался нестерпимый жар с невыносимой болью. Во рту сразу пересохло. Еле передвигая непослушные, словно ватные, ноги, он вышел из подъезда и медленно повалился на правый бок. Марик попытался встать, но всего лишь перевернулся на спину и стеклянными глазами уставился в чистое и голубое небо. Туда, где теперь на необъятных просторах небосвода будет искать свой покой его душа.

После ухода Марика Дед, подождав несколько минут, вытащил пистолет с глушителем и зарядил его. Сейчас перед ним отдельными эпизодами пролетала вся его непутевая жизнь. И то, что она сложилась именно так, а не иначе, винить в этом кроме его самого никого другого не приходилось. Лучшие свои годы Деденко провел в местах лишения свободы. Но судьба смилостивилась над ним и дала ему шанс, когда он женился на своей любимой девушке Леске. Но и тут Дед не смог жить как все люди, по-нормальному. Опять криминал и снова путь — дорога на зону. А что потом? Одиночество, пустота. Гонка за нечестными и грязными деньгами путем прокручивания уголовных дел. Организация притонов с привлечением туда невинных молодых девушек. Которые были кем-то любимыми, чьими-то дочерьми и сестрами. И осознал все это Дед только тогда, когда с ним же самим случилось страшная трагедия — близость с родной дочерью. А после такого — жизнь уже не может продолжаться. Приговор один — расстрел. Выход один — пуля в лоб. И Дед не пожалеет себя: если он жил как сволочь, то и умрет как собака.

Мужчина приставил дуло пистолета к виску и нажал курок.

9

Считается, что возвращаться в прошлое — это всегда плохо. И когда Людка снова, как когда-то, оказалась с Виктором наедине в его квартире, ей показалось, что ничего с ней и не происходило. И она все та же беззаботная и веселая выпускница, которую любит Семен. Но себя никогда не обманешь. И то, что хотелось бы забыть, да не получается, из жизни не вычеркнуть.

В комнате Виктора за это время не произошло никаких изменений. Сразу видно, что пацан сам не убирает, и женской руки тут тоже не чувствуется.

— Ну, что сидим, как на именинах? Хозяин ты или где? Доставай водку и ставь закуску какую-нибудь,— скомандовала Людка и в ожидании развалилась на все том же памятном ей кресле.

Парень уже в первые минуты общения с Семакиной заметил, что она стала совсем другой. Не по годам взрослой, дерзкой, уверенной в себе, наглой и смелой. Но все такой же — притягательной и желанной.

— Ни фиги себе,— подумал Виктор, готовя на стол.— Совсем обурела шлюха. Забыла, как тут охала и ахала на моей кровати. Ну, ничего, еще не вечер, все повторится.

От волнения парень решил закурить и нервно стал себя ощупывать в поисках сигарет. Вдруг он обнаружил конверт, который ему Смирный передал для Людки. Виктор быстро заглянул внутрь конверта и даже присвистнул от удивления. В пакете лежали доллары. Десять банкнот. Тысяча баксов!

— Вот это да! Богатенькая подруга, получается,— размышлял парень.— И еще борзет в моей хате.

Виктор нашел в кармане пачку синего «Бонда» и с сожалением обнаружил в ней последнюю сигарету. С жадностью затянувшись, он сразу же стал соображать совсем иначе.

— Ну, все деньги от меня Людка, конечно, не получит, а то еще морда у нее треснет. Да и за обслуживание надо тоже платить, а то ишь, командует.— Дипунов взял себе триста долларов, а остальные положил в конверт. Потом, пару раз затянувшись, передумал и взял из конверта еще две банкноты. И все равно, как мысленно рассуждал парень, это было неправильно.

— Хватит ей и триста долларов.— Твердо решил он и, положив их в конверт, стал думать, где бы пока сохранить свои семьсот. Его взгляд упал на помятую пачку синего «Бонда», которую он сам же только что бросил себе под ноги. Виктор нагнулся за ней, тщательно ее разгладил и положил туда свои деньги. А пачку сунул в левый нагрудный карман рубашки. И только теперь, уже полностью успокоившись, стал резать колбасу, хлеб и огурец с помидорами. В запасе у него была припасена водка и бутылка лимонада. В ожидании угощения Семакиной не пришлось скучать. Она сидела и все думала и думала. Ей казалось, что никакой поездки в Алматы вовсе и не было. Все это напоминало страшный сон, который уже завершился. И вспоминать о нем она больше никогда не будет. Да и нечего там вспоминать. Разве что последние минуты ее пребывания на алматинском вокзале...

До отправления поезда «Алматы-Семей» оставалось полчаса, но Людка и Смирный стояли у своего вагона и не заходили в него. Было такое ощущение, что кто-то еще должен был подойти. Семакина уже не задавала никаких лишних вопросов. Все равно правду ей никто не скажет, а сюрпризов за последнее время ей хватило.

Среди многочисленных граждан, снующих по перрону, вдруг выделился один мужчина в черных очках. Он был одет очень скромно и просто, и в руках держал большой букет цветов. И когда незнакомец подошел к Смирному, тот сразу же засуетился и сказал:

— Добрый день, шеф!

— Заткнись, идиот,— услышал он в ответ тихий, спокойный голос.— Вот бери конверт с деньгами. Сделаешь все, как я сказал. А сейчас поднимайся в тамбур и жди девушку.

И после этих слов он посмотрел на Людку.

— Людмила, эти цветы Вам. Не откажите, примите их в знак моей чистой и искренней любви к Вам.

Семакина машинально схватила букет и только сейчас узнала в незнакомце того мужчину из коттеджа, с которым она хорошо провела время.

По всему вокзалу прозвучало: «До отправления скорого поезда «Алматы — Семей» остается пять минут. Провожających просим выйти из вагонов»...

Девушка уже двумя ногами была в поезде, и тем более у себя в родном городе. И

ей совсем не хотелось даже в воспоминаниях возвращаться в прошлые дела. Но Дед продолжал:

— Поверьте, моя любовь к Вам настоящая, чистая и вечная. Но для меня она стала роковой. Любовью до гроба...

— Мужчина, прошу вас, не нужно так говорить... — тихо сказала Семакина.

А по вокзалу громко раздалось: «Будьте внимательны, будьте осторожны! Скорый поезд «Алматы — Семей» отправляется с первого пути. Отойдите от края платформы. Счастливого пути»...

Смирный протянул руку Людмиле, которая поставила ногу на ступеньку вагона, а Дед, поддерживая ее за талию, помог подняться в тамбур. Локомотив издал пронзительный гудок и резко дернул состав. Вагоны, покачиваясь и постукивая колесными парами, сначала медленно, а потом все сильнее и сильнее набрали скорость и быстро скрылись в северном направлении железнодорожного пути.

— Люд, ты меня, что, не слышишь? — где-то рядом совсем под ухом прозвучал голос Виктора. И Семакина, словно очнувшись, посмотрела на заставленный закуской и выпивкой небольшой столик у кресла.

— Очнись ты, что ли! Хватит мечтать, — продолжал Дипунов. — Слушай, тут тебе твои дружки из Алматы велели мне передать деньги в конверте. Я его не открывал, посмотри.

Людка спокойно глянула в конверт, вытащила из него триста долларов и, усмехнувшись, сказала:

— Ну, ладно, раз так. Значит, будем гулять. Я тогда поживу у тебя с недельку. А потом к матери зайду. Идет? Тогда наливай.

На столе была закуска, которую успел приготовить Виктор: колбаса, салат из огурцов и помидор, кусочки сыра и тонко порезанный хлеб. Парень поставил около Людки большой китайский бокал с массивной ручкой и налил в него лимонад. Запивать. Но Людка быстро выпила почти полный стакан водки и даже запивать его не стала, не то что закусывать. Виктор с удивлением смотрел на нее. «Да-а, Семакина сильно изменилась, — думал он. — Но ничего, обломается, и не без его помощи. Не таких видали».

А Людка, словно читая мысли парня, снова плеснула себе в стакан почти столько же и приготовилась пить.

— Эй, подруга, — только и успел сказать Дипунов. — Ты что, берегов не видишь? Хватит тебе пока пить! А то, неровен час, опять уедешь неизвестно куда. Забыла, что ли, про свое путешествие?

— Ты, мразь подзаборная! — Людка резко соскочила со своего места и, оперевшись двумя руками о края стола, настолько близко приблизилась к лицу удивленного Виктора, что казалось их кончики носа соприкоснутся.

— На кого хлебальник свой разеваешь, ублюдок? — и, схватив двумя пальцами за ручку стоявший на столе бокал с лимонадом, Семакина размахнулась и со всей дури заехала им Дипунову выше левого уха. Удар был такой силы, что ручка у бокала осталась в руках драчуни, а сам бокал с грохотом покатился по полу. И подобно ему, сделав кувырок назад вместе со стулом, к стенке отлетел Дипунов.

Но Людку это нисколько не остановило. И она, кинувшись к лежащему без сознания парню, стала осыпать его тело пинками:

— Что, жертва аборта, смерти своей не дождешься?

Людкино утверждение про жертву аборта, конечно, было глубоко ошибочным. А вот тот факт, что парень невольно стал жертвой уголовных деяний со стороны Семакиной, это бесспорно.

Он лежал без движения, у стенки. От усталости и злости Семакина плюхнулась на рядом стоящее кресло и успокоилась. А потом словно осенило. За что она так из-

била Виктора? Что он ей сделал? Он даже по-честному отдал ей деньги. А ведь мог бы и забрать себе. Значит, он порядочный. А то, что Виктор сразу после выпускного соблазнился на ее девичью честь, так за это Семакина на него не в обиде. Уж лучше он стал первым ее мужчиной, чем кто-то другой в Алматы.

Людка соскочила с кресла и, прильнув к груди парня, дернула его рубашку так, что несколько пуговиц разлетелись в разные стороны. Девушка приложила левым ухом к обнаженной груди лежащего и с радостью услышала его сердцебиение. Семакина сняла с парня его рубашку и, зайдя в туалет, намочила полотенце, желая протереть Дипуну грудь, чтобы хоть как — то облегчить его страдания. Затем Людка спешно вытащила из кармана его рубашки помятую пачку синего «Бонда» и, не заглянув внутрь, выбросила ее в мусорное ведро. А рубашку затолкала в стиральную машину.

10

Как бы много времени ни прошло после школьного выпускного вечера, с которого Людка так таинственно исчезла, Семен все равно почти каждый день ждал встречи с Семакиной. Парень через несколько дней после пропажи девушки позвонил ей домой. Но Людкина мама, ответив на звонок, сказала, что не знает где ее дочь. А спустя еще несколько дней снова эта женщина по телефону Шадрову сообщила, что Людка сейчас находится в каком-то другом городе, недалеко от нашего. Устроилась там на работу, и как подкопит денег, так сразу же и приедет обратно. Большого от выпившей женщины Шадров по телефону не смог узнать. И стал ждать, когда же судьба станет к нему благосклонна и предоставит ему возможность снова встретиться с Людкой.

Семен в этом году решил никуда не поступать учиться. Успеется. Аттестат у него хороший. А вот подзаработать да скопить денег — это очень надо. И уже сейчас. Впервые, самоутвердиться и стать независимым. И потом, ведь он же мечтает жениться на Людке. А для этого тем более надо иметь капитал.

Шадров в начале лета устроился учеником в одну из городских компаний по производству пластиковых окон. Он старательно выполнял все, что от него требовалось, прислушивался к словам своего мастера и присматривался к его работе. И через месяц Семен уже мог выполнять заказы как самостоятельная единица. Он собирал стеклопакеты, и если было нужно, то ездил на замеры и установки.

Работа Семену нравилась. И платили молодому специалисту хорошо, оклад плюс проценты от заказов. Парень так увлекался своей работой, что во время ее исполнения, то есть до самого вечера, он не думал ни о чем постороннем. А придя домой, Семен, конечно же, начинал мечтать о своем будущем, в котором он видел себя только вместе с Людкой. И хотя надежды парня не были пока оправданы, а его радужные мечты не имели основы, но все равно от таких мыслей у него на душе становилось теплее.

Однажды, в конце лета, после обеденного перерыва у Шадрова зазвонил его мобильный телефон, и он услышал знакомый женский голос:

— Семка, это ты? Приветик, дружок! Ты меня узнал? Ой, ой, смотрите-ка, вспоминал чуть ли не каждый день! Ну, как поживаешь-то? Скучаешь? А ты не парься. В субботу или в воскресенье я буду собирать на вечеринку своих друзей, узкий круг, и тебя приглашу. Придешь? Прибежишь??? Смотри, не споткнись. Я еще позвоню тебе. Ну, пока.

Домой после работы Семен пришел таким веселым, как никогда. Казалось, его радости не было предела, и она выражалась во всем. Его мама решила узнать причину ликования своего сына.

— Сема, тебе зарплату повысили? Или с девушкой познакомился?

— Ты почти угадала. Про девушку. Представь, мне сегодня сама позвонила, угадай кто? Не можешь? Людэ Семакина! — на одном дыхании произнес парень.

— О, господи, я-то думала! — не разделила радости Семена его мама. И продолжила: — Откуда она только взялась? Свалилась как снег на голову. И что ей надо на этот раз? Деньги?

Но настроение Шадрова, казалось, ничего не могло испортить. И он не обратил внимания на издевки:

— Люда ничего от меня не просит, а наоборот, приглашает к ней домой, в эту субботу на вечеринку.

— Ты бы не ходил туда, сынок! Не нравится мне все это. Как почему? Там будут незнакомые тебе мальчишки. Они, естественно, напьются, да еще и подерутся из-за девок.

— Ой, мама... Хватит, а? Что я маленький, что ли? Я люблю Люду и хочу сделать ей прямо там, в субботу, предложение руки и сердца. А чтобы ты была в курсе событий, я тебе скажу адрес, где буду находиться. Ты можешь мне звонить на мобилу, если захочешь. Идет?

Женщина слушала сына, не перебивая. Она была уверена, что эта сомнительного поведения девчонка не согласится на предложение Семена. Не готова эта девица к семейной жизни. А Шадров продолжал:

— Мам, мне надо с тобой серьезно поговорить в связи с этим. Даже попросить поддержки.

И Семен сказал, что, собираясь сделать Людке предложение, он хочет подарить ей колечко с небольшим бриллиантом. Но для этого ему надо у мамы попросить в долг тысяч двести тенге.

— Ого, ну ты даешь! — возмутилась женщина.— Такие деньги! Я верю, верю, что ты отдашь... Куда денешься! И помню про выпускное платье, и знаю, что ты вернул мне долг за него. Но ведь такая сумма, двести тысяч! Это твоя зарплата за весь квартал!

До субботы оставалось еще много времени, если ее приближение ожидать с нетерпением. А если готовиться, как задумано: выбирать и приобретать колечко, то тогда времени было совсем в обрез. К тому же, Шадров захотел сделать на своем подарке гравировку. Для этого парень пошел в ювелирную мастерскую, где на дорогом изделии по заказу Семена сделали надпись: «Люблю тебя до конца жизни». Шадров не думал, что эти слова окажутся пророческими. Казалось, что парень заранее все продумал и ко всему приготовился. Но судьба всегда решает все по-своему, а ее неожиданности нередко бывают роковыми.

Людка своими переменами в жизни, произошедшими после ее неожиданного возвращения домой, была очень довольна и принимала их как должное, как награду свыше за все свои мучения и испытания.

Семакина уже несколько дней подряд жила с Виктором в его съемной квартире, как молодожены, или, точнее, как муж и жена. Хотя любовными их отношения назвать было бы преждевременно. Людка старательно пропивала свои три сотни долларов, которые ей любезно передал Дипунов. И когда девушка в очередной раз уходила в запой, Виктор теперь уже ей не перечил, стараясь не попадаться под горячую руку. В такие моменты парень уединялся на кухне или тупо смотрел в экран телевизора.

Когда у Людки наступало прозрение, то она понимала, что ее денег надолго не хватит. Виктор нигде не работает. И у Семакиной в голове зародился план. Ведь она в Семее сможет для себя найти такое же занятие, как и в Алматы. Только, конечно, она уже будет работать не на какого-то там дядю, а чисто на себя. При этом все же отстегивая определенную сумму тем, кому понадобится. А что? В Алматы она же могла заниматься таким делом, не имея за душой ни гроша наличными, кроме этих трехсот долларов, которые ей вручили непонятно от кого, уже в Семее.

Но в своем городе Людка будет получать почти все! И, сначала, за какой-то пе-

риод накопит на машину. А потом соберет деньги и укатит в Россию. Найдет там богатенького олигарха, а лучше иностранца, чтобы укатить с ним на ПМЖ в Америку или на острова.

Это были не просто мечты на пустом месте. Для их реализации Семакина составила в голове целый бизнес-план. Благо теперь она уже имела горький опыт работы в такой прибыльной сфере услуг.

Чтобы все было легально и законно, Семакина откроет ИП — индивидуальное предприятие, «Службу знакомств». Которое сама и возглавит, но оформит его на Снежанку. Так будет лучше. Обслуживать состоятельных клиентов они станут вместе с Бараковой. Правда, Людка никому еще о своих планах не сказала, но была уверена, что возражений от ее друзей не поступит. В их работе пригодится и Виктор. Первое время он станет искать клиентов для Людки и Снежаны, а дальше видно будет, на что он еще способен.

Теперь Семакиной оставалось только об этом поговорить со своими новыми возможными партнерами и узнать их реакцию. Чтобы одно и то же не повторять дважды каждому, Людка решила собрать у себя, ну, то есть у Виктора на квартире, Снежану и, конечно же, в присутствии Дипунова изложить им свой план. Но чтобы вечер не показался томным и не стал похожим на производственное совещание, нужно его как-то разбавить, то есть устроить вечеринку. И лучшего кандидата, чем старого знакомого Семена, Людке и не придумать. Семакина до сих пор помнила номер его мобильного телефона. И однажды, после обеда, то есть, отрезвев от «вчерашнего», девушка набрала номер Шадрова.

— Лю-ю-ю-да? — услышала она в трубке удивленный и одновременно обрадованный голос Семена.— Вот это сюрприз! Конечно, конечно, я тебя узнал! Ты меня приглашаешь к себе на вечеринку? Обязательно я у тебя буду! Прибегу прямо! А куда приходиться-то? А-а, ты еще позвонишь? Ну, буду ждать! Пока...

Шадров так искренне обрадовался звонку и приглашению Людки, что ей стало заранее неудобно перед парнем. Ведь он на что-то надеется. И рассчитывает больше чем на дружбу с Семакиной. Парень влюбился! Но что может дать ему Людка? Себя? Смешно. Он не такой! Семену надо, чтобы было все серьезно. По-правильному, по-книжному. А Семакиной так поступать и портить свою молодую жизнь еще рано. И вообще, наверное, зря она пригласила Шадрова на субботу. Будет он там только третьим лишним. Ну, да ладно. Посидит пару часиков, выпьет, если он, конечно, употребляет алкоголь. А потом Людка его вежливо так выведет на улицу и отправит домой. Сама же вернется на квартиру к Виктору и начнет важный разговор со своими будущими коллегами по бизнесу. Такой у Семакиной получился план мероприятий на субботу, который возможно бы и состоялся, если бы ни ее безмерное пьянство.

11

В долгожданную субботу Семен был счастлив, как никогда. Наступил решительный день, когда в их отношениях с Семакиной должен произойти коренной поворот. Конечно, только к лучшему, как надеялся парень. Ведь он все продумал, почти до мелочей. Как придет в гости, что скажет Людке и как вручит ей подарок. Главное — не разволноваться. Он так готовился к этому дню, когда увидит Семакину снова! Так ждал этого момента, когда подарит ей кольцо, что старался все сделать торжественно и красиво, как в последний раз.

Купив большой букет цветов, бутылку шампанского и коробку конфет — «набор джентльмена», Шадров пошел навстречу своему счастью. Семакина, хорошо напившись еще с утра, принимала своих друзей в комнате. У стенки стоял небольшой столик с угощениями и выпивкой. За ним сидел с радостным видом Семен, а напротив —

виновница его торжества Людка. Снежана нашла себе место на кресле и уткнулась в телевизор, потягивая коктейль из высокого стакана. А рядом с ней на полу примостился Дипунов и от скуки уставился в телевизор.

Семен не сводил глаз с выпившей и находящейся не в лучшем своем виде Людки. И все же, в предвкушении того, как любимая отреагирует на его подарок, Шадров просто находился на пике счастья. Он так разволновался, что сердце в его груди готово было выскочить наружу. Наступил самый ответственный момент. Парень налил себе шампанского и, чокнувшись о стакан с водкой, который крепко держала в руке его возлюбленная, быстро выпил. А затем, поднявшись из-за стола, протянув Людке бархатную коробочку с золотым кольцом. Семена нисколько не смущало присутствие в комнате посторонних людей. Наоборот, пусть они будут свидетелями зарождения его с Семакиной новой жизни.

И тогда Шадров, глядя в пьяные глаза девушки громко и четко произнес: «Людочка, выходи за меня замуж!».

Семакина, приняв дорогой подарок, также громко и уверенно пообещала: «Я подумаю». Такое неожиданное развитие событий не могло оставить равнодушной Снежану. А, может быть, она так сильно прониклась происходящим, что сказала сидящим за столиком:

— Молодежь, а вы бы уединились на кухне и там бы решали свои важные личные дела. А то, что при людях-то?

И как только Семен и Людка закрыли за собой кухонную дверь, Баракова пересела из кресла на пол поближе к Виктору.

— Витек, а Витек,— несильно потрясла его за плечо девушка.

— Мм?

— Ты помнишь про наш спор? Ну, как какой? Вспоминай. Я ведь тебе проспорила...

— Чего проспорила? — не понял парень.

— Ну, как чего? Себя!!

— И что?

— Ну, как что? — не унималась Снежана.— Я готова вернуть тебе свой долг. Не люблю быть должницей...

Со стороны этот разговор походил на диалог двух идиотов.

— Ой, упокойся, а? — Виктор еще хотел что-то добавить, но молодых людей прервал неожиданный шум из кухни: звон разбитой посуды и глухой звук от падения чего-то большого на пол. Как будто упал мешок с мукой. И тишина...

— Что это? — насторожилась Снежана. И сказала Виктору: — Иди, посмотри.

Но дверь из кухни сама медленно открылась. Оттуда вышла бледная, потерянная Людка и взволнованно проговорила: «Что делать? Что делать?» В предчувствии беды Виктор резко вскочил с пола и, оттолкнув Семакину в сторону, бросился в кухню.

А там, на полу, на правом боку лежал Шадров и, зажав двумя руками живот, корчился от боли. Рядом с ним валялся окровавленный кухонный нож, которым еще совсем недавно Виктор так мирно резал продукты. Схватив кухонное полотенце, первое, что попало под руку, Дипунов попытался хоть как-то приостановить кровотечение у пострадавшего. А затем, перетащив вместе со Снежаной раненого парня в комнату, вызвали по мобильному скорую помощь.

Бригада медиков приехала быстро, в течение нескольких минут, словно только и ждала этого вызова. И, увидев состояние потерпевшего, сразу же положили его на носилки и понесли в карету скорой помощи. В подъезде им помогал Виктор. А двери придержали открытыми два полицейских с автоматами Калашникова, прибывшие по оповещению, поступившему от скорой помощи.

После осмотра помещения, в котором произошло преступление, полицейские задержали трех подозреваемых — Виктора, Снежану и Людку, в преднамеренном убийстве гражданина Шадрова, смерть которого от потери крови наступила в карете скорой помощи, когда она была на полдороге к хирургическому отделению ургентной больницы.

О летальном исходе потерпевшего полицейским сообщили по телефону незамедлительно.

Смерть близкого человека всегда является тяжелой утратой для его близких родственников. Но когда это не просто смерть, а гибель своего дитя, такое наказание судьбы для его родителей — крест на свою жизнь.

Это неправильно, когда родители хоронят своих детей, это ошибка природы! Сбой в работе большого и жизненно важного механизма матушки Земли. Так не должно быть, но так иногда случается. Когда сын или дочь уходят из жизни молодыми и красивыми не по причине тяжелой болезни, а по стечению каких-то трагических, уголовных обстоятельств. И тот, кому приходилось это испытать и перенести, как никто другой, смог бы понять угнетенное и потерянное состояние матери Шадрова.

Она плохо помнила похороны сына, на которых присутствовало так много народа, особенно молодежи, что у ее сына, наверное, при жизни не было столько друзей. Мама Шадрова мало выходила на улицу и почти не встречалась ни с кем из соседей по дому. У нее было тяжелое гнетущее состояние, от которого не помогали никакие успокаивающие средства. Но как-то отвлекаться все же надо было.

Телевизор женщина давно уже не смотрела, даже не включала его. Лишь только покупала местную газету и без особого интереса, а, скорее всего по привычке, прочитывала ее до самого последнего объявления, обращая внимание на раздел новостей.

В один из вечеров, когда после похорон сына прошло уже достаточно много времени, в свежем номере еженедельной городской газеты женщина стала читать раздел криминальной хроники. А в нем третьим сообщением была размещена большая статья. В ней сообщалось о жестокой и драматичной истории, имевшей место в городе Семее, в середине лета. И вся суть статьи излагалась в следующем:

«Недавний выпускник одной из средних школ нашего города Семен Шадров, (здесь и далее все имена и фамилии в интересах данного уголовного преступления изменены), подарив своей девушке золотое кольцо, сделал ей предложение. А любящая в ответ убила молодого человека, зарезав его ножом.

Главным фигурантом возбужденного по данному факту уголовного дела является недавняя выпускница средней школы Людмила Семакина.

Эта молодая особа ранее к уголовной ответственности никогда не привлекалась. Но сразу по окончании школы она некоторое состояла в организованной преступной группировке (ОПГ), базировавшейся в Алматы, под руководством известного криминального авторитета по кличке Дед. Группировка занималась крышеванием девушек, оказывающих сексуальные услуги состоятельным клиентам. А также их насильным привлечением к занятию проституцией из разных регионов Казахстана. Именно оказанием подобных услуг и занималась в Алматы гражданка Семакина. Цель ее возвращения домой не известна, но по приезду обвиняемая нигде не работала и постоянно находилась в нетрезвом состоянии. Хотя Семакина не считала себя спившимся человеком.

На суде обвиняемая коротко заявила: «Когда выпью, у меня бывают провалы в памяти». Семакина долгое время, еще со школы, поддерживала приятельские отношения с потерпевшим. Хотя Шадров испытывал к обвиняемой настоящие нежные чувства и уже строил планы на их совместную жизнь, но в один прекрасный день все планы влюбленного юноши были перечеркнуты недрогнувшей рукой Семакиной.

Хотя Семен, что называется, был готов «положить весь мир» у ее ног. И все бы ничего, но в материалах дела имеют место отрицательные обстоятельства. Людмила относилась к своему обожателю крайне холодно. Она хоть и встречалась с Шадровым, но оставалась равнодушной к его ухаживаниям и полностью отвергала попытки молодого человека приласкать себя.

И все же Семен попытался очаровать свою любимую окончательно и бесповоротно. А чем можно было подкупить строптивую девушку? Конечно, какой-нибудь дорогой безделушкой. Так как своих денег у Шадрова не хватало, то он обратился за помощью к своей маме, захотев купить золотое кольцо, чтобы сделать Семакиной предложение.

Женщина вместе с сыном поехала в ломбард, где и купила золотое кольцо. Взяв его, Семен пошел в ювелирную мастерскую, и на дорогом изделии сделали текст-гравировку: «Люблю тебя до конца жизни». Шадров и предполагать не мог тогда, что эти слова окажутся пророческими. В предвкушении того, как любимая отреагирует на бесценный подарок, парень находился на пике счастья. А тут Семакина сама дала о себе знать, позвонив Семену по сотовому телефону. Шадров, естественно, согласился. На это свидание Семен летел как на крыльях. Наступил решительный день, когда в отношениях между ним и Людмилой должен произойти коренной поворот. Конечно, только к лучшему, как надеялся Шадров. Когда Семен зашел в квартиру Семакиной, в ней уже находились Виктор Дипунов, парень у которого и жила Семакина, поддерживая с ним интимные отношения, который, кстати, и снимал эту квартиру. Также в квартире еще находилась Снежана Баракова, школьная подруга Людмилы. На вечеринку Шадров, кроме подарка для обвиняемой, принес целый «джентльменский набор»: коробку конфет и бутылку шампанского. Сам он выпивал редко. Но по такому важному случаю влюбленный гость не заставил себя уговаривать и сел за стол, заняв предложенное ему место напротив Семакиной. Надо сказать, что остальные ее двое гостей, уединившись, сидели на ковре на полу и не мешали Людмиле и Семену.

Скоро наступил самый ответственный момент. Шадров встал и протянул любимой бархатную коробочку с золотым кольцом.

«Людочка, выходи за меня замуж!» — торжественно объявил он.

Любимая колечко-то взяла. Но от радости не запрыгала. Наверное, из-за своей нетрезвости не оценила значимости данного события. А по поводу потенциального замужества только и обронила: «Я подумаю». Потом Семакина так прокомментирует этот факт: «Когда я выпью, то у меня бывают провалы в памяти». Девушка, ссылаясь на внезапную амнезию, решительно отказывается говорить, что через некоторое время произошло между ней и Шадровым. А получился совершенно нелогичный шаг с ее стороны. Семен только-только сделал ей предложение, подарив в знак доказательства своих искренних чувств золотое кольцо. И скоро он, обливаясь кровью, уже лежал на полу.

Проходящий по этому уголовному делу в качестве свидетеля Виктор Дипунов дал следующие показания:

«Я находился в комнате вместе со Снежаной. А Семен и Людмила ушли на кухню. Сначала у них все было тихо-мирно, наверное, они о чем-то говорили. Или может чем-то другим были заняты, я не знаю, не прислушивался, так как сам общался с Бараковой. И сейчас не вспомню, сколько точно прошло времени, но вдруг из кухни раздался звук разбитой посуды, это могла быть тарелка или стакан. А потом глухой звук от падения чего-то тяжелого на пол, похожий на такой, когда грузчик сбрасывает со своих плеч мешок сахара или цемента. Я бросился в кухню. Но ко мне навстречу оттуда уже вышла нетрезвая Семакина. Она была бледная, взволнованная и по-

вторяла: «Что делать? Что делать?» Я, оттолкнув ее в сторону, бросился на кухню. И увидел там, на полу, Семена. Он лежал на правом боку и, держась двумя руками за живот, из которого сочилась кровь, корчился от боли. Рядом с ним валялся окровавленный кухонный нож, которым я резал хлеб. Потом я полотенцем, первое, что мне попало под руку, обмотал рану Антона, перетащил его в зал и по сотовому телефону вызвал скорую помощь...».

Также находящаяся в зале суда врач «скорой помощи», сказала:

«По поступившему вызову на пульт скорой помощи о ножевом ранении юноши в живот, я приехала вместе с фельдшером. Осмотрев рану потерпевшего, сразу же решила его госпитализировать. Раненый Шадров на тот момент был еще жив и просил воды. В квартире кроме него находились молодой человек и две девушки. Но я на них внимания не обращала, так как была занята пострадавшим. По дороге в больницу юноша скончался».

Как констатирует судмедэкспертиза, «смерть молодого человека наступила от массивной кровопотери, в результате колото-резаного ранения передней поверхности живота с повреждением желудка и повреждением артерии селезенки».

Так, один-единственный удар, нанесенный рукой любимой девушки, оборвал жизнь Семена Шадрова. Примечательно, что Семакина, против которой возбудили уголовное дело за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью человека, со смертельным исходом, вину свою не признала.

Семакина нагло утверждала, что она не виновата и точка.

Спрашивается, а кто же тогда виновен в смерти молодого человека? По утверждению обвиняемой девушки... сам Семен Шадров.

«Он и раньше несколько раз мне говорил о том, что совершит самоубийство, если я не останусь с ним»,— утверждала Людмила во время прохождения следствия и на самом судебном процессе в городском суде.

Семакина это говорила с полной уверенностью, так как не было свидетелей того, каким образом потерпевший получил ранение. Как бы невольно подчеркивала: не могла она, получившая ценный подарок и предложение от по уши влюбленного в нее парня, нанести ему единственный, но смертельный удар ножом.

«Мой сын суицидальными склонностями не страдал»,— возражала у следователя мама Семена.

Но решающее слово оказалось за экспертами.

«Да, колото-резаное ранение живота у Шадрова находится в зоне досягаемости его собственной руки»,— отмечает судебно-медицинский эксперт.— Но парень не мог сам себе нанести такой удар ножом. Ибо длина раневого канала составляет 14,5 см, а длина лезвия ножа 12,5 см. Значит, удар был нанесен со значительной силой. Если бы потерпевший нанес удар сам себе, то это был бы «щадящий» удар, и причинил бы себе небольшое ранение».

«После нанесения удара со значительной силой, что имело место в данном случае,— вторит ему медико-криминалистический эксперт,— наступает болевой шок — и потерпевший вряд ли мог вытащить нож сам. Также, учитывая сильную степень алкогольного опьянения Шадрова, существует малая вероятность, что он сам себе нанес удар ножом такой силы». Выводы медиков предрешили судьбу несостоявшейся невесты. И городской суд, приговорив Семакину к восьми годам лишения свободы, также обязал выплатить матери Семена в качестве возмещения морального вреда пятьсот тысяч тенге. После вынесения приговора Людмила Семакина подала апелляцию. Приговор так и не вступил в законную силу». Статья написана по материалам уголовного дела...

Когда мама Шадрова прочитала последний абзац статьи, за окном раздалась

сильные раскаты грома, будто несколько бомб взорвались где-то рядом на небе. И сразу сверкнула молния. Пошел сильный дождь. Его крупные капли с такой силой били по земле, будто пытались ее пронзить.

Женщина почувствовала учащенное сердцебиение и поняла, что у нее поднялось давление. Под впечатлением от прочитанного и от сильного волнения она не могла сразу сообразить, где у нее лежат нужные ей таблетки.

Прошло немного времени, но дождь за окном не унимался. А несколько штук таблеток, которые мама Шадрова приняла от давления и сердца, не помогли. Если бы прекратилась эта злосчастная гроза, то женщине сразу бы стало полегче. Но дождь продолжал проявлять свою силу и оказывать влияние на все живое вокруг. Надо было срочно вызывать скорую. Когда женщина все объяснила в трубку диспетчеру скорой помощи, то она в ответ сказала:

— Ждите! Скорая обязательно приедет, только не сразу. У нас очень много вызовов. И у всех давление и сердце.

Легко сказать ждите, когда уже прошло почти сорок минут. Дождь стал затихать. А скорой все нет и нет. Сердце сбилось с ритма и сильно стучало в груди женщины. Становилось все труднее и труднее дышать. Пришлось второй раз звонить на пульт скорой помощи.

— Ожидайте, женщина, машина уже скоро будет, у нас записан ваш адрес. Да, конечно, мы знаем, что входная дверь в вашу квартиру будет не заперта. Я все это передам бригаде врачей по рации, ждите...

Но как можно ожидать, когда так плохо? Стараясь не думать ни о чем, женщина закрыла глаза и вытянулась на диване.

Она в какой-то момент почувствовала неземную легкость. Словно у нее нет тела. А сама она, взмыв высоко-высоко в чистое небо, полетела навстречу яркому свету. И увидела там парящего Семена.

— Мама, и ты здесь?

— Да, сынок. Теперь мы неразлучны... Полетели...

Карета скорой помощи мчалась по вечернему городу, включив сирену. От пожилой женщины Шадровой уже дважды поступал вызов с жалобами на сердечный приступ и высокое давление. Как передали по рации, больная находится дома одна, и дверь в ее квартиру будет не заперта. Бригада скорой помощи спешно подошла к двери и легко толкнула ее. Медики быстро прошли в комнату.

На диване, вытянувшись, покоилась женщина. Ее правая рука безжизненно свисала на пол, словно указывала на лежащую рядом статью о трагической гибели ее сына. А на стульчике, придвинутом к дивану, среди нескольких лекарств и бокала с водой, стояла в рамочке небольшая фотография Семена Шадрова, который в своей короткой жизни страстно полюбил непутевую и коварную девушку — Людмилу Семакину. И эта страсть для молодого человека превратилась в «любовь до гроба».

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Леонид Иванов
(г. Тюмень)

ТОСКОВА-А-АЛ

*Руководитель Тюменской писательской организации Союза писателей России.
Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.*

— Тосковал Федор-то Андреич! Ой, тоскова-а-ал! — баба Маня уголком повязанного под подбородком платка вытерла глаза, хотя слез вроде бы и не было.— Как Клавдию-то схоронил, так и затосковал. Онеить душа в душу шестьдесят годков прожили и, поверишь ли, ни разу не ругивались. Да, тоскова-а-ал. Да и она, видать, там тоже поему тосковала, вот и забрала к себе. Ить как раз на сороковой день и забрала. Помянули, как полагается, на погост сходили, потом чаю попили, по рюмочке на помин души выпили. Утром прихожу, а Федор-то Андреич все сидит в красном углу, к стене привалившись. Видать, сразу опосля нас и помер сердешный. Слава те, господи, что не намаялся. Тоскова-а-ал дед-то. Переживал, что на похороны Клавдеи ни Тамарушка, ни ты не приехали.

— Баба Маня,— а тебе сколько лет?

— Ой, голубок ты мой сердешный, дак я и сама уже забывать стала. У миня уж внучка на пензиюлонись вышла. На северах работала дак на пять годков раньше отпустили. А мне-то самой уж девяносто скоро стукнет.

— Здорово! — восхищенно сказал Андрей.

— Дак и чо здорово-то? Здорово, когда не болит ничо, а когда то суставы стонут, то голова кружится, дак уж и здорова-та мало. Ладно, пошли-ка, вон старухи уж почти до деревни доковыляли. Не догнать.

Андрей еще раз обвел взглядом могилки деда и бабки, поправил прислоненные к крестам привезенные им из города венки, поклонился. Баба Маня трижды перекрестилась, и они пошли с погоста.

Не смотря на свои почти девяносто, баба Маня шла довольно резво. Старух, конечно, не догнали, но и к дому Федора Андреевича пришли немногим позднее их. Баба Маня перед дверью посторонилась, пропуская Андрея вперед. Он, было, хотел зайти следом, но она подтолкнула:

— Тибе первому нада с погоста.

Едва Андрей переступил порог, как стоявшая сбоку от двери старушка брызнула ему в лицо изо рта водой. Он отпрянул в сторону, потянулся утереться ладонью, но ему услужливо подали полотенце.

— Не обижайся, милоч, так полагается. Это чтобы печаль смыть. Дед-то твой в приметы не верил, вот и тосковал.

Не пошедшая на кладбище Зинаида, которую Андрей почему-то так и не мог вспомнить, вымыла пол, прибрала в доме, накрыла стол. Пришедшие с погоста помыли под рукомойником руки с мылом, прошли к столу. Снова, как на кладбище, помянули усопшего кутьей, несколько старушек перекрестились на висевшую в углу икону Николая Угодника, защищающую от нищеты и нужды, выпили, не чокаясь, по граненой стопке водки, съели по блину.

Зинаида принесла кастрюлю сваренной на курином бульоне лапши, разлила по тарелкам.

— Андрюшенька, скажи слово за деда,— обратилась к нему баба Маня.

— Хороший был человек! Как в таких случаях говорят, царствие ему небесное и пусть земля ему будет пухом.

Андрей не знал, что еще можно сказать в таких случаях про своего только что похороненного деда, поэтому замаялся.

— Да, и его светлый образ навсегда останется в нашей памяти,— добавил он дежурное, что обычно пишут в некрологах.

— Святой был человек,— добавила баба Маня.— Никому хорова слова не говаривал. А уж с Клавдией-то как любо жили! Душа в душу,— повторила она уже сказанное на кладбище.

— Да уж, да уж,— вполголоса заговорили старушки. Мужиков, что копали могилу и хоронили деда, за столом, вопреки обычаю, не было. Они взяли две бутылки водки и уехали работать, обещая зайти вечером и помянуть честь по чести.— Клавдея-то порой, бывало, и прикрикнет, а он смолчит и все. Уж чево-чево, а не ругивались, это правда.

— А мастеровой-то какой был! — поддержала Зинаида.— И по дому все умел, и топором потесать, и доску строгнуть. А печки, почитай, у всей деревни его руками сложены.

— Да-а-а, мастер был, царство небесное...

— И какой мастер! Печку-то зимой как протоплю, дак все тепло в доме остается, не выдувает. И окна не плачут, хоть какой мороз.

— Ево лежанкой я только и спасаюсь. И простуду выгоняю, и поясницу лечу, когда прихватит.

Выпили чаю с принесенными кем-то из соседок ягодниками и стали расходиться.

— Ты, Андрюша, мужики-то ввечеру придут, дак зови миня,— говорила Зинаида.— Я угощение-то сделаю. Не мужицкое дело стол накрывать да посуду мыть.

— Хорошо, спасибо больше! Я обязательно позову.

— Вон на той стороне дороги дом с зелеными окнами. А то можно и у нас стол собрать.

— Нет, Зинаида, не гоже поминки в чужом доме устраивать,— урезонила баба Маня.— Не по-людски это. Да и беду накликают можно. Ох, жалко, што матушка-то твоя Тамарушка не приехала. Жалко!

— Так я же говорил, что она в больнице лежит.

— Вот и на похороны Клавдии-то тебя дед ждал да ждал, не дождался. И на погосте все на дорогу поглядывал, не едешь ли.

— Да я за границей в командировке был. Я ведь и узнал-то уже только спустя неделю, когда домой вернулся,— в который уже раз меньше, чем за сутки оправдывал-

ся Андрей. Все в деревне это уже знали, но каждый в отдельности хотел сказать ему, как ждал его дед на похороны бабки. И что тосковал очень.

Когда все ушли, Андрей сел к столу, налил стопку водки, еще раз мысленно пожелал деду царствия небесного, выпил, медленно обвел взглядом внутреннее убранство дома. В последний раз был он здесь несколько лет назад, но ничего с тех пор не изменилось. Все было на прежнем месте, так же стояли в застекленной горке граненые стопки и привезенная им из-за границы красивая чайная пара из тонкого китайского фарфора. Наверняка, за все эти годы никто ни разу не пил из этой чашки чай, а служила она украшением да поводом похвастать перед односельчанами иностранным подарком внука.

Все в доме было, как всегда, только на этот раз по давнему обычаю на зеркало и экран старенького телевизора были наброшены полотенца. На телевизоре стояло блюдечко с поставленной на него накрытой давно зачерствевшей скибкой хлеба стопкой, водка из которой тоже почти полностью испарилась. Значит, дед не убирал эту поминальную стопку с самых похорон и в знак траура не включал телевизор.

— Тоскова-а-ал! — вспомнил Андрей не раз сказанное бабой Маней слово.

Затоскуешь тут в одиночестве, когда не с кем перемолвиться словом. Тем более, что прожили вместе больше шестидесяти лет, с того самого дня, как пришел дед с фронта и почти сразу же женился. Просто удивительно, подумал вдруг Андрей, но ведь они все эти годы, кажется, ни разу не разлучались даже на несколько дней. Ну, да! Насколько он знает, ни один из них не бывал в санатории или на курорте, не ездили ни разу к дочери в город. Это они с матерью навевывались в деревню. Иногда вместе, иногда, если Андрей уезжал в детский оздоровительный центр, мать навещала родителей одна.

— Поразительно! — сказал Андрей, удивившись, что его дед и бабка ни разу в жизни не расставались. И тут же удивился, что произнес это слово вслух, хотя был в доме один. — Да, тут затоскуешь!

Он вышел в ограду, сел на лавочку возле стены, где еще совсем маленьким не раз сидел с дедом. Ему тогда не сиделось, он все порывался сорваться и куда-нибудь бежать, а дед обнимал его за плечи и просил посидеть с ним рядом.

— Набегаешься еще, — говорил он. — Вот вырастешь, набегаешься по белому свету, придешь, сядешь на эту лавочку, а нас с бабкой уж и нет. И не к кому прижаться, пожалиться. Посиди ишо маленько. Побудь с дедом.

Эти слова Андрей слышал и будучи еще совсем маленьким, и уже достаточно взрослым, когда учился в старших классах. Ребенком не сиделось, потому что надо было бежать к ребятам, а будучи старше как-то стеснялся проявления этой дедовой нежности. Мать растила его без отца, держала в строгости, считая, что только так сможет вырастить его закаленным, готовым к суровостям жизни. Бабушка, наоборот, пыталась дать то, чего не получал от матери. Она окружала его такой заботой, что даже в совсем юном возрасте он стеснялся, а когда подрос, бурчал, что не маленький, чтобы с ним сюсюкать. А теперь сидел на лавочке и вспоминал, как бабушка по утрам гладила морщинистыми сухонькими ладошками его голову, и он удивлялся, что такие скрюченные и мозолистые пальцы могут быть такими нежными.

Он бы сейчас прижался к деду, сам бы обнял его за костлявые плечи, но нет уже деда. И никогда больше не будет. Прав он был, говоря, что потом некому будет пожалиться. Андрей бы и не стал жалиться, он бы просто сидел рядом, такой молодой и сильный, и чтобы дед молча смотрел на него и радовался, что у внука все хорошо. А бабушка бы тоже сидела на ступеньках, как это часто бывало по вечерам, и любовалась бы ими, своими родными, как она говаривала, мужчинками.

Баба Маня говорит, что дед тосковал. Тоскова-а-ал... Затоскуешь тут, когда каж-

дая мелочь напоминает о былой силе, которую не вернуть, об ушедшей из жизни жене, о стремительно пролетевших годах, и когда остается только ждать собственного конца. Тяжело, наверное, вот так сидеть и ждать смерти, которая уже не пугает, потому что впереди нет ничего светлого и радостного. Единственная дочь вот уже тоже на пенсии, внук мотается по белому свету, раз в несколько лет заглядывая к старикам в деревню, где скоро начинает скучать по привычной шумной городской суете. Сходить поговорить к соседям? Так ведь все уже переговорено на много раз. Газеты не ходят, это раньше выписывали много всяких — от районной «сплетницы» до самых что ни на есть центральных. Клавдия, как помнит, всегда первым делом оформляла «Крестьянку» да «Работницу». А потом и эти стали и слишком дорогие, и запестрели рекламами дорогих, совсем не крестьянских одежек и украшений.

Вот телефон в каждый дом поставили. Им, как семье ветерана войны — в первую очередь. А кому звонить? Мане через дорогу или Зинаиде? Так ведь лучше так сходить. Тамарке в город? Так она сама каждую неделю звонит, с бабкой про пустыки разные треплются. На озеро отходил — ноги не те, да и законов всяких напридумывали, что нельзя сетками ловить. Браконьерство, видишь ли! Да раньше, пока все общественное было, всей деревней сетки круглый год ставили, рыбой жили, а теперь какие-то вроде аж из самой Москвы хозяева объявились...

Обо всем этом, помнится, дед с горечью рассказывал Андрею, когда он приезжал навестить стариков, и укорял, что они, журналисты, не пишут про эти дела, а все выискивают разного рода страшилки. Вон, недавно «сплетница» писала, будто в их леса какой-то снежный человек водится. Да отродясь тут про таких никто не слышивал, а уж мужики все леса вдоль и поперек исходили на охоте-то.

За этими воспоминаниями Андрей вдруг встрепенулся, что за сутки, как он приехал в деревню, его телефон, не умолкающий в городе даже поздним вечером, не звонил ни разу. Достал из кармана мобильник, посмотрел на экран. Сети не было.

— Надо же! — удивился почему-то. — Вроде в самых глухих местах связь теперь есть, а тут, всего-то в каких-то полутора сотнях от областного центра, он оказался оторван от жизни. В прошлый приезд не было, но ведь уже столько времени прошло, могли бы где-нибудь поблизости и поставить вышку.

Зашел в дом, достал из рюкзака ноутбук, положил на стол, и только тогда вспомнил, что без мобильной связи и с ноутом в интернет не выйти. Захлопнул крышку и стал смотреть в окно на медленно наползающие из-за деревни сумерки. Скоро должны заявиться мужики, что копали могилу и хоронили деда. До их прихода надо было чем-то заняться.

Андрей встал, открыл верхний ящик комода, где раньше лежали фотографии и поздравительные открытки. Они никогда не выбрасывались, а складывались стопочками и перевязывались разноцветными ленточками. Все это добро было на прежнем месте, накрытое большой тетрадкой с картонными корочками. Эти тетради именовались амбарными книгами. Андрей помнил их еще с тех пор, когда приезжал на каникулы, а дед, работая счетоводом, просиживал вечерами за разными бумагами и переписывал из них в такие же амбарные книги какие-то цифры, по несколько раз пересчитывал их на счетах, весело стуча нанизанными на проволоки деревянными костяшками.

— Странно, — подумал Андрей. — Неужели дед на старости начал сводить баланс семейного бюджета? Или вдруг решил пересчитывать сальдо-бульдо бывшего колхозного баланса?

Достал из ящика эту книгу с привязанным к ней тонкой капроновой ниткой химическим карандашом, открыл первую страничку. Крупным почерком на ней было написано: «Я ушел на озеро. 04.30». Ниже стояла вторая запись: «Сударыня! Не со-

изволите ли Вы почистить рыбу и сварить уху? 12.15». А еще ниже другим почерком: «Сами не баре! Я с Вами не намерена за одним столом сидеть до тех пор, пока не услышу извинений. 12.20».

Андрей заулыбался. Значит, эта книга была семейным бортовым журналом, при помощи которого общались между собой почему-то поссорившиеся дед и бабушка. Перелистнул страницу.

«Сударыня! Уха получилась вкусной. Рекомендую отведать. 13.45» «Спасибо! Сыта по горло Вашей наглостью. Без ухи проживу. 13.50» «Ну, как знаете! Было бы предложено. 13.55» «А перец куда задевали? 13.58» «Глаза разуйте! Где был, там и лежит. 14.00»

Эта переписка была настолько умильной, что Андрей сел на стул и во весь голос рассмеялся. Ай да старики! Это же надо додуматься! Поссорились, не хотят друг с другом разговаривать, переписку затеяли. Ой, молодцы!

«Не пойти ли нам спать, сударыня? 21.45» «Я с таким кобелем не намерена спать в одной постели! Лучше на лежанке. 21.46» «Лежанка не топтана — простынете. Заболеете. 21.48» «А заболею да помру, дак Вам хоть руки развяжу. У вас вон уже есть молодуха на примете. 21.50». «Не говорите глупостей, Сударыня! Пойдемте спать. 21.52» «И один поваляетесь в холодной постели! 21.55» «Да полно глупости-то пороть! Только и делов, что помог бабе стайку отремонтировать. 22.00» «Полдня он стайку ремонтировал. Кобель Вы и никто больше! 22.10. Спокойной ночи!»

Судя по тому, что следующие записи были на другую тему, дед с бабкой этим вечером все же помирились. Поскольку в журнале было указано только время, но не было дат, нельзя было и определить, когда она поссорилась снова.

«Щи — в печке. Кушайте на здоровье, морда бессовестная, кобель несчастный! Не знаю, сколько времени. Могли бы хоть часы отремонтировать, а не по чужим дворам шляться». «Часы отремонтировал. Что еще изволите? Время вечером по телевизору поставите». «Дров-то и я мог бы принести. Чего же не сказали?» «Сама не переломилась! Вам силы на молодух беречь надо».

Потом снова шла переписка, что пора ложиться спать. И, похоже, постель снова помирила.

Увлечшись чтением, Андрей очнулся, только когда открылась входная дверь.

— Можно?

— Да, да, конечно! — засуетился Андрей.— Проходите, пожалуйста, к столу! Или руки помыть?

— Да не надо! Не такие уж и грязные,— отмахнулся муж Зинаиды.

— Мне Зинаида наказывала, чтобы, как вы придете, ее предупредил. Она хотела закуску приготовить.

— Да не надо нам тут Зинаиды. И без нее найдем, чем закусить. Выпить-то есть?

— Этого — сколько угодно.

— Вот и ладно! Ну, мужики, помянем Федора Андреича, добрейшей души был человек. Пусть земля ему будет пухом!

Поскольку в доме не было соблюдающих обычаи старух, первым делом выпили, а потом уже закусили кутьей, блинами и рыбником.

Андрей пошел разогревать суп, но Николай его остановил:

— Не суетись ты! Мы и холодного похлебаем. Так даже вкуснее.

— Не надо греть! Не надо,— поддержали остальные.— Мы, это, не интеллигенция. Мы по-простому любим. А не за столом дак и совсем бы хорошо было.

— Да ты, Николай, скажешь тоже, чо нам из-за стола на улицу што ли поминать идти. Нет, покойный в дому жил, тут и положено поминки устраивать.

— Да я это так просто. Мы ведь чаще-то как? На берегу с мужиками. Или возле бани. Напариться, в озеро окупаться, да как по стопарику накатишь!

— Ой, после байны-то душевно! Вот завтрия бабы байну натопят, мы тибя по-нашему, по-деревенски-то венником попотчуем! Ладно, чо расселись-то? Наливай, Никола! Заодно и бабу Клаву помянем. Ой, хорошая у тебя была бабка! Не зря ее дед Сударыней называл. Ну, царствие им небесное! Не заждалась своего Сударя. Быстро к себе призвала. Она ведь ревнивая была! Ну, спасу нет, до чего ревнивая! Как-то на Иванов-день баба Маня пошутила, что дед-то в молодости еще тот ходок был. Мол, и к ней клинья подбивал, даром, что на пять годков старше, а уж молодух так ни одной юбки не пропускал. А баба Клава-то сидит, смотрит так на всех, и непонятки берут — это как же так? В деревне все про всех знают, а она про своего мужа такого да не знала! Ох, кобель проклятуший!

Ну, старухи-то захохотали, мол, разыграли тебя, дуру старую. Разыграли-то разыграли, а она с тех пор стала за дедом приглядывать. Упаси бог, с кем из баб на деревне остановился! А уж если какой вдове по хозяйству чем помог, так потом неделю с ним не разговаривала.

— Погодите, а как же дед печки клал? Ведь, говорят, во всех домах он печки делал.

— Да она от него ни на шаг не отходила. Он клал, а она глину месила, кирпичи подавала. Ни на шаг от мужа.

— Это что, на восьмом десятке? — изумился Андрей.

— Да и на девятом тоже, — уточнил Николай, и все засмеялись.

И вот теперь стали Андрею понятны те намеки про старого кобеля, что написаны в «бортовом» семейном журнале. Ну, дед! Ну, бабка! Ей богу, как молодые!

Помянули мужики хорошо! Уходили с поминок нетвердой походкой, обещая завтра устроить городскому гостю настоящую баню.

— Ты смотри, Андрюха, не сгузай, — обнимали его по очереди и хлопали по плечу. — Девять ден надо пожить, на погост сходить. А потом можешь и ехать в свой город. Да завтра с бабками сходи на могилку. Положено на другой день после похорон.

Андрей несколько раз благодарил мужиков за помощь, те, в свою очередь, спасибокали за гостеприимство. Расстались у калитки, когда на улице было уже совсем темно.

Вернулся в дом, убрал со стола, помыл холодной водой с мылом посуду, вспомнил, как раньше, когда приезжал в деревню на несколько дней, суетилась возле гостя бабушка, как не могла она нарадоваться внуку, подсаживалась рядом погладить его по плечу, взять в свои скукоженные временем ладошки его руки, а дед сидел с другой стороны почти под иконой и молчал.

— Да, уходят старики, — с тоской подумал Андрей. — Ушли из жизни дед с бабкой, а многие ли останутся в живых через пару лет из тех старушек, что ходили сегодняя на кладбище провожать в последний путь деда Федора? И пусть это были совсем чужие люди, их было очень жаль, потому что уходило вместе с ними что-то очень большое и значимое в его жизни, разрывая невидимую нить с его детством.

Андрей снова взял в руки амбарную книгу, открыл наугад на странице, где была сделана последняя запись.

«Ну, почему ты, Сударыня, меня одного тут оставила? Что мне тут без тебя делать? Пусто на душе и тоскливо. Тоскую!»

Андрей прочитал текст, отодвинул книгу на середину стола и долго сидел молча. Потом придвинул ближе, взял привязанный карандаш и крупно вывел: «Дорогие мои старики, я только сейчас понял, как трепетно вас люблю и буду очень без вас тосковать... Очень-очень!»

Константин Емельянов

(г. Александрия, шт. Вирджиния, США)

ДОРОГА К МЕЧТЕ, ИЛИ ЕСТЬ ЛИ В США КУМОВСТВО?

Родился в городе Алма-Ата, Республика Казахстан, в 1966 году. Окончил Казахский государственный университет (факультет журналистики) в 1989 году. Работал в казахстанских газетах, журналах и на радио. С 1997 года проживаю в США на ПМЖ. Последние публикации — в журналах «Чайка», «Каскад», «Новый Журнал», «Русский Глобус» (США), «Великороссь» (Россия), «Литературная Алма-Ата» (Казахстан), «TheBombayReview» (Индия).

I

Моя трудовая американская биография началась, когда мне уже было за тридцать.

Только что родился сын, и нужно было пополнять бюджет семьи. Да и возиться дома с кричащим круглосуточно младенцем не очень-то хотелось. Жена находилась в послеродовой депрессии и занималась собой и ребенком. К тому же, говорил я себе, не отдыхать же сюда приехал.

В стране, из которой недавно иммигрировал, к тридцати своим годам отработал последних десять лет. Занимал не последнее место в своей профессии журналиста. Надеюсь, не в силу чьей-то помощи.

Обзавелся полезными связями и знакомствами. Помогая кому-то пристроить «очень умного джигита» или «талантливую девчонку», я свято соблюдал главный постулат позднего социализма: ты — мне, я — тебе.

Этот принцип пережил и социализм, и дикий рынок, следовавший за ним. Обычно услуги возвращались ко мне добром, так как помогая кому-то, я знал, что когда-нибудь помогут и мне. Так и происходило.

Здесь же, в Америке, мои иллюзорные надежды на подобное существование разбились вдребезги сразу по приезду. Хоть и говорили, что чем-то канувший в Лету Союз и Штаты были похожи, я категорически это отрицаю. Нет, не были мы похожи ничем!

Первые месяца два я просто просидел дома, фигурально вися у работающей жены-американки на шее. Отец ее, мой тесть, тогда работал перед выходом на пенсию, был на подъеме, занимая высокий пост вице-президента большой железнодорожной компании.

Однако, ни он, ни жена моя о том, чтобы помочь мне с трудоустройством, никогда не заикались. Как говорится, зять — любит взять.

Старые знакомые-иммигранты, наоборот, всячески подкалывали меня тем, что «у тебя-то с женой-госслужащей проблем с работой не будет!». Что действовало на меня, измученного бездельем, безденежьем и безработицей, до того угнетающе, что я все эти отношения прекратил.

В одну из бессонных ночей меня осенило: не принято у них, американцев, помогать друг другу, будь ты родственник, жених или самый лучший друг! Как это принято у нас: русских, казахов, украинцев, узбеков и других жителей бывшего СССР.

Когда жена рассказала, что отец ее, свою родную дочь, даже на бесплатную стажировку в компанию отказался взять после университета, моя уверенность еще раз подтвердилась. В стране победившего капитализма — каждый сам за себя. Без всяких исключений. Это была моя первая усвоенная здесь истина.

Вскоре, еще не приступая к общественно-полезному труду, я выяснил для себя и вторую, тоже очень важную деталь. Все прошлые регалии, звания, медали и должности здесь никого не интересуют. Это работает и в отношении наших иммигрантов, за очень редким исключением.

Если ваша фамилия не Шостакович, Бродский или Солженицын, то придется начинать на той же стартовой площадке, где начинают все выпускники американских средних школ.

Я не раз убеждался, как параллельно мы, иммигранты, и американские вчерашние старшекласники идем по жизни на пути к щедро рекламируемой мечте ноздря в ноздю.

Даже сидим в одних очередях за получением номеров социального страхования, пособий по безработице, водительских прав и т.д.

— Русские? Наши лучшие клиенты! — улыбкой встретила меня пожилая сотрудница офиса социального страхования. Истолковав мой взгляд как немой вопрос, начала объяснять, разгибая (а не загибая пальцы, как у нас), перечисляя:

— Русские всегда приходят на интервью за полчаса до назначенного времени и никогда не опаздывают.

— Приносят все необходимые документы и даже больше, чем надо, — продолжила она. — Наши то, местные, обязательно какую-нибудь бумажку да забудут. Да и заполнены у вас все формы аккуратненько.

— И наконец, — сотрудница местного собеса разогнула последний палец, — вы всегда такие вежливые и никогда не спорите с властями. Ну просто идеальные клиенты! — лучезарной улыбкой опять одарила она, выписывая мне номер социального страхования.

Знала бы эта дружелюбная американка, какие огонь, воду и медные трубы прошли мы все в Союзе, в разных ЖЭКах и ОВИРах. Когда из-за одной неправильно поставленной подписи или запятой советские чиновники заставляли нас снова и снова заполнять бумажки.

II

Мое первое место американской работы — безо всякой протекции — состоялось в местном баре с символическим названием «Последний шанс» (The Last Chance). С исключением того, что для меня это был шанс первый. И работали вместе со мной немало выпускников средних школ.

Позиция официанта или посудомойщика-уборщика посуды (dishwasher/busboy — К.Е.) — наиболее распространенная среди молодых американцев стартовая ступенька будущей карьеры. Ничего зазорного не видят будущие юристы, адвокаты и президенты в том, чтобы по вечерам, несколько дней в неделю, таскать коробку с грязной посудой на кухню, загружать ее в посудомойку и вытирать оставшиеся за кем-то пивные остатки на потёртых столах.

Никаких рекомендаций и интервью для такой работы не требуется. Хозяин заведения посмотрит на тебя мимоходом, перемолвится парой слов и быстро определит, подходишь ты ему или нет. Часто объявления о том, что требуется официант или по-

судомойка печатаются в местной газете или наклеены прямо на дверях бара или ресторана.

В конце 90-х с работой в США не было проблем, как сейчас. Особенно с мало-квалифицированной и малооплачиваемой. Экономика США была на подъеме и малый бизнес, включая ресторанный, процветал вовсю.

В то время подсобные рабочие и прочие любители физического труда необходимы были во многих барах, ресторанах и магазинах. Можно было зайти буквально с улицы и через час уже получить работу.

Хотя редко кто оставался здесь больше года, а тем более двух. Студентам почасовая, пусть даже минимальная оплата, а особенно чаевые (не подотчетные налоговой инспекции) очень помогали платить за аренду жилья и машины. Были и такие, кто из официанта вырастал до должности менеджера по залу, а то и получал свою долю в бизнесе, оставаясь надолго и зарабатывая уже гораздо более серьезные деньги.

Последний пункт ко мне не относился совсем. Да и для позиции официанта был я немного староват и недостаточно хорошо владел английским языком. Клиенты, особенно подвыпившие, говорили невнятно, а исполнения ожидали сиюминутного. Что поделывать, клиент всегда прав.

Определили меня на кухню в посудомойки и уборщиком столов. Работа не пыльная. Но мокрая и пахучая. Пожилой черный мужик, по имени Вес (от Wesley, — К.Е.), весь в татуировках, с бритым наголо черепом и постоянно курящий ментоловый Cool, научил меня в два приема загружать машину и правильно убирать столы.

На мой вопрос он объяснил, что неубранный или плохо, наспех убранный стол не отдадут новым клиентам. А значит, создадутся очереди и «патроны», как их еще называют, будут раздражаться. И кто знает, может не придут сюда опять. Что есть худшая новость для любого хозяина подобных заведений. А потому убрать стол от посуды и обьедков и привести его в товарный вид необходимо как можно скорее. И правильно.

— Если хочешь знать, это даже искусство,— поучал меня Вес, укладывая в аккуратные ряды грязные стаканы, ложки и тарелки.— Поверь, ты не хочешь грохнуться где-нибудь в зале с этой коробкой и побить все тарелки. Так у тебя и зарплаты не хватит рассчитаться.

— Да и лучше сделать один-два похода на кухню и загрузить ящик правильно!

Искусству загружать машину и коробки с грязной посудой я научился за неделю. Еще одна ушла на умение балансировать с коробкой, набитой посудой в переполненном зале.

А уже в начале третьей недели Вес милостиво оставлял меня одного в посудомоечной, отправляясь на продолжительные перекуры.

Работал я не полный рабочий день (т.н. part time, — К.Е.), обычно с шести вечера до двух-трех часов ночи. Платили мне минимальную заработную плату, меньше шести долларов в час. Еще двадцатку-другую я получал чаевыми. Вернее, получали их официанты, работающие со мной в смену, а потом делились в отношении три к одному. То есть, себе брали три-четыре доллара из пяти, оставляя мне один-два.

Во времена больших пивных праздников или футбольных матчей народ в бар валил без передышки. В те вечера моя выручка достигала тридцати-сорока долларов за смену. Что до сих пор считается очень неплохим заработком. Те же официанты делали на столах своих постоянных клиентов за вечер сотню баксов, а то и больше. Но им нужно было и поговорить с клиентами, посмеяться и т.д. Я же молча прибегал к опустевшему столу, быстро загружал коробку несвежей посудой, вытирал стол насухо и так же быстро исчезал на кухне. Все мои контакты с клиентами сводились к нулю.

Постепенно, несмотря на ломоту в теле и общую усталость, я в ночную жизнь втянулся. Однако, тут начались размолвки дома. Какой супруге понравится, когда

муж, он же и молодой отец, приходит с работы далеко за полночь, мокрый и вонючий от вытертого за вечер пива! И не только вытертого.

В качестве бонуса каждому из официантов, поваров и посудомойщиков полагался один бесплатный «дринк» после окончания работы. Так и сидели мы еще полчаса после закрытия, потягивая какой-нибудь «Blue Moon» или «Miller Light».

Можно было выпить и больше, но уже за свои. Поэтому, чтобы не спиться совсем и не разрушить молодую семью в самом ее начале, я работу в том баре скоро оставил. Пройдя свое «боевое» крещение пивом и чаевыми.

III

Подобные интеллектуальные работы, типа грузчика в вино-водочном или кассира-распаковщика в свечном магазине, длились недолго, так как обе достались как временные, пока постоянные работники болели или догуливали отпуска.

В свечном магазине я даже научился выбивать чеки на кассе и правильно давать сдачу покупателям (cash register — К.Е.). Немного интереснее, чем таскать тяжести до одури. Но запах свечей всех сортов и размеров доводил до тошноты и головокружения.

Вся одежда моя, и не только рабочая, пропиталась насквозь сладковатым запахом декоративных свечей, несмотря на ежедневную стирку. Вскоре запах стал преследовать меня повсюду, даже во сне, и я был рад, когда вышел из отпуска работник, которого я замещал.

К тому времени, продолжая свое заочное соревнование с американскими старшеклассниками, я усвоил еще один урок местного трудоустройства. Только низкие по оплате должности можно было получить, что говорится, с улицы. Если желаешь работу почище, в офисе и за более высокую плату, то необходимо освоить более «научный» подход.

В первую очередь, составить резюме или краткую производственную характеристику для потенциального работодателя. Неплохо бы и тесты кое-какие пройти, например, количество печатных знаков в минуту на машинке или компьютере, знание офисных компьютерных программ (Microsoft Word, Excel и т.д.— К.Е), знание английского языка (TOEFL,— К.Е.) и прочие навыки.

Такую помощь мне могли оказать только в одном величайшем изобретении капитализма — временном агентстве по трудоустройству (Temporary Agencies или Temp. Agency — К.Е.), которые есть в каждом населенном пункте США. Рассчитаны они как раз на вчерашних выпускников школ, студентов вузов, вышедших из декрета женщин и недавних иммигрантов типа меня.

Хотя с первой попытки получилось не так уж просто. Вернее, совсем не получилось. Хозяйка агентства — совсем молодая девчонка, много младше меня, тем не менее очень неодобрительно просмотрела мои компьютерные и печатные тесты и лишь обещала позвонить. Если кто-нибудь заинтересуется.

Во втором агентстве меня ожидал, как говорят любители азартных игр, джек-пот. Мой ангел-хранитель, белокурая женщина по имени Мелба, не только помогла мне с составлением резюме, пока коротким, но даже отпечатала несколько экземпляров для меня и будущих работодателей.

Она же обещала связаться с коллегой из такого же агентства в неподалеку лежащем городке и узнать, нет ли чего-нибудь для меня там. На многое я не претендовал, но все-таки офисный опыт у меня кое-какой был. Тем более искали работника на неделю.

— Всякое может быть,— обнадеживала меня Мелба,— я сама на этой работе уже пятнадцать лет, а пришла так же, как ты сегодня, как временный работник.

После долгих ожиданий мне предложили место в офисе по аренде квартир. Там как раз подыскивали человека, способного внятно отвечать по телефону и на своей машине покатать по комплексу и показать потенциальным арендаторам их будущую обитель. Искали предпочтительно девушку или женщину, но на худой конец готовы были взять и меня.

— Постарайся понравиться и закрепиться,— подбадривала Мелба,— а потом они тебя сами найдут.

Платили в офисе в два раза больше, чем в баре, и в три - в свечном магазине. Да и к рубашке с галстуком я более привычен, чем к фартуку продавца или резиновым рукавицам мойщика посуды.

Так что, вроде, по этой отвесной лестнице я поднялся на одну ступеньку выше.

IV

В конце дня меня отозвала в сторону помощник менеджера квартирного комплекса Сесилия, чернокожая американка лет сорока пяти, с копной жестких волос «а ля Джаннет Джэксон».

— Слушай, парень,— заговорщически понизила голос она,— ты, давай, поосторожнее, ОК?

За что я уважаю афроамериканских женщин, так это за их прямоту. Они не ходят вокруг да около, как их белые коллеги, измученные политкорректностью. Поэтому я хоть и напрягся слегка, но не обиделся и дал ей высказаться.

— Ты возил недавно даму на осмотр однокомнатной? — спросила Сесилия тоном опытного следователя.

Я только что показывал престарелой миссис Питинголо комплекс новых домов, могущих ее заинтересовать. Божий одуванчик с седыми кудряшками, трясущимися как игрушки на новогодней елке, всю дорогу развлекала меня рассказами о своей семье, пока я возил ее на своей машине из одной съемной квартиры в другую. Под конец поездки она долго прощалась, называя меня «Mister Nice Guy».

— Возил, возил,— утвердительно продолжала Сесилия.— Да еще усадил на пассажирское место рядом с собой, а не на заднее. Как положено по инструкции.

— Какой инструкции? — выдохнул я, вспоминая про седые трясущиеся кудряшки.

Терпеливо, как с недоразвитым ребенком, моя коллега продолжала укоризненно качать головой.

— А что случится, если она скажет, что ты к ней приставал? — не отставала Сесилия.

— К кому? — продолжал тупить я, не в силах забыть про качающиеся на елке новогодние игрушки.

— У нас клиенты разные бывают,— зловеще и даже с некоторым осуждением сказала Сесилия.— В прошлом году Джона из-за этого как раз и попросили.

Мои милые американцы! Придумавшие такое невинное развлечение на работе, как «сексуальное домогательство» (sexual harassment — К.Е), согласно которому, коллегу или клиента противоположного пола нельзя было не то что тронуть пальцем, но и даже посмотреть неподобающе в ее сторону.

Сколько карьер было разбито на этой почве! А сколько судебных процессов с неустойкой проведено и еще предстоит!

Видя мое недоумение, переходящее в стыд, как будто я действительно держал в голове черные мысли насчет несчастной госпожи Питинголо, Сесилия смягчила свой гнев на милость:

— Я тебе просто хочу помочь, как нельзя делать. Для твоей же пользы. Мы все здесь как-бы friends и должны помогать друг другу. Так что впредь сажай клиентов

только на заднее сиденье и в одиночку пустые квартиры не показывай! Хоть меня позови!

Заверив Сесилию, что мы с ней очень даже сооl, я подумал, снимая опостылевший за день галстук, о том, как нелегко все-таки зарабатывать свой хлеб. Даже здесь, на цветущих нивах капитализма!

V

Наконец, после месяцев проб и ошибок, зерна моих первых трудовых достижений в виде резюме, составленных аккуратной Мелбой, проросли-таки наружу.

И в один прекрасный вечер мне позвонили и предложили постоянную работу. Там, где я проработал больше полугода! Как когда-то в школьных начальных классах, дружить с девчонкой больше месяца считалось очень долгим периодом. А уж пары, «ходящие» по полгода, вообще просто-таки обязаны были после выпускного бала пожениться!

Уже стало казаться мне, что моя американская мечта очень скоро воплотится в новый дом, машину и внушительный счет в банке. Хотя предлагали всего лишь место русскоязычного телефонного оператора в только что созданной компании «Звездные технологии» или коротко «Startec».

Находилось, правда, это «звездное» местечко неблизко, в соседнем графстве, что примерно в часе езды на машине. Да и платили всего восемь долларов в час, что лишь немного больше минимальной заработной платы. Зато можно было бесплатно позвонить раз в неделю друзьям или родственникам куда-нибудь в Алма-Ату.

Работа была отчасти на русском языке и постоянная. Суть ее заключалась в телефонном соединении иммигрантов из бывшего Союза, живущих в США, с их родственниками из Украины, России, Казахстана и других республик. За довольно смешную цену: что-то около семидесяти центов в минуту.

Работал я по сменам, в дневную и вечернюю, примерно часов шесть-семь в день. Приходилось иногда возвращаться за полночь. И даже однажды выйти на работу рано утром после новогодней ночи.

Компьютерные программы, используемые нашей компанией для короткого воссоединения родственников по обе стороны океана, были достаточно просты. Звонят тебе, скажем, наши клиенты из Нью-Йорка и дают телефон в Киеве или Москве.

Ты набираешь искомый номер, нажимаешь клавишу в компьютере и — вперед! При желании, мы могли, используя технику, слушать то, о чем наши абоненты разговаривают. Но нужды в том не было, да и клиенты поджимали непрерывными звонками.

В свою очередь, наше начальство постоянно слушало нас, операторов, проверяя достаточно ли вежливо и профессионально мы разговариваем с клиентами. И не только русскоязычных телефонистов, но и работавших в компании китайцев, корейцев, индусов, арабов и других. Кстати и сам «Startec» основали выходцы из Индии, чей офис располагался прямо за нашими спинами.

Быть постоянно вежливыми с клиентами было нелегко. При помехах соединения или обрыве разговора, клиенты всегда обвиняли нас, сидящих в одной комнате операторов. Как будто мы специально им связь через океан оборвали.

— Зажрались, дармоеды! — кричал из трубки пожилой дед из Филадельфии, — Туалеты тебе надо мыть, а не по телефону говорить! Дерьмо из унитазов отдраивать!

Тут трубку перехватила его супруга, более вежливая и понятливая пожилая дама, которой я пытался объяснить причину неполадки. Но еще долго неслось с заднего фона, вклиниваясь в разговор:

— Туалеты! Унитазы! Дармоеды!

Обслуживали мы и англоязычных клиентов тоже, из Америки во все части света. Так что доводилось слушать оскорбления и на английском языке.

Однажды я объяснял одному типу из Нью-Джерси причину, по которой мы не имеем связи с Марокко. Недослушав, он вдруг начал обвинять меня в том, что я слишком грубо с ним разговариваю.

— Компания работала бы лучше, не будь ты такой дыркой в з...днице, — бросил он.

— Сэр, кто из нас сейчас кому грубит? — вежливо, как мог, спросил я, раздраемый внутренней злобой, но крепко сдерживаемый трудовым контрактом.

К тому же было трудно забыть, что менеджеры, затаив дыхание, слушают меня сейчас на своей линии.

Удивительно, что, когда связь между Америкой и другими странами работала нормально, клиенты воспринимали это как должное. И очень редко нас, телефонистов и операторов, благодарили.

Однако, стоило случиться малейшей неполадке, то громы небесные метались на наши бедные головы. В результате стрессов и довольно малой за это компенсации уволились в конце месяца сразу несколько русскоговорящих девчонок. На их место пришли молодые люди и девушки, родившиеся здесь, в США, в семьях иммигрантов из бывшего Союза.

Было им немного больше восемнадцати лет, с компьютером они были на «ты», водили новые, а не подержанные, как у меня, блестящие автомобили и легко перепрыгивали в речи с русского на английский. По разговорам и повадкам напоминали они местных «мажоров» и представляли собой поколение «двухтысячников» (millennials, — К.Е.) в наступающем двадцать первом веке.

По-английски они говорили чисто, без акцента, в отличие от меня и других работающих в компании недавних переселенцев.

Еще они ввели в обращение смешанный англо-русский слэнг, типа глаголов «юзать» (использовать, — К.Е.), «сэйфовать» (спасать, сохранять, — К.Е.) и тому подобное. Слышал я от них и фразы по телефону типа:

— Ну мы Вам договор пришлем, а Вы его посайнуйте (от слова «sign» — подписывать. — К.Е.) и все going to be OK.

И самое смешное, их на том конце телефона прекрасно понимали!

Так вот, к тому времени, когда пришла эта смешанно-говорящая русско-американская молодежь, я оставался одним из последних «ветеранов». Хотя и проработал всего полгода. Объявили вакансию на место менеджера по залу, куда входила наша группа телефонистов. Это означало возможность повышения зарплаты, хотя работы стало бы больше. Подумав и решив, что на место могу претендовать, я подал свою заявку.

Через неделю стало известно, что менеджером зала назначили индуса, который, кстати, проработал в компании меньше моего. Работать за небольшую плату в любое время суток после этого мне уже не улыбалось.

Получившему недавно американское гражданство, мне в скором будущем открывались новые перспективы. И хотя я из телефонной компании вскоре ушел, но переqualificироваться в управдомы уже не было нужды.

Михаил Кириллов
(г. Саратов)

ПОСЕЛОК ПЕРЕДЕЛКИНО

Родился в 1933 г., в г. Ленинграде. Окончил Военно-медицинскую академию им. С. М. Кирова. Отслужил в армии 43 года, профессор Саратовского медицинского университета, доктор медицинских наук, полковник медицинской службы, Заслуженный врач России.

Автор 20 литературных произведений.

В семидесятые годы у моей сестры Любы была дача в Переделкино. Ездили к ним и электричкой с Киевского вокзала, и автобусом через Солнцево. Первый путь предполагал дорогу пешком через весь поселок, второй, от Минского шоссе, был короче.

От станции широкая тропа вела через заросшую по берегам речку Сетунь. Через мосток. Далее, на высоком холме, начинался сосновый лес, и по обе стороны улиц поселка за заборами стояли старые, иногда особенной архитектуры, красивые, двухэтажные, дачи. Мы знали, что во многих из них жили известные советские писатели. Но встретится с кем-либо из писателей не удавалось. Видели иногда возле дач только сторожей. Тем не менее, дух избранности выдающихся обитателей поселка все равно как бы витал в этих местах.

Только однажды на платформе станции я встретил писателя. Это был Солженицын, шедший вдвоем с каким-то пожилым мужчиной. Они о чем-то возбужденно спорили. Это было перед его высылкой из СССР. Говорили, что он тогда у кого-то временно здесь жил. Кое-что в то время я уже прочел из его книг, но понравилась мне только одна: «Один день из жизни Ивана Денисовича». Особенно образ апельсиновых корок на снегу... Трудоголик, талантлив. А в главном, судя по его книгам,— воинствующий самоуверенный антисоветчик, временами откровенно злобный, литературный власовец. Со временем я прочел и другие его произведения, и мое мнение о нем не изменилось.

Видел я здесь и известного тогда журналиста Герасимова. Соседа по даче. Видно, к семидесятым годам очень многие писатели, поселившиеся в поселке, состарились, да и видных новых писателей в стране поубавилось. А, может быть, поселок стал уже не так комфортен для жизни.

А раньше-то жили и творили здесь не только Борис Пастернак и Корней Чуковский, но и Роберт Рождественский, и Булат Окуджава, и кинорежиссер Арсений Тарковский, и Александр Фадеев. И даже Леонид Леонов, и Катаев, и Ильф с Петровым. Оказалось, что и мой любимый Константин Паустовский. Жил здесь и Демьян Бедный. И еще десятка два знаменитостей. Средоточие замечательных творцов советской литературы. И свидетельство материальной поддержки писателей советской властью.

Известно было и здешнее мемориальное кладбище, которое размещалось сразу за железной дорогой. Дорога к нему шла мимо окруженного каменным забором патриаршего подворья. В него тогда посетителей не пускали, но из открытых ворот и из-за стен ограды были видны прекрасные купола собора, расположенного во дворе. Купола напоминали храм Василия Блаженного на Красной площади.

На кладбище была и своя небольшая церковь. У входа возвышалась братская могила бойцов, погибших в этих местах во время Великой Отечественной войны 1941-1945 годов. Немцы были близко отсюда.

Само кладбище показалось мне заросшим и каким-то хаотичным по расположению. Посетители подолгу стояли перед могильными памятниками известных с детства писателей Корнея Чуковского, Бориса Пастернака, Александра Фадеева, Маргариты Алигер, Роберта Рождественского и других литераторов. Я тогда впервые узнал, что создатель «Молодой гвардии» застрелился в Переделкино в 1956 году.

Многие могилы и памятники были даже без оградок. Неприкаянные какие-то. Такая известность при жизни и такая скромная кладбищенская память! Но, наверное, память и должна быть скромной. Известность: она или есть, или ее нет. Если ее нет, тут уж никакий гигантский памятник не поможет. Некоторые посетители, и среди них я, с удивлением узнавали, что все эти писатели жили, умерли и похоронены в Переделкино.

К семидесятым годам, когда я там побывал, золотой век писательского поселка завершился. Поселок все больше напоминал скопление в морском порту у пирса громадных проржавевших кораблей, отслуживших свой срок и обезлюдивших. На кладбище писательских знаменитостей я особенно четко понял, что настоящее постепенно обрастает прошлым, становясь им.

История Переделкино уходит вглубь веков. Упомянется несуществующая уже усадьба каких-то летописных Клычевых — 17 век. С этого все начиналось. Первая, еще деревянная, здешняя церковь. Первое кладбище. Создание здесь в сосновом бору в 30-е годы по решению И. В. Сталина и по инициативе А. М. Горького целого дачного поселка советских писателей (единственного в мире), 50 дач, 50 семей! Какая государственная щедрость в трудные предвоенные, тридцатые, годы! Строительство уже современных соборов Патриаршего подворья — резиденции Патриарха всея Руси Алексия 1-го (на то время). Формирование послевоенного мемориального кладбища известнейших писателей, поэтов и артистов и ... происходящее сейчас постепенное увядание поселка. Может быть, с годами и с писателями в стране стало не густо?

Обмеление ранее судоходной реки Сетунь (ранее самого крупного притока Москвы-реки), вырубка здешнего векового соснового бора, старение былых, великолепных писательских дач, некоторые из которых стали ныне музеями, естественное перемещение умерших хозяев этих дач на здешнее кладбище, постепенное забвение их имен при одновременном массовом строительстве в этих местах жилья для неизвестных обывателей: близкая Москва быстро растет.

Было наглядно, как настоящее борется с прошлым, вытесняет его, тут же становясь прошлым. Придет время, и, возможно, люди с трудом уже будут вспоминать, кто такие были Борис Пастернак и Корней Чуковский. Музеи? Да, сейчас они есть. Их пять (в том числе дома-музеи Корнея Чуковского, Б. Окуджавы, Е. Евтушенко). Может быть, со временем станет вполне достаточным и простых памятных дощечек на калитках их бывших дач. Не Пушкин же здесь жил и творил, и не Лермонтов, в конце концов...

Я бы с удовольствием вновь прошелся по этим местам, но, к сожалению, больше ста метров без отдыха я теперь не пройду. Устарел. Я уже не знаю, что в Переделки-

но происходит сейчас (дачу сестра давно продала). Переделкино — это практически прошлое, немного настоящего и музейное будущее (музей своего прошлого). Я знаю, я — ровесник здешнего городка писателей.

Когда человеку 84 года (а мне как раз столько), он невольно становится прошлым. Но в связи с этим, думаю, можно ли вообще вернуться в ушедшее прошлое, что я часто мысленно делаю? Дело не только в Переделкино. В своих книгах я приглашаю вернуться в это прошлое своих стареющих друзей и читателей, но я не уверен, что у всех у них сжимается сердце при встрече с нашей общей памятью. Все ветшает, становясь ненужным, и умирает. Память умирает. А жаль: прошлое, по-хорошему, это, в основном, состарившееся будущее. Что там будущее? Говорят же, что даже могилы стареют. Они-то уж точно спорят с настоящим за место под солнцем.

Обидно, конечно, ну а что поделаешь?! Жаль постепенного исчезновения писательского поселка, поселок-то был поистине золотым. Уволили советское время, и настоящих писателей не стало. Вымирают и читатели. Вполне можно жить только интернетом. Выручила бы реинкарнация, но кто доказал ее возможность? Да и зачем такие непонятные хлопоты: вечность все равно не купишь. Да, наверное, и не нужно. Было бы утомительно и не эффективно.

За поселком Переделкино, сразу за шоссе, березовый лесок и полно грибов: подосиновиков и белых. Мы там раньше часто бывали всей семьей. Слушай, может, махнем туда в следующее воскресенье?

Что это я?!

Наталья Емельянова
(г. Нижний Новгород)

ТАНЯ

Родилась 8 октября 1981 года в Нижнем Новгороде. Окончила филологический факультет Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина. В настоящее время работает преподавателем церковнославянского языка и инструктором по фитнесу. Литературным творчеством начала заниматься в девятилетнем возрасте. Является автором поэтических и прозаических текстов.

Публиковалась в альманахе «Земляки» и журнале «Нижний Новгород». Лауреат конкурса «Мой город» в номинации «Проза» с повестью «Почтальон» (повесть опубликована в журнале «Нижний Новгород»). Проживает в Нижнем Новгороде.

I

Впервые я увидела Таню, когда мне было лет пятнадцать. Мы всей семьей переехали на новую квартиру, и я начала изучать незнакомые или малознакомые мне улицы вблизи нашего нового дома. С балкона открывался вид на бурьян, на его месте позже выросла школа, в которую мы с сестрой пошли учиться. За бурьяном был единственный в то время продуктовый магазин, недалеко от него располагалась котельная, а за ней стояли высокие красные дома-гостинки с совершенно игрушечными курительными балкончиками. Эти балкончики вызывали во мне чувство умиления, даже какого-то детского восторга, и я сильно жалела, что не имею возможности на одном из них оказаться. Я любила ходить мимо этих домов. Их окружали заброшенные палисадники, в которых валялась всяческая рухлядь — от драных картонных коробок до полуразваленных стульев, кресел и прочих предметов отслужившей свой век мебели. Среди этой рухляди я часто обнаруживала небольшие компании местных бабушек и дедушек, которые рассаживались в кружок на принесенных из собственных квартир табуретах и с интересом что-то обсуждали. Мне нравилось рассматривать этих странных людей, я специально пролагала свой путь как можно ближе к ним и, проходя мимо них, замедляла шаг. За красными «гостинками» начиналась широкая шумная улица, по которой ходили автобусы, трамваи, автомобили, сновали люди, идущие по своим нескончаемым делам. На противоположной стороне этой улицы располагалась большая красная церковь постройки XIX века (о времени постройки я прочитала позже на памятной табличке, установленной на стене). Несмотря на то, что наш дом и эту церковь разделяла большая улица, в квартире мы всегда слышали колокольный звон, доносящийся из нее. Сейчас, когда вокруг настроили столько новых домов, а на дорогах появилось какое-то невероятное количество машин, в нашей квартире больше не слышно колокольного звона. Но тогда...особенно теплым летним утром колокольный звон всякий раз наполнял все окрестные улицы, наш двор, звучал в каждой нашей комнате...

Однажды, дело было поздней осенью, я шла мимо этой церкви. У железной ограды сидели нищие, недалеко от них кружили голуби (сухонькая желтенькая старушка кормила их пшеном), а немного поодаль вдоль церковной ограды быстро передвигалось какое-то странное существо. Это была маленькая полненькая, кажется, молодая (возраст было невозможно точно определить) женщина с острыми глазками, безостановочно бегающими туда-сюда, с длинным острым носом и тонкими сжатыми губами. Одетая она была в джинсовую юбку ниже колена и черную мешковатую куртку с капюшоном, на голове был светлый сетчатый платок, из-под которого выбивались темно-русые кудри, на ногах — плотные собравшиеся в гармошку колготки и светлые потрепанные кроссовки. Движения этой женщины были мелкие, быстрые, суетливые. Она была похожа на ребенка, однако определенно ребенком не являлась. Она сильно выделялась среди остальных людей, стоящих около церковной ограды или входивших в нее. Однако никто не обращал на нее особого внимания, казалось, ее странный образ был давно всем привычен. Надо заметить, что, хоть эта женщина и находилась недалеко от сидящих у ограды нищих, подаяния она не просила. Да и вообще на нищую не была похожа, образ ее был весьма нелеп, однако было очевидно, что у этого человека есть дом и кто-то, кто проявляет о ней заботу.

Я прошла мимо церкви, мимо странной женщины, и вскоре совершенно позабыла о ней. Вспомнить о ней мне пришлось, когда спустя какое-то время мы с моей школьной подругой вновь встретили ее, проходя мимо церкви. На этот раз странная женщина носилась вдоль церковной ограды совсем уж быстро, иногда подбегала к кому-нибудь из людей и начинала что-то бойко говорить, размахивая руками. Нам с подругой удалось услышать ее голос: он был низкий, резкий, надрывный. Казалось, согласных в ее речи было больше, чем гласных, слова ее напоминали камни, летящие с высокой горы.

— Кто это? — спросила меня удивленная подруга.

Я не нашлась ответить ничего, кроме:

— Юродивая при церкви.

Я весьма плохо понимала значение слова «юродивая», знала лишь, что это были странные люди, которые имели какое-то неясное мне отношение к церкви.

— Как это «юродивая при церкви»? — спросила меня подруга, вероятно вовсе не слышавшая ранее этого слова.

— Ну юродивые — это сумасшедшие, которые при церквях живут, — ответила я.

С тех пор я стала довольно часто встречать ее. Она часто появлялась в различных местах, находящихся недалеко от храма: то я видела ее около продуктового магазина, то возле хлебного киоска, то просто на улице. Она всегда неслась куда-то своим неловким стремительным шагом, точно преследовала совершенно определенную цель. Но какую цель могла иметь эта странная женщина? Любопытству моему не было предела.

Почему-то я любила встречать ее, и всякий раз, если была возможность, я незаметно наблюдала за ней, провожая ее взглядом до тех пор, пока она не скрывалась за каким-нибудь поворотом.

II

Посещать церковь не было для меня привычным делом. Я заходила туда изредка, например, перед школьными экзаменами или с бабушкой — подать записки. Однажды в очень морозный зимний день я решила прогулять занятия по подготовке к поступлению в университет (надо сказать, что эти занятия я ненавидела, мне было очень обидно, что я должна посещать их в свой единственный выходной — воскресный день, в то время, как все люди отдыхают дома, и я нередко эти занятия прогули-

вала). Я около часа побродила по обледеневшим улицам, воздух от мороза был каким-то колючим, дышать было тяжело. Вскоре мои щеки, губы, нос,— да и все лицо начали неметь, а пальцы рук и ног я практически перестала чувствовать.

«Куда бы зайти погреться?» — начала мелькать мысль в моей голове.

Ехать в университет я совершенно точно не хотела. «Может быть, зайти в церковь», — неожиданно для самой себя подумала я. Церковь находилась совсем недалеко от того места, где я шла, и я решила: «Зайду». Быстро проскользнув мимо нищих, сидящих даже в такой мороз у церковной ограды, я открыла тяжелую железную дверь и оказалась в храме. Людей было очень много. Повсюду горело множество свечей, воздух был теплый, даже душный. Я почувствовала, как мое лицо и пальцы рук начали оттаивать, становиться мягче, по телу побежали мурашки, и через минуту я полностью согрелась. В центре храма стояло несколько священников, они что-то пели, хор им откуда-то отвечал. Насколько это было возможно, я подошла к ним поближе, но понять происходящее и разобрать слов, кроме «моли Бога о нас», я не смогла. В какой-то момент священники пошли к алтарю, и вся масса людей хлынула за ними. Меня начали теснить, и я, сопротивляясь толпе, тщетно пыталась сохранить свою позицию.

— Дочка, к Кресту приложись, — услышала я голос слева от себя.

Я обернулась. Передо мной стояла старенькая бабулечка, низенькая, немного сгорбленная, она улыбалась сухим беззубым ртом и смотрела на меня ясными серыми глазами. Я смутилась и сделала шаг вперед. И вдруг перед моим взором появилась та самая странная женщина, «юродивая при церкви», которая каким-то необъяснимым образом вошла в мою жизнь. Она стояла в толпе и быстро крутила головой в разные стороны, иногда она начинала неожиданно улыбаться, иногда — говорить что-то своим низким надрывным голосом. Через несколько секунд толпа спрятала ее в своих объятиях, и больше ее я уже не видела.

III

С тех пор я начала иногда заходить в церковь. Сначала — когда вновь решалась прогуливать свои университетские занятия, а вскоре — и просто, когда вдруг «начинало тянуть». Я по-прежнему не понимала происходящего на богослужениях. Иногда мне казалось, что я иду в церковь, чтобы встретить там свою «юродивую». И почему она меня так интересовала? Я не могла ответить себе на этот вопрос, но перестать думать о ней было для меня уже невозможным.

После окончания школы, уже будучи студенткой, я, наконец, начала посещать богослужения более или менее регулярно и даже стала чуть-чуть понимать их. Возможно, на меня повлияло сильное увлечение творчеством Достоевского, возможно, мои размышления о смысле жизни привели меня в храм, а может быть, это все моя «юродивая» продолжала манить меня к себе, но церковь стала для меня местом, в которое мне хотелось приходить вновь и вновь.

Моя «юродивая» присутствовала на богослужениях всегда. Не знаю, насколько она понимала их смысл, порой она вдруг начинала семенить по храму своим быстрым неуклюжим шагом, порой начинала разговаривать вслух, а иногда подходила к кому-нибудь из прихожан и ни с того, ни с сего крепко обнимала его руками и утыкалась лицом в грудь. Как-то раз она обняла вот так одного мужчину, стоявшего недалеко от меня. К моему удивлению, он был с ней знаком. И тут-то я впервые услышала ее имя:

— Таня, — обратился он к ней, — как твоя жизнь?

— Мама ругает, — проговорила она надрывно, — уж так ругает мама!

— Ну мама ведь только добра желает, — сказал мужчина и погладил ее по голове.

Она еще раз уткнулась лицом в его грудь и почти проревела:

— Ругает!

Неожиданно она расцепила свои объятия и устремилась в другой конец храма, бормоча что-то себе под нос. «Очень странная, — подумала я, — Таня. Значит, ты Таня, моя «юродивая».

IV

Таня чувствовала себя в храме, как дома. Ее знали все священники. Когда в конце службы все прихожане (и, разумеется, Таня) подходили к кресту, служивший батюшка обязательно благословлял ее и говорил добрые слова. Таня улыбалась ему, что-то отвечала своим надрывным голосом и бежала дальше по храму, широко размахивая руками и быстро крутя головой по сторонам.

Однажды, летним субботним вечером, я пришла в храм на всенощную. Служба была тихая, в открытую дверь проникал мягкий теплый ветер, чуть колыхая пламя свечей и длинные тонкие юбки прихожанок. Вообще-то в этот день я не планировала идти в храм и поэтому, выйдя из дома утром, я надела джинсы. Но, возвращаясь вечером домой, проходя мимо церкви, я почувствовало то самое «тянет» и не стала сопротивляться этому ощущению. Где-то посередине службы я услышала позади себя знакомые быстрые, семенящие шаги, и через пару секунд передо мной появилась Таня. Она что-то говорила мне, но от удивления я не могла разобрать ее слов. Наконец, в ее руках я заметила длинный отрезок ткани, который она настойчиво пыталась дать мне. Я вслушалась в ее слова и поняла:

— Нехорошо! Нехорошо! — повторяла она, глядя мне в глаза.

Я взяла ткань из ее рук и повязала поверх джинсов.

Это был мой первый опыт личного общения с моей «юродивой». Второй опыт был еще более неожиданным для меня. Как я уже говорила, Таня имела привычку во время богослужения быстро ходить по храму, казалось, она преследовала какую-то определенную цель в этом своем хождении, но, походив так какое-то время, она либо просто садилась на скамью, либо выходила из храма и неслась дальше по улице. Часто, пройдя несколько шагов по храму, она вдруг останавливалась около кого-нибудь и крепко обнимала его, уткнувшись лицом в грудь, иногда она поднимала голову и, сделав из двух пальцев «козу», крутила ею перед лицом своего «избранного» и улыбалась во весь рот, издавая какие-то невнятные звуки. Я всегда думала: а как она избирает человека, которого ей вдруг начинает хотеться обнять? И, честно говоря, у меня возникала какая-то ревность: почему она их обнимает, а меня нет?

Однажды, когда она вот так же неслась по храму, избирая людей для объятий, а я в очередной раз думала: «Почему не меня?», она вдруг осчастливила меня своим избранием. Проходя мимо меня, она неожиданно приостановилась, посмотрела мне в глаза и бросилась прямо на грудь, крепко обхватив руками мою спину. Через несколько секунд она, не расцепляя рук, подняла лицо и посмотрела на меня, широко улыбаясь и говоря непонятные мне слова. Убежала она от меня так же неожиданно, как и подбежала. Оставив в моей душе и груди тепло.

Как-то раз под Рождество Таня пришла на всенощную вся сияющая и даже какая-то красивая. Она всем широко улыбалась и со всеми пыталась заговорить. Наконец она нашла себе собеседницу — добрую старушку-служительницу храма, следившую за чистотой подсвечников и помогающей алтарникам по мере необходимости. Невольно я стала свидетелем их разговора.

— Она мне говорит: «Когда будешь причащаться?». Я говорю: «В ночь!» А она мне: «Причастись сейчас, раз говела!» Я и причастилась! — хрипела Таня, смеясь и махая руками.

— Причастилась — молодец! А на службу в ночь приходи! С принятием Святых Христовых Тайн! — с теплой улыбкой ответила ей добрая бабушка-служительница.

— Приду! — смеясь, говорила Таня.

V

Шло время. Я все больше погружалась в церковную жизнь, которая становилась для меня уже естественной, единственно возможной. Таня стала частью этой жизни. Без нее сложно было представить наш храм. Я окончила университет, стала преподавателем, вышла замуж. Но Таня продолжала интересоваться мной, я по-прежнему радовалась каждой встрече с ней, размышляла о ее жизни, хотя по-настоящему никогда с ней даже не разговаривала.

Однажды наш храм посетило целых два несчастья: друг за другом умерли два священника, служившие у нас несколько лет и снискавшие уважение и любовь прихожан. Для всех нас это была невосполнимая потеря. Но, слава Богу, из храма никто не ушел, я по-прежнему видела уже годами знакомые мне лица, которые стали, пожалуй, уже родными.

Видела я и Таню. Только вот теперь я видела ее все чаще в компании нищих, сидящих у церковной ограды. А вскоре она, как и они, начала просить подаяние. Это сильно огорчало меня, к тому же, большинство этих нищих были обыкновенными алкоголиками, просящими милостыню на очередную бутылку. Я очень боялась их влияния на «мою юродивую». Однажды во время богослужения Таня подбежала ко мне и почти выкрикнула:

— У тебя пятьдесят рублей есть?

Я смутилась, но дала ей. Она взяла и, не сказав ни слова, побежала дальше по храму. Я видела, что она попросила денег еще у нескольких человек. Больше никого она не обнимала, только просила денег.

«Связалась с алкоголиками, — подумала я с досадой, — чему они ее научат!». Таня все реже начинала приходиться на богослужения. Вся она сделалась какой-то неряшливой и грязной. Я часто начала замечать ее сидящей возле магазина (недалеко от церкви) и листающей какой-то альбом с фотографиями. Когда же Таня появлялась на богослужениях (семеня своими быстрыми неловкими шагами по всему храму), от нее всякий раз крепко пахло алкоголем. Это приводило меня в смятение. Теперь Таня стала не светом, а болью для меня. Нельзя допустить, чтобы она превратилась в бомжиху-алкоголичку. Но что же делать? Как ей помочь?

VI

После того, как я в очередной раз увидела ее на богослужении и почувствовала от нее запах алкоголя, я поняла, что нужно делать. Молиться. Это главное, что может сделать христианин для христианина. Я незамедлительно подала заказную записку за здравие рабы Божией Татианы и в тот же день начала поминать ее в своих домашних молитвах.

С того дня прошло месяца три. Честно сказать, я регулярно молилась о Тане, пожалуй, лишь первые несколько дней после того, как решила о ней молиться. А после — то вспоминала о своем решении, то забывала о нем. Шла Страстная. В Великий Вторник я пришла в храм, чтобы причаститься на Литургии Преждеосвященных Даров. Службы в эти дни — особые, строгие, строго-торжественные, страстные. Несмотря на будний день, довольно много людей приходит исповедоваться и причаститься. В храме особенно тихо. Все чувствуют особенность этих дней. После принятия Святых Даров все причастники, по традиции, должны подойти к столу, где их ожидают чашечки с теплотой и большая тарелка с кусочками просфор. Когда я подошла и взяла в руки чашку, до моего слуха долетел звук давно знакомых мне шагов и низкий надтреснутый голос. Это была она. «Моя юродивая». Я не видела ее с тех самых пор, как подала записку за ее здоровье.

— Я буду в четверг! В четверг буду причащаться! И в субботу в ночь! — говорила она служительнице, разливавшей теплоту по чашкам.

«Совсем как тогда под Рождество»,— с радостью подумала я.

И тут в голове моей пронеслась мысль: молитва! Господь не оставляет свою уБОГую. Вот она снова в храме. Пришла этим утром. И хочет идти к причастию. Слава Богу! Слава Богу!

Я не дерзала подумать, что это именно моя молитва помогла Тане. Молитвенников у нее, наверное, много. Бог милостив.

На Пасху Таня была совсем светлая, радостная. На ней был бежевый сетчатый платок. Она непрерывно улыбалась и со всеми пыталась заговорить. Когда после службы мы с мужем и сестрой выходили из храма, то встретили Таню в церковном дворе. Она быстро неслась, как обычно неловко и торопливо передвигая свои ноги, и широко улыбаясь. Увидев нас, она что-то нам сказала. Мы не поняли и лишь улыбнулись ей в ответ. Она понеслась дальше ко входу в храм. «Христос воскрес!» — звучало в моей голове. И в душе трепетала радость.

Сергей Крестьянкин
(г. Тула)

БИБЛИОТЕКА ОТЦА

Член Союза писателей России и Академии российской литературы. Имеет публикации в тульских, московских и международных газетах, журналах, альманахах и сборниках. Является зав. отделом прозы альманаха «Ковчег», журнала «Приокские зори». Автор пятнадцати книг художественной прозы. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

*В память об отце
Олеге Александровиче Крестьянкине.
К 85-летию со дня его рождения*

Детство мое пришлось на то время, когда отголоски войны, спустя полтора десятилетия, уже не были слышны. Советский Союз, благодаря совместным усилиям граждан, довольно быстро восстал из руин. Наше государство открыло космическую эпоху — став первым в освоении космоса.

Поэтому ничего удивительного не было в том, что 7—9-летние пацаны и девчонки мечтали стать космонавтами. Всем казалось, раз дверь открыли, то в течение десяти лет мы начнем осваивать Луну и близлежащие планеты: Марс, Венеру...

Многие хотели быть врачами, учителями, строителями, крановщиками и водителями. А дети военных видели себя, конечно же, летчиками, танкистами, подводниками, разведчиками.

Я, в отличие от других, мечтал стать журналистом. Почему? — загадка для самого себя. Ни в роду, ни в близлежащем окружении у меня не было ни одного знакомого, владеющего пером. С корреспондентами общаться не доводилось, так как, мы, дети военнотружущих, жили в основном в военных городках, которые располагались в лесистой местности, и порой до цивилизации приходилось добираться на автобусах.

Конечно, все выписывали газеты и журналы, а вот телевизоры черно-белые были не у многих.

Но почему-то мечтал я о журналистике.

Мне нравилось участвовать в создании стенгазеты — писать заметки о школьной жизни, рассказывать интересные случаи, делиться наблюдениями за животными. Но все это уже выходило за рамки журналистики и называлось писательским творчеством. Кроме того, я познавал азы стихосложения и из-под моего пера выходили рифмованные строчки. Мне нравилось сочинять сказки и добрые, светлые истории с хорошим окончанием.

В глубине души мечтал стать писателем, после того как наберусь опыта в журналистике, но это было очень глубоко и никому про такое не рассказывал.

Такие мечты, наверное, появились благодаря книгам, которые окружали меня с детства.

Книг у нас было великое множество: исторические романы, все произведения классиков, приключения, фантастика и научная фантастика, всевозможные словари, справочники и энциклопедии, сказки, стихи... Вместе с ними здесь находились журналы: «Юность», «Роман-газета», «Новый мир», «Уральский следопыт», «Юный натуралист», «Юный техник», «Пионер».

Мой отец — Олег Александрович — являлся истинным целителем хорошей книги.

Надо сказать, что отец был кадровым военным — после школы, в конце 40-х годов, поступил в военное училище и, закончив его, стал офицером Советской Армии. Всю жизнь посвятил служению Родине и защите ее от врагов.

Он не был коллекционером, в том смысле, который вкладывался в это слово, — не искал старинные, дорогие, редкие книги, хотя в нашей библиотеке встречались издания XIX века, и была одна книга очень потрепанная — ровесница Пушкина, изданная в год его рождения в XVIII веке, и называлась «Брынский лес». О чем она — не знаю, так как читать по-старому, написанное с «ятями», сложно и мучительно, особенно в юношеском возрасте, когда душа рвалась в поисках приключений.

Мы играли в индейцев, лазили по деревьям, строили смотровые — наблюдательные пункты в ветвях, изучали близлежащие леса — составляли подробные карты, забредали на старые водокачки и котельные и чувствовали себя первооткрывателями новых земель. Забрасывали в пруды Германии и затопленные подвалы разрушенных домов веревку с крюками и магнитами и частенько выуживали 3-х и 4-хгранные штыки от ружей и каски немецкого образца. Штыки были покрыты ржавчиной, в некоторых местах проеденные насквозь, но иногда удавалось освободить их от ржавчины и даже частично отполировать.

Дух приключений и романтики вселялся в нас, конечно же, из книг Фенимора Купера про индейцев, «Всадник без головы», «Три мушкетера», «Граф Монте-Кристо», произведения Стругацких, Ивана Ефремова, Конан Дойля, Рэя Брэдбери — все эти книги и многие другие находились у отца в библиотеке.

Любовь к печатным изданиям отцу передалась по наследству. Он с детства видел, как его отец и дед приобретали журналы и книги и, прочитав, не выбрасывали, или передавали кому-либо, или ставили на полку в шкаф. Периодически доставали их оттуда, перечитывали сами, давали читать детям, друзьям. В то время это и библиотекой назвать нельзя было — всего-то несколько десятков книг и журналов XIX — начала XX века. Но за то время, пока маленький Олег подрастал, количество печатной продукции увеличилось в несколько раз, и теперь она занимала большой книжный шкаф до потолка с десятью полками.

Спустя некоторое время сначала дед, а затем и отец ушли в невозвратные дали. Особых капиталов они не нажили, да и когда? Сначала — революция, затем войны: первая мировая, гражданская, вторая мировая... А богатством они считали книги. Внуку и сыну завещали любить, ценить и беречь книги, журналы, альманахи не за дорогой переплет или красивую обложку, а за содержание, считая их кладью мудрости и знаний. С детства они приучили отца и двух его сестер к бережному отношению к книгам. Был даже составлен целый свод правил, как обращаться с литературой, написанный чернилами красивым почерком, который затерялся во времени. Спустя пару десятилетий отец по-памяти восстановил основные пункты этих правил и сделал памятку уже для нас — своих детей и друзей. Правила были просты. «Перед тем, как взять книгу, помой руки — они могут быть не грязными, но жирными. Обложку обязательно оберни бумагой, дабы она не затиралась и случайно на нее не капнуть. Перелистывая страницы, не слюнявь пальцы. Если перестал читать, то для

запоминания страницы не загибай ее угол — используй закладку. Не читай книгу во время еды — это и на здоровье пагубно отражается, и книгу заляпаешь. Не клади на подоконник под солнце печатное издание — выцветают страницы. Не читай лежа — и листы мнутся, и зрение портишь». Вот часть тех правил, которые сейчас пришли мне на ум. Помню, у отца памятка висела на шкафу и состояла более чем из двадцати пунктов.

После школы он поступил в летное военное училище и успешно его закончил. Женился. И началась кочевая жизнь: каждые несколько лет переезды на новое место службы — военные городки в лесу, аэродромы. До школы, порой, приходилось добираться на автобусе. Нас, детей военнослужащих, возили специальным рейсом. В каждом новом месте жительства появлялись друзья, школьные товарищи и просто приятели. Они очень удивлялись, когда заходили в гости и видели такое изобилие типографской продукции. Конечно, они становились читателями нашей семейной библиотеки. Ведь в обычной библиотеке надо записываться по очереди и ждать, когда она до тебя дойдет, чтобы получить заветную книгу — всю потрепанную и с рваными листами. А здесь, пожалуйста, тебе и Дюма, и Конан Дойль, Дрюон, Ефремов, Казанцев и кое-что из Стругацких. Исторические романы, воспоминания, приключения, фантастика, все произведения классиков, которые изучают в школе...

Тут надо пояснить, что в 60—70-х годах прошлого столетия купить в магазине хорошую книгу было проблематично. В лучшем случае они там появлялись, но тут же, мелькнув, исчезали с прилавков, и их можно было купить уже из-под полы. Некоторых авторов власть опасалась — вроде бы пишут фантастику, но уж очень она реально получается и ложится на сегодняшний день, а значит, будоражит умы людей. Нет, этих именитых авторов, конечно же, печатали, но старались издавать их в журналах «Наука и жизнь», «Уральский следопыт», растягивая роман или повесть на несколько номеров и в сокращенном варианте. Такое практиковалось с братьями Стругацкими. Или выпускали книги в других республиках: Молдавии, Казахстане, Литве, либо — за Уральскими горами и малыми тиражами — подальше от Москвы и центральной России. Этому подвергался Иван Ефремов. Но в целом книги все равно доходили до читателей, и кто хотел — мог найти, достать и прочитать.

Жизнь военных — постоянное движение. Только обустроишься, привыкнешь к городу, познакомишься с людьми, обретишь друзей, а тебя уже направляют в другую часть. И ты собираешь чемоданы, упаковываешь коробки, перевязываешь книги, прокладываешь тряпками и бумагами каждую тарелку и чашку, чтоб не разбились, заказываешь 3-х и 5-тонные контейнеры и укладываешь в них вещи. Отправляешь тихой скоростью по железной дороге на твое место службы, а с собой берешь лишь самое необходимое.

Часть зарплаты отец тратил на приобретение книг. Договаривался с продавцами книжных магазинов; ходил по рынкам; рылся в букинистических магазинах; ездил в Москву на знаменитый Кузнецкий мост, где торговля печатными изданиями была поставлена на широкую ногу, соблюдая конспирацию, как у разведчиков, иначе угодишь в милицию за спекуляцию; покупал у друзей и знакомых, иногда за бутылку водки, иной раз ему дарили, а бывало просто отдавали — рваную и без обложки.

В 80-х годах появились специальные приемные пункты макулатуры «Стимул», куда можно было принести 15—20 килограммов бумаги или картона и на обмен получить талон с названием дефицитной книги, которую выкупали в книжном магазине. Этим, как нам говорили, мы сохраняем деревья от вырубки. Отец, конечно же, подключился к процессу и я ему в этом помогал. Уж не знаю, сколько нам с отцом удалось спасти деревьев, но книг мы выкупили более двадцати.

И вновь контейнеры. Упаковываем вещи. Переезжаем.

Отслужив 26 календарных лет, отец демобилизовался и вышел на пенсию. Но какой из него пенсионер — ему не было и пятидесяти лет, — конечно, пошел работать. Уже будучи пенсионером, трудился еще в течение пятнадцати лет.

Став гражданским, отцу пришлось привыкать к новой жизни. Нужно было учиться ложиться спать, не думая о том, что ночью могут объявить тревогу, придется спешно собираться, хватать тревожный чемоданчик с самым необходимым, который у офицеров всегда находился рядом, и бежать в расположение части, так как это может оказаться не учебная тревога. Такое уже было в 1968 году в Чехословакии.

Постепенно жизнь вошла в стабильный режим, и отец стал пополнять свою библиотеку новыми типографскими изданиями. Он подписался на 200 томов Большой Всемирной литературы, двухтомники Пушкина и Маяковского и некоторых других авторов. Превратился в постоянного клиента букинистического магазина. Какой радостью светились его глаза, когда он приходил домой и показывал цветной шеститомник стихов Сергея Есенина или четырехтомник Альфонса Доде, басни Сергея Михалкова или прозу Юрия Бондарева, Василия Белова, Михаила Булгакова...

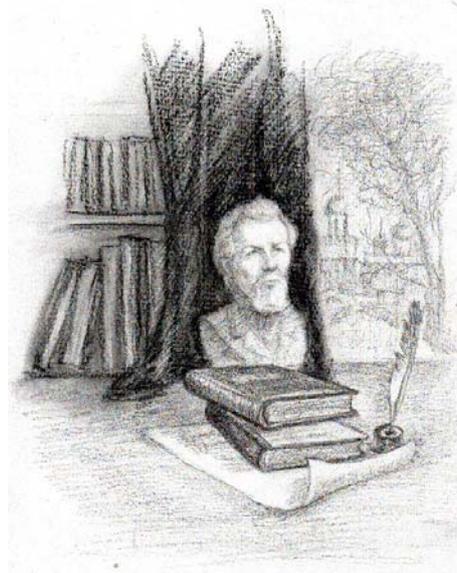

Иллюстрация к рассказу художницы Е. Рамсдорф (Германия)

Вскоре я заметил на столе у отца, где он обычно подклеивал страницы ветхих книжек, не только клей ПВА и папиросную бумагу, но и шило, молоток, нитки, кусочки картона, цветную бумагу, рулоны кожзаменителя и, как говорил отец, «ледерина» или «лейдерина». Я даже не знал, как пишется это слово. Мало того, что отец в домашних условиях научился профессионально делать обложки для книг, не имеющих их совсем, прошивал тома суровой ниткой, чтобы ветхие листы не рассыпались, но он еще приобрел аппарат для выжигания, золотистую и серебряную специальную бумагу, словно копировальную и делал оттиски, подписывая книги, которые уже восстановил. И каждое отремонтированное издание у него получалось все лучше и аккуратнее. Он словно вдыхал в них новую жизнь. Для восстановленных томов отец купил еще одну полку и ставил их отдельно, любуясь проделанной работой и с гордостью показывал свое детище родственникам и друзьям. Более пятидесяти книгам отец восстановил обложки, и это не считая тех изданий, которым требовался мелкий ремонт — подклеить рваный листик или отпечатать на пишущей машинке и вклеить недостающий текст.

Книги с трудом помещались в трех шкафах до потолка и семи полках, и это не считая журналов, альманахов и всевозможных альбомов, которые располагались в платяных шкафах и антресолях.

Все издания отец расставлял как в настоящей библиотеке, по жанрам. В одном шкафу — фантастика и приключения, в другом — пару полок занимали стихи, чуть ниже — современные прозаики, на отдельных полках — книги для детей, словари и справочная литература.

Отец мечтал, что его труд по подбору литературы для домашней библиотеки не пропадет даром, и прививал нам любовь к книгам. И мы с детства читали их с захлеб. Мало того, ко мне приходили друзья, школьные товарищи, институтские знакомые и тоже с удовольствием пользовались коллекцией отца. Я даже в библиотеках — школьных, районных, городских — был очень редким посетителем, так как почти любую книгу, любые произведения классиков, изучаемых в учебных заведениях, отыскивал в собранной библиотеке у отца. Так что мечта моего отца сбылась — его труд не пропал даром, а оказался востребованным: и дети читали, и до сих пор читают, и, самое главное внуки, когда подросли, тоже продолжили эту славную традицию — читать настоящие книги. Хотя наступил век компьютеров и интернета и любое произведение можно скачать и ознакомиться, но внуки все равно покупают бумажные книги и радуются, когда им дарят друзья типографские издания.

За свою жизнь отцу удалось собрать около десяти тысяч книг, журналов, альманахов. Будучи военным, переезжая с места на место, приходилось оставлять старые стулья, мягые тазы, кастрюли с отбитой эмалью, поломанные игрушки, но ни одной книги или журнала отец не оставил и не выбросил. Отец считал это настоящим богатством, но не в денежном эквиваленте — за сколько можно продать дефицитную книгу, а богатством, из которого состоит внутренний мир человека.

В конце 70-х годов прошлого века отцу предлагали продать его коллекцию за хорошие деньги или поменять на автомобиль «Волга» ГАЗ -2410 (а в то время это была престижная машина). Да, соблазн был велик, но отец не раздумывал ни минуты — отказался. Он сказал, что это труд всей его жизни и его мечта, чтобы эти тома прочитали дети и затем передали внукам и правнукам.

Отца уже давно нет с нами, а мечта его исполнилась, и память о нем живет. С удовольствием наблюдаю, как жена перечитывает рассказы Чехова, сын вникает в «Мастера и Маргариту», дочь восторгается «Маленьким принцем». И сам открываю томик Достоевского и растворяюсь в его времени.

Я представляю, как бы радовался отец, когда бы увидел, что меня печатают в журналах, альманахах, сборниках, как бы бережно он перелистывал мои собственные книги, изданные в типографии, и как бы он жал мне руку, поздравляя со вступлением в Союз писателей России. Он бы с гордостью пополнил свою библиотеку книгами сына.

Жаль, что он не дожил до этого времени, но я уверен — отец был бы счастлив.

Ольга Борисова
(г. Самара)

СОН

Ольга Борисова — поэтесса, переводчица. Автор четырех поэтических сборников. Переводит с болгарского, македонского, французского, английского, финского и чешского языков. Победитель и призер многих международных поэтических конкурсов и фестивалей. Обладатель премии «Славянские традиции». Стипендиат Министерства Культуры РФ. Неоднократно побеждала в конкурсах переводов с болгарского и французского языков. Публикуется в российских и зарубежных журналах. Ее стихи переведены на иностранные языки. О. Борисова — член Российского Союза профессиональных литераторов, руководитель Самарской региональной организации этого союза, гл. редактор литературно-художественного альманаха «Параллели».

Отставной майор Дмитрий Иванович Синицын проснулся рано, опустил ноги, сел на край кровати и задумался. Опять этот странный сон, не дающий ему покоя с тех пор, как он купил этот дом. Обычно снится он под утро. Большой сияющий крест выходил из темноты и парил в правом углу горницы. Увидев сон впервые, Синицын не придал ему никакого значения. Но видение повторялось вновь и вновь с назойливой периодичностью. Оно измучило Дмитрия Ивановича так, что прежде чем лечь в кровать, он стал осенять себя крестным знаменем и шептать: «Господи, дай мне спокойного сна!»

За окном забрезжил рассвет, зарделась заря. Новый осенний день вступал в свои права. Дмитрий Иванович надел на ноги старые домашние тапки и, шаркая по полу, пошел в горницу. Сквозь кружевные занавески сочился бледно-розовый свет. Он оглядел комнату и, убедившись, что ничего не изменилось, посмотрел в правый угол, где висела небольшая старая иконка, доставшаяся ему от прежнего хозяина.

Этот дом Синицын купил по объявлению. Он давно мечтал о своем домике в небольшом селе и, выйдя в отставку, наконец-то осуществил давнюю мечту. Прежние хозяева умерли, и дом был выставлен на продажу. Желающих его купить не было, да и жильцов в селе осталось совсем немного, но это не смутило Дмитрия Ивановича. Места здесь были удивительные. Неширокая речушка, огибающая село, ускользала ленточкой вдаль. За речкой раскинулся смешанный лес. Устроила Синицына и цена. За рубленый старинный, но еще крепкий дом просили совсем немного, и сделка состоялась.

Еще раз окинув комнату взглядом, Дмитрий Иванович отправился на кухню, включил электрический чайник и вновь задумался. Парящий в воздухе крест не давал ему покоя. Надо будет у соседей расспросить о бывших жильцах, решил он.

Ближе к обеду, в надежде с кем-нибудь встретиться и по возможности что-то разузнать, Синицын отправился в магазинчик в центре села. Народу на улице было со-

всем немного или, вернее, почти не было. Лишь какая-то молодка выглянула на улицу и, громко хлопнув калиткой, исчезла во дворе, да подросток проехал на велосипеде и скрылся за поворотом. Дмитрий Иванович вошел в магазин.

Скучающая продавщица обрадовалась, увидев Сеницына. Она кокетливо повела головой, расправила плечи:

— Что-то вы, товарищ майор, давненько к нам не заходили? — мило улыбаясь, поинтересовалась она.

— Все дела, Людмила Юрьевна, — переминаясь с ноги на ногу, вежливо ответил он. — В город ездил, продукты оттуда привез. Вот, за хлебом пришел, — только успел произнести заранее заготовленную фразу, как хлопнула дверь, и в магазин вошла пышнотелая баба Люба, известная в селе своим крутым нравом. Еще с порога, чертыхаясь и охая, стала ругать пьяницу и бездельника мужа, понося его различными нелицеприятными словечками. Сеницын понял, что желаемого разговора не состоится, заплатил за покупку и пошел домой.

Повернув на свою улицу, он заметил старушку, сидящую на скамейке у саманной развалюхи. Высохшая, совсем маленькая, в повязанном поверх фуфайки клетчатом платке, в валенках, которые ей были явно велики, щурясь, внимательно смотрела на Дмитрия Ивановича. Когда он поравнялся с нею, вдруг спросила:

— А ты чей будешь-та? Не признала чавото.

Сеницын растерялся:

— Да ничей. Дом неподалеку купил. Теперь живу здесь.

— А, енто ты дом Митрича купил!?

— Да, вроде.

«Вот, она, удача!» — подумал Дмитрий Иванович и подсел к старухе:

— А кем был ваш Митрич?

Старушке, видно, очень хотелось с кем-нибудь поговорить, и она затараторила:

— Трактористом был. Хороший мужик! Безотказный, работающий! Мне с дровами всегда помогал. И привезет, и нарубит...

Она задумалась, видно, что-то припоминая. Сеницыну совсем не хотелось слушать нудные рассказы о дровах и всякой ерунде, и он быстро перевел разговор на нужную ему тему:

— А дом этот он сам строил?

— Да не... Ты чаво, не знаешь что ли? На ентом месте домишко стоял звонаря нашего, Васятки! А Митричу сельсовет его дал. Как домишко-то он получил, пристрой сделал, да веранду справил.

— А кто такой Васятка?

— Ты, видно, совсем ничего не знаешь! — и довольная, что у нее нашелся внимательный слушатель, поведала Дмитрию Ивановичу давнюю и уже забытую всеми историю:

«Марьевка-то наша была большим и красивым селом. Сорок дворов насчитывалось. Недалече от твоего дома стоял деревянный храм. А рядом домишко Васятки — звонаря, значит. Сиротой он был. Отец с Гражданской войны не вернулся, а мать простудилась, да померла. Жили в селе небогато, но дружно. Все в храм ходили. Священник был больно хороший. Правильный. Любили его сельчане. Он за Васяткой-то и присматривал. Беда пришла неожиданно. В конце двадцатых это случилось. Маленькая тогда была я, но помню все. Донесли на батюшку нашего. Говорят, что энтова Гришки Косого работа! Был у нас такой: злой, завистливый и нелюдимый. Как-то ранним утром в село машина приехала. Вышел из нее милиционер в кожаной куртке, перепоясанный ремнями, за ним еще два — с ружьями. Они хотели священника нашего арестовать. А Васятка, тово ему было лет шестнадцать, на колокольню

забрался и бить в набат стал. Народ набежал и заступился за батюшку. Вскоре они снова появились. Приехали ночью, на грузовике, когда в селе все спали. Батюшке руки связали и хозяйничать в храме стали. Оклады с икон снимали, а сами иконы в одну кучу сбросили. Оклады, серебряную утварь, подсвечники — все стали в машину грузить. А Васятка по домам побежал, людей будить стал. Народ собрался, а церковку-то солдаты окружили и ружья на людей направили. Затем батюшку нашего в машину запихнули, а храм подожгли. Бабы завывали, мужики багры притащили, бревна горящие скидывают, огонь тушат. Смотрят, а в горящем храме Васятка мелькает. Иконы оставшиеся, значит, спасает. Схватит две и сквозь огонь бежит с ними куда-то. Сгорел храм. А на другой день Васятку в доме своем мертвым нашли. Лежит бездыханный в уголке, у иконы Пресвятой Богородицы. Обгорел сильно. Хоронили его всем селом. Говорили, что, когда в землю опускали, голубка прилетела и на гроб села ...»

Старушка замолчала, смахнула сморщенной рукой набежавшую слезу и добавила:

«Дом вскориче сельсовет себе забрал. В нем они заседали. А после войны Митричу за хорошую работу его отдали, а сами в другое село переехали. Наше-то совсем опустело. В доме-то ентовом они вдвоем с женой жили, а дети ихние в город перебрались. А как жена померла, Митрич умом тронулся. Все ходил по селу и напевал:

*«Крест сияет, крест Господний
Над землею он парит.
Гришка стонет в преисподней,
Строго Бог на нас глядит...»*

И все про какой-то крест говорил. Мол, грех совершен, поэтому — наказаны. Скажет это и плачет. Дочь с зятем не раз забирали его в город, а он от них сбежит и снова по селу ходит и поет. Не на много жену пережил, по весне и он помер».

Синицын не верил своим ушам... Теперь он все понял. Крест являлся и Митричу. Вот тебе и сон!

— А Васятка где захоронен? — озадаченно спросил он.

— Да на нашем сельском кладбище. Справа, в самом углу его могилка с покосившимся крестом. Надпись почти стерлась, но прочитать можно: «Панкратов Василий Александрович».

Прощавшись со старушкой, Дмитрий Иванович пошел домой, но по пути передумал и отправился на кладбище. Могилка была найдена быстро. Как и говорила старушка, крест совсем обветшал и покосился. «Пора новый поставить...», — подумал Синицын. Немного постоял, осмотрелся, затем присел на корточки и заговорил: «Здравствуй, Василий Александрович! Прости, что беспокою, но ты знаешь, зачем я пришел. Это не я дом выбрал, а дом — меня. Это ты привел меня к нему и хочешь, чтобы я тайник твой отыскал. Сложную ты мне поставил задачку. Ох, и сложную!» Легкий ветерок скользнул по лицу, прошелестел в траве и затих. «Спасибо, Васятка, услышал я тебя!» — вставая, прошептал отставной майор...

Новый день прошел в хлопотах. Дмитрий Иванович искал тайник. Он ходил вокруг дома, простукивал доски, спускался в подпол, внимательно осматривая стены и пол, забирался на чердак, но все его усилия были тщетны... А ночью он увидел прежний сон. Сияющий крест, но не парящий, как прежде, в воздухе, а стоящий на полу в правом углу. Синицын проснулся. Теперь он знал, где искать спасенные Васяткой иконы.

Вскоре, вооружившись гвоздодером и топором, осторожно оторвал первую доску. Она была совсем старая и в некоторых местах подгнившая. С такой же осторож-

ностью была снята вторая, и третья доска. И что это? В паутине, под многолетним слоем пыли, завернутые в мешковину, на земле лежали храмовые иконы. Дмитрий Иванович бережно достал первую. Рядом находилась вторая, а чуть поодаль — третья. Когда Синицын извлек последнюю икону, то увидел деревянный крест с наброшенной на него пыльной тряпкой. «Вот ты какой!» — неожиданно вырвалось из его уст. Трясущимися от волнения руками он вынул его на свет. Крест был средних размеров, красивой ручной работы и явно старинный. «Сколько же лет он ожидал, чтобы вновь явиться людям!» — думал Дмитрий Иванович, а вслух произнес: «Измучил ты меня совсем!» Аккуратненько, чтобы не навредить иконам, он снял с них мешковину, отер пыль и положил на диван. Затем посмотрел в правый угол на лик Пресвятой Богородицы и решительно произнес: «Ну, что, Васятка, выполнил я твое поручение!.. А теперь пора нам за храм браться! Крест и иконы должны людям служить! Заждались они этого часа!»

Михаил Смирнов
(г. Салават, Башкирия)

ЗАГЛЯНУТЬ В ДУШУ

Родился в городе Салавате 27 сентября 1958 года. Печатался: «Литературная газета», «Новая литература», «Работница», «Венский литератор», «Бельские просторы», «Южная звезда», «Северо-Муйские огни», «Луч», «Мастерская», «Слово\Word», «Зарубежные задворки» и других. Лауреат Международной премии «Филантроп», Международного конкурса детской и юношеской художественной и научно-популярной литературы им. А. Н. Толстого, Международного конкурса им. Де Ришелье, Международного конкурса Национальной литературной премии «Золотое перо Руси». Автор книг: «Поиски графских сокровищ», «Одна, но пламенная страсть» в соавторстве с Сергеем Малашко. Член товарищества детских и юношеских писателей России, международного творческого объединения детских авторов (МТОДА), творческого совета журнала «Северо-Муйские огни».

Дорога запетляла между холмами, проскочила кустарник и вздыбилась, взлетая на крутой берег. Там, вверху, деревня. Небольшая. Это раньше она была огромная. Улицы, словно паутина, расплзались, пересекая друг друга. Дома где хотели, там и ставили хозяева. Где-то кучкой, чуть ли не вплотную друг к другу, а в другом конце разбросаны, до соседа не докричишься. В общем, хмельная деревня, и название подходящее — «Пьяновка».

Отдуваясь, Алексей поднялся в гору и, не выдержав, присел на большой валун, отполированный за многие годы такими же путниками, как он сам. Лешка достал бутылку газировки. Открыл. Пена рванулась наружу, обливая руки и колени. Чертыхнувшись, сделал глоток. Поморщился. Слишком сладкая вода. Отмахнулся от мухи, которая назойливо лезла в бутылку, почуяв сладкое. Закупорил и опять в рюкзак. Закурил. Посмотрел на деревню. Когда-то была огромная, а сейчас всего ничего. Мало осталось местных жителей, зато много понаехало дачников. Выкупают дома, загораживаются высоченными заборами, нанимают рабочих и грохочут, выстраивая огромные многоэтажные особняки. Зимой еще можно терпеть этих дачников, но наступают весна и с утра до вечера по деревне орет музыка. Некоторые отдыхающие вытаскивают столы во дворы и шумно начинают отмечать начало дачного сезона и побег из осточертевшего города. Другие, почуяв непреодолимую тягу к земле, видать, зов предков, ползают на карачках, грядки готовят, восторженно воркуют над цветочками, а когда солнце в зените, так начинают тенек искать, чтобы передохнуть от трудов праведных. А другие, самые бесстыжие, так и фланируют по улицам в плавках да купальниках — ниточка там, ниточка здесь, и с зонтами в руках — солнечные ванны принимают, заходят в сельмаг и устраивают дефиле вдоль прилавка, своим видом вгоняя в краску местных жителей, которые начинают матюгаться и гро-

зят собак спустить с цепи, встречая голопупых в магазине или на узких деревенских улочках. Ну, совсем обнаглели, срамники!

Похоронив мамку, отца уж давно отнесли на мазарки, Лешка долго не раздумывал, быстренько продал свой просторный дом с большущим садом и огородом, с теплым сараем да с банькой по-белому, забрал свои манатки и смотался в город, где купил тесную угловую комнатку в старом крупнопанельном доме — улье, по-другому никак его не назовешь, где круглосуточно ходили, бегали, кричали, жужжали за стенами пчелы-соседи. Купил квартиру, но так и не привык к культурно-шальной городской жизни, где все несутся, сломя голову, куда-то торопятся, толкаясь и ругаясь, а наступает вечер, мчатся в магазины, и с полными авоськами опять бегут по улицам, улочкам и переулкам, исчезают в подъездах, и начинается жужжание. В общем, суета, да и только. Поэтому в любое свободное время он собирался и отправлялся в родную Пьяновку. На могилки ходил — родичей проведывал, да забегал к соседу, к старику, с кем любил посидеть возле речки, неспешно покуривая крепчайше-едучий самосад, аж дыхание перехватывало, послушать, как переговариваются речные перекаты в ночной тиши, поглядеть на звездные россыпи, да перебраться парой слов, ну, если не лень будет, конечно.

Лешке нравился старик, интересный — этот дон Кихот, как его прозвал, когда в школьной библиотеке взял книгу о знаменитом идалго, а там были рисунки, словно его соседа нарисовали. А Дульсинеей стала жена старика, баб Дуся, по-нашенски. Старик — высокий и нескладный, под два метра, не менее, с бородачкой клинышком, длинные усы торчали в разные стороны на худом лице, не вниз свисали, а именно в стороны, густые брови над глазами, и смотрит устрашающе, в коротковатых штанах зимой и летом, в рубахе до пупа расстегнутой, где видны были выступающие ребра и черная нить с образком на впалой груди. Но главное — это характер. Вдрызг мог разругаться с местным начальством, а бывало и с приезжими, постоянно лез в драку, чтобы встать на защиту угнетенных деревенских жителей, — Лешка всегда смеялся над ним. Старик никого и ничего не боялся, но в то же время всех уважал, любил и любого готов был защищать. Всегда хмурый, взгляд презлющий, а чуть копнешь, поймешь душу его, и сразу хочется защитить старика. Безобидный он — этот дон Кихот. Только с виду грозный и устрашающе пыхтит, а внутри мягкий и добрый. Хороший старик, правда, если найдешь с ним общий язык.

Дон Кихот радовался, когда Лешка приезжал. Радовался, но виду не подавал. Наоборот, хмурился. Взглянет из-под кустистых бровей, покрутит длинный ус, потом медленно, с расстановкой буркнет: «Аль-Ешка прикатил», а сам вытянет полный кисет и протягивает — угощает, и снова повторяет — уже мягко, по-доброму: Аль-Ешка. Почему так называл — Алексей не знал, но ему нравилось.

Он взглянул на солнце. Высоко стоит. Жарко. Алешка заторопился. Подхватил сумку с гостинцами и пустился напрямки к далекому дому, который выделялся своей ярко-красной пожарной крышей. Издалека видна, как и развивающийся красный флаг на коньке крыши. Не промахнешься, ну, если в пьяных улочках не заблудишься. Хоть Аль-Ешка и вырос здесь, но не стал рисковать, чтобы по улицам добираться, а, подхватив сумку, помчался по тропкам, одному ему известным. Остановится, осмотрится и опять скрывается в кустах или переулках. И вот добрался. Распахнул калитку, смотрит, Дульсиня цыплаток кормит: «Цыпа, цыпа, цыпа», а дон Кихот сидит на крыльечке, прислонился к перильцам, и пыхает своим самосадом. Все, как всегда, все, как обычно.

— Аль-Ешка прикатил, — взглянув из-под бровей, буркнул старый идалго и, выудив из глубокого кармана полный кисет, протянул. — На, закуривай.

Сказал, словно и не расставались.

— Проходи, Алешка,— баба Дуся вытряхнула остатки корма, поправила белье на веревке и стала подниматься по ступеням.— Подвинься, старый. Выставил свои ходули — ни пройти, ни проехать. В кровь расшибешься, ежли зацепишься,— привычно заворчала Дульсинея и скинула глубокие галоши.— Ишь, надымили, куряки, хоть топор вешай. Ну-ка, хватит расслаживаться. Марш в избу, чай будем пить. Самовар вздула.

И тоже — будто Алешка на пять минут выходил и вернулся.

После неторопливого просмотра гостинцев, всплескивания руками, оханья и аханья, с виду недовольного ворчания, а на деле — обрадовались, что не забывает стариков. Наглядевшись, принялись торжественно раскладывать на полках шкафчика, и в столе: мешочки, кулечки, коробочки и баночки. Потом уселись просто попить чаек: свежие огурчики, с десяток яиц на тарелке, краснели помидорки, желтела картошка, и зеленел пучок лука, еще в каплях воды, а рядышком высилась горка нарезанного хлеба — пахучего, вкусного, домашнего. Алешка принялся и вздохнул. В городских магазинах не найти такой хлеб — это хлеб из далекого прошлого, из детства, где и сухарь сладок, и простая карамелька была шоколадной.

А потом, когда вволю надулись чаю, не слушая ворчания Дульсинеи, старый идальго натолкал в кисет самосаду, прихватил газетку, проверил спички в кармане и они пустились к речке. Отправились на речную косу, где разросся густой ивняк. Где было старое кострище да два больших валуна, на которых они посиживали, когда Алешка приезжал в Пьяновку, где у него никого не осталось, кроме старого идальго с его Дульсинеей, бабой Дусей, да родителей на кладбище.

И они уходили на берег, сидели на плоских больших валунах. Разводили костер, и всюю пыхали крепким едучим самосадам. Алешка похвастался, достал и угостил идальго импортными сигаретками в яркой разноцветной пачке, которые специально купил для старика, но тот покрутил в руках, кое-как вытянул одну корявыми пальцами, прикурил, натужно закашлялся и, поморщившись, небрежно бросил в костер.

— Одно баловство, и не более,— насупив густые брови, буркнул дон Кихот и стал сворачивать толстую сигарку.— Городские сигаретки для городских вертихвосток. Вот, на-кось, Аль-Ешка, нашенский табачок покури,— и опять протянул кисет.

Алешка закурил. Вкусно, запашисто, аж дух захватывает — хорошо!

— Глянь-ка, это ты плывешь,— затянувшись, буркнул Кихот, и клочки дыма повисли на длинных усах, и кивнул на сухой лист, что медленно кружился на воде.— А вот и я вслед за тобой показался,— и ткнул в темную щепку, что мчалась по течению, то исчезая, то показываясь на поверхности.

— А куда плывем? — покосившись, сказал Алешка.

Старик помолчал. Потом опять ткнул.

— Туда плывем. Жизнь — это река,— и клочья дыма запутались в ветвях кустарника.— А все, что на поверхности — это люди: молодые и старые, хорошие и плохие, но люди. И куда человека занесет, с кем он встретится в пути или исчезнет, словно его никогда не было — это никому неизвестно, а знает лишь она — река жизни.

Так, по-философски, объяснил Кихот. И замолчал, продолжая рассматривать реку. Наверное, что-то искал в жизни, что пронеслась перед глазами, или вспоминал прошлое.

Все может быть. Алешка не стал спорить. Они приходят сюда, чтобы посидеть, подумать и заглянуть в свои души, а если повезет, увидеть и почувствовать реку жизни — это главное, а остальное — пустяки, на которые стараешься внимания не обращать, да и время жаль истратить.

Забумкало — это на противоположной стороне взревела музыка в машине. Мо-

лодежь, извиваясь, похватила стаканы с выпивкой. Не чокаясь, выпили, опять налили и снова выпили, и продолжили извиваться под музыку. Жарко. Девки разнагишались. Совсем. Наплевали на всех и вся, и устроили стриптиз на берегу реки. Парни гоготали, наблюдая за ними, как они елозили по машине, стонали, готовы на все, лишь бы удовлетворить свою похоть. Один не выдержал. Схватил девку и в кусты потащил. Вскоре вернулся, поправляя узкие модные плавки. Следом появилась деваха, ладошкой вытерла губы, опрокинула стакан и опять стала извиваться. Парни загоготали.

Откуда-то донесся долгий мат. Наверное, деревенские заметили стриптиз на берегу. Девочек словно подстегнули этими матюгами. Они стали еще быстрее и сильнее извиваться. А парни еще громче загоготали и потянулись к стаканам. Второй не выдержал, подхватил ту же девчуху, и они торопливо скрылись в кустах. Прошло несколько минут. Голая девка вышла на полянку. Потянулась, тряхнула уже обвисшей, далеко не девичьей грудью, качнула бедрами, не поморщившись, неторопливо выпила, а потом прижалась к дверце и заелозила по ней — кошка мартовская.

Попыхивая, дон Кихот внимательно смотрел на них. Думал. Оглянувшись, подобрал камень и бросил в воду.

— Это они, — сказал старик.

— Правда? — Алексей искоса взглянул на идальго.

— Сердце — вещун, — затянулся старый идальго, и дым повис на ветвях. — Жизнь не любит таких.

— Понял, — сказал Алешка, взял кисет и заглянул внутрь. — Много еще. Мало выкурили.

— День долог для одних, — задумчиво сказал старик, — но короток для других.

Придерживая большим и указательным пальцами толстую сигарку, попыхивая клубами едучего дыма, — Лешка не курил, так, пыхал всюю, чтобы ощутить горьковатый привкус, чтобы запах почуять, — обожал дедовский самосад! А потом, обжигаясь, выбрасывал окурки в костер и снова тянулся к кисету.

Так было принято у них. Давно. Они собирались и уходили к реке. Курили самосад. Смотрели на костер, на речку и думали. Изредка перебрасывались словами, а если вели разговоры, то так, ни о чем. Да и зачем говорить, если с полувзгляда понимали друг друга. Им было хорошо возле реки, в одиночестве. Нет, это не было одиночеством. Вокруг был мир: огромный, необъятный, красивый, но со своими законами, которые все должны исполнять. И они придерживались этих законов. Сидели, любовались округой. Смотрели по сторонам и заглядывали внутрь души, стараясь разобраться и понять себя и других. И думали. У дон Кихота это лучше получалось. Он дольше живет на свете. Много повидал.

Темнело. «Бум, бум, бах!» — ревела музыка, и доносились пьяные крики. Парни швыряли бутылки в реку — реку жизни. Так, словно свои годы выбрасывали. «Бух, бух, бух!» Десять, двадцать, пятьдесят лет утонуло, или стерто — никто не знает — знает река жизни. Матюгаясь, полуголых девочек затолкали в машину. Следом забрались сами. Рывками, надрываясь, машина стала выбираться на дорогу. Опять забумкало, потом наступила тишина.

Стемнело. Старик поднялся. Вытащил из кустов припрятанную старую банку и набрал воды в речке. Принялся заливать костер. Пламя фыркнуло, взметнулось и зашипело, разбрасывая сотни искр. И в черном небе полыхнул звездный пожар. Замелькали звезды на воде, захороводили на бормочущих перекатах и помчались вдаль по ночной реке.

— Айда, — буркнул старый идальго. — Нам тоже пора. Дуся заждалась.

Дульсинея сидела на крыльце.

Едва они приблизились, баба Дуся махнула рукой.

— Парни с девками разбились на машине,— она качнула головой.— Пьяные вусмерть. Там, с Чертового моста, улетели в пропасть. Никого не спасли. Машина всмятку и они тоже.

— Я говорил, такие долго не живут,— старый идальго стал медленно подниматься по ступеням.— Дураки,— сказал он и со злостью, громко, несколько раз повторил, ударя кулаком по перилам, словно вбивал слова.— Дураки, дураки, дураки!

— Какие не живут? — взглянула Дульсинея.

— Такие, как они,— буркнул дед и взглянул на Аль-Ешку.

Они поняли друг друга.

Пьяная молодежь стерла свои годы в реке жизни.

Прикрыв окно,— похолодало, и задернув занавески, баба Дуся собрала на стол. Потом долго сидели и пили чай. Пили неторопливо, вприкуску, шумно отхлебывая, и молчали. Каждый думал о своем, но в то же время думали о жизни. Хрустели карамельками, размачивали каменное печенье, прислушивались к голосам за окном. Вон взревела машина и рванула с места. Видать, кто-то еще решил стереть свои годы в реке жизни.

Алешка поднялся и направился на веранду, где всегда ночевал, когда приезжал к старикам, но Дульсинея показала комнатку, где он переночует. Впервые пустили туда. А сейчас разрешили — почему? Маленькая комнатка: щелястый стол возле окна, тетрадка и карандаш валяется на столе, в углу старая прогнутая кровать с двумя плоскими подушками, а возле изголовья была табуретка, чтобы стакан воды поставить или книжку на ночь почитать. И все. Это вся обстановка. Нет, еще на стенке висели два листка с детскими рисунками и поблекшая фотография парня. Что-то неуловимо знакомое мелькнуло в его чертах, словно с ним встречался, а где — этого не мог вспомнить. Алешка долго ворочался. Думал. В ночи раздался протяжный кошачий ор. Разодрались, территорию не поделили, а может, кошку. Чертыхнувшись, Алешка уселся на кровати. Не спалось. Походил по комнате, шлепая босыми ногами. Постоял возле фотографии. Потом набросил рубаху на плечи и вышел на крыльцо.

Поглаживая бородку — клинышком, дон Кихот сидел на скамейке, вытянув длинные ноги, и попыхивал едучим самосадом. Покашливал, что-то бормотал, кому-то грозил скрюченным пальцем, и опять мелькал огонек сигарки: зло, протяжно, искристо.

Шлепая по голым ляжкам, отгоняя комаров, Алешка присел рядом.

— На, покури,— старый идальго вытащил кисет, газетку и спички и положил на скамью.— Штаны бы надел. Увидят, сраму не оберешься.

— Темно ведь,— сказал Алешка, но постарался прикрыть рубахой ноги.— И никого не видно.

— Ну и что,— не поворачивая головы, буркнул дед.— А вдруг подойдут, а ты, нате вам — голышом. Стыдобище-то какое!

— Ну и что? Дачникам можно, а мне нельзя, да?

— Нельзя, ты здешний,— пыхнув едким дымом, аж искры полетели в разные стороны, сказал старик.— А дачники — срамники. Им можно, тебе — нельзя.

— Хорошо, но сначала покурю,— сказал Алексей.

Курили долго. Комаров стало меньше. Может, от едкого дыма, может, ветерком отогнало. Старик принес кружку с водой. Выдули. И снова потянулись к кисету. Сворачивали сигарки и дымили, чадили, пока в горле не стало першить.

— Что за фотка на стене? — наконец спросил Алексей.— Лицо знакомое, а не могу понять, где виделись.

— Ты не видел его,— помолчав, сказал идальго.— Не мог видеть.

— А кто это? — кивнул Алешка.

— Это Коленька, наш сынок,— задумавшись, медленно буркнул дон Кихот, дернул себя за бороденку, и вдруг торопливо заговорил.— Понимаешь, Аль-Ешка, вот сегодня увидел парней с девками, узнал, что разбились, улетели с этого Чертового моста, и вот тут загорелось,— он постучал по впалой, тощей груди.— Так заболело, хоть волком вой, хоть об стену головой, лишь бы унять эту боль, но не получится. Она всегда и навсегда останется с нами. Мы переехали сюда, чтобы рядышком с ним быть. Здесь погиб наш сынок,— старик замолчал и зло нахмурился.— Мне рассказывали, что они выпили после работы. Его, как самого безотказного, посадили за руль, а сами в кузов забрались. Они-то выпрыгнули, когда машина пошла юзом в пропасть. Все выскочили! А наш не успел. Он, герой, машину спасал. Так и ушел вместе с ней на самое дно. Взорвалась машина. Пока мужики спустились, пока добрались, все горной рекой смыло, лишь одни железяки валялись. Ничего не осталось. Ни кусочка! Даже похоронить нечего было. Словно его вообще не существовало. Просто взял и исчез. Все! Вот и получается, что одним стаканом перечеркнул реку жизни. Одним! И где он покоится, где нашел последнее пристанище, куда его унесло за эти годы — неизвестно. Знает лишь она — река жизни, но мне не говорит, хотя каждый раз прошу, когда сижу на берегу,— и дон Кихот замолчал, подергивая длинные усы и запыхал — долго, густо и ожесточенно.

Алешка тоже молчал. Потом поднялся. Ушел в комнатку. Завалился на продавленную кровать и долго лежал, вспоминая дон Кихота, думал, почему так получилось, что его сын, Колька, перечеркнул реку жизни, он же мог спастись. Думал про него, про его короткую жизнь, о рассказе идальго... Да обо всем думал, а потом заснул. Крепко уснул. Но утром, когда они позавтракают и переделают кучу дел по хозяйству, что скопилась, пока его не было, вновь пойдут с дон Кихотом на речку, оставив Дульсинею дома. Долго, до ночи, будут сидеть на берегу, попыхивая едучим самосадом. Вести разговоры ни о чем. Но больше будут молчать и думать о жизни, и смотреть за звездами, что хороводят на темной поверхности реки, а потом несутся куда-то вдаль, чтобы исчезнуть с рассветом. И опять постараются заглянуть в свои души, а если повезет — в души человеческие, и вновь повидают реку жизни.

Людмила Козлова
(г. Бийск)

Автор 35 книг поэзии и прозы, изданных в Барнауле, Бийске, Санкт-Петербурге, Онтарио и Виннипег (Канада). Лауреат многих краевых литературных премий, в том числе им. В. М. Шукишина, лауреат Международной литературной премии им. Сергея Михалкова, лауреат премии Алтайского края в области литературы, «Лучшая книга года» (Берлин, Германия, 2014). Стихи и проза публиковались в центральной, региональной и местной печати и за границей (Дания, США, Канада, Венгрия, Украина, Белоруссия). Награждена специальным Дипломом за развитие культурных связей между Россией и Германией и участие в совместных литературных проектах. Член Союза писателей России. Живет в Бийске.

КРЕЩЕНСКАЯ СКАЗКА

Сегодня вечером, как и положено в Крещение, в гости пришла сказка. Вернее, ее привела девочка по имени Ира. И неважно, что девочка была взрослой, а сказка настоящей. Думаю, друзья мои, вам уже не терпится узнать, как рождаются сказки. А вот так. Ира повела меня туда, где на январской реке открылась купель. Может быть, сама собой открылась. А, может быть, ее сотворили чьи-то руки. Мы не видели этого. Будем считать, что купель возникла чудесным образом — спустился с небес Ангел, подышал на лед, и вода явилась из-под зимнего гнета. Дохнул второй раз — и возвел над купелью перила, опустил в воду деревянные лесенки. Дохнул в третий раз — и вот на выходе уже расцвел ледяной сияющий крест, а по правую руку — как бы издалека возник храм с серебряными куполами.

Понятно, где крест и храм, там и народ. Люди шли и шли к чудесному месту — кто просто постоять у святой воды, а кто-то и принять Крещение Святым Духом в ледяной проталине. Впервые за всю свою жизнь я так тесно приблизилась к таинству великого праздника. Люди, приготовившись к погружению, раздетые по-летнему, выстроились в большую очередь и медленно продвигались ко входу. Те, кто уже коснулся воды, бесстрашно, даже как-то привычно спускались на дно, погружались в купель и поднимались по ступенькам на лед. Никаких ахов-охов, все чинно, спокойно и торжественно. Мужчины, женщины, дети — все исполняли ритуал, словно ведомые свыше.

Где-то, высоко над рекой, по железобетонному мосту неслись стальные рукотворные создания — автомобили, трамваи. Далеко на набережной горели кружевные фонари. Дальше был виден ночной город, мерцающий рекламными фасадами и окнами жилых кварталов. А на реке тем временем дышал Дух Святой.

О чем думала я, глядя на нескончаемую очередь к ледяной купели? О том, что люди — слабы. Они хотят помощи Божьей в нелегкой жизни. О том, что люди — сильны. Они пришли сюда, чтобы стать еще сильнее, чтобы прикоснуться к Богу,

почувствовать единство с Ним, укрепиться в вере. И много их таких, жаждущих Духа Божьего.

Думала о том, что народ в России — ребенок, верящий в чудо. О том, что народ в России — Воин Духа, и никому не победить его. Что там сейчас выстроено «хозяйствами»? Капитализм, олигархизм, плутократия? Паучья система накопления денег в немногих руках? Да бес с ней, с системой! А Бог с народом! Вот эти люди, которым ледяная вода — подарок Божий, пойдут на войну, если не будет другого выхода. И воевать будут героически, не спрашивая — за что им такая судьба. Воевать будут не за систему, а за Землю Русскую. Беда в том, что Землю эту подгрести под себя Соловьи Одихмантьевичи. Посторонятся они, эти чудища, на время войны, а потом опять — за свое возьмутся! Наивен и свят своей наивностью народ. И прекрасен! Что бы там ни было!

И в подтверждение моих тайных мыслей явилась вторая часть ночной крещенской сказки. На обратном пути мы услышали печальный голос скрипки. Мелодия рвалась к людям из глубин подземного перехода. Там, в еле освещенном туннеле, где стены несли на себе отпечаток «народного творчества», на свистящем сквозняке стоял скрипач. Я приготовилась увидеть одинокого старика, собирающего по крохам на хлеб. Но музыкант был юн и прекрасен — мальчик лет пятнадцати. Миниатюрная скрипка казалась праздничной игрушкой в его мальчишеских руках. Инструмент пел человеческим голосом, голосом ветров и дождей, метели и снегопада. Песнь Природы — классика.

Долго стояли мы возле юного скрипача, слушая его импровизации, наблюдая, как легко смычок подчиняется тонким детским пальцам, как рождается музыка от соприкосновения инструмента и души. Было страшно оставить мальчика одного в холодном переходе. Что значат деньги, положенные в футляр скрипки?! Да. Это поддержка. Но главное — услышать и понять человека. Юного и беззащитного. Талантливого музыканта, зарабатывающего с помощью друга-скрипки на учебу в музыкальной школе. Напоследок мальчик сыграл несколько вещей из репертуара консерватории. Слушательницы покидали подземный переход под солнечную мелодию «Чардаша».

Так древний праздник соединил волшебство январского стояния народа в очереди к святой крещенской купели и образ юного скрипача, спустившегося с небес в подземелье, чтобы петь и плакать о судьбе человека на маленькой планете. Мальчик со скрипкой в руках — Иисус двадцать первого века. Защитник души человеческой.

А Земля тем временем летела в космическом братстве сквозь неизбежное Время, унося людей к новым страданиям, любви и ненависти, в круговорот войн и смертей, в Поток Вечной Жизни.

БЛИННЫЙ ИЛИ БЫЛИННЫЙ (?) ДЕНЬ

Незаметно подкралась Масленичная неделя — метель, снегири, блины, предчувствие весны, хотя морозы и не собирались отступать. Так же незаметно праздничные дни подобрались к последнему — заключительному, воскресному. Проводы Зимы — вот что это было.

Телефон тоже как-то незаметно и тайно записал сигнал — Ира. Это означало, что в воскресный день надо пойти на Проводы Зимы. А когда Ира приглашает куда-то, можно не сомневаться — будет интересно! Ведь Ира — музыкант, она знает, где надо быть, а куда и смотреть не стоит.

Самая красивая в городе площадь названа странным именем — Площадь 9-го января. Конечно, 9-го января — день, записанный в анналах истории. Но все-таки... Назвать площадь поминальной датой расстрела огромного числа людей — это как-то не совсем... Тем более что народ поименовал этот день Кровавым воскресением. По

логике вещей, Площадь 9-го января должна быть мемориалом. Большевики прослыли людьми решительными и долго не утруждали себя раздумьями на неудобные темы. Ну, поминальная дата! Подумаешь! А мы будем на Площади 9-го января жить и веселиться. Со временем политические повороты, катаклизмы, революции и контрреволюции обкатали печальную дату до гладкости морского камешка — все неудобства, которые подсовывала память, стерлись.

Давно выстроен на Площади 9-го января Дворец культуры. Спроси детей, да и взрослых, что такое 9-го января, скорее всего, скажут — последний день новогодних каникул (ну, или что-то подобное). Предлагаю остановиться именно на этом! Тогда для народного гуляния — Проводов Зимы — лучшего места и не найти!

А праздник состоялся и оказался похожим на многоцветное Солнечное Колесо, которое, если присмотреться, можно увидеть в каждом румяном блинчике или большом русском блине. Прикатилось Солнечное Колесо вместе с веселым народом, кучей нарядных детишек, воздушных шаров, с ансамблем тетушек-веселушек в цветастых полшалках во главе с добрым молодцем Петрушкой. И даже смиренный пес (про себя назвала его Кузей) пришел с кем-то, и все жался к людям, понимая, что здесь надо вести себя прилично. И понеслась древняя народная, но все равно новая, задиристая да плясовая песня. Энергия Солнца слилась с энергией людей и выплеснулась музыкой, голосами, низкой метелью, которая тоже плясала, разбрасывая серебряные снежные юбки по сугробам. А над миром сияло солнце, и летели быстрые белые облака.

Нарядная кукла Весна, возвышаясь над праздником, танцевала вместе с метелью, поворачиваясь румяным лицом то в одну, то в другую сторону. И только бедняжка Зима, обряженная в домотканую сермягу, стояла неподвижно и печально среди шумного веселья. Я прониклась неутешным одиночеством сиротки Зимы. Мысленно почувствовала ей. И то ли ветерок дунул, то ли показалось, но Зима вроде как махнула обрывком сермяжки в ответ.

— Что ж такое — нарядили, ни за что, ни про что в плохонькое, да еще и сжечь собираются!

— Будем считать, что сгорит не Зима, а темные силы,— успокоила Ира.

И все-таки, как-то так получилось само собой — когда мы ушли погреться в фойе Дворца, именно в это время и было сожжено чучело Зимы. Вышли на свет божий, а Зимы уже и след простыл. Весна-красна красуется среди народа — пляшет с ветром в обнимку, направо-налево поворачивается. Вот так и произошло — пожалела я одинокую Зиму, и кто-то добрый отвел глаза от огненной гибели сиротки. Да еще был говорящий Знак. Одна из тетушек-веселушек, пробегая мимо, подарила нам по горсти маленьких румяных сушек — дескать, вот вам, от солнышка привет!

Возвращалась домой и думала — сколько бы противоречий ни приносила жизнь, а итог ее — вот эти подарки от солнца, которые один человек вложил в ладонь другого — то есть, одна душа передала привет другой: «Держись! Земля — не место для печали. Земля — место для работы!»

И это правильно! Душа трудится и на празднике, тем более что славянские Проводы Зимы совпадают с православным Прощеным воскресением. Так что, простите, люди добрые! А Бог простит всех нас!

ПЕРВЫЙ ГОРОДСКОЙ ЧАСТНЫЙ МУЗЕЙ И ТАРАКАЙ

Иногда нечто или некто подкидывают человеку подарки. Ну, наверное, за то, что этот гражданин или гражданка терпеливо живут и что-то пытаются делать, чтобы рядом умножалась гармония. Вот сегодня такой подарок пришелся и мне ко двору.

От сотрудников первого частного музея в городе поступило приглашение на экс-

курсию. «Музей алтайского марала» — так называлась эта организация. Несколько человек — литераторов, и я вместе с ними, отправились на неприметную улочку, где хозяин музея облюбовал старинное купеческое кирпичное здание, отремонтировал его и превратил в музей.

А музей — это всегда интересно. Однако на этот раз там я и нашла тот самый подарок судьбы, который выпадает терпеливцам. Среди прочих экспонатов на стене висела картина. На ней летучими резными линиями с хирургической точностью был изображен шаман-алтаец во время камлания. Из рта шамана вырывались языки пламени (или космической энергии). Позади клубились века и множественные иные миры. Похож был шаман на горного марала, танцующего на скалах. В одном образе слились воедино шаман — посредник между верхним и нижним мирами, и великий дух оленя. Что-то было написано мелким почерком на нижнем поле рисунка — слева и справа. Оказалось, это стихи, которыми художник всегда сопровождал свои картины.

Занялась поиском в СМИ биографии мастера. Не скоро, но выяснилось, что художник Николай Чепок — странник. Ни кола, ни двора у него — только вечная дорога. Вот как он сам рассказывал о себе: «Я просто бродяга. Иду себе и иду. Палатка — это тяжесть. У меня был кусок целлофана. Его скомкал, в сумку положил — он легкий и места мало занимает. И потом, я же среди бичей жил и живу. Там просто что-то подобное сразу «подрезается». Так что я просто-напросто ложился у костра, целлофаном укрывался и спал. А разжигал костер я вот этими своими работами, потому что бумага-то уже была испорчена! Я берег только чистую бумагу, в целлофан заворачивал, чтобы не намокла. А когда на ней нарисуеть, зачем ее хранить? Но в 2001 году я с удивлением узнал, что кому-то мои картинки могут быть интересны. На Телецком озере живет такой известный там художник и резчик по дереву — Пилипчук. Он увидел мои работы и сразу купил три картинки, аж по 50 рублей. Я так обалдел! Потом подумал: «Ну, художник решил художника поддержать». А через неделю к нему приехали из Москвы друзья. Он меня вызвал и говорит: «У тебя работы есть?» — «Есть!». И его друзья тоже купили. Я их сразу прогулял весело. А через некоторое время приехал в Новосибирск».

Далее была описана обычная история двадцать первого века: «Некий господин, новосибирский галерист, предложил купить у Чепокова работы по символической цене — все, что было у него на тот момент, устроить ему выставку в Швейцарии. Затем работы продать, а выручку поделить пополам. Не надо объяснять, что ни работ, ни денег Николай больше не увидел. Хотя о выставке слышал. Она состоялась в Берне, потом перекочевала в Австрию. Там ее увидела горно-алтайская правительственная делегация. Потом, уже дома, они разыскали Николая, познакомились даже, пообещали, что несколько его работ будут экспонироваться в ООН. На этом все. Николай ушел бродить».

Я представила себе — где-то по неведомым дорогам в горах все еще странствует художник Николай Чепок, который подписывает свои картины именем Таракай. И никто не знает, где в эту минуту спит гений, прикрывшись куском целлофана. Где и кому оставил он свои «картинки», думая, что вот так, как он, рисовать умеет каждый. Мы не знаем, по каким тропам сейчас бродит Николай Чепок. Зато потомки будут создавать музеи его имени, пытаться выволить из-за рубежа ушедшие туда картины самородного гения. И каждая из этих картин будет стоить миллионы долларов. Я была уверена в этом, ибо даже в одном увиденном рисунке была проставлена печать веков.

Еще задумалась о том, почему Таракай живет отдельно от мира, не хочет ни с кем иметь постоянных «завязок». Общение с бомжами — это условность. Среди племени бродяг никто никому не нужен и ничем не обязан. Свобода друг от друга,

свобода от жизни, свобода от смерти. Если человек один на один с природой — он для всех других не существует. Его жизнь не оставляет следа. Смерть — тоже. Но бродяги не чувствуют себя одинокими. Почему? Потому что живут наедине с Богом. Или с чертом. Кто как.

Таракай — творец, посланец Бога на этой земле. Имеющий общение с Богом никогда не предпочтет человека в собеседники. Представьте себе академика, который тратит время на беседы с бактерией. Примерно такая иерархия. Но все это никак не проявляется на уровне сознания. Таракай, в обычном понимании, взрослый ребенок, которого ведет интуиция, а не сознание. Ангел ведет.

Знаю, что многие не согласятся с моими размышлениями. Большинству покажется смешным сравнение Таракай с академиком, а всех прочих — с бактериями. Но согласия и не требуется — это всего лишь мой внутренний монолог, речь, обращенная к себе.

ГЕЙДЕКШТРАССЕ

Любила я иногда, возвращаясь домой, сделать крюк — проехать лесным путем, где на входе в оборонное предприятие с некоторых пор была построена маленькая церковь. Скорее, не церковь, а часовня. Я называла ее — храм на Гейдекштрассе.

Улица, на которой находилось оборонное ведомство, так и называлась — Гейдекштрассе, по фамилии бывшего директора, который содержал завод в идеальном порядке. Вокруг сосновый лес — справа и слева, а по просеке проложена улица с трамвайными путями и обычными пассажирскими остановками. Благодаря усилиям директора, не только завод, но и прилегающие территории всегда выглядели сказочно красиво. Кованая ограда была превращена с помощью покраски в бело-синие замысловатые кружева и тянулась вдоль всей лесной улицы. Фонари в старинном готическом стиле освещали асфальтовую проезжую часть и трамвайные рельсы в ночное время. Остановки — игрушечные теремки с деревянными скамейками — казались жилищами лесных гномов.

Давно ушел из жизни бывший директор, а сказочная улица его имени жива и выглядит по-прежнему идеально, словно находится где-нибудь в центре Европы. А теперь ее украсило маленькое небесное чудо — Покровская часовня, которую народ метко назвал «умной часовней». На ее звоннице — семь колоколов. Все они подключены к компьютерной программе «электронный звонарь» и восемнадцать мелодий их задаются с пульта управления.

Тот, кто построил часовню, уже создал свой личный мост в будущее — пусть маленькую, но заметную тропинку к Богу (и к людям!), которая проходит и через улицу Гейдекштрассе.

Казалось бы, странное сочетание — оборонный завод и часовня. Однако ничего случайного не бывает, жизнь и смерть всегда рядом, как мир и война. И не просто рядом, но одно проистекает из другого — так велико взаимопроникновение материального и духовного. И что было первично, что вторично — этот вопрос не имеет смысла, ибо все рождается из всего, и все умирает во всем.

Николай Макаров
(г. Тула)

НАШИ СВАДЬБЫ В АФГАНИСТАНЕ

Наш постоянный автор, член Союза писателей России, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» имени Н. С. Лескова, лауреат литературной премии Правительства Тульской области имени Л. Н. Толстого, лауреат премии им. С. И. Мосина

БОЛЬ ЗА АРМИЮ

*Дарченков Владимир Юрьевич,
родился 29.05.1960
в Тверской области.*

Лучше бы я не заводил разговора с Володькой Дарченковым о нынешней армии. Сколько боли, сколько страдания в голосе, будто не армию, а его самого втоптывают в грязь, опускают ниже самого нижнего плинтуса, будто без наркоза режут его израненное тело и еще более израненную душу.

— Не знаю, что будет дальше, но хотя бы сейчас спохватились и начали — пока, правда, на бумаге — возрождать ДОСААФ нашего детства.— Владимир Юрьевич Дарченков, полковник запаса, всего две недели как постигает азы новой для него работы: подготовки допризывников.

— Ты только подумай, что творится? — его возмущению нет предела.— В роте оставили одну офицерскую должность — ротного командира. Уйди ротный в отпуск, заболел, в конце концов,— кто будет управлять войсками? Прапора, которые дослуживают последние дни, скоро исчезнут из армии, как классовый враг, и что дальше?..

— В моей бывшей «епархии» и того хуже.— Скребут, скребут и у меня кошки на сердце, болит оно, окаянное, за то, чему отдал свои лучшие четверть века.— Представляешь, эпидемиолог дивизии и старшелейтенантская должность? Какой командир полка будет к его доводам прислушиваться?

— А командиры полков, думаешь, лучше? Рассказывали мне недавно про одного. Сидит пьяный с утра в кабинете, начальник штаба ему докладывает, что личный состав полка на плацу в ожидании развода, а тот ему: «Пусть ждет, хоть целый день!».

— Володь, хорош — о грустном. Расскажи про Афганистан.

— В эту субботу собираюсь в Москву. Многие из роты, которой командовал Лебедь, выпуска восьмидесяти первого года РВВДКДУ приедут на его могилу.

Минуто молчим.

— Сразу после выпуска, вернее, после отпуска убыл проходить службу в Афганистан. В 317-й полк командиром взвода на два года.— Он немного оживился.— Первое ранение. Агентура донесла, что в один кишлак ночью «духи» завезли много

мин. Рота окружает кишлак, я со своего БТРа вижу, как за углом ближайшего дувала мелькнула тень. Свесившись с брони, даю длинную очередь, и сразу под задним колесом раздается взрыв — гаденыш, все-таки успел поставить мину — и мне обожгло плечо. Ничего — в медсанбате вытащили осколок, заштопали. Через две недели опять на боевые...

Он начинает сыпать названиями населенных пунктов, датами, количеством трофейного оружия, вплоть до марки этого самого оружия и года и страны его изготовления, именами и фамилиями солдат и офицеров.

— Да, твоей памяти можно только завидовать, но как вы умудрялись в пустынях находить душманские караваны.

— Элементарно, Ватсон,— с начала нашего разговора на лице Дарченкова засияла улыбка.— Дорог-то через пустыню было всего две и наши группы каждую ночь, маневрируя от одного колодца к другому, и «прижимали к ногтю духов». Однажды взяли четыре машины с оружием.— Он опять не удержался и начал перечислять трофеи.

— Хватит тебе о них, что дальше-то?

— Основная часть «духов», сам понимаешь, навечно осталась в пустыне, а небольшая группа ускользнула на пятой машине. Кинулись за ними в погоню, но они сами ее взорвали и растворились в песках.

— Не понял: зачем они сами-то взрывали? Могли же уйти?

— Восток — дело тонкое. Они отвечали за все пять машин оружия, а привези они покупателю только одну... Что бы их ждало? А так — нет машин, нет людей: спросить не с кого...

— После Афганистана?

— После — трагедия: Славка Щербача, который меня заменял, со своими бойцами погиб в вертолете.

— «Стингер»?

— Наверное.

— Красная Звезда, знаю, у тебя за Афганистан, а орден Мужества?

— За Чечню. Это — я уже служил во внутренних войсках: три раза побывал в «горячей точке». Всего — девять месяцев.

— Что-то у тебя с арифметикой туговато?

— Это ты про шесть лет моей службы вначале помощником коменданта, а затем и комендантом одного из районов Грозного?..

— Самое неприятное впечатление?

— Через два года моей комендатурской работы жена категорически заявляет, что поедет вместе со мной. Так и проработала там фельдшером четыре года.

Мы опять минуту молчим.

— Да, не грусти ты,— это он меня подбадривает.— Мы еще нынешней молодежи сто очков вперед дадим.

— А-то...

С ЛЮБИМЫМ — НА КРАЙ ЗЕМЛИ

*Дарченкова Надежда Петровна,
родилась 12.10.1960 в городе Горловке
Донецкой области Украинской ССР.*

Окончив в 1979 году Изюмское медицинское училище, Надежда Верихова стала дважды в год привлекаться военным комиссариатом на призывной пункт для медицинского осмотра будущих защитников Родины. Присмотревшись к молодой медицинской сестре, руководство военкомата предложило ей командировку на два года в

Афганистан, тем более, что в стране проходил так называемый комсомольский набор среди молодого гражданского населения всевозможных специальностей.

— Представить себе не могла, — вспоминает Надежда, — что в Афганистане (1981—1983 годы: *примеч. автора.*) встречу свою вторую половинку, главную и единственную награду за ту войну. Правда, ЦК ВЛКСМ и наградил меня Почетной грамотой, хотя представляли к правительственной награде. Да, Бог с ними.

В Афганистане Надежда работала не по профилю: из медучилища она вышла с дипломом об окончании отделения «Стоматология», а пришлось два года работать в Кабульском инфекционном госпитале в отделении особо опасных инфекций. Гепатит, брюшной тиф, малярия, другие экзотические болезни — ко всем нюансам новой специальности пришлось вникать без раскачки, с первых минут пребывания на новом рабочем месте. А тут вскоре на охрану госпиталя прислали со взводом солдат молодого, высокого, стройного, симпатичного и, вдобавок, веселого, окончившего совсем недавно Рязанское десантное училище, молодого лейтенанта Вовку Дарченкова. То, да се — никаких ППЖ (ППЖ — походно-полевая жена: *примеч. автора.*), и вскоре, 15 октября 1983 года, молодая пара в Советском консульстве в Кабуле получает свидетельство о заключении брака. Слова-то какие нехорошие: «заключение брака». Нельзя, что ли, такое торжественное мероприятие назвать, к примеру: «заключение супружества»? Да, ладно, брака, к великому их счастью, в семье Дарченковых как не было, так нет до сих пор.

Они не только Афганскую войну прошли бок о бок, но и тогда, когда Владимир, вернувшись из Афганистана, перешел служить во Внутренние войска, и был назначен комендантом одного из районов Грозного, Надежда, не раздумывая, поехала к мужу. Поехала не только хранительницей домашнего очага, а пять лет (2004—2009 годы: *примеч. автора*) работала, не покладая рук, фельдшером медицинского пункта комендатуры.

— Это, к примеру, у нас в Туле, — поясняет Надежда, — в военной комендатуре десяток человек личного состава, в Грозном в каждой комендатуре более трехсот человек. А в медицинском пункте всего пять человек: начальник медицинской службы, он же главный врач, фельдшер, фельдшер-аптекарь и два санитарных инструктора в ротах. Так что, практически, вся лечебная работа — от смазывания йодом синяков и выдачи таблеток от головной боли до несложных операций — лежала на мне. Плюс обслуживание администрации и милиции района, плюс оказание помощи местному населению — им не внушали доверия местные эскулапы, да, по правде говоря, и не обладали они должной квалификацией. Работы хватало.

После Грозного Надежда вернулась вместе с мужем в Тулу и наконец-то начала работать по своей специальности — медицинской сестрой в стоматологической поликлинике. И стали они с мужем жить-поживать и добра наживать...

ПАСЫНКИ АФГАНИСТАНА

*Крючков Владимир Петрович,
родился 01.05.1960 в деревне Акзювские Выселки
Плавского района Тульской области;
Крючкова Вера Николаевна,
родилась 23.12.1963 в городе Кемерово.*

Безрассудность?
Безалаберность?
Пофигизм?
Или знаменитый русский «авось»?

Или...

Гадай не гадай, но с восьмью месяцами беременности попасть под ракетно-артиллерийско-минометный обстрел и чуть не погибнуть на аэродроме Баграма перед отлетом в Союз и родить...

Нет, родить через месяц не ожидаемого мальчика — какое в Афганистане восемьдесят восьмого года, понимаешь, УЗИ? — а родить здоровую, крикливую девочку, вернее, дочурку, еще точнее, афганочку — родную кровиночку.

Война — войной, и не только обед по распорядку, но любви и все возрасты, и все времена, и любые обстоятельства покорны.

Вот как-то так.

Кто бы мог подумать, что два сердца — тульское и кемеровское — найдут себя и забудутся в унисон в далеком Афганистане, в Баграме...

...Очередной раз, проходя на дежурство на электростанцию мимо военторговского магазина, Владимир краем глаза скользнул по вновь прибывшей продавщице. Повернул голову, их глаза встретились и он, пробывший в Афганистане год с небольшим, застыл соляным столбом.

Судьба? Случай? Фатум?

...И Владимир, и Вера своим родителям — ну, не клятвенно, конечно же, — говорили, что едут работать по контракту (в то время — заветная мечта и гражданских, и военных граждан СССР) в Германию. «Позабыв» сказать, что из десяти кандидаток в Афганистан взяли только ее одну — Веру Корнейчук. У Владимира ситуация сложилась и того круче — более тридцати человек на одно место. Но помогла безупречная биография: личное клеймо мастера-наладчика токарно-револьверных автоматов на Точмаше; срочная служба в погранвойсках на границе с Турцией в Туркестане (уникальная медаль за службу — «За ратный труд в Туркестанском военном округе»); считай, экспромтом прием в комсомол. И они, сугубо штатские, оба — в Афганистане.

Штатские-то штатские, но, выходя на суточное дежурство на дизельную электростанцию, обеспечивающую электричеством весь гарнизон Баграма, экипировка Владимира (естественно, не его одного, а всех) состояла в том числе и из бронежилета, каски, АК-74 с тремя полными рожками. Хотя — чего греха таить — броник с каской часто «забывали» перед выходом на дежурство. Кроме того, в обязанности электриков входил предвиденный и непредвиденный ремонт переносных дизельных электростанций на заставах в горах, куда они добирались в сопровождении военных, порой вместе отбиваясь от моджахедов.

Работникам военторга тоже доставалось «на орехи». Каждый раз (хотя бы, сволочи, сделали разочек исключение), проезжая через кишлак Аминовка, автолавки военторга подвергались обстрелу — или с дальних подступов, или чуть ли не в упор.

Зато, мчась на машине в сопровождении двух БТРов в Кабул для выполнения супружеско-бюрократических обязанностей под звуки марша Мендельсона — не лаптем щи хлебали даже на войне! — в Советском консульстве, они не слышали ни одного выстрела. Или их не обстреливали, или им было не до выстрелов...

...В сентябре восемьдесят восьмого родилась Алина. В декабре, пробыв в Афганистане три года, хотя и приглашали на должность прапорщика в 345-й парашютно-десантный полк, Владимир встретился в Кемерове и с женой, и с дочерью, и с тестем-тещей.

Затем — переезд в Тулу и, как в сказке, стали они жить-поживать, добра наживать и, в положенное время, воспитывать внучка Ева.

Постскриптум:

Интерпретировав совместные воспоминания супругов Крючковых, попросил Владимира написать самому не только об Афганистане, но и о той несправедливости,

с которой столкнулись все гражданские люди, вернувшись из-за Речки, и какую он титаническую работу взвалил на свои плечи, чтобы вернуть ту самую справедливость, по которой они, гражданские лица, перестали бы быть пасынками той войны.

СЕРЕБРЯНАЯ СВАДЬБА АФГАНЦЕВ ШМЕЛЕВЫХ

Шмелев Валерий, родился 09.03.1957.

Шмелева Ирина родилась 23.01.1961.

Какой одессит не мечтает стать моряком? Какой одессит не бредит морем с пеленок? И хотя Валерка Шмелев родился не в самой Одессе, а в ее окрестностях, он не избежал участи своих земляков. Поэтому после школы и «по совместительству» трехгодичной работы механизатором широкого профиля в совхозе он с семьдесят шестого по семьдесят девятый бороздит просторы Черного моря, в основном, в подводном положении — на дизельных подводных лодках (не имел и не имеет наш Флот в этом море атомных подлодок, к сожалению). По окончанию службы на флоте ему, молодому коммунисту, открываются большие перспективы для дальнейшего карьерного роста, но семейные обстоятельства на полтора года разлучают его с армейской службой. Только в январе восемьдесят первого года он становится прапорщиком в 1065-м гвардейском артиллерийском полку 98-й гвардейской воздушно-десантной Свирской Краснознаменной ордена Кутузова 2-й степени дивизии — или, в десантном простонародии, Болградской дивизии. Отсюда, из родного Веселого Кута, где он жил с родителями и где дислоцировался артполк, в декабре восемьдесят второго секретарь комсомольской организации дивизиона гвардии старший прапорщик Валерий Иванович Шмелев направляется для дальнейшего прохождения службы (как казенно, занудно звучит эта фраза) в отдельный 345-й гвардейский полк, в Баграм, в Афганистан.

«Комсомольской работой занимайся сколько хочешь, сколько душе угодно,— встретил его командир полка в Баграме,— но только в перерывах между боевыми. А на боевых готовься заменить, подменить любого в артиллерийском дивизионе: на то они — и боевые».

О Шмелеве я ничего не знал, не служил с ним вместе. В нашу Тульскую, 106-ю гвардейскую воздушно-десантную дивизию он, естественно со своей женой, пришел служить в 1997-м году, четыре года спустя после моего увольнения из Армии.

— В основном на боевых я ходил, вернее, ездил в техзамыкании. Еще со школьно-совхозных времен был равнодушен к любым механизмам. Знал, как свои пять пальцев, любую колесную и гусеничную технику.— Бывший гвардии старший прапорщик в тройке, при галстукке, в модных «шузах» неторопливо начинает рассказывать про свое житье-бытье в Афганистане, в начале нашей беседы обращаясь ко мне на «вы».— Как-то раз, в начале восемьдесят четвертого года, к нам в гости, на чей-то день рождения, пришли медсестры из соседнего медсанбата. Мне сразу приглянулась одна сестричка. Все, естественно, поднимают бокалы (бокалы — громко сказано) за здоровье именинника, а я сижу трезвый, не пью...

— ???

— Недавно переболел гепатитом...

— Понятно.

— Начинают танцевать. И ко мне подходит она, приглянувшаяся мне дивчина...

— Конечно,— опять перебиваю его,— один непьющий среди всех.

— Так оно и было — так я и познакомился со своей будущей женой Ириной.

— И?

— На День ВДВ — 2 августа 84-го в Советском консульстве в Кабуле мы подали заявление, а 13 сентября — расписались.

У них в семейном архиве священной реликвией в пластиковой упаковке хранятся их Командировочные удостоверения в Кабул сроком на двое суток с 13 сентября 1984 года для регистрации брака, выписанные ему в штабе 345-го отдельного гвардейского парашютно-десантного полка, ей — в штабе 100-го медицинского батальона 108-ой мотострелковой дивизии 40-ой общевойсковой армии.

— Да, не знаешь не только, где упадешь, но — и где счастье найдешь.

— В конце восьмидесят четвертого проводилась крупная операция в Ургунском ущелье. Я, как обычно, на БэТээРе — в техническом замыкании колонны дивизиона, затем пересаживаюсь на УРАЛ, под завязку загруженный гаубичными снарядами. Через сто метров УРАЛ подрывается на mine — мы трое: я, водитель и еще солдат, сидящий в кабине, отделиваемся контузиями. Наверное, наши Ангелы — хранители втроем не допустили детонации снарядов — в противном случае от нас бы практически ничего не осталось: только развеянная по окрестным горам пыль. По радиации докладываю командиру, что «двухсотых» нет, «карандаши» (мы, то есть) целы, «огурцы» (то есть, снаряды) перегружаем на другие машины. Контуженных солдат на вертолете отправляю в Баграм, в медсанбат. Сам на своем родном БэТээРе догоняю колонну, сказав перед отлетом своим солдатам, чтобы они ничего в медсанбате жене не сообщали о моей контузии.

— Как всегда, солдаты...

— Ты абсолютно прав: солдаты по прилету в Баграмский медсанбат ничего особенного и не сказали, сообщили только, что у меня небольшая контузия. Иринка, естественно, падает в обморок. И вся помощь, вроде бы полагающаяся мне, — Шмелев смеется, — оказывается ей.

— Орден — за эту операцию?

— За эту операцию — медаль «За отвагу», хотя и посылали на Красную Звезду. Но в верхах решили, что комсомольскому секретарю давать сразу орден как-то не с руки.

— И орден?

— Орденом Красной Звезды меня наградили за операцию в окрестностях кишлака Пачахак. Наша колонна попала в засаду. «Духи» стреляли со всех сторон. По радиации вместе с замполитом работали наводчиками, корректируя огонь нашей артиллерии. Еле успели отвести колонну техники — вызывали огонь практически на себя. К счастью, потерь у нас во время этой операции не было, а «супостату» досталось крепко.

— Подожди, а медаль «За боевые заслуги»?

— Это — после Афганистана. В марте 85-го, через два года и три месяца, я вновь оказался в родной Болградской дивизии. Жена еще надо мной подшучивала, что у нее, мол, имеется медаль «ЗБЗ», а у меня — нет (ей медаль вначале пришла в Житомир, по месту ее рождения, затем медаль переслали в военкомат Арциза, районного центра под Кишиновом, где она работала в больнице медсестрой. В ее Наградном листе, в частности, имеются и такие строки «... Во время Панджшерской операции в апреле-июне 1984 года работала по 20 и более часов в сутки, не щадя своего здоровья, ради спасения жизни раненых... Выходила и возвратила к жизни более 300 раненых...»). Чуть отвлекся.

— Ничего, нормально.

— Так, вот: в восьмидесят девятом мы (да, ты и сам, наверное, тоже в это время со своей Тульской дивизией не сидел на зимних квартирах) «работали пожарниками» — «тушили» конфликт в Армении, когда разрасталась война в Карабахе. Мне со

своим зенитно-ракетным взводом (тогда занимал должность командира этого взвода) пришлось брать школу ДОСААФ в Ереване, на крыше которой засели мятежники, держа под огнем всю округу.

— Сумгаит,— перечисляю ему «свои пожароопасные точки»,— три раза Баку, Тбилиси.

— Значит не понаслышке знаешь, как все тогда происходило... Принимаю решение. По пожарной лестнице поднимаемся на соседнее, более высокое здание. И с крыши этого дома даю очередь из двенадцати патронов, заметь, над головами той шпаны на крыше ДОСААФа. Сразу же — руки «в гору», все оружие — на крышу, мокрые штаны, сопли до колен. Трое моих держат их на прицеле, я с двумя солдатами поднимаюсь к ним, остальные — оцепляют все здание ДОСААФа. Но из списка награжденных меня исключил замполит полка, говоря при этом:

«У него и так наград за Афганистан много».

«Он один со своим взводом захватил трофейного оружия больше, чем весь остальной полк»,— и командир полка поставил точку в споре о моем награждении.

— Хватит о войне,— в очередной раз перебиваю Шмелева,— у тебя же в сентябре «серебряная» свадьба...

— О моем знакомстве и свадьбе с Ириной в декабре девяносто девятого года Екатерина Гарбузова напечатала большую статью в газете «Молодой Коммунар», которая называлась: «Я на свидание ходил с двумя гранатами».

— Опять война,— ворчу недовольно.

— Никуда от нее не денешься,— Ирина Шмелева протяжно вздыхает,— та война и соединила нас.

— Кому — война, кому — мать родная,— неудачно шучу и тут же извиняюсь за бестактную неуместность.

— Да, чего там,— продолжает Ирина.— От тех контуженных солдат, которых Валерка отправил к нам в медсанбат на «вертушке», а сам остался на боевых, от их бессвязного лепета я почему-то подумала о самом страшном. И самой сестре-анестезистке пришлось срочно оказывать реанимационную помощь — приводить в чувство, в рабочее состояние. И — сразу к операционному столу: раненым-то нет никакого дела о твоих личных проблемах. Все правильно, так и должно быть — каждый делает свое дело.

— И напоследок,— ненавязчиво обращаюсь к супругам-афганцам Шмелевым.

Они оба сразу же понимают намек и в два голоса в унисон заканчивают нашу беседу:

— Конечно, в сентябре вместе с нашей дочерью Юлей ждем тебя на нашу «серебряную».

— Честь имею!

Яков Шафран
(г. Тула)

ОПОЛЧЕНЕЦ

Ранним утром стояла неожиданная, столь желанная, после недавнего грохота, тишина. Шел холодный и, как часто все осенние, нудный мелкий дождь. Ожидаемый морозец так и не наступил, не сковал землю, и мокрая почва была вдоль и поперек перепахана техникой, между следов которой чернели отпечатки многочисленных человеческих ног и рывины с ямами, наполненные водой. Вдали, на юго-западе, часто вспыхивали зарницы и погромыхивало, и если бы не конец октября, то можно было подумать на дальнюю грозу. Справа и слева от Александра, съжившись, дабы сохранить какое-никакое тепло, сидели люди. А сзади не спал, жил напряженной, совсем не ночной жизнью, город. Луна, с опаской проглядывавшая ночью сквозь разрывы облаков, зашла еще несколько часов тому назад, да и теперь, по эту пору, как и звезды, не была бы видна сквозь плотную пелену туч, затянувших это позднее осеннее черное небо. Ветер, несший в глаза мелкие капли дождя, заставлял щуриться. Над островками пожухлой травы, уже наполовину голые, словно задумавшись, стояли молчаливые и озябшие деревья.

Ночью здесь, в Рогожинском поселке, был кромешный ад: грохотало, сверкало огнем, лилась кровь, здесь на самой окраине города бушевала неистовая стихия тяжелых, жестоких боев. Все это было противно окружающей природе и еще недавно столь мирному городу. Но разве об этом думала оголтелая зомбированная орда, рвавшаяся к Москве? Неудача их 4-й танковой группы на северо-западе от Москвы заставил 2-ю танковую группу, с юга и юго-запада, всю ночь на 30 октября, продолжать атаки на позиции защитников в надежде овладеть городом и беспрепятственно двинуться дальше, чтобы замкнуть кольцо вокруг столицы.

Александр прибыл на позиции рабочего полка, недалеко от Орловского шоссе, ранним утром, еще до рассвета, когда бой заканчивался и немцы отходили — отходили! — оставляя после себя горящие танки, разбитые мотоциклы с колясками и множество трупов в залитых кровью грязно-серых шинелях. Он видел, как санитарки выносили с поля боя наших погибших и раненых, в том числе и искалеченных. Ему все это было впервой, потому колотилось молодое сердце, и несколько раз поднималась волна тошноты.

Было затишье. Измученные недавним и суровым видом уцелевшие бойцы, как и он, одетые в рабочую одежду, черные телогрейки и кепки, молча показали Александру и прибывшим с ним новым ополченцам их места в довольно опустевших окопах. Да и о чем было говорить? — Понятно, что немцы от своего не отступятся. Он устроился, насколько это было возможно, поудобнее и закрыл глаза. Нахлынули воспоминания...

...Вот он идет по улице Демонстрации к себе домой, что у реки Воронки. Начало октября, листва всевозможных желтых, оранжевых, красных и коричневых цветов и оттенков. Вот бы сейчас за мольберт. Александр давно уже в свободное время

рисует и пишет красками. Но разве сейчас до этого? Вон и весь пейзаж портят заделанные фанерой и досками окна, рвы и окопы, стоящие то тут, то там зенитки и баррикады. Что же будет дальше?..

Еще в сентябре их Оружейный завод начали эвакуировать под Медногорск Оренбургской области: одни станки разбирали, другие выдвигали через проломы в стенах и краном грузили на железнодорожные платформы. К середине октября цехи были почти пустыми, разоренными, и в его родном — сквозняк, и на полу мусор и детали... Шла запись желающих эвакуироваться для работы на новом месте дислокации. А были и такие жители, что, собрав скарб, просто бежали в безопасные места. Но не все оружейники переехали с заводом, некоторые мастера и рабочие остались. Он тоже не уехал, хотя родители умоляли, и начальство настоятельно рекомендовало — броня ведь, золотые руки токаря. На кого он стариков своих бросит? Ведь старшие его братья — командиры, с семьями жившие в других городах, сейчас на фронте, а их женам с детишками и самим тяжело. Оставшиеся на заводе на немногих, не эвакуированных, станках и кустарном оборудовании, наладили, какое-никакое, производство снарядов, ремонт орудий и винтовок...

Так в размышлениях, одновременно испытывая теплоту к родным местам, Александр не заметил как прошел большую часть пути и почти дошел до дома, когда вдруг подумал, что в любой момент из семейного гнезда, с которым связано столько сердечных воспоминаний, тот может превратиться в ничто, даже развалин не останется. Вон все чаще надрываются заводские гудки и сирены, извещая о смертельной опасности, особенно теперь, после взятия немцами Орла. По ночам стреляют зенитки — люди спят, не раздеваясь, и бегут от бомбежек в подвалы и бомбоубежища. Он знал — немцы планировали захват заводов, чтобы наладить свое военное производство и ремонтную базу, и потому практически не бомбили и не обстреливали город из орудий. Но железнодорожные узлы совсем иное дело — отрезать Москву от снабжения для полной блокады было их целью, потому по их району возле Московского вокзала били почти непрерывно. Вот и позавчера бомба в соседний дом попала — хорошо соседи в подвал успели убежать, во дворе долго пылал пожар, но дом Александра не тронуло, только дальние хозяйственные пристройки сгорели.

«Родителей все же нужно куда-нибудь отправить: попросить у начальства переселить их в квартиру недалеко от завода — вон их, сколько пустует, или в деревню,— подумал Александр.— Хорошо было бы в Людмилину,— где мы провели с ней тогда, в июне, один единственный, но волшебный день,— да та уже под немцами. Люда-то и сама уже в городе, учится на медсестру...»

...Воспоминания его прервал шум мотора и лязг металла. Еще не рассвело, но уже на грузовике привезли оружие и боеприпасы. Самым отличившимся в ночных боях вручили винтовки Лебеля и по пять патронов к ним. Он понял, что вооружения не хватает. Получили они на батальон немного патронов для пулеметов Льюиса, привезли, правда, опытную партию экспериментального пистолета-пулемета системы Коровина и немного самозарядных винтовок СВТ, пистолет-пулеметов Шпагина и винтовок Мосина. Не ахти, но связки гранат и бутылки с зажигательной смесью, следовавшие за стрелковым оружием, придали некоторую уверенность. Все стихло, и Александр, поудобнее устроившись в своем окопе, снова ушел в себя.

«Как хорошо,— подумал он тогда, уже подходя к дому,— что Люда здесь, в Туле, далеко от того кошмара». Они встречаются — конечно, не так часто, как хотелось бы. Вот и завтра они вновь должны увидеться. Он вспомнил об их самом первом свидании...

...Это было еще в середине июня, за неделю до начала войны. Александр, познакомившись с Людмилой — синеглазой, белокурой и стройной девушкой, приехавшей в Тулу с одноклассниками после выпускного бала, стал переписываться с ней, и вот приехал на выходной в ее деревню с таким красивым названием Березово.

Но не только название,— окрестные пейзажи были великолепны. Красоты природы всегда производили на него как художника неизгладимое впечатление. Вот и сейчас, восхищаясь ими, он ощущал в душе тихое счастье. Казалось, и вся жизнь впереди будет тихой и счастливой. Конечно, он понимал,— это все исходило, прежде всего, от Людмилы. Вернее, и речка, и поле, и лес, и они — парень с девушкой — в той неповторимой светлой стадии зарождающейся любви,— все было составляющими одного единого целого, имени которому он не находил, но ощущал как счастье.

Они бродили по лесным полянам и опушкам, по лугу и травянистым склонам оврагов, собирали землянику и кормили ею друг друга с руки. Лес притягивал их неведомой силой, и они вновь возвращались к нему. Солнце золотом разливалось по соснам. Радужась ему, многоголосым хором распевали под небом птицы. Был замечательный день середины лета, когда погода устанавливается надолго. Солнце в закат перед таким днем — светлое и приветное, мирно садится в облачко, и с ним погружается за горизонт. Тонкий край такого облачка засверкает расплавленным золотом и медленно погаснет. Но это вечером, а у них впереди был долгий и счастливый день.

Они вышли к реке, на берегу которой, нахохлившись, подобно воробьям, сидели с удочками деревенские мальчишки, перешли через мосток на другой берег, прошли по нему за поворот, туда, где, как стройная девушка, росла одинокая молоденькая березка. Мальчишек-рыбаков отсюда не было видно. Они присели на траву, и он нежно поцеловал ее. Волосы Людмилы разметались, подобно молодым колосьям ржи, а глаза радостно васильками сквозь них глядели на него... День и вечер превратились в вечность, время, казалось, остановилось для них...

...От воспоминаний его отвлекли сестрички, которые, пользуясь затишьем в боевых действиях, принесли горячую еду. Александр взглянул на часы — премия за ударную работу,— было шесть утра, со времени его прибытия в расположение полка прошло всего двадцать минут. Война войной, а есть хочется: ополченцы застучали ложками, каша — дело доброе, и горячий чай на холоде — подмога солдату...

...Прощаясь, они решили встретиться здесь же в следующее воскресенье. Вернувшись в Тулу, он приготовил краски и мольберт, чтобы взять с собой в деревню и написать портрет Людмилы. Обретя любовь, Саша с первого же рабочего дня активно включился в производство, работал, как говорится, за троих, а самое главное, ощущал Люсю рядом, и душе его от этого было тепло и радостно, как никогда ранее.

Но... их следующему свиданию не суждено было осуществиться. В воскресенье, 22 июня, что-то большое черное и жуткое, раскрыв зубастую плотоядную пасть, стало напозать на страну. Немного позже, когда он прочитал в газетах рассказы чудом спасшихся и перебежавших из оккупированных районов в расположение наших частей людей об изуверствах немцев и их, еще более жестоких, ретивых «помощников»: о растерзанных трупах, оскверненных женщинах и девушках, о восьмилетнем мальчишке с простреленной головой, о полураздетом старике, заколотом штыком, обуглившимся останках заживо спаленных пленных и раненых красноармейцев,— ужас охватил его. И он понял, насколько великая опасность движется к сердцу страны. Она может отнять у него Люсю, родителей, его заветную мечту — стать художником, его любимый город, его самую лучшую в мире страну, где каждый человек, при желании и труде, мог добиться любого положения.

Саша написал письмо Людмиле, чтобы она отправила родителей, по возможности, куда-нибудь подальше, в глубь страны, а сама пусть приезжает в Тулу. О себе он сообщил кратко — завтра иду в военкомат.

Но в военкомате его заявление не приняли, мол, воевать пока, парень, есть кому, а ты — мастер-оружейник, каких мало,— иди, работай.

И он работал, работал самоотверженно, порой не выходя из цеха по двенадцать часов, а то и оставаясь ночевать там. Люся, отправив своих родителей к сестре матери в Магнитогорск, уже была в городе. Как он и рекомендовал, она поступила учиться на медсестру в училище, что на улице Менделеевской, и жила в общежитии. Они встречались, когда могли, но не так часто, как хотелось обоим. Саша познакомил Люсю со своими, и они приняли ее, как дочь. Мама очень хотела, чтобы они поженились, отец покашливал при этом, и Александр был с ним одного мнения — после войны!

А чудовище германское продолжало надвигаться. Оставлены Киев, Смоленск, Орел, войска под Брянском и Вязьмой попали в окружение, Москва практически на осадном положении — оставался лишь просвет с юга...

В середине октября было закрыто медучилище и большинство учащихся оказалось в ополчении — сестрами и санитарками. С этого времени Александра не оставляла тяжело мучившая мысль: его Люся уже на фронте, а он в тылу — в безопасности и тепле!

... Вдруг раздалась хлопки и за ними — взрывы. Александр понял: это немцы начали артподготовку. Он вжался в мокрую землю. На часах было шесть: «Война по расписанию,— подумал он.— Пунктуальные, изверги!» Вокруг свистели осколки, в окопе осыпалась земля...

...Тогда, в середине октября, когда Саша узнал, что Люся в истребительном батальоне недалеко от Тулы, память его, по своей, неведомой, прихоти, почему-то подняла из глубинных запасников картину, где он в детстве — у бабушки в деревне... И, видимо, из-за остроты впечатлений того летнего дня, детская память сохранила произошедшее тогда до мельчайших подробностей.

С утра небо было покрыто облаками, и парило. Старики говорили — к грозе. Они с братьями гуляли далеко от деревни, за пшеничным полем у реки. Направо темнела роща, налево тянулось ржаное поле, по краям которого было много васильков. Река была довольно извилистой, с красивыми, обильно покрытыми растительностью берегами, за нею — возвышенность с широким лугом на склоне. Солнце то и дело выглядывало из-за облаков, было душно, чувствовалось, что скоро пойдет дождь... Вдруг молния разделила все надвое. И они увидели, как под черной тяжелой тучей на них с ребятами шел пыльный вихрь. Прогремел и раскатился по небу сильный гром. Они побежали, но вихрь настиг их мощным потоком сухой хлесткой земли, сорванными с деревьев и кустов ветками и листьями, клоками травы и всяким мусором. Сразу после этого пошел сильный ливень, и молнии быстрыми белыми лентами непрерывно били из туч, гром гремел так, как будто хотел разрушить все окрест. Дождь сменил крупный град. Они укрылись, добежав до сарая на краю поля, уже почти у самой деревни...

...«А от этой, военной грозы, от этой надвигающейся черной громадной тучи, что нависла над почти всей европейской частью страны, от этого града снарядов и пуль, от этих авиа- и танковых вихрей можно ли укрыться?..— подумал он тогда, в октябре.— Укрыться-то можно, хоть всем, но дальше страны ведь не скроешься, а она перестанет быть, как таковая, вместе с народом — своим дитятей»...

«Страшный, злой, коварный и подлый, жестокий, людоедский мир вероломно вторгся в нашу жизнь,— продолжал думать Александр.— На заводе, среди товарищей по работе, и дома изо дня в день мне так спокойно и приятно, а в это время где-то, противостоя, может быть из последних своих сил, в грязи и крови, сражаются такие же, как я, люди — парни и их отцы, моя Люся и такие же, как она, невесты, сестры и дочери, да вот и мои братья же. А где-то грабят, отбирая последний кусок хлеба, и убивают крестьян, насилуют женщин и детей, морят голодом жителей блокадного Ленинграда оккупанты, надеясь при этом, что воля адского гения покроет все их дела, их не найдут и не осудят, что они станут хозяевами над моим народом в моей стране. Потому я должен пойти туда, в смертельную опасность, в огонь, в грязь и кровь, и биться, биться с этими тварями, преступниками перед родом человеческим, чтобы покарать хотя бы нескольких из них, помочь очистить нашу землю от них, от их подлости и мерзости!» Александр задрожал всем телом и, судорожно дыша, на ставших вдруг непослушными ногах зашагал назад и вперед по комнате. Этой навалившейся вдруг слабостью мудрое сердце подсказывало ему, пусть пока не совсем осознанно: даже уничтожая конкретного врага, пусть и изверга, нельзя ненавидеть его душу, тем самым убивая ее. И среди немцев много тех, кого силой, под угрозой наказания и даже смерти их самих или близких заставляли идти на фронт, тех, кто сторонился издевательств над людьми. Когда Саша подумал так, слабость ушла, и осталось только мужество и решимость...

Назавтра Александр пошел в партком завода с просьбой отпустить его на фронт. Но ему опять отказали. В истребительный батальон попросился — тоже не взяли: твои руки, мол, нужны на заводе — к тому времени ремонтировали уже и танки... Изредка он встречался с Люсей, когда она приезжала в Тулу за медикаментами. Тяжело было на душе у парня...

26 октября был создан Тульский рабочий полк. Формирование его проходило в третьем учебном корпусе Механического института. Он состоял из бойцов всех («И Люсиного!» — понял Саша) истребительных батальонов, отрядов народного ополчения и добровольцев. И Александр не выдержал — «Или возьмите в рабочий полк и — на передовую, или самовольно убегу на фронт. Сил нет — девушка воюет, а я?..» И его взяли. Так он с пополнением 30-го рано утром попал на рубеж обороны...

...Артподготовка в один момент закончилась, но тишина не наступила, и Александр услышал низкий тяжелый гул, а потом увидел танки... Двадцать пять машин и колонны автоматчиков и мотоциклистов двигались на позиции полка. Немцы шли, бравирюя еще прежними удачами, во весь рост и вели отчаянную автоматную стрельбу. Противотанковая батарея, выстрелы которой он с удовлетворением отмечал, была быстро подавлена танковыми орудиями фашистов. Немецкие офицеры, высываясь из люков, орал: «Партизан, партизан, сдавай!» Укрывшись в окопах, туляки меткими выстрелами отвечали им. На голову врагов сыпались гранаты, в танки летели бутылки с зажигательной смесью. Сердце Саши, полное ненависти к фашистам, бешено колотилось, удары его гремели в ушах, как барабанный бой. Но в самом шумном сражении и в чувстве опасности было и что-то бодрящее.

Танки приближались. Все громче и громче был слышен их рев и лязг гусениц. Вот один из них уже совсем близко, можно различить его номер на броне; цепляясь за броню, прятались за орудийную башню и прижимались к ней фашистские автоматчики. Из орудия и пулемета башенный стрелок открыл огонь. Как бы чувствуя, что достойного сопротивления оказано не будет, прыгнув на землю, немцы присоединились к пешим и пошли в атаку. Ближайших туляки расстреляли из пулемета и полуавтоматов. Александр понял, что если он не уничтожит этот танк, то он пройдет дальше. Бутылки и

связки гранат лежали рядом с ним на земле. Вдруг из-за танка застрочил немецкий автомат. Обнаглевший фашист после стрельбы шел рядом с «панцирем», и Саша легко свалил его выстрелом из винтовки. Но танк шел прямо на него.

Волна страха окатила Александра с головы до ног — он почувствовал сильную слабость во всем теле и, одновременно с этим, сильное желание вдавиться, как можно глубже, в землю и закрыть глаза. Однако каким-то шестым чувством Саша ощутил стоящих сзади себя родителей и Люсю, друзей и знакомых по цеху людей, увидел свой дом, ту деревеньку, где он впервые познал тихое, теплое счастье любви, услышал напряженное дыхание города за своей спиной, и он глубоким и сильным вздохом загнал страх куда-то под ложечку, где тот сжался в плотный комок, и, не давая ему распусться вновь, распрямился и метнул бутылку. Та чиркнула по броне и упала на землю. Второй раз — в лобовую часть, это на какое-то время «ослепило» экипаж, и танк остановился. Он воспользовался этим и бросил третью — уже в корму танка, тот загорелся. Саша вылез из окопа и, захватив с собой связки гранат — пять гранат были связаны проволокой так, чтобы рукоятка центральной смотрела в одну сторону, а других — в противоположную, — стал отползать от танка к воронке не-вдалеке, ибо тот мог взорваться. Но в ту же минуту рядом разорвался снаряд — немцы снова начали обстрел позиций рабочего полка.

Александр почувствовал страшную боль и увидел красные лохмотья там, где ноги. И тут услышал жуткий крик рядом. Он с трудом повернул голову и увидел гусеницы танка, на которые было намотано что-то розовое... А в его сторону уже двигался другой танк. Напрягая последние силы, Саша откатился в воронку. Когда танк проезжал над ним, он увидел его «брюхо» и, собравшись, когда тот миновал воронку, метнул связку под него.

Взрыв оглушил Александра, но осколки миновали его тело. Танк же загорелся и, проехав по инерции еще метров десять, остановился. Саша услышал частые одиночные выстрелы и понял — это ополченцы расстреляли вылезавших из «панциря» фашистов.

Все произошедшее длилось пару минут, но ему, как в замедленной съемке, это время показалось вечностью. Чудом спасшийся, с раздробленными ногами, он, теряя сознание от сильной боли и большой кровопотери, в последние секунды увидел небо — уже с голубыми просветами, глубокое и отрешенное от всего человеческого, от всего, что происходит здесь... Сквозь уже смежающиеся веки, почти беспомощно, он увидел некий приближающийся женский образ, похожий на Люсю. Она исчезла на некоторое время, потом вернулась и стала вытаскивать его... Темнота опустилась на все вокруг...

Место, где он лежал, обстреливалось сильным перекрестным огнем. Но Клавдия — сандружинница полка — заметила Александра и все же подползла к воронке. В это время немец-автоматчик заметил ее и стал стрелять. Тогда она откатилась к бойцу, лежавшему не-вдалеке. Убедившись, что он мертв, Клавдия, собрав все силы, чтобы защититься, взвалила убитого на себя. Когда стрельба по ней прекратилась — автоматчик подумал, что убита, — она, выждав минуту, снова добралась до воронки и вытащила потерявшего сознание Александра в безопасное место. Предварительно девушки организовали санпункт на земле, расчистив своими руками площадку, обложили ее земляным валом, достали сена, чтобы класть раненых и оказывать помощь...

...Когда Александр на миг очнулся — понял, что находится в госпитальной палате. Однако тут же все поплыло перед его глазами, и он забылся. На сколько времени — Саша не знал, но вот сознание снова вернулось к нему, и он увидел, что за окнами уже ночь. Открылась дверь, и кто-то в белом одеянии вошел в помещение. Вначале

подумал — Люся в белом халате. Приглядевшись,—а в палате стало заметно светлее, хотя посетитель электричества не включал,— понял — нет, не она.

— Что печалишься? — спросил тот.

— Жить хочу,— откровенно ответил Александр.

— Хочешь жить? А почему?

— Как подумаю, что больше не увижу солнце, звезды, лес, поле, речку, Людмилу свою, не буду писать картины... Эх!..— голос его прервался, он глубоко вздохнул и заплакал было, но Светозарный остановил его.

— А если ты будешь жить без ног, каковой покажется тебе жизнь? В радость ли будет тебе природа и Людмила, солнце и звезды? Что ты напишешь, если душа твоя будет озлоблена, ожесточена и полна глубокой обиды на несправедливость мира, который так жестоко обошелся с твоей юностью?

— Пусть без ног, пусть... не обижусь, не помяну никого даже словом плохим, только бы жить и творить радость и красоту!

— Ну, что же, живи. Но помни, что сказал!

Видение исчезло, или Александр очнулся? В палате, кроме спящих соседей, никого не было. Но, казалось, ее наполнял свет. Или это душа Александра успокоилась? Он протянул руку к ногам и ниже колен ощутил пустоту под одеялом...

...Позже, поправившись, Александр узнал, что ни 1 ноября, когда участок полка начинался от здания Оружейно-технического училища, где располагался его штаб, и простирался по прилегающим к нему улицам, ни 3—4 ноября, когда отражали по три-шесть танковых атак, ни 7 ноября — в объявленный немцами последний срок взятия Тулы — не вышло им взять город! Справедливости ради следует сказать, он понимал — Тулу защищал не только рабочий полк, но и регулярные части Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Однако ополченцы внесли в это дело свой существенный патриотический вклад — было выиграно важное время, необходимое для подхода и развертывания основных подразделений.

Эпилог

В один из солнечных летних дней, на берегу речки, у Березово, если перейти через мосток, у которого, нахохлившись, подобно воробьям, сидели с удочками деревенские мальчишки, и пройти по нему за поворот, туда, где, как стройная женщина, растет одинокая береза, у мольберта стоял высокий мужчина с проседью у висков, одетый в серые просторные брюки и белую рубашку с завернутыми выше локтя рукавами, и держал в руках кисть. Рядом с ним на траве сидела светловолосая с большими, как озера, синими глазами женщина и смотрела то на мужчину, то вдаль, на лес, который писал сейчас художник. Волосы ее разметались, подобно колосьям ржи, и глаза радостно глядели сквозь них на мужчину. Они молчали: он не любил разговаривать во время работы, а она не хотела мешать ему, да и была немногословна, только душой участвуя в творческом процессе. Фигура мужчины была статна и красива, и лишь когда он, подыскивая лучший оттенок, переминался с ноги на ногу, была заметна некоторая неестественность постановки ног. В это послевоенное время такое часто наблюдалось в людях, и можно было догадаться, отчего так происходит... На холсте была видна гладь реки, блестящая, как зеркало, на ярком солнце, просторное желто-зеленое поле и свежий, зеленый еще по времени года, лес, как и в реальности притягивавший к себе неведомой силой. Солнце золотом разливалось по стволам сосен. В центре же картины были изображены обнимающиеся под тонкой березкой молодой статный парень и светловолосая девушка, для которых день, казалось, превратился в вечность, и время остановилось навсегда...

Алина Ульянова
(г. Королев, Московская область)

РАССКАЗЫ

Окончила Международный юридический институт при Министерстве юстиции РФ (МЮИ при МЮ РФ). Выпустила ограниченным тиражом методическое пособие «Защита авторских прав» для вузовской библиотеки. Стажировалась корреспондентом на местном телевидении «Королев ТВ».

ТРИ ДОРАДЫ*

Свежая рыба Акима славилась на всю округу. Дары морей и рек изобиловали на лотках, плавали в аквариуме живые. Торговля шла бойко, особенно в выходные. Но Аким любил конец недели не за добрую выручку.

Каждую субботу в полдень на рынок заглядывала девушка с черными, как агат, глазами и просила у Акима три дорады. Всегда. Он было поинтересовался, не желает ли прекрасная незнакомка чего другого.

С грустью в голосе она ответила, что лишь такая рыба годилась в пищу брату. Тяжелая болезнь поразила его. Легкое, питательное мясо спара поддерживало истощенные силы, вселяя надежду на выздоровление... Аким горько посочувствовал чужой беде, сделал скидку постоянной клиентке и глубоко проникся к ней. Заботливая, нежная красавица тронула мужское сердце. Приличествующая скромность не позволяла приставать к даме с расспросами о положении и происхождении, но Аким не сомневался — девушка из благородной семьи. Она одевалась, говорила и держалась подобающе. Столь видная особа казалась не парой простому лавочнику. Пока... Аким поднимался в гору. Через год планировал открыть свой магазин.

Однажды субботним утром поставщики привезли на редкость знатный товар. Исключительно хороша была дорада. Аким воспринял это как знак свыше. Он ненадолго отлучился домой, откуда приехал с парчовым мешочком, в котором хранилось фамильное кольцо из золота с самоцветами. Уже к обеду должна была явиться она. Аким решил признаться в чаяниях, надеясь в душе на взаимность. Бережно убрав подарок в ящик стола с весами, он принялся выкладывать ароматные тушки на лотки. Запах соленых волн распространялся по помещению. Отменный продукт сулил немалую прибыль. В прогнозах Аким не ошибся. Кулинары и гастрономы уносили с собой кто сельдь, кто осетра, кто окуня. Аким пересчитывал заработанные деньги, когда очередной гурман наведался за деликатесом. Дотопав до прилавка, грузный мужчина бегло посмотрел на витрину и распорядился взвесить ему три дорады, по-

---

* Золотистый спар, или дорада, или аурата (лат. Sparus aurata) — морской карась, рыба рода спаров (лат. Sparus). Романское название рыбы происходит от золотой полоски, находящейся между глазами (dorado (исп.) — золотой).

чистить, выпотрошить и помыть. Закинув пачку купюр в нишу под столом, Аким полез за рыбинами и ахнул. Их оставалось ровно три. Три дорады для большого брата... Аким резко одернул руку и застыл в неподвижной позе.

— Проблемы? — нахмурился покупатель.

Аким мялся, соображая, как вежливо отказать клиенту и не потерять его при этом.

— А не хотите ли взять лаврака*? — предложил он, мило улыбнувшись.— Лаврак не хуже дорады. Побелее мясо, да костей чуть побольше.

— Зачем мне лаврак! Взвешивайте дораду! И не задерживайте меня! Я спешу.

Вздыхнув, Аким приготовился отражать натиск.

— Извините, но дораду я Вам не продам.

— А это еще почему?! — возмутился покупатель.

— А потому, что она... Ммм... Она... Несвежая,— придумал Аким.

— Вот так новости! Приятель мне все уши прожужжал, нахваливая рыбу, будто только что из океана, которую он удачно ухватил именно здесь и именно сегодня! А Вы заявляете, несвежая! Объясните! — распаялся эмоциональный спорщик.

— Все правильно. Отличную дораду завезли с утра и во мгновение ока сгребли подчистую. А та, что на витрине — трехдневная. Завалаясь с прошлой партии, я здоровил на продажу — кошек кормить, правда, ценник обновить не успел.

Здоровяк подозрительно сморщил нос, став похожим на бульдога:

— Однако порченной она не выглядит.

— Тут ошибиться легко, поверьте моему опыту,— убеждал Аким.— Ну и сами посудите. Зачем бы я врал Вам, если б рыба не была с душком? Обычно ведь делают наоборот, обманом спихивая гнилье.

— Да, в общем-то, обычно наоборот... — упрямец почесал затылок озадаченно.— Ладно, давайте своего лаврака. Он-то хотя бы свежий?

— Пренебреженно! — воскликнул Аким, обрадованный, что смог отбиться.

— И не забудьте почистить, выпотрошить и помыть!

— Организуем в лучшем виде,— озорно подмигнул Аким и поспешил исполнить заказ.

Управившись за пять минут, он передал «привереде» три тушки в пакете, пожелав приятного аппетита. Пробурчав что-то, мужчина удалился. Аким живо снял дораду с витрины и надежно припрятал для особой гостьи. Менее часа до ее визита...

Стрелки на циферблате бежали вперед и вперед. Волнение возрастало. Прибывали покупатели. Аким отвлекался на работу, нервозность немного утихала. Когда же он оборачивался на время, тревога мигом возвращалась. Он считал секунды за минутами. Сердце выпрыгивало из груди в преддверии скорой встречи. Но виновница томлений задерживалась... Аким выдвинул ящик из стола, аккуратно извлек из мешочка украшение. Полупрозрачный камень робко блеснул в искусственном свете. Аким сжал кольцо в кулаке, мысленно указывая дорогу той, что заблудилась где-то по пути к нему... Нахлынул поток людей. Одним потребовалось подобрать «что-нибудь для жаровни», другим выловить сачком карпа, который долго хлопал плавниками и бился в упаковке. А она... Она не приходила...

К вечеру Аким распродал почти весь ассортимент. Остатки забрали повара закусовых. И только три рыбки, три дорады отчаянно ждали припозднившуюся покупательницу.

---

* (Обыкновенный) лавра́к (лат. *Dicentrarchus labrax* — вид лучеперых рыб из семейства мороновых. Также употребительны названия морской волк, койкан, сибас (от англ. sea bass — наименование, распространенное через российский ресторанный бизнес), морской судак, реже морской окунь, лубина (от исп. *lubina*), бранцино или бранdziно, спигола, раньо (от ит. *branzino*, *spigola*, *ragno*).

Трое суток они пролежали под прилавком. Их с удовольствием съели дворовые кошки. Минула неделя. Потом две. А там дальше и месяц. Девушка с черными, как агат, глазами не появилась.

* * *

Рыбный магазин Акима славился на всю округу. Дары морей и рек изобиловали на лотках, плавали в аквариуме живые. У Акима купить можно было все, что душе угодно. Кроме, пожалуй, одного.

Уже год как он не продавал дораду.

ВЕРБЛЮД

Эту историю рассказал мне дядя Саша, друг семьи. Дело было в восемьдесят первом году, в Казахстане, близ поселка Чиилий*, куда еще советский студент отправился подхалтурить. Бригада из трех человек получила задание — за две недели покрасить радиорелейную станцию приличной высоты. Вознаграждение посулили достойное, вот только климат в регионе не обещал легкого пути к деньгам. Даже весной, далеко не в «пляжный сезон», после полудня здесь стояла жара тридцать градусов. Махать кисточкой, не падая с верхотуры от теплового удара,— то еще испытание огнем.

Проснувшись спозаранку, бравые парни в альпинистском обмундировании по обыкновению собрались на объекте. Оговорив план на сегодня, маляры-добровольцы подхватили ведра с краской и поползли как пауки по металлоконструкции. Начали три дня назад со шпиля, а заканчивать решили опорами у подножья. Дядя Саша бодро полез наверх. Добравшись до горизонтальной площадки метрах в семидесяти от земли, он уселся на краешке поудобнее и принялся орудовать инструментом.

Прошел час, другой. Температура воздуха повышалась. Хотелось пить. Дядя Саша обхлопал себя по карманам в поисках бутылки. По ветреной молодости или попросту второпях живительную влагу «в поднебесье» он прихватить забыл... Вздохнув разочарованно, дядя Саша переборол желание промочить горло и продолжил усердный труд. Жажда, тем не менее, отвлекала. Глаза невольно искали оазис. И нашли. На небольшом расстоянии от основания башни дядя Саша заметил озерцо. В своих страданиях он оказался не одинок. Изнемогающий от зноя верблюд стремился к источнику. Достигнув цели, «корабль пустыни» бултыхнулся в воду. Дядя Саша от души порадовался за млекопитающее (хотя бы ему повезло не умереть от обезвоживания) и вернулся к работе. Он старательно менял цвет железок со ржавого на нейтральный серый, мысленно плескаясь в прохладном водоеме. Обливаясь потом, Дядя Саша снова глянул на вожденный оазис. На поверхности виднелась одна голова туйе**. «Да он же тонет!» — воскликнул дядя Саша. Бедняга, верно, не знал, какие опасности подстерегали «купальщиков» в местных запрудах. Глинистый ил утягивал на дно как зыбучий песок. Дядя Саша заметался меж двух огней.

Солнце припекало. Времени выполнить норму до обеда оставалось всего ничего; терять его было бы обидно. Но любовь к братьям нашим меньшим не позволяла спокойно наблюдать за гибелью существа, попавшего как кур в оцип. Ярый защитник природы призвал всю команду немедленно оставить валики и лететь скорее вниз, на выручку. Спускаясь, дядя Саша соображал, как вытаскивать двугорбого из трясины.

* **Шиелі** (прежнее название — **Чиилий**, каз. *Шиелі*) — село (ранее поселок городского типа) в Чиилийском районе Кызылординской области Казахстана.

** С каз. — верблюд (зоол.).

Идеи особенно не появлялись. Действовать пришлось по обстоятельствам. У берега он быстро соорудил лассо из веревочного троса. Сам взял петлю, чтобы надеть на морду животинке, а свободный конец кинул ребятам из бригады.

— Миша, Женя, по моему сигналу тащите,— выдал инструкции дядя Саша и шагнул в водоем.

Он прошел два метра и даже не намочил штанины. «Мелко. Странно...» — подумал дядя Саша. Приближаясь к утопающему, он удивлялся сильнее: «Воды-то по колено...» Вероятно, в середине дно резко обрывалось, о чем никто не догадывался. Дядя Саша аккуратно нащупывал вязкую почву под ногами, боясь ухнуть там же, где жертва всей ситуации. Не рискнув идти дальше, он остановился в полуметре от головы животного, примеряясь с броском лассо. Улучив момент, лихой ковбой замахнулся...

Перед ним из ровной глади, как морское чудовище, вырос верблюд. Извергнув изо рта бурю недовольства, он гордо повернулся задом и побежал себе прочь, шлепая по «луке» копытами. Оплеванный и обескураженный дядя Саша смотрел ему вслед.

Галина Зеленкина
(г. Козинск Красноярского края)

ДВЕСТИ ТАКТОВ ТИШИНЫ

Родилась 11 июля 1947 года в городе Бресте, Беларусь, в офицерской семье. С 1960 года проживает в Сибири (до 1984 года в городе Братске Иркутской области, а с 1984 года и поныне в городе Козинске Красноярского края). Окончила энергетический факультет Иркутского политехнического института в 1971 году. Специальность — инженер-электрик. Работала проектировщиком в Группе Рабочего Проектирования на строительстве Братской, Усть-Илимской и Богучанской ГЭС.

С 1997 года занимается писательским трудом. Стихи и проза печатались в России, Украине, Германии, Чехии, Канаде, США и Бурятии. Член союза писателей России (МГО) с 2011 года. Академик Петровской академии наук и искусств (московское отделение), секция «Детская литература», с 2015 года.

Говорят, что земля слухами полнится. Вот и до музыкального театра небольшого провинциального городка донесся слух о странностях нового дирижера Стива Якоби, приезда которого оркестранты ожидали с минуты на минуту.

— Директор просил отнестись к Стиву с пониманием и помочь ему быстро освоиться в нашем коллективе,— произнес первый скрипач Алекс, выходя из-за кулис на сцену, где уже расположились в полном составе оркестранты.

— Говорят, что он с головой не дружит,— заметил альтист Андрей, любитель посплетничать обо всех знакомых и незнакомых ему людях.

— Говорят, что и кур доят,— грубо оборвал его контрабасист Энтони.

— Поживем — увидим,— примирительно произнес Алекс.

— Жаль, что не все могут терпеливо ждать или молча догонять,— как бы вскользь обронил старый флейтист Густав.

Но Андрей понял, что это камешек в его огород, и покраснел. С Густавом никто никогда не спорил, потому что тот говорил редко и мало, но всегда по сути проблемы. Но на сей раз старик изменил себе, и речь его была на порядок длиннее обычных высказываний.

— Бог дал человеку голос, чтобы тот смог выразить им душевные переживания. Но, как вам известно, звук можно переводить в символы, а потом из символов извлекать его обратно. И от того, как вы сможете извлечь звук, зависит, какая будет произведена музыка. Вот почему общение через дирижера подразумевает родство душ. Самый лучший результат от этого общения — возможность услышать не слышанное в музыке. Вероятнее всего, что Стив пока не нашел оркестра, с которым бы смог слиться воедино.

Слова Густава заставили покраснеть не только Андрея, но и других оркестрантов, которые в душе поддерживали гитариста, но вслух не высказывались.

— Лучше приготовьте ноты,— заметил Алекс.— Директор рекомендует Венгерский танец номер пять — любимое произведение Стива Якоби.

— Я где-то читал, что этот танец Брамса использовался властями для вербовки людей в солдаты,— заметил Карл по прозвищу «многостаночник», так как играл на нескольких музыкальных инструментах: литаврах, треугольнике, колокольчиках, бубне и кастаньетах.

— Значит, новый дирижер хочет завербовать нас в свою армию. Я думаю, что на его месте так поступил бы каждый. Разве не так? — с этими словами Энтони обратился к сидящим рядом с ним альтистам.

Но ответа на свой вопрос не услышал. Так как...

— А вот и дирижер,— произнес Андрей, первым заметивший высокую сухопарую фигуру уже немолодого мужчины, выходящего из-за кулис на сцену.

«От директора идет,— промелькнула мысль в его голове.— Наверняка получил от начальства инструкции насчет нас».

«Фи! Какой неприятный тип! — подумала про себя вторая скрипачка Луиза, оглядев с ног до головы Стива Якоби.— Немудрено, что с такой внешностью он нигде долго не задерживается».

«И чего на мужика нападают? — задал сам себе вопрос Густав.— Мне так он понравился. Ничего лишнего ни в лице, ни в фигуре».

— Здравствуйте! — произнес Энтони и с улыбкой поклонился дирижеру.— Меня зовут Энтони. Я — контрабасист.

Слова Энтони и его улыбка вмиг разрядили возникшее было напряжение в коллективе. Стив это почувствовал всей кожей и с облегчением вздохнул. Он вспомнил слова напутствия своего единственного друга Роберта, слепого от рождения, которые тот произнес перед отъездом Стива к новому месту работы: «Я думаю, что на этот раз тебе повезет, и ты найдешь то, что ищешь уже много лет».— «Почему ты так думаешь?» — удивился Стив. «Я же ясновидящий»,— пошутил тогда Роберт.

Дирижер тряхнул головой, и воспоминания спрятались в лабиринте памяти.

— А я ваш новый дирижер. Меня зовут Стивом Якоби. В неофициальной обстановке можете звать меня просто по имени,— скупой представил себя Стив.

Впрочем, никто и не ожидал от него биографических данных. Для этого есть отдел кадров, где работает премиленькая Розалия, у которой за шоколадку можно выудить все сведения об интересующем вас субъекте. Об этом подумали, не сговариваясь, все незамужние женщины-оркестрантки. А их оказалось ни много ни мало, а пятеро.

Оркестр, которым предстояло руководить новому дирижеру, был малого состава, численностью всего сорок восемь человек. Для небольшого провинциального городка существование полномасштабного оркестра экономически нецелесообразно. Но ведь не зря же говорят, что «как велика порою малость, и как великое мало». Все всегда познается в сравнении.

Поэтому знакомство с музыкантами заняло не так много времени.

Дирижер обвел всех присутствующих внимательным взглядом, словно примеряясь, стоит или нет поручать им решение сложной задачи.

— А теперь двести тактов тишины,— произнес Стив Якоби и взмахнул дирижерской палочкой.

Недоумение, помноженное на безмолвие, вызвала команда дирижера у оркестрантов. Никто из них прежде не играл тишину такого объема. Поэтому все замерли и про себя стали считать такты. Конечно, шагами считать легче. Один такт — один шаг. Но для этого надо было покинуть свое место и шагать по сцене. Какая уж тут тишина! Она не будет похожа на застывшую музыку.

Дирижер внимательно вглядывался в незнакомые ему лица оркестрантов. Они были разными: одни хмурые, другие улыбочивые.

«С этими людьми я должен стать единым целым — или расстаться и отправиться на поиски другого оркестра, чтобы услышать звон колокольчика в полной тишине», — подумал Стив.

Пронзительный взгляд дирижера вызывал у оркестрантов разные думы, возникшие как-то вдруг.

Первый скрипач Алекс вдруг осознал, что надо обязательно извиниться перед женой за повышенный тон, каким он с ней разговаривал утром.

А Густава вдруг осенило, что в неприязненном отношении к нему сына виноват он сам, поэтому первым должен сделать шаг к примирению.

Даже Андрей вдруг подумал, что все его неприятности — от чрезмерной болтливости и надо бы поскорее излечиться от словесного поноса...

Когда чужие мысли были прочитаны, а свои только зарождались, чтобы успеть сформироваться до конца паузы, до которого оставалось несколько тактов, Стив услышал звон колокольчика. И хотя он его воспринимал внутренним слухом и мог слышать только он один, это было чудо, которого он ждал всю свою творческую жизнь. То ли от долгого ожидания, то ли от напряжения чувств, но из души дирижера выплеснулась радость и скатилась прозрачной слезой по щеке. Наконец-то он нашел оркестрантов, которые могут с ним одинаково чувствовать и вместе дышать. Улыбка осветила лицо Стива, отчего оно перестало походить на маску. Он был рад, что оркестранты выдержали испытание тишиной. За двести тактов они стали мудрее и добрее.

— А он симпатичный, — заметила вдруг Луиза, повернув голову к своей подруге Марии, такой же скрипачке, как и она сама.

— Да, — подтвердила та. — Как же мы раньше не замечали?

Дирижер с укоризной взглянул на девушек и покачал головой.

— Венгерский танец номер пять Иоганнеса Брамса. Первая скрипка солирует, — громко объявил он и взглянул на Алекса.

Алекс улыбнулся в ответ и коснулся смычком струн своей волшебной скрипки.

Такого исполнения широко известного музыкального произведения Брамса залу еще не доводилось слышать за всю историю существования провинциального театра. Звуки музыки взлетали ввысь к потолку, затем, скользнув по стенам, рикошетом вонзались в сердца и души слушателей, коих в зале собралось около сотни человек: посмотреть на нового дирижера пришли рабочие театра и артисты, не занятые в вечернем спектакле, а также их друзья и знакомые, любители классической музыки.

В первом ряду сидел сам директор театра и с задумчивым лицом слушал «фадиез минор», как он называл Венгерский танец Брамса под номером пять. Когда в зале наступила тишина, которая спустя несколько секунд (столько времени потребовалось онемевшим от восторга слушателям) взорвалась криками и громкими аплодисментами, директор встал и направился к сцене. Подойдя к Стиву Якоби, он крепко пожал ему руку и поздравил с успехом.

— Объясните мне, пожалуйста, — спросил он, обращаясь к оркестрантам, — как удалось так гениально сыграть без единой репетиции?

— Спросите об этом двести тактов тишины, — ответил старый Густав и рассмеялся.

Вслед за ним засмеялись и другие музыканты.

— Да ну вас! — пробурчал директор. — Сказали бы уж, что двести тактов смеха.

— А что? Это мысль! — воскликнул Стив Якоби и взмахнул дирижерской палочкой.

Геннадий Маркин
(г. Щекино)

ШАХТЕРЫ
(Глава из повести «Звезда над копром»)

Заместитель главного редактора — заведомом прозы литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», член Союза писателей России.

На следующий день начальник шахты Попов Николай Иванович собрал шахтеров в актовом зале.

— Товарищи! — обратился он к ним.— Вчера во второй половине дня, когда началась активная стадия снеготаяния, сбегавшие с полей талые воды через провалы вылились в шахту, и чуть было не затопили двадцатую лаву, где в это время работала бригада Жихарева. И только благодаря умелым действиям бригадира не произошло полное затопление лавы...

— А мне, Николай Иванович, доложили другое,— перебил его парторг.

— Интересно мне знать, Алексей Григорьевич, что же вам такое доложили? — Попов повернулся к парторгу.

— А доложили мне следующее,— начал говорить парторг, неспешно расставляя слова и осматривая зал.— Ситуация была взята под контроль не благодаря умелым действиям бригадира, а действиям навалыщика Петрова. Только действия те были не умелые, как вы, Николай Иванович, говорите, а скажем так, не совсем законные,— парторг сделал небольшую паузу, словно прислушиваясь к притихшему залу, а потом продолжил: — Петров фактически угрожал расправой своим товарищам,— высказался он, и после его слов в зале зашумели.

— Тихо, товарищи, тихо! — начальник шахты постучал карандашом по графику.— То, о чем вы говорите, Алексей Григорьевич, это очень серьезно. Вы фактически обвиняете человека в совершении им преступления. Расскажите нам подробнее, пожалуйста, о том, что вам стало известно? — попросил он парторга. Тот улыбнулся и повернулся лицом к залу.

— Петров здесь? — спросил он. Иван нерешительно поднялся.— А ну, Петров, расскажи собравшимся, какими методами ты призывал товарищей к предотвращению затопления шахты? — потребовал он.

Иван молчал. Он решил, что парторг специально начал публично на собрании рассматривать тот аварийный случай для того, чтобы принять к нему меры за угрозу жизни шахтерам с его стороны. Он решил, что сейчас решается его судьба, и возможно даже дело его передадут в следственные органы, и все сейчас будет зависеть от его правильного ответа, но он не знал, что нужно ответить парторгу, у него не было еще такого жизненного опыта, который помог бы ему выпутаться из сложившейся ситуации. Он не знал, что нужно ответить, чтобы своим ответом не навредить себе, а потому Иван молчал.

— Ну, что молчишь, Петров? Расскажи нам, как ты там угрожал своим товарищам? — задал вопрос уже начальник шахты.

Иван чувствовал на себе взгляды сидевших в зале шахтеров. Кто-то смотрел на него с интересом и любопытством, кто-то с сожалением и сочувствием, и лишь бригадир Жихарев, умело изобразив на лице недоумение, тайно злорадствовал. Он был зол на Ивана. Сразу Жихарев не придавал значения случившемуся в шахте, а позже, когда страсти уже улеглись, он понял, что этим своим поступком в шахте Иван нанес урон его бригадирскому авторитету, а потому самолюбивый Жихарев озлобился на него. Сразу после работы, дождавшись, когда вся бригада разошлась по домам, он, воровато озираясь по сторонам, буквально крадясь, вошел в кабинет к засидевшемуся допоздна парторгу. В течение часа рассказывал он ему о произошедшем в шахте случае, о поведении Ивана, который под угрозой убийства горбылем буквально загнал всех под трещавшую по всем швам готовую вот-вот обвалиться кровлю. Рассказывал о себе и о своих товарищах, рассказывал о шахте все, что когда-то, где-то, что-то и от кого-то услышал. Слушая бригадира, парторг курил одну папиросу за другой, то внимательно вглядываясь в его лицо, то отворачиваясь от него. Иногда он багровел, а иногда наоборот лицо его становилось бескровным. Так и не сказал парторг Жихареву ни единого слова, ни одного вопроса ему не задал. Лишь головой кивнул в ответ, когда тот попросил его никому не рассказывать об их разговоре.

— Ну, что же? Раз Петров не хочет рассказать о своих действиях, тогда расскажу я, — вновь вступил в разговор парторг. Он улыбнулся, изобразив на лице не то улыбку, не то ухмылку. — А было следующее, товарищи. Когда стало затапливать лаву, все растерялись, в том числе и хваленый вами, Николай Иванович, бригадир, — парторг взглянул на начальника шахты. Тот молчал. — А затем, когда затрещала кровля, все и вовсе стали убежать. А стоявший до этого вместе со всеми Петров вдруг схватил здоровенный горбыль и замахнулся им на своих убегающих товарищей со словами: «Сейчас, мол, голову разобью тому, кто первый побежит!» и буквально под угрозой убийства, загнал всех под трещавшую по всем швам и готовую вот-вот обвалиться кровлю, тем самым подвергнув своих товарищей смертельной опасности. Так было дело, Петров? — спросил парторг.

— Да... так, — выдавил из себя Иван, и потупил взгляд в пол. «Ну, вот и все. Я сознался, и теперь меня точно упекут в тюрьму. Как брата Кузьму упекли, так и меня упекут», — решил Иван. Он почувствовал, как его лоб покрылся холодной испариной, а между лопаток струйкой побежал пот.

— Да не трещала там никакая кровля, и ни по каким швам. Просто вода сверху лилась и все, — выкрикнул кто-то из зала. Иван вздрогнул от этих слов и повернулся на голос, но кто именно их выкрикнул, он не определил.

— Правильно! И никуда Иван нас не загонял! — раздался другой голос.

— Не угрожал он нам никаким горбылем! — вновь раздался чей-то голос.

В зале стало шумно, поднялся гвалт.

— Ша! Тихо! — вдруг громко произнес Копейкин. — Тихо всем, дай сказать! — Он поднялся со стула. Большой и нескладный, слегка перекосив вниз левое плечо, он глядел на всех исподлобья.

— Ого! Молчун наш заговорил! — выкрикнул кто-то, и в зале засмеялись, но стихли вскоре и присмирели под недобрим взглядом Копейкина.

— Значит, начальник, дело было так, — начал он говорить, обращаясь к парторгу. — Как ты знаешь, мы с Иваном работаем впаре. Я рублю уголек, а он откидывает его. За нами идут крепильщики, они, как тебе известно, начальник, ставят стойки и загоняют под них горбыль. Иногда, когда запарка или лес тяжеловат, им ставить бревна помогаем и мы с Иваном. Так вот в тот момент, когда потекла вода, Петров

как раз помогал крепильщикам ставить стойку, и загонял под нее горбыль. Вот для этой цели он и держал в руках горбыль, а не для угрозы. А что он там в тот момент говорил, никто толком слышать не мог из-за шума бежавшей сверху воды, а значит, не могла слышать и та сучка, что тебе, начальник, насучила. Я все сказал,— проговорил Копейкин и уселся на место.

В зале загудели еще пуще прежнего.

«Правильно Василий говорит!», «Так оно и было!», «Никому Ванька не угрожал, брехня все это!»,— стали раздаваться голоса.

Парторг едва заметно улыбнулся.

— Ну, что же, тогда у меня вопросов к Петрову больше нет,— проговорил он, обращаясь к начальнику шахты.

— Вот и хорошо,— кивнул тот головой.— А теперь, товарищи, вернемся к нашим делам. Садись, Иван, что ты стоишь-то? — обратился он к Ивану, увидев, что тот все еще продолжал стоять.— Так вот, товарищи, у нас на сегодняшний день сложилась непростая ситуация с затоплением шахты тальми водами. Нет никакой гарантии в том, что не произойдет нового затопления. Зима была снежная, а весна, сами вон видите,— Попов кивнул головой на окно,— вступила в свои права, как говорится, на всю катушку,— начальник шахты улыбнулся то ли сказанному им самим, то ли светившему за окном яркому весеннему солнцу.— А поэтому мы решили направить бригаду на расчистку полей от снега. Я понимаю, товарищи, что у нас есть и трактора, и грузовики, которые эти поля расчистили бы за час, но сейчас так сложилась обстановка, что технику на поле мы загнать не сможем. Всю бригаду мы снять тоже не сможем, а потому на расчистку снега выделим несколько человек. Начнем расчищать поле между деревнями Подываньково и Городна. Там сейчас самая сложная ситуация. На поле есть низина и она сильно заснежена. Через час-два припечет, снег начнет таять, и в низине вновь соберется талая вода, а под тем полем как раз наша двадцатая лава. Так что, товарищи, сами понимаете, задача не из легких и очень ответственная. Думаю, что бригадиром туда можно направить Жихарева, а вместо него...

— Считаю, что Жихарев будет более полезен в шахте. А вот старшим на роль бригадира в поле предлагаю направить Петрова,— перебил начальника шахты парторг.

— Да, но Петров молодой и не опытный работник. А дело-то очень серьезное, Алексей Григорьевич. Боюсь, что Петров не справится,— высказал сомнение Попов.

— А вы, Николай Иванович, не бойтесь. Нужно смелее доверять нашей молодежи,— произнес парторг.

— Ну что же, давайте поступим так, как вы, Алексей Григорьевич, предлагаете,— согласился Попов.— Давайте, товарищи, закругляться и начинать работать, а то и так уже засиделись,— распорядился он.— Петров, подойдешь к главному инженеру, обговорите с ним детали работы в поле. Он в курсе всех дел.

Иван кивнул. Он был взволнован после такого совещания и благодарен своим товарищам за оказанную ими поддержку, а особенно Копейкину.

— Спасибо тебе, Василий,— проговорил он после совещания, пожимая Копейкину руку.

— Пустяки,— ответил тот.— Я сейчас думаю о другом.

— О чем же? — спросил Иван.

— Вместо тебя-то мне кого дадут? Зачем мне нужен другой напарник? С тобой-то мы уже сработались. И зачем Николай Иванович послушал этого парторга?! — удивился Копейкин.— Пойду к нему, попрошу, чтобы тебя оставил со мной в паре. Пусть кого-нибудь другого бугром на-гора ставит. В конце концов, мы с тобой вме-

сте план перевыполняем и шахта плюсует. Что ему еще надо? Зачем все менять? — возмущенно разговорился обычно неразговорчивый Копейкин.

В приемной начальника шахты секретарь — полноватого телосложения женщина средних лет, которую Василий даже не знал, как зовут, сказала ему, что Николай Иванович ушел в кабинет к парторгу, и если он ему срочно нужен, то пусть идет туда же. Василий пошел. Дверь в кабинет парторга была слегка приоткрыта, и из кабинета доносились голоса, разговаривали начальник шахты и парторг. Василий не был человеком любопытным, а еще больше он не любил, когда подслушивают чужие разговоры, но здесь, в данном случае, он был не виноват в том. Он не хотел подслушивать их разговор, но дверь была приоткрыта, а уходить, не поговорив с начальником шахты, Василий не хотел. Из-за двери доносились голоса, пахло табачным дымом.

— Не пойму я тебя, Алексей Григорьевич, что ты за человек такой,— произнес начальник шахты.— Сначала ты устроил Петрову судилище, а потом фактически назначил его бригадиром.

— А ты бы не соглашался со мной, Николай Иванович,— улыбнулся парторг.— Назначал бы того, кого хотел, ведь ты же начальник шахты, а не я,— сказал он и выпустил в потолок папиросный дым. Затем, прищутив глаза, внимательно взглянул на Попова. Наедине они разговаривали друг с другом на «ты».

— Ну, ты же знаешь, Алексей Григорьевич, что у нас в стране все решает партия, которую здесь представляешь ты. И как бы я там чего ни хотел, в конце концов, все будет так, как решишь ты.

— А тогда чего ты от меня хочешь услышать, Николай?

— Не пойму я тебя, Алексей, не пойму! Мы с тобой уже давно вместе работаем, а никак я тебя не распознаю,— Попов потушил в пепельнице окурки и вновь из пачки извлек другую папиросу. Долго мял ее пальцами, а затем прикурил.— Ты осуждаешь действия Петрова или нет?

— Я, Николай, если ты помнишь, воевал. Был политруком стрелковой роты, ранения имею.

— Конечно, помню. Но какое это имеет отношение к нашему случаю?

— Самое непосредственное. Мне на войне тоже приходилось вот так, как и Петрову, угрожая оружием, останавливать убежавших с поля боя бойцов. И стрелять приходилось поверх их голов, чтобы остановить. Под страхом смерти остановить. А иначе нельзя было. Вот и Петров поступил также. Он молодец, хороший парень, этот Петров. Я бы с ним в разведку пошел,— засмеялся парторг.

— Тогда зачем нужно было...

— Зачем нужно было устраивать этот спектакль с разбирательством? — перебил начальника шахты парторг.

— Да. Сразу похвалил бы Петрова и все. А то довел парня до того, что тот, бедняга, от переживания аж покраснел весь, зачем?

— Мне, Николай, хотелось видеть реакцию его товарищей, как они в сложившейся ситуации поведут себя? Не струсят ли под начальственным напором? Не предадут ли парня? Не предали, молодцы! И Копейкин молодец. Как он лихо преподнес нам этот момент с горбылем, представив его не как преступление, а как обыкновенный рабочий момент. А ведь он фактически тем самым дал установку Ивану и всем остальным, в случае чего, чтобы Петрова не привлекли к ответственности, давать именно такие показания. А он среди шахтеров пользуется большим авторитетом,— парторг докурил папиросу и бросил окурки в пепельницу.

— Копейкин судимый. Отбывал за то, что где-то кого-то покалечил, я сейчас уже не помню,— проговорил Попов,— Но авторитет он имеет не из-за этого. Он — настоящий работяга! Норму дает с лихвой! Передовик!

— И товарищем хорошим оказался,— соглашаясь с начальником шахты, добавил парторг.

— Алексей, скажи, а кто же к тебе жаловаться приходил? — осторожно спросил Николай Иванович.

Парторг вздохнул и вновь потянулся к лежавшей на столе папиросной пачке, закурил.

— А тебе очень хочется об этом знать? — спросил он.

— Очень,— ответил Попов, и сжал парторгу руку.— Очень, Алексей. Пойми, мне же с ними со всеми работать, я же должен знать каждого. Кто из них кто? Кто на что способен? Кто на порядочность и подвиг, а кто на подлость и предательство? Кто чего стоит? Пойми!

— Я слово дал этому человеку.

— Клянусь тебе, дальше этого кабинета наш разговор не выйдет.

— Ну, так и быть, скажу тебе. Бригадир ко мне приходил — Жихарев Павел, и рассказал об этом случае с Петровым, да и еще о многом другом, что на шахте происходит,— тихо произнес парторг после довольно долгого молчания.

— Пашка?! — изумился Николай Иванович.— А я о нем другого мнения был! И в бригадиры его выдвинул! А он... — Николай Иванович вздохнул глубоко и, докурив папиросу, поднялся со стула.— Пойду я, Алексей Григорьевич, дела ждут. Ты заходи, побеседуем,— сказал Попов и направился к двери.

— погоди, Николай Иванович, погоди,— остановил его парторг.— Присядь,— он взял Попова за плечо и буквально силой усадил на стул.— Я вот с тобой еще о Петрове поговорить хотел, коли мы с тобой о нем разговор завели.

— Что еще, Алексей, ты узнать хочешь?

— А ты знаешь, что он у нас с тобой не комсомолец?

— Нет, я как-то не вдавался в такие подробности,— с безразличием пожал плечами Попов.— Работник он хороший, а комсомолец он или нет, мне не важно.

— Ты не прав, Николай. Это очень важно, и я думаю, что Петрову уже пора вступать в комсомол.

— В его возрасте люди уже в партию вступают, а ты — в комсомол! — усмехнулся Николай Иванович.

— В партию, всех попало, не принимают. Нужно сначала в комсомоле себя показать, а потом уже о партии думать.

— Ну, так действуй, Алексей. Вызывай Петрова и разговаривай с ним,— предложил начальник шахты, вставая со стула и тем самым давая понять, что разговор на эту тему закончен. Но парторг вновь усадил его на место.

— погоди, Николай, погоди,— произнес он.— Дело в том, что у Петрова отец верующий, в церковь ходит.

— Отец Петрова — Матвей Кузьмич — наш бывший шахтер. Почетный пенсионер, честно отдавший шахте не одно десятилетие своей жизни. А в Бога он уверовал после того, как его завалило в шахте, и он больше суток пробыл под завалом. Все думали, что он уже мертв, а он лежал бревнами и землей прижатый и пошевелиться не мог. Хорошо, что не раздавило его, и воздух к лицу поступал. А когда его откапывать начали, он и подал голос из последних сил. Я тогда, правда, здесь еще не работал, но слышал эту историю от других людей. Вот после этого он и уверовал в Бога.

— Боюсь, там не одобряют,— парторг указал пальцем в потолок.

— А ты, Алексей, не бойся. Фрицев на войне не боялся, а здесь — испугался? — ухмыльнулся начальник шахты.

— Ну, что же, тогда буду разговаривать с Петровым о вступлении им в комсомол,— проговорил парторг.

Случайно услышавший этот разговор Василий Копейкин почувствовал себя неловко, словно он залез в чужой карман, а из-за услышанного о бригадире-доносчике у него возникло чувство негодования. Он решил не встречаться с начальником шахты и, резко развернувшись, пошел по коридору к выходу быстрым шагом, размахивая в разные стороны руками, словно хотел стряхнуть что-то налипшее на них — нехорошее, неприятное, гнусное, подлое.

«Ах ты, сучка продажная! Ах ты, доносчик! Ну, я тебе покажу, мразь!» — возмутился он.

В этот день в шахте он работал с остервенением, с трудом сдерживая ненависть на бригадира, вымещая всю свою злость на угольных пластах и отбойном молотке, который не замолкал ни на минуту. Работавший с ним напарник не поспевал за ним и вскоре, загнанный бешеным темпом Копейкина и ощутивший резкую нехватку кислорода, упал прямо на холодную и грязную землю, хватая ртом, как выброшенная на берег рыба, воздух. Только тогда Копейкин остановился, и сам присел на землю обессиленный. О том, что ему удалось случайно узнать о доносе бригадира Жихарева, он решил никому ничего не рассказывать. Василий сам решил наказать Жихарева, наказать по-своему, только ему одному известным возмездием.

Ефим Гаммер
(г. Иерусалим, Израиль)

ИЗРАИЛЬСКИЙ КОЗЬМА ПРУТКОВ

Член редколлегии израильских и российских журналов «Литературный Иерусалим», «ИСПРАГЕО», «Приокские зори», автор 20 книг стихов и прозы, лауреат Бунинской и многих других российских премий. Живет в Израиле, печатается в России, Израиле, США, Франции, Германии, Англии, Канаде, Австралии, Швеции, Дании, Финляндии, Украине, Беларуси, Латвии. Член израильских и международных союзов писателей, журналистов, художников.

1

Сегодня, глядя из Иерусалима в далекое прошлое, я публикую совершенно нескретную переписку моего литературного героя Васьки Брыкина, проживающего в книге «Круговерть комаров над стоячим болотом», с главным редактором — в тот исторический момент — израильского литературного журнала «22» Рафаилом Нудельманом.

Васька Брыкин появился на свет в 1979 году после разговора с Яшей Цигельманом, когда он, член редколлегии журнала «22», сказал мне, что их «элитарное издание» обладает якобы «правом первой ночи». В переводе с языка крепостных литераторов это значило, что авторы как бы обязаны предоставлять журналу каждую новую вещь. Этакая рабская зависимость, согласитесь, закрывала перед ними двери иных, не менее уважаемых изданий. К тому же, опять-таки согласитесь, не очень приятно предлагать в другое уважаемое издание произведение, уже забракованное кем-то, не менее умным и авторитетным.

Тут меня и осенило: вам нужны творческие личности — безличности, знающие только один адрес? Пожалуйста, получите. И, согласуясь с расписанным по учебникам примером из отечественной литературы, я создал среди родных олив израильского Козьму Пруткова и Ивана Петровича Белкина в одном лице. Поселил его в провинциальном Кирьят-Гате, где жили мои родители, бабушка, тетя Софа с мужем и детьми, усадил за пишущую машинку «Москва» и сказал: «дерзай!» Так появился на свет писатель Васька Брыкин, большой любитель белоголовочки и женского пола. Был он по профессии моряк, по призванию литературный мистификатор, но при этом желал прослыть еще и признанным мастером слова в обеих израильских столицах разом, в Тель-Авиве и Иерусалиме. А чтобы прослыть им, необходимо было появиться во всей красе своего неисчерпаемого таланта на страницах журнала под забойным названием «22», престижного, прежде всего, по версии самих 22-х его верных авторов и столь же верных читателей, коих в то запойное время приходилось минимум по одному (читай: муж — жена) на брата-писателя.

Рожденный экспромтом, «верный человек и живой роман» Васька Брыкин начал с 1979 года регулярно посылать из Кирьят-Гата по почте свои новые произведения в журнал «22». И не кому-нибудь, а лично главному редактору Рафаилу Нудельману.

В результате творческого соревнования с графом Алексеем Толстым и братьями Жемчужниковыми, родителями Козьмы Пруткова, а заодно и с Александром Сергеевичем Пушкином, отцом Ивана Петровича Белкина, под моим неунывающим пером возник первый на русскоязычной улице Израила диссидентский роман в эпистолярном стиле.

В редакции «22» терялись в догадках: кто это так настойчиво стучится с улицы в их наглухо закрытую для посторонних дверь?

Не располагая возможностью самостоятельно разобраться в литературных достоинствах Васьки Брыкина, рискнувшего без маститого «рекомендателя» штурмовать неприступный Парнас, уважаемые редакторы не печатали ни строчки из его творений, превращая себя на его глазах во все менее и менее уважаемых.

Как же они были ошарашены, когда Васькин «самотек» внезапно преобразился в книгу. Это трудно воспроизвести, но легко вспомнить.

В 1982 году с выходом в свет произведений Васьки Брыкина, но уже под обложкой моей книги «Круговерть комаров над стоячим болотом», литературная мистификация раскрылась.

Книга, естественно, была отправлена с дарственной — Рафаилу Нудельману от Васьки Брыкина. Из провинциального Кирьят-Гата — в столицу средиземноморских литераторов Тель-Авив.

Рафаил Нудельман был несколько смущен, заодно и огорошен превращением никому не ведомого Васьки Брыкина в Ефима Гаммера.

И тут же откликнулся поэтическим посланием:

*«Вася Брыкин — это гений
Выше всех определений!
Как Эйнштейн во время оно
Ниспроверг он все каноны,
Создал новый тип романа,
И за то ему осанна!»*

2

В 1979-ом я не подозревал, что мои мытарства с устройством на работу по специальности, полученной в университете на журфаке, продолжатся еще год, и только с 1 ноября 1980-го я наконец-то официально превращусь в израильского журналиста, оформленного на ставку редактора радио «Голос Израиля». И не завтра-послезавтра, а спустя почти три года, в 1982-ом, выпущу в свет «Круговерть комаров над стоячим болотом», книгу, ставшую в одночасье сенсацией всего русскоязычного зарубежья — от Израиля до Франции, Германии, США. В Америке ее без уведомления автора издали в виде серии тонких книжек под названием «Литературные приключения Васьки Брыкина». А сейчас всего лишь осень 1979 года, и у меня на повестке дня срочная ездка в Кирьят-Гат.

Оттуда, из провинциального тихого города, я отправлю первое послание — «засыл», как пишет Васька Брыкин, в журнал «22». И тем самым наступательно, по Михайло Ломоносову, начну предметно доказывать, что может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов еврейская земля рождать.

Ассоциация первая

ПО АВГИЕВЫМ КОНЮШНЯМ ПАРНАСА

Эпистолярная повесть в стихах и прозе, рассказывающая о несостоявшейся любви между сильными мира сего и грандиозно известным в мире том Васькой Брыкиным, так и не домогшемся от них сердечного признания.

Засыл первый

Дорогой Рафа!

Пишу тебе по-еврейски, значит — на «ты»...

Как ты знаешь из истории русской журналистики и, надеюсь, не только русской, открытие таланта, а с ним и нового имени, всегда было одним из истинных стремлений толстого, еще не заленившегося от лежки на пыльных полках журнала. Тем более, сейчас, в пору, когда с массовым выездом в семидесятых годах советских людей за рубеж зарождается международная русская литература, столицей которой может стать Иерусалим. Правда, в том случае, если ты поддержишь меня и начнешь публиковать на страницах твоего приятного на вид издания. А не поддержишь, гляди, столицей обозначится Париж или Нью-Йорк. И ты со своим печатным органом окажешься в глухой провинции, как бывало прежде, когда под видом урожденного одессита жил в России, но не в столице ее белокаменной, не в Москве-матушке, а в сторонке, привечаемой скорым поездом — «ту-ту!».

Если я верно понимаю цели и задачи твоего, в будущем всесветного журнала, то журнал — долгие ему лета, от его 22 до 120! — не должен без дрожи душевной поворотить меня назад в безвестность. Ибо журналу при его 22-ух-х! не достает до ровного счета 11-ти зубариков, чтобы литературно-кусачий рот стал мудрым до краев и во всю пасть!

Видя своим критическим оком такое дело, я, Рафа, готов пойти к тебе навстречу и самолично, раз во мне столь острая нужда в танковых войсках нашенской литературы, заменить все недостающие 11, но на условии, что в игру принимаешь на равных. Разумею, конечно, ставка в нашей игре серьезная, и еще какая, зубы! Но не бойсь! Я без подвоха! Свои зубарики на полку не положу. А то противники дознаются и донесут тебе по советской привычке — якобы Васька — обманщик, зубы бережет от Алтаря Отечества, куда живот принято складывать. Поверь мне, Рафа! Я честный, я молодец, один из тех, из 33-ти батыки Черномора. Так что не подведу со своими зубариками. А насчет чужих... Эх, раззудись, рука! Да будет тебе, Рафа, известно, я по молодости лет быка с ног валил, когда мы сходились с ним поутру с бодуна.

Свои произведения, написанные, как ты уже, наверное, успел заметить взыскательным глазом, не каким доходягой-скелетиком, а вечным пером, никому я еще не предлагал, памятуя, что ленивые на шевеление мозгой журналы мне откажут в любви и дружбе. Ибо, если журнал не шевелит мозгой, редактор его — одно сплошное самомнение, без проблесков мысли.

Я же нуждаюсь в ином редакторе: с кругозором, с понятием, с игрой воображения! Только человек с гибкими извилинами, стремительной реакцией прирожденного журналиста, лишенный ложного, с отложением сала на физии самолюбия, в силах уразуметь, какие выгоды получит от союза со мной.

Полагаю, ты, Рафа, понял, в какое лабиринтное сердце клоню я со своими приношениями.

Если я не ошибся в тебе с нынешними своими, очень умозрительными представ-

лениями, то мы поладим. И столица международной русской литературы будет провозглашена в древнем Иерусалиме.

Васька Брыкин.

4

Семейные обстоятельства всегда заставляют ожидать лучшего. А тут ни работы, ни денег. Подработка тренером по боксу в поселении Гивон, что под Иерусалимом, практически не в счет. Чек на издание книги — добро неприкасаемое.

А нужно купить то, купить это.

Света, моя жена, на седьмом месяце. И разговоры сплошь не об издании книги, а о коляске, ползунках, детском питании и перспективах, коих в наличии не разглядеть даже в телескоп — не Марс, не Сатурн, не летающие тарелки.

5

Ассоциация вторая

Засыл второй

Дорогой Рафа!

Понимаешь, я малость поиздержался в матерном... извиняюсь, в материальном отношении. Хоть плачь, нет денег! Никак их не нашомеришь в нужном сердцу и душе количестве! (Шомерить — это по-израильски — «сторожить», то бишь, работать охранником.)

Однако, как все транжиры и моты, я отвергаю с презрением копейку, что рубль бережет, и намерен поправить положение — знаешь за счет чего? Нет, не знаешь! За счет безумных начинаний. Посему, беря пример — напрягись, и догадаешься с кого — намечаю открыть для обозрения свой орган, на сей раз печатный «Фаршированные крылья Пегаса».

Приглашаю к сотрудничеству. На тех же ваших условиях. Бесплатно! Но даю слово, тот, кто первым пришлет мне стихи или рассказ, корреспонденцию, либо статью, имеет реальную возможность стать первым заместителем главного редактора, второй, разумеется, не поспеет за первым, и будет признан вторым заместителем, третий, само собой, третьим. А для четвертого — бди и помни! — место уготовлено только в рядах славной, но уязвленной положением редколлегии.

Спешу — пиши, Рафа! Орган — не штука! Будет, я обещаю, и тебе где печататься.

И имей в виду, что именно отсель пойдет международная русская литература. Штаб-квартиру я обустрою в Израиле, а отделения в США, Англии, Франции, Германии.

Как тебе? Нравится? И мне нравится!

Заодно прими также новые творения моего ума, питаемого сердцем и неистощимым творческим духом.

Пока просто Васька Брыкин, верный человек и живой роман,
а через месячишко — гляди уж! — главный редактор
журнала «Фаршированные крылья Пегаса», призванного стать
родоначальником международной русской литературы.

Ассоциация третья

Засыл третий

Приветствую тебя, Рафа, из солнечного Кирыт-Гата!

Имею удовольствие доложить, что придуманное мной понятие «Международная русская литература» мало-помалу складывается сейчас в сознании людей, независимо от того, в какой стране они проживают — в России, Израиле, Франции, Германии, Соединенных штатах Америки, Канаде или Австралии. Произошло то, о чем я сообщал тебе по секретке еще в самом начале нашего эпистолярного знакомства, когда я тебе пишу, а ты мне в ответ молчишь. Правда, и сейчас помыслить еще нельзя, что наша, диссидентского толка, литература, прежде создаваемая в России, а потом под рефрен «Мы не в изгнании, мы в послании» в Иерусалиме, Париже, Нью-Йорке, вернется в Россию и будет себя комфортно чувствовать в своем родном доме. В том отчем доме, из которого мы, теперь уже писатели и поэты разных континентов, вышли в семидесятых годах в кругосветное путешествие, представляя собой разнородный экипаж нового библейского ковчега.

Представляю, с какими айсбергами нам еще предстоит столкнуться. Но при этом полагаю, что команда корабля, подняв творческие паруса, не изменит намеченному курсу, не бросит якорь на полпути к заветному берегу.

Вспомним, экипаж библейского ковчега стал родоначальником всего современного человечества. Кто знает, может быть, и о нас впоследствии будут говорить, как о родоначальниках новой русской литературы, не имеющей уже никаких географических границ, как о создателях высокохудожественных произведений, ставших достоянием грядущей эпохи, уже свободной от советской цензуры. Разве снижается значение произведений Гоголя, Тургенева, Достоевского из-за того, что они написаны за границей? Или Набокова, Алданова, Солженицына, Аксенова, Войновича?

А, Рафа?

Я уехал из Советского Союза в Израиль, когда лидеры государства ошибочно провозглашали, что «создана новая общность советских людей — советский народ». Уже тогда было ясно, что народы искусственно не создаются. Но что можно, так это создать творческое содружество людей различных национальностей, объединенных общностью языка и культуры. Для этого достаточно того, что в нашем мире есть русский язык! И есть мы!

Согласись с тем, что мы есть, и вперед. Но ты молчишь. Опять молчишь, как будто нас нет. В себе я уверен, Рафа: я живу, я существую.

Васька Брыкин,
провозвестник Союза международной русской литературы.

Ассоциация четвертая

Засыл четвертый

Здравствуй, Рафа!

Скажи душа — любезный друг, почему на тебя нашла болезнь-молчанка? Я тебе уже столько написал! Хватит на собрание сочинений, чтобы обессмертить наши име-

на. Я не жадный, славой завсегда с тобой поделюсь, что и делаю, заметь своим трезвым умом, сейчас, на этих страницах. Парнас ведь, который дрызгами засеян, как коммуналка. Мест для всех Пегасов хватит, по Авгиевым конюшням засевающим. Но с тобой никак не договоришься. А с кем, заметь, можно договориться, когда говоришь в один адрес, и все без ответа? Я ведь — скажу тебе по секрету — вывожу на каждом письме симптоматичными, сиречь тайными чернилами — «Лети с приветом — вернись с ответом». Прогладь меж строк горячим утюгом — текст и выявится на бумаге. Но, верно, нет у тебя утюга в наличии.

Тогда без утюга и не между строк!

Пусть мое тайное станет явным. Без всяких лабораторных анализов и химических экспериментов!

Я же, как истинный патриот Израиля, только для вашего журнала старался. Мечтал, чтобы ты и твои члены редколлегии — бойцы незримого для читателей фронта — раскрыли мой недюжинный талант, каковой библиофилы грядущих лет двадцать первого века будут с лупой у глаз выковыривать из всех 22-ух-ух! Ан, нет, ошибся в тебе...

Адю, Рафа! Не хотел печатать меня за патриотизм, потом возмечтаешь печатать за деньги. Те из них, которые не пахнут, пожертвую на свободу печати.

Васька Брыкин,
главный редактор журнала «Фаршированные крылья Пегаса»,
независимого и самого свободного в мире.

8

Алкоголикам — раздолье, язвенникам и трезвенникам — беда. Пей вдоволь, хоть залейся водкой, коньяком, вином. Ходи враскачку, ходи на карачках, хоть по собачьи, перебирая лапами, никакой полицейский в Израиле не остановит, в каталажку не потащит, штраф не выпишет.

Пурим!

В ночь со второго на третье марта 1980 года пошел валить снег. Первый снег на моей памяти в Иерусалиме, небывалая радость в самый карнавальный праздник, когда евреи всего мира отмечают с бокалом и стопкой свое чудесное спасение от всеобщего уничтожения. Было это 2400 лет назад в персидском царстве-государстве, которым правил Ахашверош — царь, не имеющий, пожалуй, семи пядей во лбу. По его глупости и благодаря проискам придворного злодея Амана еврейская община страны была обречена на смерть, но спасение пришло от мудреца Мордехая и его воспитанницы — царицы Эстер.

«В Пурим,— сказано в Талмуде,— надо обязательно выпить так, чтобы не отличать проклятий Амана от благословений Мордехая».

В этот момент, когда мы и наши гости готовы были выпить до предписанных в Талмуде требований, моя жена внезапно надумала рожать.

— Ой, Фима! Приспело! — сказала как-то растерянно.

Я за руль. И — скорей! Скорей!

На четвертом этаже больницы волосатые руки акушера — роста он был выдающегося, два метра, не меньше! — подхватили Свету прямо в коридоре — и в родильное отделение.

Не прошло и пяти минут, как я услышал младенческий крик. И понял: так ликующе способен кричать только мой сын Рон Гаммер.

Человек родился! Первый «сабра» — коренной израильтянин — родился в нашем очень многочисленном семействе.

Тогда я и решил: если мне доведется учреждать литературную премию, то назову ее...

И назвал — «Премия Рона».

ПРЕМИЯ РОНА

Редакция журнала «Фаршированные крылья Пегаса», где главный редактор Васька Брыкин, учредила международную литературную премию имени Рона. Этой — отныне и навсегда! — по-настоящему престижной премии смогут удостоиться только те из кандидатов на бессмертие, кто не столько думает о бессмертии, сколько работает пером и мозгами. Первое и единственное условие: кандидаты принимают участие в конкурсе на общих основаниях. Общих оснований не так уж много — всего одно: необходимо прислать в редакцию свое произведение, не важно — в стихах или прозе. Важно, чтобы оно соответствовало уровню дарования автора. На конкурс принимаются как изданные, так и неизданные произведения. Первые выигрывают! Вторые не проигрывают! А третьих в наличии нет! Итак, седлайте Пегаса, и вперед на Парнас. Славой поделимся — не жадный!

9

Ассоциация пятая

Вскоре после издания «Круговерти комаров над стоячим болотом» — книги о Ваське Брыкине, «верном человеке и живом романе», русском по паспорту в России и еврее по Галахе в Израиле, я получил напечатанное на официальном бланке стихотворное послание главного редактора журнала «22» Рафаила Нудельмана, стилизованное под штиль моего литературного героя.

Публикуется впервые — библиографическая редкость!

ДРУГ ВАСЯ!

*Получивши опус твой,
Спешу поздравить, дорогой!
Выпустить такую книгу —
Не властям в кармане фигу
Показать, как все мы «там»
Норовили «тем» властям.
Полагаю, что пророк
Все же прав был, что изрек.
Хоть и вычеркнул ты, Вася,
Я с Игнатием согласен:
Быть тебе лауреатом,
Знаменитым и богатым,
И тебя прославит хором
Весь писательский наш форум.
(Даже те, кто по злобе
Позавидует тебе.
Есть еще такие, Вася,
В эмигрантской нашей массе).
И врагам твоим назло*

*Потечет к тебе в Гило
Полноводною рекой
Чек на опус новый твой.
Шаг свершил ты эпохальный,
Хоть кому-то и нахальным
Показаться может он.
— Как? — вскричит он, уязвлен.
Ты на эти злопыханья,
Вась, не обращай вниманья:
Хоть и нету чувства ниже —
Зависть, Вася, миром движет!
Так что, может, и завистник
Что-нибудь в отместку тиснет,
А ему в ответ другой
Клеветон напишет свой —
И начнется литпроцесс:
«Кто кого сильней уест!»
Я ж, от зависти свободен,
Говорю при всем народе:
Вася Брыкин — это гений,
Выше всех определений!
Как Эйнштейн во время оно,
Ниспроверг он все каноны,
Создал новый тип романа,
И за то ему — осанна!
Вот он, грянул, наш Мессия —
Брыкин-Гаммер из России!*

*Вася, остаюсь в надежде,
Что напишешь мне, как прежде,
Не взирая на роман.
Остаюсь, Нудельман.*

Добившись полного признания, «верный человек и живой роман» Васька Брыкин тут же откликнулся литературной премией Рона, названной в честь моего сына, которой на равных были удостоены личный его оппонент Рафаил Нудельман и личный его автор Ефим Гаммер, то бишь я.

В денежном эквиваленте премия составляла всего пятьдесят долларов. Вся эта сумма и была переслана по почте Рафаилу Нудельману. Больше Васька, даже после сдачи бутылок в ларек, не смог раздобыть: «оле-хадаш» — новый репатриант. Одно удовольствие, что и пятьдесят долларов — тоже деньги, в особенности, если вручены с Почетным Дипломом лауреата. В сопровождении Васькиных стихов на случай:

*Раз осанна, так осанна!
Петь и я умею то ж.
Рафаилу Нудельману
отдаю последний грош,
ибо он своей осанной
очень в сердце Васьки вхож.*

*По простецки, рад я, Рафа,
что добился ныне права
быть отмеченным тобой.
Руку жму, как прежде, правой,
и готов, как прежде, славой
поделиться, я — такой!
И редакторское кресло,
если станет мне в нем тесно,
мог бы, Рафа, уступить.
Но ведь ты, заметь-ка честно,
на мое не сел бы место.
Так что... Так тому и быть —
на Парнас тропой болезной
будем вместе восходить.*

*Ты условие исполнил.
Стих прислал. При свете молний
я его читал. Уверен,
ты достоин всяких премий.
Но учти, во время оно,
лучше нет, чем... точно... Рона!*

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ
ПРЕМИЯ РОНА

лауреаты (по алфавиту)

Е. ГАММЕР
Р. НУДЕЛЬМАН

3 марта 1983 года

Эта премия была вручена Рафаилу Нудельману точно в указанный срок.
В день рождения — трехлетие — моего сына Рона, первого коренного израиль-
тянина — «сабры» в нашей семье, который появился на свет в заснеженном по-
российски Иерусалиме 3 марта 1980 года.

Лариса Семенищенкова
(г. Брянск)

ЖИВАЯ ВОДА

Родилась 8 ноября 1949 года в поселке Дубровка Брянской области (Россия). Пишет пьесы, рассказы, сказы, сказки, стихи для детей. Автор книг: «Мой театр» (2012), «Анюта-Узорница» (2014), «Волшебный лес» (2015). Лауреат всероссийских и международных литературных премий, в том числе Всероссийской премии «Левша» им. Н.С. Лескова (Тула, 2014). Член Союза писателей России, член международной общественной организации «Союз писателей и мастеров искусств», член Союза писателей Союзного государства. Живет в Брянске. Быль-сказка «Живая вода» адресована детям среднего и старшего школьного возраста.

В селе Красный Рог, бывшем имении Алексея Константиновича Толстого на Брянщине, живут еще люди, которые знают интересные истории о нашем писателе. Слышали они их от старожилков, а те, в свою очередь, от очевидцев. Передаются эти истории из уст в уста от человека к человеку. Запомнился и мне сказ о том, как Алексей Константинович узнал секрет живой воды и нам этот секрет передал. Интересно? Рассказывал старый человек, а я записала. Ничего не прибавила, если только совсем чуть-чуть. Может быть, и вы потом кому-нибудь расскажете. Так живет память о человеке, который сделал много добрых дел для людей и для своей земли.

Вот эта история.

— О необыкновенной силе Алексея Константиновича Толстого многие знают. Еще в детстве удивлял он окружающих ловкостью, меткостью, смелостью, а это в детских играх всегда вызывает уважение сверстников. Был он большой выдумщик, сам придумывал разные ребячьи забавы. Например, ради шутки поднимет своего товарища, перебросит через плечо и бежит с такой ношей, еще и подпрыгивает, как будто лошадка скачет. Весело всем! Если стреляют из самодельного лука, так его стрела дальше всех летит, кажется, что до тучи долетает. Гирию тяжелую поднимал, как мячик. Чем не богатырь! Подрастал Алексей Константинович — силы у него только прибавлялось. Вспоминали дворовые люди Красного Рога, как в юности их барин свободно скручивал ручку и зубья серебряной вилки, гнул подковы, одной рукой поднимал от земли взрослого человека, свертывал пальцами монеты. Иногда подшучивал над крестьянами. Придумал соревнование: садились на траву рядом два мужика, а граф — напротив них. Каждый упирался двумя ногами в его ноги. В руки брали палку и пытались перетянуть барина. А он одним махом перекидывал их через себя, они и опомниться не успевали. Смеялись потом над собой! Совсем не боялся холода. В Красном Роге над глубоким омутом реки присмотрел высокий бережок, прыгал оттуда без страха в воду, купался до самого наступления зимы. Матушка, Анна Алексеевна, очень беспокоилась, чужие люди удивлялись, а ему все нипочем.

То же делал, живя в Петербурге: каждое утро плавал в реке Неве, пока не подступали заморозки. Известно, что был Алексей Константинович отличным охотником, ходил по лесам, не зная страха. Медведя один мог одолеть. Говорят, что предлагал силой померяться самому государю, да тот отказался. Зато, как пришло время, взяли нашего богатыря на придворную службу. Ведь Алексей Константинович не только силу имел, но еще отличался умом и характером добрым. Знал много иностранных языков, стихи складывал. Был пожалован он званием камер-юнкера, а потом назначили его церемониймейстером царского Двора. Помогал он государю устраивать военные парады, принимать гостей заморских, послов из разных стран. Государь сильно им дорожил и не хотел отпускать от себя. Были они неразлучны: вместе на охоте, вместе на приеме важных гостей, вместе на балу...

Вот тут Алексей Константинович и удивил всех. Другие дворяне за счастье, за большую милость почитали при царском Дворе служить, а для Алексея Константиновича то было чистое наказание. Не любил он петербургскую жизнь. Поначалу было ему как будто все тут интересно, да быстро наскучило. Тянуло его к родной природе. Особенно любил Алексей Константинович Красный Рог. Кто бывал здесь у него в гостях, тот соглашался, что райское это место на Земле. Воздух, и тот особенный, причем в любое время года, а про красоту и говорить нечего. Леса богатые, в небе стаи орлов кружатся. Речка Рожок чистая и веселая, а рыбы в ней — видимо-невидимо. Конечно, красоту нашей природы разглядеть надо. Понаблюдать, прислушаться. Посидите на берегу Рожка! Каждую минуту что-нибудь новое объявится. Потянет холодком, налетит тучка, прикроет солнце — побежит по воде рябь чистого серебра. Пробьются лучи — засинеет вода, отразится в ней высь небесная. А там под кустом плеснет хвостом рыба и уйдет в глубину. И всегда кажется, будто с тобой все это говорит на своем языке... Душе радостно, мысли добрые приходят. Иной раз деньденской бродит Алексей Константинович по лесу и не надышится духом березовым. Встанет пораньше, чтоб не прозевать солнца восход, полюбоваться, как оно играет в чистом небе. А вечером выйдет на крыльцо и стоит долго. Любуется закатом, глядит, как тени от кустов и деревьев густеют, ползут по земле, будто живые. Прислушивается к звукам... Подойдет матушка, Анна Алексеевна, а он и скажет: «Слышишь волка? Хорошо-то как!» Матушка удивится: «Как не услышать? Да что хорошего, сын, в волчьем вое?» Алексей Константинович ответит ей: «Как же! Значит, жив хозяин лесной, вольно ему в густом бору, никого он не боится...» И добавит: «Ведь это все наша земля, родимый край...» Она подумает и опять скажет: «Вот соловей — другое дело». Тут как раз и соловушка защелкает. Слушают оба — не наслушаются. Иногда Алексей Константинович и ночь целую не спит. Сидит в кабинете, пишет свои сочинения под соловьиные песни. И придумывать ему ничего не нужно, тут идут слова из самого сердца. Вот почему в Петербурге, не раз среди шумного веселья, под звуки музыки на каком-нибудь балу вдруг станет он да задумается... И никто не знает, как хочется ему теперь посидеть на берегу речки любимой или оседлать горячего скакуна и помчаться по бескрайнему полю с ветром наперегонки... Вспомнится ему, как бывая в отпуске у своего дяди, оренбургского военного губернатора, Василия Алексеевича Перовского, охотился он в бескрайней степи. Как садился на коня и мчался по степному простору... Чует волю конь, мчит во весь дух, взлетает грива на ветру. И все кругом мило сердцу: и даль неоглядная, и птица, в поднебесье парящая. Как же радостно лететь, будто на крыльях, обгоняя ветер, и нигде не знать преграды!..

Алексей Константинович немало разных стран на своем веку повидал. Был в Италии, Франции, Германии... Чем может заграница удивить русского человека? Есть у нас леса густые, боры дремучие, степи неоглядные и горы высокие, реки чистые и моря глубокие... Города есть великие. Жизни не хватит, чтобы все объехать да обой-

ти. Красоты и богатства у нас столько, сколько и представить невозможно. Чему ж удивляться, что чужеземные охотники до нашего добра во все времена находились. То один захватчик объявится, то другой. Тут, как говорится, гляди да гляди...

Хорошая служба у Алексея Константиновича, но решил он твердо подать прошение государю о своей отставке. Объяснить, что не чины да звания ему нужны, а хочет он заниматься тем, что душа просит: писать про то, как чувствует он и как понимает красоту своей земли. В городской суете такие сочинения не пишутся, тут нужны тишина и покой сердцу...

Однако вышло все по-другому. Случилась Крымская война. Посягнули враги на российские земли, грозят со всех сторон: на севере с Белого моря, на западе — с Балтийского, на юге — с Черного, с Дальнего Востока.

Не любит русский народ воевать, но защищать свои границы научен. Вот уже сразилась бесстрашная флотилия адмирала Нахимова с неприятельским флотом в Черном море, разбила его в битве великой. Но враги не сдаются, новые корабли собирают. Уж сильно охота им похозяйничать на наших землях прекрасных. Бьются с неприятелем русские воины, но враги свои хитрости имеют, хорошо подготовились. На юге уже вошли они в Севастополь, ступили на крымские берега. Не хватает силы нашим защитникам. Повелел государь собрать в помощь им дружину из лучших стрелков городов русских. Прибыли добровольцы из Архангельской, Вологодской, Новгородской губерний. Из Сибири пришли сильные, смелые люди. Принимали самых ловких и метких стрелков. Отложил и Алексей Константинович свои дела. Не зря же природа наделила его силой богатырской. Обратился он к царю с великой просьбой: разрешить ему отправиться в далекий путь, чтоб силу свою и смекалку применить в святом бою против недругов. Подумал царь. Не хочется ему со своим помощником разлучаться. Честные люди при царском Дворе всегда нужны. Но пришлось разрешить. Понял, что не отступится от своего решения Алексей Константинович ни за что. Знал он его твердый характер. Не отпустишь — тайно уйдет. Принят был Алексей Константинович в Стрелковый полк офицером.

Не задерживаясь, отправилась дружина из Москвы пешим ходом в город Одессу, чтобы морскую границу охранять, и если надо будет, насмерть стоять в сражениях с захватчиками. Неблизкий путь, но других дорог тогда не было. А вот Алексей Константинович задержался, вернулся ненадолго в Петербург. Вспомнил он, что негоже на правое дело отправляться без родительского благословения.

Как полагается, попросил Алексей Константинович благословения у матушки своей, Анны Алексеевны. Поглядела она на сына с тайной радостью. С виду красив, статен. Сила дана ему недюжинная. Смел, ловок он. Слово умеет держать и чести не уронит. Вздохнула она по-матерински и благословила сына на ратные дела. При том наказывала: «Не дело в тяжелую годину для России подле матери сидеть или за царя прятаться. Знаю я, что наши границы беречь — первая обязанность мужчины. Силы тебе не занимать, однако всякое случиться может. Поступай, сын мой, всегда, как сердце доброе тебе подскажет, по совести. Таким Бог помогает». Перекрестила сына, с тем и отпустила. Простился он и с женой своей любимой Софьей Андреевной. И та не стала перечить его решению, только опечалилась и просила беречь себя по возможности и возвратиться с победою целым и невредимым. С тем отправился Алексей Константинович догонять свой полк.

Не думал, не ведал он, где поджидает его беда. Догнал Алексей Константинович дружину у самой Одессы, а от полка, считай, только половина осталась. Выкосила многих страшная болезнь, которая тифом называется. Свирипствовала она в тех краях. Теперь эту болезнь быстро лечат, уже и забыли, что бывает такая, а в то время заболел человек — и как Бог даст. Врачи, конечно, старались, да мало их было; не

хватало ни лекарств, ни докторов. Крепко задумался Алексей Константинович. Как быть? Точно витязь в сказке на распутье. Остаться ли здесь, в городе, чтоб товарищам помогать? Дождаться, пока окрепнут они и тогда вместе двинуться на недругов? Известная есть мудрость: «Один в поле не воин». Да на эту ведь есть другая: «И один в поле воин». Знаем мы, как богатыри былинные в одиночку вражью силу одолевали. Не лучше ль теперь отправиться своим путем? Сложить голову за Отчизну родную, честь отстоять и славу приобрести. На это и матушка благословляла... Вспомнил слова ее мудрые: «В трудности слушай сердце свое...» А что Софья Андреевна просила? — «Береги себя, не рискуй напрасно...» Как же лучше поступить ему? Трудная дума, очень трудная. Ко всему, вместо заболевшего командира полка Алексея Константиновича назначили. Что ж он за командир, если будет отсиживаться да выжидать?..

В раздумье пошел Алексей Константинович к морю. Не подскажет ли оно? Всегда думалось ему лучше возле речки, в лесу или в поле. Прошелестит осинка, погладит щеку ветер, покачает головой колокольчик — как будто утешат, успокоят, тут что-нибудь и придумается. Видит Алексей Константинович: потемнело синее море. Хмурится небо, тучи низко клубятся... Будто сердится волна, бьется о берег, холодными брызгами обдаёт. Думает он: «А ведь немного еще враги подвинулись на земле нашей. Сама природа помогает. Случился накануне шторм на море страшный, новый флот вражеский потрепал. Не скоро оправятся. Вот и теперь штормит. Стало быть, есть еще время. Можно товарищам помочь, ведь его самого никакая болезнь не одолеет. А главное — не бывало случая такого еще, чтобы он в беде человека оставил... Об этом сердце говорит». И только так подумал, как чудо случилось. Алексей Константинович сам рассказывал про это и очень дивился. Вдруг, откуда ни возьмись, налетел теплый ветер, разметал темные тучи, и солнце просияло в небе, озолотив морские волны. Поднимается волна, лучами озаренная, белой пеной ласково у ног рассыпается. И кажется, что вот-вот сказочная золотая рыбка вынырнет из глубины морской... Как будто и показалась уже, да тут же под воду ушла. Или это солнце дразнит?.. Глядит Алексей Константинович на диво дивное, и радостно его сердцу — значит, верно он думает. Решил все разом. Вернулся, сложил свое оружие и принялся ухаживать за солдатами больными, за офицерами. Не зная усталости, помогал докторам. А в добрую минуту сядет подле больного и читает ему стихи свои, что написаны были в счастливое время. Стихи как будто простые, нехитрые: про дождя отшумевшего капли; про бор сосновый, где меж деревьев бежит и журчит ручей; про песни косаря утром ранним; про сердечную радость при звоне колокольном; про то, как однажды коснулась души любовь, подобная дуновению майской ночи, и нет уж в природе ничего, чтобы не дышало любовью... Заметил он, что идет от слов этих чудесная сила. Прислушается больной, и вдруг оживится его взор, как будто забудет на миг свои муки, и захочется ему встать скорее! Вот оно что! Боится, стало быть, темная сила доброго слова! Значит, не зря Бог дал ему вдохновение, вот где пригодилось! И читает он еще товарищам про милые края, где все обильем дышит и реки льются чище серебра; про степные колокольчики, неукротимый бег лихого коня в чистом поле — про то, где нет места злу, а есть одно только добро...

Многие поправляться стали, окрепшие уже в поход отправляются. Да вторая беда налетела, как черная туча. Не пощадила болезнь самого Алексея Константиновича, сразила его силу богатырскую. Что ж, известна злодейка коварством своим. Сколько мог, держался Алексей Константинович, пока не впал в беспамятство. Лечат его доктора, да все хуже дело. Дошла весть о том до Петербурга, до самого царя, узнала про то и Софья Андреевна. Тут же снарядилась она и отправилась в путь мужа поддержать. А как до Одессы добралась, так Алексей Константинович уж и глаз не открывал, и Софью Андреевну не узнал совсем... Плохо. Того и гляди, последний дух испустит. Что

делать? Как быть? Лекарства привезла она лучшие, от государя слова хорошие. Но для болезни и слово царское не указ. Не хочет отступать, крепко вцепилась...

Мечется в бреду Алексей Константинович. Вот уж видится ему, что падает он в темную бездну; или стены каменные давят грудь, вздохнуть не дают; вот уж птица страшная хочет накрыть его черными крылами. То ли ворон это, то ли злой коршун. Отогнать бы, да нет силы и рук поднять... «Эх,— думает он,— узнать бы только, скоро ли победим мы неприятеля, кажется, другого уж мне и не надо». Вдруг посветлело вокруг. Взметнулась к небу черная птица, будто чего-то испугалась. И есть чего бояться ей! Птица белая в небе явилась откуда ни возьмись, смело полетела навстречу врагу. Столкнулись они, и пошла между ними битва не на жизнь, а на смерть. Ударятся друг о друга — черные перья посыплются с неба, затмевают свет белый; ударятся в другой раз — белые перышки полетят. Чья возьмет? Вот черная птица одолевать стала. Видно, много зла у нее, а биться — привычное дело. Слабеет птица белая, все ниже опускается. Глядит на это Алексей Константинович, и одно желание у него: «Вот бы мне сейчас стрелу мою, какая еще в ребячьих забавах долетала до самой тучи!» И только так подумал, как в руках его оказались лук и стрела легкая, послушная. Натянул он тугую тетиву и, не мешкая, послал стрелу к цели. Замер на мгновение злодей, а крыльев расправить не может. «Долетела стрела!» — радуется Алексей Константинович. А белая птица, собрав силы свои, клюет противника, бьет его крылами. Крутится он, уворачивается, да вот уже камнем летит к земле. Вот его и совсем не стало, только перья еще кружатся, разметает их ветер во все стороны... И тут послышались отовсюду крики радости. Видится Алексею Константиновичу, как дружина его наступает на вражьи полчища. Узнает он лица товарищей, которых лечил, не жалея сил своих. Одного, другого, третьего... «Теперь бы мне коня моего вороного! — думается ему. — Помочь бы дружине! Жизни за это не жалко!» Тут же явился перед ним его верный конь. Подхватил седока — откуда у того сила взялась? — и помчал, что есть мочи. Летит, земли не касаясь, обгоняя ветер; вот они уже впереди всех! А храбрые воины, увидав своего командира, быстрее настигают неприятеля, бесстрашно врзаются в их полчища, бьют захватчиков. Обратились в бегство разбойники. Разве кто устоит против силы великой нашей богатырской! Слово «Победа!» далеко слышно... Но вздрогнул внезапно конь и рухнул на всем скаку оземь, как подкошенный, сбросив седока. Настигла его пуля злодейская. Лежит воин один на поле брани, и опять подняться не может. Видно, вся сила его битве отдана. Но не страшно Алексею Константиновичу, а радостно. «Наша взяла! — думает он.— Не истопчут враги поля чистые, не будет их власти в краю родимом!» Жалко коня вороного, друга верного, да ведь сослужил он свою службу добрую, не напрасно растили его и холили. Теперь бы и с матушкой повидаться. Выйти бы на крыльцо дома родного, прислушаться — жив ли хозяин лесной? Радует ли соловушка? Подставить бы лицо ветру вольному, степному, охладить жар. Да как подняться? И видит: склоняется над ним дева прекрасная, что никаким пером описать невозможно. Руки ее будто крылья лебединые, глаза, точно синяя гладь морская; венец ясной звездой украшен, а под косой — вот так диво! — месяц блестит... Как будто видел он ее раньше. Точно, знает ее. А дева улыбнулась и молвит: «Ты не коршуна убил — чародея подстрелил!» Знакомые это слова, очень знакомые, и говорит красавица, будто реченька веселая журчит... «Значит, нет больше зла на нашей земле», — понял Алексей Константинович. А дева прекрасная подносит к его лицу чашу со студеной водой. Ловит он губами капли прохладные, и с каждой капелькой легче ему дышится, силы прибавляется... «Так вот она какая, живая вода!» — подумал Алексей Константинович.

Тут и открыл глаза. Сидит у его изголовья не сказочная царевна, не прекрасная королева, а жена любимая, Софья Андреевна. Одета скромно, платочком косы по-

добраны, а очи, что звезды ясные. Слезы по щекам ее текут, а сама улыбается. Берет его за руки и слова от радости не может вымолвить. Миновала беда! Рада-радешенька Софья Андреевна, рады товарищи. На поправку дело пошло!..

А пока Алексей Константинович силы набирался, у врагов ее убавлялось. Известное дело: война никому впрок не идет. Много уже людей побито, много орудий, кораблей уничтожено. А русские все сопротивляются, хоть силы на исходе. В одном месте отступают, а в другом наступают. Согласились неприятели подписать мир. Восполнить потери, передохнуть, а главное — разведать-вызнать секрет русских: почему нельзя их победить силой несметной; останется один — и тот не сдастся. Кажется, восстают из мертвых и становятся опять в строй...

Много времени с тех пор прошло. Армии иноземцы собрали мощные, орудия придумали смертоносные, начинали войны не раз, а вот секрета так до сих пор и не разгадали. И не разгадают никогда. Потому что никогда не поймут они русского человека. Не числом наша армия сильна и не одним оружием, не одной силой богатырской. Богатыря тоже сразить можно. Илья Муромец, и тот сиднем сидел тридцать лет, встать не мог. Это хорошо понял Алексей Константинович. Потому, когда вернулся он в Красный Рог, попросил все же отставку у государя и много произведений написал про то, что бессмертно на земле только одно добро. А те русские солдаты и офицеры, которым помог Алексей Константинович с болезнью справиться и которые остались живы после боя великого, тоже вернулись в родные места и подумали: «Ничего. Еще пригодимся мы Отечеству славному. Заменяем в бою погибших воинов, если надо будет». И слово сдержали. Вырастили они сыновей прекрасных, передали им свою тайну, так что не оскудела земля русская храбрецами. А силу нашу судьба не раз проверяет, закален русский человек испытаниями. Природа, и та бывает к нам сурова, неласкова. Как придут холода, завоют ветры, начнут бураны хозяйничать: поломают деревья, птиц, зверей испугают. Нанесут снегу — замрет все. Кажется, жизни конец, и помощи прийти неоткуда. Но терпелив русский человек. Непременно дождется. И выйдет солнце: кругом белым-бело на всей земле, и конца-края нет свету белому... Столько простору, что не нарадуется душа. Ветру вольно на земле нашей, птицам в небесах просторно, зверю в лесах свободно и человеку хорошо. Может, оттого и живем мы долго на своей земле. И будем жить. Знаем мы секрет, где живую воду найти, когда беда придет. Про то Алексей Константинович и написал свое стихотворение в Красном Роге после похода своего. Вот послушайте:

*Край ты мой, родимый край,
Конский бег на воле,
В небе крик орлиных стай,
Волчий голос в поле!
Гой ты, родина моя!
Гой ты, бор дремучий!
Свист полночный соловья,
Ветер, степь да тучи!*

Ведь тут что ни слово — то живая вода для русского человека. Мы этот секрет хорошо понимаем. Разве не так?

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Валерий Демидов
(г. Тула)

ИЗ НОВЫХ СТИХОТВОРЕНИЙ

Родился в г. Болохово Тульской области. Окончил Тульский государственный пед-институт им. Л. Н. Толстого. Около 30 лет работал в местных и республиканских светских и религиозных изданиях. Вышли в свет книги «Лоза и ветви», «Образ и подобие», аудиодиск с записями стихов в авторском исполнении, диск с песнями на его стихи.

Член Союза журналистов СССР.

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК (9 МАЯ — ДЕНЬ ПОБЕДЫ)

Нет, не просто с фото в рамке
Влился в Полк Бессмертный я,—
Как отец, я тоже ранен
Злом фашистского зверья.

Вот иду среди портретов
Неживых уже людей,
Но живет на марше этом
Дух Победы и идей.

Хорошо, коль слезы рядом,—
Значит, память все жива.
Мне тепло соседних взглядов
Даже больше, чем слова.

Ложь, что *акция* проходит
В это время в городах,—
Нет, нас в Полк Бессмертный сводит
Память к тем, кто жил тогда.

Отстояли, окропили
Кровью тысячи дорог,
Воевали и любили
Кто как мог, но каждый смог.

Это нужно нам и детям —
Принести в Бессмертный Полк
И героев на портрете,
И знамен багряных шелк.

Кто-то грустно смотрит с фото,
Кто-то нам улыбку дарит,—
Здесь танкисты и пехота,
И раненя, и медали...

Завершится Марш Бессмертный —
Вы опять в дома вернетесь,
И, конечно, в День Победы
Снова с фото улыбнетесь.

БЕДНЯК

Я незаметно бедным стал.
Прожить на пенсию — проблемно.
Зато чиновничьи уста
Умеют сгладить эту тему.

Я сорок лет отдал труду,
Работал честно, бескорыстно,
А ныне в магазин иду,
Составив прежде скромный список.

Хлеб, молоко, картофель, зелень,
Куриных бедер пару штук,
Отказ от всяческого зелья —
Вот курс финансовых наук.

Квартплатный лист не знает меры,
Налоги давят там и тут,
А клан воров и лицемеров
Законов преступил черту.

Но я не упрекну Россию —
Она сама бедна, как я,
Коль мало в ней людей красивых —
Все больше трусов и гнилья.

Уже ушли, кто были честны,
Кто звались Родине сыны,
Кто обожал «Спартак» — не «Челси»,
Кто жил заботами страны...

И разве лучше быть богатым,
Иметь дома, счета, успех,
Носить самодовольства латы
И закрывать глаза на всех?

Жизнь в этом мире кратка, тленна.
Но всех превыше для меня
Не тот богач, кто в узах плена,
А верный Господу бедняк.

ИНТЕРНЕТ

Мой аккаунт снова кем-то взломан.
Атакуют вирусы веб-сайт.
Клики мыши не снимают злого
Хакерского выхода в офсайд.

Я в Рунете плаваю ночами,
Не стесняюсь выставить свой пост,
И мой домен с крепкими плечами
Уникален и совсем не прост.

В цифровой всемирной паутине
Так легко общаться и все знать!
Здесь дана возможность людям ныне
В гигабайтах мир запоминать...

Это технология пришельцев
Или хитрый дар от сатаны?
Те шаги, что сделал юзер Ельцин,
В путинские дни завершены.

Мы — рабы всесущего Инета,
Он — наш ум, учитель и кумир.
Эта виртуальная планета
Покорила весь наивный мир.

На помойках оказались книги,
Под угрозой прежние дела,
Облачились в интернет-вериги
Наши души, мысли и тела.

Победила мир сухая Цифра,
Все отныне в ней и для нее,
И теперь уже с приставкой «инфра»
Мы под этим куполом живем.

ВОЙНЫ

Автоматы не в меня стреляют
И орудий залпы — не по мне.
Понимаю разумом, что зря я
Так страдаю на чужой войне.

И когда вещают нам с экрана
О людских потерях и боях,
Я как будто получаю раны
И вбирает боли плоть моя.

Я умом бывал в горах Афгана,
Грозный брал в воюющей Чечне,
Побеждал с гранатой и наганом
Вражьи силы в страшном вязком сне.

Мне сжимали сердце чьи-то стоны,
Жажда мести мучила и жгла.
Панихид церковных перезвоны
Отпевали грустно жертвы зла.

Средь красот Пальмиры и Алеппо,
В разных точках стонущей земли
Воинства безжалостно и слепо
Рушат города и корабли.

Не бывает битвы без причины,
Но какой же верить стороне,
Если только сильные мужчины
Придают величие стране?

Почему истории страницы
Прославляют подвиги бойцов,
Не желавших думать и молиться,
И смотреть противнику в лицо?

Не народ развязывает войны.
Власть и деньги — вот цена борьбы.
И идут на белом свете бойни,
Заглушая разума мольбы.

Вот и я молю о мире Бога
В скорбный час, частенько по ночам,
Чтобы сильный слабого не трогал
И не разжигал войны очаг.

МЫ ЕЩЕ ПОЖИВЕМ

(Алексею Илюхину)

Мы еще проживем,
мой седой одноклассник Алешка.
Мы еще удивим
живым словом компьютерный век.
Нам бы только здоровья —
хотя бы немножко,
да поддержки Господней,
которою жив человек.

Знаешь, друг мой Алеша,
в чем сила терпенья,
без которой, пожалуй, уже не прожить? —
В нашей нежности,
в наших духовных молениях,
возводящих
на главные рубежи.

Бьют куранты уже.
Тихо колокол слышен.
Под ногами листва
нам о чем-то шуршит...
Слава Богу, что дух наш
не сломлен, не выжжен
и с годами сильнее движенья души.

Помнишь школьный тот вальс,
уносящийся в своды спортзала,
и последний звонок,
нежной трелью тревоживший нас?
Наша юность тогда
свое пылкое слово сказала
и тебя стать врачом позвала,
а меня — на Парнас.

Сколько лет с той поры
пролетело, мой милый Алеша!
Лучше их не считать,
чтобы грусть не рождалась в душе.
Пусть мы стали с тобою
степенней и строже —
это значит, что мудрость
сумели познать мы уже.

Мы еще проживем,
мы еще эту мудрость раздарим,
чтобы память о нас
на земле этой скорбной жила.
Память — это, мой друг,

поважней, чем медали.
Память, Леша, есть
лучшие наши дела.

Мы еще проживем,
изольем свои чувства о маме.
Ты опять чьи-то жизни
спасешь из смертельной неволи.
Мы — частичка России,
в которой веками
кто-то болен стихами,
а кто-то призванием болен.

Мы не сядем с тобой
на скамейках у грязных подъездов
и не станем ворчать
на проблемы и слабую власть,—
есть надежда увидеть
небесные бездны
и в обители
Вечного Бога попасть.

Только б мне и тебе
не ослабиться в вере,
только б нам сохранить
эту веру в душе.
Мы не будем годами
жизнь прошедшую мерить
и страшиться глубин
похоронных траншей.

Мы еще проживем,
дорогой одноклассник,
в синеве тех миров,
где главенствует Дух.
Истин суть — не в земной,
а в Божественной власти,
замыкающей суетный
жизненный круг.

СТАНЦИЯ «ТАРУССКАЯ»

На станции выйду «Тарусская» —
Меж Тулой и древней Москвой.
Обычная станция — русская,
С людьми, тишиной и листвою.

Промчится состав вдоль перрона
И скроется за поворотом,—
И вот уже манит природа,
Зовет к своим русским щедротам.

Ока здесь раскинула плесы,
Строптиво Вашана течет.
Березы, березы, березы —
Никто и не знает им счет.

По тропкам лесным Велегожа
Бродили когда-то и вы.
И я любовался здесь тоже
Пареньем осенней листвы.

А в старой усадьбе Борóка
Поленовский гений сумел
С евангельской силой пророка
Картины создать без плевел.

Он славил Христовы законы
И красками грешниц прощал,
А дворик московский знакомым
В картине своей завещал...

Здесь Болотов жил и работал.
Отсюда ушел на «Варяг»
Сын лучший российского флота,
Не сдавшихся в трудных боях.

И Руднева гордое имя,
Отринув могилу глубин,
Живет и поныне с живыми
У нас и на землях чужбин...

Я снова стою на «Тарусской».
Вагон. Стук колес. Бег холмов.
Как много в истории русской
Великих сердец и умов!

Мы с жизненных сходим дистанций,
Но каждый виток бытия
Есть путь мимо маленьких станций,
В которых Россия моя.

ПСИХУШКА

Ко мне опять спешит сестричка Зина
и, чтобы я буянить перестал,
безжалостно шприцы аминазина
ширяет мне в интимные места.

Хохочет Витя на соседней койке,
а Ваня в угол от сестры залез —
он хоть не псих, а лишь пропойца горький,
но и в него, видать, вселился бес...

И вот я сплю. Надежно, двое суток,
весь утопаю в черно-белых снах,
где время измеряется в минутах,
которым тоже есть своя цена.

То я лечу, то вдруг тону в болоте.
Мне снятся те, кого я и не знал,
а лучший друг и кореш мой Володя
все чистит снег и ищет, где весна...

Очнулся. Ночь. Огромная палата.
Смех. Чьи-то стоны, выкрики и плач.
И запах, извините, здесь — не ладан,
и ангел в белом — это строгий врач.

Сквозь тусклый свет я вижу, как в тумане,
а в голове взрывается напалм...
Я обещал не пить любимой маме,
но вновь сюда по слабости попал.

И не пойму, какая боль сильнее:
та, что в висках похмельной головы,
или в душе, которая немеет
от угрызений и людской молвы?..

Как много, Русь, лежит в твоих палатах
людей, пропивших деньги, ум и жизнь!
Как много тех, к кому пришла расплата,
кто у креста могильного лежит!

И от веселья пьяного все хуже
становится стране, семье и мне...
Услышите стон запряженных психушек,
по крыши утопающих в вине!

Я БОЛЕН

Я болен нежностью к тебе:
Когда глаза твои увижу,
То забываю о себе
И только лишь любовью движим.

Я болен милостью к «бомжам»,
Бродящим хмуро и устало,
И мне всегда бывает жаль
Их преждевременную старость.

Я болен страхом умереть
Больным и немощным в постели,
Когда воспримут мою смерть
Обычной жизненной потерей.

Я болен трезвостью ума,
Способного в моей России
Увидеть сквозь разгул и мат
Величие души и силы.

Я болен лесом и весной,
Рекой, поляной и холмами.
Я радуюсь, когда со мной
Есть мысли об ушедшей маме.

Я болен верою в Христа,
И мне лекарствами — моления...
Быть может, я живу не так
И ни к чему стихотворенье?

Я болен запахом травы,
Хорошим словом, теплым взглядом.
Мне дорог купол синева
И храма купол — тот, что рядом.

Мне не мешает в тишине
Призывный колокола звук...
Я болен всем, что близко мне.
Я болен. Этим и живу.

Анатолий Краснослободцев
(г. Бийск)

Родился 15 сентября 1941 года в с. Сычевка Смоленского района Алтайского края. Учился в музыкальном училище, окончил Чимкентский университет. Публиковался в периодической печати, коллективных сборниках, в журналах: «Алтай», «Барнаул», «Встреча», «Огни над Бией», «Бийский Вестник», «Огни Кузбасса». В антологиях: «Писатели Алтая», «Дыхание времени», «Русская сибирская поэзия», «Обратный Отсчет», «БИЙСК. Писатели о времени и о себе», «Писатели — юношеству». Выпустил три сборника стихов: «В стороне моей простуженной...», «Свет зари на снегу», «Вернуться б снова к тополям...». Награжден медалью «200 лет М. Ю. Лермонтову». Член Союза писателей России.

ДУША МОЯ СИЛЬНЕЕ ВСЕ ГРУСТИТ...

С утратой лет, с потерей дней бесценных
(А память их надежно так хранит)
Душа моя — как поздний луч вечерний —
Сильнее все, заметил я, грустит.

Что ей, душе, до дней моих теченья?
Живи, твори, не ведая оков!
Так нет, она еще до вознесения
Тревожится, хлопочет о спасении, —
Чтоб меньше было у меня грехов.

* * *

Неуютно нынче в сентябре,—
На погоду все прогнозы ложны!
Веет сыростью на утренней заре,
На вечерней — стылостью острожной.

Завершают птицы перелет.
Солнце светит реже, дни короче.
Все шумней в реке вода течет,
Все сильнее ветры среди ночи.

Стынут травы. Зябнут тополя,—
От тепла им мало что осталось.

И вздыхают тягостно поля,
Ощущая на плечах усталость.

Скоро снег на землю упадет.
Выйду посмотреть на бездорожье,—
И звезда с небес ко мне сойдет
И наполнит сердце тихой дрожью.

РОДИНА

Где, в каких бы далях ни бывали,
И в каком ни жили мы краю,—
Все равно в тяжелый день печали
Вспоминаем родину свою.

Всех она жалеет и встречает.
И не потому ли на Руси,
Если в путь последний провожают,
То вослед усопшему бросают
Горсточку родной сырой земли.

Мне пока что в окна солнце светит,
Дышат вольной волей берега.
Кто-то, может, моря не заметит,
Ну а мне и капелька — река.

Для меня — окрест цветет смородина
И еще в придачу — лебеда...
Для кого-то просто слово — «родина».
Для меня — святое! Навсегда!

* * *

Снежные метели отзвенели,
Отскрипел морозом шар земной.
Снова небеса заголубели
И нависли детством надо мной.

Снова вижу: после долгой спячки
Почками вскипают тополя.
И дымится от лучей горячих
Влагой напоенная земля.

День, другой... — и гром разбудит поле,
И пройдет широкою волной.
Воздух вздрогнет. По всему предгорью
Зазвучит натянутой струной.

Даль качнется. И с крутых отрогов
Вниз спадут последние ручьи.
В новый мир откроются дороги —
Удивляйся! Радуйся! Живи!

ВЕСНА

Весной все ярче, звонче,—
И мысли и слова...
И чувствуется тоньше,—
Весна. Кругом весна!
Открылись неба створки.
Промчался свет зари,
И зацвели пригорки
Разбуженной весны.
Густой настой черемух,—
Такой,— хоть залпом пей!
И на ветвях зеленых
Защелкал соловей.
Тугих ветвей коснешься,
Раздвинешь куст едва,—
И сердцем улыбнешься,
При виде муравья.
Огромную соломину,
Взвалив на горб,— спешит...—
Под красною смородиной
Он хочет нынче жить.
И я, себя настроив
На дачную волну,
Садовый домик строю,
Подобно муравью...

Виктор Мызников
(г. Тула)

Виктор Николаевич Мызников родился в г. Москве, в семье военнослужащего в 1939 г. Вместе с семьей переехал в Тулу, куда по службе перевели отца. В 1962 г. окончил Тульский Механический институт (ныне ТулГУ) по специальности «Системы автоматического управления летательными аппаратами» и в 1972 г.— Московский центральный институт повышения квалификации руководящих работников и специалистов народного хозяйства в области патентной работы. Инженер, изобретатель, имеет более 170 патентов и авторских свидетельств, половина которых была использована в оборонной промышленности. Долгие годы работал на оборонных предприятиях Тулы. В «КБП»* судьба свела с известными тульскими оружейниками — Шипуновым А. Г., Грязевым В. П., Макаровым Н. Ф., Стечкиным И. Я. и другими. Затем работал в спецнаправлении ОКБА, которое было преобразовано в ЗАО «Спецприбор», в Тульском территориальном центре Академии инженерных наук. Академик Международной Академии авторов научных открытий и изобретений, отмечен ведомственными наградами. За внедрение изобретений В. Н. Мызникову присвоено Почетное звание «Изобретатель СССР». Он награжден одноименным нагрудным знаком, медалью имени А. С. Попова. В настоящее время работает в ЗАО «Спецприбор». Участвует в разработке специальной техники.

В. Н. Мызников — инвалид по зрению, член ВОС и ВОИ. Всю работу по набору его стихотворений и переписке по электронной почте ведут его дети Борис и Роман. Член творческого объединения православных писателей «Родник» при храме во имя Прп. Сергия Радонежского, член поэтического клуба «Лирик», участник Тульской общественной организации «Духовное соборное движение».

Виктор Николаевич Мызников стихи пишет около 20 лет. Он человек с активной жизненной позицией. Жизнь во всех ее проявлениях нашла отражение в его поэзии. Награжден Дипломом участника I-го и 2-го епархиальных конкурсов художественного чтения «В начале было Слово» (2013, 2015 гг.), дипломант межрегионального поэтического конкурса «Стойкость. Мужество. Преодоление» (г. Калуга, 2014 г.), дипломант конкурса самодеятельных авторов-исполнителей «Тульская душа» (2016 г.).

МОЙ ДОМ

Стоит за полем на пригорке дом,
Пред ним цветы у низенькой ограды
Пылают ярко золотым огнем,
А в доме том живет моя отрада.

---

* Сегодня — АО «Конструкторское бюро приборостроения им. академика А. Г. Шипунова». Входит в состав холдинговой компании «НПО «Высокоточные комплексы» Госкорпорации «Ростех».

Там для меня всегда в окошке свет,
Там для меня всегда открыты двери,
Там ждут меня, когда меня все нет,
И никогда не перестанут верить.

Мне в доме том так просто быть собой,
И там меня любого принимают,
С открытой и мятежною душой,
Но мне всегда чего-то не хватает.

Меня манят далекие края,
России необъятные просторы.
В них растворяется душа моя,
Ее питают и моря, и горы.

Но как ни долог незнакомый путь,
И где б меня по свету ни носило,
Всегда, всегда старается вернуть
В тот дом меня неведомая сила.

В дороге жду, когда пути конец,
И думаю о предстоящей встрече,
Когда тебя увижу, наконец,
И обниму, любимую, за плечи.

Стоит за полем на пригорке дом,
Пред ним цветы у низенькой ограды
Пылают ярко золотым огнем,
А в доме мы живем — с моей отрадой.

70-ЛЕТИЕ ПОБЕДЫ

Уж семь десятков лет, как кончилась война,
Когда пришел желанный День Победы,
Когда вздохнула радостно страна.
Прославили ее отцы и деды.

Фашизм был окончательно разбит,
Но дорогою оказалась плата —
Ведь нет семьи, где кто-то не скорбит
О смерти мужа, сына или брата.

Огонь незатухающий горит
У праха неизвестного солдата.
Как много их еще в земле лежит,
Кто в бой ушел за Родину когда-то!

Уж семь десятков лет ведь каждый миру рад,
Давно страной залечены все раны,
Но в День Победы каждый год парад,
Где на трибунах деды-ветераны.

У вечного огня войска пройдут,
Честь отдавая бронзовым солдатам,
Раскрасит небо вечером салют
Во славу тех, кто жизнь отдал когда-то.

История России говорит,
Что не нашлась еще такая сила,
Как ни старались вражьи главари,
Которая б Отчизну победила.

Враг рвется вновь Россию покорить,
Возводит рядом натовские базы.
Не думая, что может повторить
Печальный опыт Гитлера-заразы.

Героев павших память сохранит,
У нас в цене мир, дружба и свобода.
А враг напавший будет вновь разбит
Богатырями русского народа!

Дмитрий Грасс
(г. Бийск)

Родился в Бийске. Образование высшее. Участник Литературных конкурсов для молодых авторов. Лауреат регионального литературного конкурса «Новый писатель», организованного ИД «Регион-Медиа» и газетой «Бийские Ведомости». Публиковался в периодической печати Алтая, в журнале «Огни над Бией». Член литературного объединения «Парус». Живет в Бийске.

ТЫ СЛАДКО СПИШЬ

Любимой СВЕТланке

Ты сладко спишь,
А я
    клавиатуру трогаю.

Я рифмами ломаю ритм.

Пишу о том,
Что я пишу
Тебя нагую, между строчек.
И вместо точек
Ставлю поцелуй

И

Аромат не алой розы,
По телу твоему
Веду,
    как по святым местам.

Ты слишком Светлая,
Для этой душной ночи.
Читать тебя,
Чем только отдала
Глаза на память,
Но и это
Сон
Ветра.

Я сочиню сто букв, быть может,
И все о том, как ты проснулась,
Как тихо в ванную пошла,
Так тихо, что немые звуки
С ума сошли и вновь прозрели —
Можно

Петь

О Светлой женщине,
Что сладко спит, нагая
Между строчек...

Но это после,
А теперь
Клавиатуру трогая,
Сном ветра
Буквы подбираю,
Тебя пытаюсь в вечность записать.

Вдохнув весенне-пряный воздух,
Готовят людям чудеса,
В которых все —
        сплошное счастье,
Веселый гомон, пенье птиц,
Дерев ветвистое участие,
Разливы неба без границ!

Еще чуть-чуть, и зелень брызнет,
И солнца яркость расцветет,
И снова кажется, что в жизни
Чудес сплошной ковер течет.
Весна, прекрасное творенье
Души!

        И в теле бродит сок
Желаний,
        страсти,
                настроений.
Вновь у Весны берешь урок:

Прекрасна жизнь!

Под звуки музыки весенней
Исчезли прежние сомненья.
Палитре чувств не прекословь.
Любовь с Надеждой манят вновь.

Лидия Шишко
(г. Витебск, Белоруссия)

Член литературного объединения «Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь». Родилась в маленькой красивой деревеньке Рог Солигорского района Минской области, что на Полесье. Любовь к поэтическому слову привила бабушка Арина Емельяновна.

Стихи начала писать в старших классах. Увлекалась творчеством Фета, Гумилева, Есенина и Сельвинского. Зачитывалась Мариной Цветаевой и Екатериной Шелевой.

После школы закончила с красным дипломом финансово-экономический техникум, позднее получила высшее экономическое образование. Работала в основном в страховых и налоговых органах. После аварии на Чернобыльской АЭС переехала, как переселенец, в сентябре 1986 года в Витебск.

Печаталась в местных и республиканских газетах, Антологии современной русской поэзии Беларуси (2003 год).

ГОРОДУ ПОЛОЦКУ

Веков признание — софит.
Над Полотою неба своды.
Небесный храм Двину хранит,
Софии свет струится в воды.

Рассвет рождается в закат,
но этой осени нет дела,
что, развекваны, молчат
седые камни, память-стела.

А город войнами гоним,
в руинах плыл, прошел пожары,
глотал набегов едкий дым,
но отражал врагов удары.

И зря тащил Наполеон
войска Удино и Сен-Сира,
баварский корпус поражен,
и отступил француз-задира.

Цена столетий страшных дат —
покой, где дышит позолота.
И осень обняла солдат,
вписавших жизнь в ее полотна.

Войной плененные — набат,
их души светятся в сапфире.
А боль безвременных утрат,
взлетит строкой в Славянской Лире.

Я в этом форте не сойду
до полутона и обмана.
По серой осени бреду
среди крестов и нег тумана.

И сотый раз, пройдя окрест,
мой город, вежа, сила, дата,
и воздвизальный славя крест —
я Евфросинией богата.

К. С. А

Твои корабли все дальше...
Мои паруса все выше...
Глаза твои вижу, как раньше, —
красивые спелые вишни.
Отчаялось чайкой счастье
пытаться ко мне вернуться.
Я в город Петра на причастье
спешу, чтобы с ним улыбнуться.
Скучала ли я? Признаюсь:
забыть тебя не сумела.
У Спаса несмело покаюсь,
что птицей к тебе не летела.
Качай бессмысленно речи,
Нева, разводя мостами.
Последние наши не встречи
нельзя поменять местами.
Устала нести прощенье,
искать, покидая бухты,
одно на двоих возвращенье.
Мечты рассыпаются в двух... Ты...
Ну что ж, проживу прощанье,
душою играя скерцо,
слезами верша завещанье —
слова, что не высказать сердцу.
Твои корабли все дальше...
Мои паруса все выше...
Ты вспомни тот день, без фальши.
Весна и сирень...

И вишни...

И голубь на школьной крыше...

В ТВОЮ СУДЬБУ ВОШЕДШАЯ

В твою судьбу вошедшая,
открыто-виноватая,
шальная, сумасшедшая,
тревожно-угловатая.

В душе испепеленная,
покорно-предзакатная,
тобою возвращенная,
восставшая, понятная.

Внезапно окрыленная,
дыханием согретая,
заоблачно рожденная,
реальностью одетая.

Прозреньем восхищенная,
забыть вину успевшая,
от спеси защищенная,
в твоих губах сгоревшая.

* * *

Вестью дрожь на губах. **Дрожь.**
Серый день за окном. **Дождь.**
Сизый дым в тишину. **Прочь.**
Дальше сон не пойму. **Ночь...**

Кочевые ветра. **Пыль.**
Громовое вчера. **Быль.**
Рикошетом обман. **Ноль.**
Дальше сон не пойму. **Боль...**

Белый голубь в окно. **Грусть.**
Ты — письмо в никуда. **Пусть.**
Год за годом полет. **Новь.**
Дальше сон не пойму. **Кровь...**

КАКАЯ ВЕСНА НА УЛИЦЕ!

А голуби прямо с крыш,
бросаясь под ноги, целуются.
КАКАЯ ВЕСНА НА УЛИЦЕ!
Слышь?

«ОТПУСКАЯ РЫБКУ»

Озерной глади мир изранен.
Сады теплят, звенит трава.
А воздух зыбок и туманен

и по лицу текут слова...
Не плачь ты, рыбка золотая,
судьбу мою опять лаяя.
За многоточьем... запятая...
Желаний нет, моя святая.
Он был со мной...
Светает...

В ТО ЛЕТО

По хлипким лужам и аллеям
я за тобой из века в век
и тонкой ниточкой алела,
и пропадала в сонме рек.

Где нет случайности предела:
за гранью разума и сил,
устав в пути, не долетела —
мой ангел крылья опустил.

Твою же сдержанность немую,
что донесло дыханье мне,
вновь вспоминаю и тоскую
в глуши, забывшись в тишине.

Твоя любовь — венец сонета,
давно прочитана была
в стихах известного поэта
и вдруг в то лето расцвела.

Она из давних встреч-прощений,
прощаний вешняя вода,
из самых светлых возвращений...

Сказала: «нет»,
услышал: «да».

* * *

Позови. Пойду навстречу.
Что чужой ты, не замечу.
Но подумаю, вдруг мой,
Бесновато-озорной.
Улыбающийся чутко.
Ты — волшебная минутка.
И глаза как синь морей...
Дай мне руку поскорей.
Обними как в ночь тогда.
Люди смотрят? Ерунда.
Посудачат, поглядят,
Целовать не запретят.

МОЯ РАДУГА

Крадусь по осколкам лета,
по лужам капризным ловлю
дожди проливного цвета,
когда-нибудь их полюблю.
Тропой дневного сюжета
за мной, по моим следам
и свод расписной манжета —
на площади стройный храм.
И выгнуты спины линий
роскошных цветных земель.
На клумбах у власти лилий
не царствует только хмель.
Елейно-капельный росчерк
стучит по моим губам,
стирает нестройно почерк
во взглядах у встречных дам.
И дальше бежит, приближая
осенний созревший звук,
и запах струит урожая,
скатившись с омытых рук.
Грустят подуставшие тени
машин, переживших поток.
Деревьев открыты колени,
носок под асфальтом в песок.
Лопочет безадресно ветер,
скребут по домам сквозняки,
тайком исчезая под вечер
на дно повзрослевший реки...
А я поднимаю ресницы,
уже и не нужен зонт:
плывут облака, как птицы,
и радугой жжет горизонт.
И там, на краю иного,
в тех тайнах, где нет других,
смотрю на тебя, земного,
и голос так тих, так тих...

Ольга Фокина

(г. Усть-Илимск, Иркутская область)

Фокина Ольга Викторовна. Член Союза журналистов России, поэт, прозаик. Автор нескольких книг стихотворений и малой прозы. Координатор Творческого Объединения «СТИМУЛ» (Усть-Илимск). Окончила отделение журналистики филологического факультета Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Публикации: «Российская литература», «Российский колокол», «Литературная столица», «Спутник», «У камина», «Цветные строчки» (Москва), «Невский альманах», «Пегас» (Санкт-Петербург), «Союз писателей», «Золотой томик поэзии», «Восторг души», «Союзники» (Новокузнецк), «Поэзия Сибири», «Новый Енисейский литератор» (Красноярск), «Лауреат» (Рязань), «Приокские зори» (Тула), «Литературный ковчег» (Омск), «Образ» (Ленинск-Кузнецкий), «Северо-Муйские огни» (Северомуйск), «Первоцвет» (Иркутск), «Любовная лирика сибирских поэтов» (Братск), «Молодежь: грани творчества», «Литературный Усть-Илим» и др. Лауреат международной премии «Золотое сердце», финалист премии им. А. Ахматовой, номинант литературной премии журнала «Союз писателей», победитель национальной общественной награды «Будущее России», конкурса «Молодежь Иркутской области в лицах». Финалист международного конкурса им. Р. Казаковой. Дважды финалист литературной премии «В поисках правды и справедливости», номинант литературных премий «Поэт года-2016», «Наследие». Победитель всероссийских конкурсов «Восходящая Звезда», «Лучший урок письма», литературного конкурса «Мир в твоих руках», международных конкурсов-фестивалей «You're super star», «Талант», проекта в Сан-Франциско. С творчеством Ольги Фокиной можно познакомиться: <http://www.stihi.ru/avtor/olgaf5511> (стихотворения).

РЮКЗАЧОК

Снова день наш краткий
Спрятан за кулисы.
Совесь в черных пятнах
Выйдет на поклон.
Среди снов-иллюзий
И избитых миссий
На пороге встанет,
Изменяя тон.
В клочья изорвавшись,
С пеплом на подоле,
Мнетя, не стесняясь,

С разумом в пути.
Просто в этой жизни
Каждый свой пуд соли
В рюкзачке скитаний
Должен унести.

ЗАВИСТЬ

Зависть человеческая — в душах злое жжение.
Тьма от предрассудков спать нам не дает.
Как жена купеческая, зло самосожжения
Душу на пороки по частям пропьет.
От нее противной, едкой до безумия,
Есть одна таблетка — совестью зовут.
Только беспощадна злая эта фурия,
На любого за полночь кинет свой хомут.
Но огнем целительным, пламенем объятами,
Есть одно спасение — в Божий храм войти.
И святой молитвою окропить помятую
Совесь. И нечистую смело отпустить.

В БУДУЩЕЕ

Я напишу, а ты прочтешь,
Когда-нибудь в другом столетье.
Поймешь или опять пройдешь,
Но мысли расставляют сети.
Мне незнакомый человек,
Которому близки все строчки,
Что собирал по кругу век,
Не расставляя в мыслях точки.
Дойдут, когда-нибудь дойдут,
Стихи мои до адресата,
Поймут, когда-нибудь поймут,
Прочтут и будут даже рады.

ЛЕПЕСТОК

Распускается лепесток
И не страшен мороз и ветер,
Не такой он, как все, ну и что?
Ведь таких больше нет в целом свете.
Злая стужа его сорвала,
Стебельки надкусили волки,
Прокатилась дурная молва,
Яд пустили, а что в нем толку?
Лепесток потянулся вверх,
Оклемался и ожил случайно.
Видно солнышко радует тех,
За добром кто стремится отчаянно.

ЧЕТЫРЕ ИСТИНЫ

Любовь, надежда, вера, доброта —
Четыре слова, что свершают чудеса,
Четыре истины, что делают сильней
И к Храму Божьему откроют путь скорей.
От этих слов в сердцах светло, уютно так,
И исчезает из души зловещий мрак.
И будут пусть вовек молитвой на устах
Четыре слова, что спасут в любых судах,
Четыре истины, что дарят торжество,
Четыре мысли, что спасают существо.
Пусть в жизни царствуют на всей земле всегда:
Любовь, надежда, вера, доброта!

ЛЕТЕЛА!

Я летела в траву беззаботной, наивной малышкой
И не сгорбленной скукой от взрослых, угрюмых людей,
А в руках я держала Тургенева добрые книжки,
От которых мой взгляд становился светлей и нежней.
Я летела! В больших шоколадных, волшебных кристаллах
Отразились своими лучами дождейки небес.
Я летела, летела от мыслей, в которых устала,
В невесомости грусть потеряла свой смысл и вес.
Я летела не вниз, а наверх, за беспечной свободой,
За свободой души, головы, этих крохотных ног.
А душа растворялась в граненом стакане, что с содой,
Отпустить нас на волю так разум тяжелый не смог.

Олег Пантюхин
(г. Щекино, Тульская область)

ОЖИДАНИЕ

В ожидании мая природа живет,
В ожидании ночи тебя не хватает.
В ожидании встреч ощущаю полет.
В ожиданье друг друга сердца замирают.

Ожиданье объятия после разлук,
Ожидание радости нежной улыбки,
Ожидание губ, ожидание рук,
Ожидание чистой от счастья слезинки.

Ожидание света и душ торжество,
Ожиданье мечтаний, манящее новью.
Ожиданье мгновения лишь одного,
Что зовется взаимной и вечной любовью...

Сергей Редков
(г. Тула)

ЗИМНЕЕ

ЗИМНЯЯ СЮИТА

1. Ночь

Морозно. Бесприютно. Одиноко.
Стучат часы. Кукушка мерзнет в них.
Хрустальною резьбой покрыты окна,
И свет звезды воришкой в дом проник.

Скользит луна над крышами бесшумно.
Ласкает ночь сугробов снежный ворс.
Зажечь свечу и, главное, не думать
Сейчас о тех, кто телом в землю вмерз.

А думать о весне, прижавшись к печке,
О жарком солнце, что согреет путь,
Услышать чью-то песню на крыльчке,
Увидеть луг в ромашках и... уснуть.

2. Чего боятся черти. Святочный мотив

Ударит вьюга. Двор заледенеет.
Снежинки в поле бросят якоря.
Покажется, что в мире нет длиннее
Ночных минут в начале января.

В избе темно. Лишь свет луны из окон
Квадратом тусклым стены серебрит.
И Млечного Пути межзвездный локон,
Рассыпавшись, над селами горит.

Трещат дрова. Собака где-то лает.
Сельчане захмелевшие галдят.
В такое время девушки гадают,
А ведьмы — на метле летать хотят.

Лишь в этот час вся сказочная нечисть
Слетается на праздник в центр села.

Ведь человек, от лютой стужи прячась,
Не совершит сегодня много зла...

3. Ледниковый период

А если весна не придет?
А если зима станет вечной?
И вместо цветения — лед
Нам всем до конца обеспечен?

Не будет клубиться парок
Из брюха уставшей котельной.
Друзья не зайдут на порог.
Покроется мехом все тело.

Голодный, замерзший сатир
Забудет про спорт и концерты.
Лишь печка в пещерах квартир
Культурным останется центром.

Не нужен ни банк, ни спортзал —
От голода станешь ты стройным.
Ничья не прольется слеза —
Забудутся тяжбы и войны.

Последняя мебель сгорит.
И, кутаясь в клочья одежды,
Ты скажешь, что «жизнь — победит!»
Ведь как же прожить без надежды?

4. Поцелуй снежинки

Снежинка с неба падала
С ресничками хрустальными,
Спешила мир порадовать
Своей девичьей тайною.

Всем сердцем полюбился ей
Юнец с щекою гладкою.
На шею села, чтоб сильней
Зацеловать украдкою.

Но вскрикнул парень: «Холодно!
Болезнь я не планирую!»
Махнул рукой за воротом,
Снежинку тем травмируя.

— За что такая кара ей? —
Спросила вьюга шибкая.
Увы, не стали парюю
Парнишка со снежинкою.

5. Мера счастья

Мера счастья зависит от скорости
Ниспадающих с неба снежинок:
Если кружат в спокойном режиме —
Ожидайте хорошие новости.

Словно пух опускается хлопьями.
Все машины — как в сахаре пончики.
У ветвей в белых варежках кончики.
Исчезают и беды, и хлопоты.

Но когда вдруг снежок заметелит,
Заметет все дороги безбожно,
То душа встрепенется тревожно —
Станет холодно ей в этом теле.

У огня обогреться захочется.
Будут руки тянуться к камину.
Возжелается чай витаминный.
И в — в постель!
В одеялах ворочаться...

Говоря напрямик, без ужимок,
В жизни будут и счастье, и горести.
Все зависит...
Зависит от скорости
Ниспадающих с неба снежинок.

ИСТОРИЯ ЛЫЖНИКА

Я лыжи полюбил,
признаюсь вам, не сразу.
Не сразу полюбил
скольжения полет.
Никак понять не мог
невинный детский разум
Зачем к ноге доска,
когда бежишь вперед?

Мне тренер говорил:
«Отталкивайся резче!»
«Здоровье укрепляй!» —
твердила мне родня.
А я всем возражал:
«Ходить ногами — легче!»
Но бегу посвящал
все утро и полдня.

Я падал. Я вставал.
Вставал и падал снова.

Я с горки прямиком
летел в колючий куст.
Но тело закалял
такой режим суровый.
Я бегал. Я вырослел.
И стал входить во вкус.

А что, дорогу в жизни
мне выбирать не надо:
Дорогу мне укажет
двуствольная лыжня.
Вокруг меня картины
заснеженного сада.
Красивый и здоровый
бегу куда-то я.

А надо мною — солнце!
И розовое небо!
И розовые дали
алмазами горят.
Ногой — туда-сюда —
скольжу, подобен Фебу,
И лыжницы румяные
горячий дарят взгляд.

Я радовался долго.
Но время — тоже лыжник:
Все чаще обгоняет,
мой пьедестал круша.
И вот уже другой
в костюме желто-рыжем
На пластике скользит,
держа коньковый шаг.

И вот уже ему
горит закатом небо,
И для него теперь —
алмазов яркий свет.
Теперь, увы, не я,
а он подобен Фебу,
И лыжницы не мне —
ему глядят вослед.

Я бегать перестал.
Читаю каждый вечер.
Порою зимним лесом
любуюсь из окон.
«Ни торжество побед,
ни боль утрат — не вечны»,—
Сказал Екклесиаст.
Такой вот, блин, закон!

Юрий Мартишин

(г. Электросталь, Московская область)

НОВЫЕ СТИХИ

Родился в 1963 г. в городе Электросталь Московской области. Окончил Московское медицинское училище № 7, член Союза писателей России. Награжден литературной медалью Ивана Бунина, (СП РФ). Призер литературного конкурса «Край ты мой родной», «Мосприрода» 2015 год.

Автор четырех книг стихотворений: «Начало» (Электросталь, 2004), «Откровение» (Москва, 2006), «Прости, или Последний лист любви» (Электросталь, 2010), «В полете безумий» (Москва, 2013).

Журнальные и иные публикации стихотворений: «Страна Озарение» (Новокузнецк), «Пять стихий» (Горловка), «Отражение» № 33 (Гатчина), «Отражение» № 37 (Гатчина), «Союз писателей» (№ 1—№ 9/10, 2015; № 1, 2016, Новокузнецк), («Наше поколение» (Кишинев), «ЛитОгранка» (Новокузнецк), «Педагогический ИМИДЖ» (Иркутск), «Южная звезда» (Ставрополь), «Литературная Ингушетия» (Назрань), «Чешская звезда» (Карловы Вары), «Выходной день» (Абакан), «В Яблочко» (№ 41—45, 2014—2015 г.— Гатчина), «Мир животных» (Гомель), «Бульвар зеленый» (Омск), «Автограф» (Донецк), «ЛИТгостинная» (№ 01(10) № 2(11) 2015 г.— Москва), литературный журнал «Иван-да-Марья» № 7(19), июль 2016 г., Чебоксары.

УСТАЛОСТЬ

Как трудно мне понять твою усталость.
Печальный взор наполнен тишиной.
Быть может, потому что в двери старость
Стучится к нам с табличкой на покой.

Ненастье дум, волос былая нежность
В моей душе подняли ураган.
Пылает взгляд и юной розы внешность.
Чуть тронешь — зыбь, феерия, обман.

Нас осень жизни в пляске листопада
Скрепила судьбоносным ветерком.
Единство душ — за поиски награда.
А зрелость, что ж, пусть блещет серебром!

ПРОЩАНИЕ С МОЛОДОСТЬЮ

Во мне печаль, в тебе усталость,
А быт распилен пополам.

Как долго вместе? Скоро старость,
А кажется что двадцать нам.

Женились будто бы вчера мы.
Судьба нам указала путь.
И вот попали в лапы драмы.
Никак не можем ускользнуть.

Где наши лица молодые?
Где жизнь — гудящая юла?
Мы не совсем еще седые,
Но молодость, увы, прошла.

Пусты глаза, хандра на марше.
Сошли на нет задор и прыть.
А впрочем, просто стали старше
И снова учимся любить.

МАРТ

Не приходит сестрица весна.
Не звенят над землей птичьи трели.
Брату марту уже не до сна,
Но везде из снежинок постели.

Заржавевший фонарь, словно жук,
Свесил ножки из белых сосулук.
Старый трактор, огромный паук,
Напугал пешеходных бабулек.

Вспоминаются летние дни,
Как блистали на солнце витрины!
Мы с тобой, на всем свете одни,
Покупали у лета картины.

ЛЕД

Ушла, не бьется сердце, но тревожно.
Февраль. Снег белит улицы, дома.
Я вел себя предельно осторожно.
Всему виной коварная зима.

Иду один, потерянный, усталый.
Мне в личной жизни явно не везет.
А по дороге, скользкий и удалый,
Блестящей змейкой кружит черный лед.

Ему чужды тревоги и страданья,
Скользит, роняя взрослых и детей.
Мечты, надежды, разочарованья
Кидает в снег незримый чародей.

Упал и я, поехал, как ребенок.
Не удержался, вжик — и лег в сугроб.
Лежу, смеюсь: мне рыженький котенок
Лохматой лапкой гладит красный лоб.

В ПОЛЕТЕ БЕЗУМИЙ

Позабыта зима и метели.
Свежий день манит теплой весной.
А еще меня губы согрели,
Твоя радость и взгляд озорной.

Я тебя, открывая, желаю.
Запах тела, залиvistый смех.
Восхищаясь волшебному маю,
Предвкушаю полуночный грех.

Ты как будто чужая планета,
Не понятна, но так хороша,
Что мне хочется ласки и света.
Я смотрю на тебя, не дыша.

ПРО СТАРУШКУ

Унесли из квартиры старушку.
Прописали на дальний погост.
Горькой водкой наполнили кружку.
Молча пили, не к месту здесь тост.

Раскопали огромную яму.
Глубиной в человеческий рост.
Гроб сосновый, в нем Юрину маму
Закопали. Мир страшен и прост.

Шепчет ветер, венки обнимая,
Что прошла она благостно путь.
И ворота не ада, а рая
Ей откроет загробная суть.

Нет уж больше на свете родимой,
Из окна не помашет рукой.
Не напишет подруге любимой —
Отлетела душа на покой.

Унесли из квартиры старушку.
Прописали на дальний погост.
На березу повесили кружку.
Прочь взметнулся испуганный дрозд.

Александр Хадарцев
(г. Тула)

ПАМЯТИ ГЮЛАБА АРАМОВИЧА *

Мальчишка из селенья Чардахлы
спокойно жил в Нагорном Карабахе —
не зная ни хвалы и ни хулы,
не ведая о межвселенском страхе.

И даже в сорок первом, грозовом,
уже учась в Баку на лейтенанта,
не думалось о горе и о том,
что на убийство братьев нет гаранта...

Армян, азербайджанцев, осетин,
как русских, украинцев, белорусов —
тогда держал в руках один грузин,
единый сплав из минусов и плюсов.

Был Крым, Тамань, и Северный Кавказ...
Пешком прошел до самого Берлина...
Но он не сомневался ни на час,
что Родина — она для всех едина!

И вот настал наш двадцать первый век,
в котором ждали коммунизма всходы.
Надеялись, что станет человек —
воистину хозяином природы.

Но с танками пошел на брата брат,
стремясь искоренить мечту о чуде...
Хохол хохлу и тот уже не рад...
не знает Карабах, что завтра будет...

Неужто только новая война
объединить народы сможет снова?
Есть мудрость предков! Нам она нужна!
И память предков. И надежность слова.

Есть вера в ту великую страну,
которая достанется потомкам.
Пускай они поднимут целину
в мозгах своих немислимых потемках!

---

* См. некролог в рубрике «Хроника литературной жизни».

**ПУБЛИЦИСТИКА
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА**

**ОТЗЫВ НА КНИГУ
НИКОЛАЯ МАКАРОВА
«МЕДИКИ ЗЕМЛИ ТУЛЬСКОЙ»***

Работа Николая Алексеевича Макарова — документальная повесть о целом ряде медиков — известных и не очень,— тружеников Тульского края во все его времена. Автор скрупулезно и с большой любовью, из множества источников, собрал материалы и в каждое, даже маленькое, повествование вложил часть своей души.

Современный читатель, открывший книгу, может очень многое почерпнуть из нее. Перед его глазами встают яркие примеры подвига врачей на поле боя, как, например, действия гвардии полковника медицинской службы запаса, героя РФ Игоря Александровича Милюткина. *«...В одном из боев (во второй чеченской войне) увидел, как один из членов экипажа сбитого боевиками вертолета опускается на парашюте в занятое боевиками село Дучи. На бронетранспортере с группой десантников ворвался в село, с боем отбил захваченного летчика и без потерь вырвался обратно в расположение своей части. При занятии Аргунского ущелья в январе 2000 года вынес с поля боя 4 раненных десантников и оказал им первую медицинскую помощь».*

Не меньшую отвагу проявила и врач Людмила Семеновна Грабошникова (не буду указывать всевозможных званий и наград героев книги — их очень много). *«...Проходя по набережной Дрейера... увидела пылающие окна на втором этаже здания областной соматической больницы, где находились более ста взрослых и двадцать девять детей, больных костным туберкулезом... Больница безмятежно спала...».* Грабошникова, не растерявшись, организовала тушение пожара и эвакуацию больных.

А разве не отважным было принятие нестандартного, даже героического, могущего привести — в случае катастрофы — к большим неприятностям, решения главного государственного санитарного врача СССР Петра Николаевича Бургасова, в 1971 году предотвратившего эпидемию холеры. Когда под Новосибирском возникла

---

* Макаров Н. А. Медики земли тульской / автор-составитель: Николай Алексеевич Макаров. Тула: Изд-во ТулГУ, 2016, 240 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»); Макаров Н. А. Медики земли тульской. Книга вторая. Тула: Изд-во ТулГУ, 2016, 278 с.; (Библиотека журнала «Приокские зори»); Макаров Н. А. Медики земли тульской. Книга вторая. Тула: Изд-во ТулГУ, 2016, 250с. (Библиотека журнала «Приокские зори»)/

угроза заболевания, он *«срочно собрал руководителей промышленных предприятий и обратился к ним с настоятельной просьбой сбросить немедленно в канализацию все находившиеся у них кислотные материалы»*, несмотря на то, что это могло вывести из строя все канализационное оборудование.

Военный и проявленный в чрезвычайных ситуациях героизм — это вершина. Однако не забудем и о подвигах не заметных, но при этом не менее значимых, на примере Ефрема Григорьевича Лазарева, главного врача тульской земской глазной больницы, состояние которой в 1902—1903 гг. было весьма плачевным. *«На свои небольшие сбережения и деньги товарищей он построил второй корпус... электрифицировал больницу, провел водопровод. И опять на свои средства. Счет власти города не оплатили...»*. Или Владимир Федорович Снегирев, который *«бесплатно лечил пациентов в Алексинской земской больнице, построил на свои средства операционный покой, два больничных корпуса, два класса гимназии для больных и слабых учащихся»*.

Николай Макаров пишет о том, как во фронтовых условиях врачам приходилось опробовать новые методы хирургии и лечения, и лекарства. Не все приводило к успеху — *«у медицины, как и у любой науки, свой путь, на котором часты неудачи и ошибки»*. Но врачи думали только о помощи, ибо определяющими были принципы: *«Не навреди!»* и *«Спаси!»*. Так военврач 3-го ранга Алексей Семенович Демьянов *«добился лучших образцов травматической помощи раненым воинам и тем самым тысячи раненых в конечности сохранили свои конечности, и большинство из них возвращены в строй...»*.

Велик подвиг госпитального хирурга Константина Николаевича Киселева, который остался с не эвакуированным военным госпиталем в тылу врага, спасал раненых, переодев их под местных жителей, организовал подпольную группу, переправлявшую выздоравливающих к партизанам, сам воевал в отряде и, выданный предателем, претерпев муки пыток, трагически погиб.

Николаю Алексеевичу Макарову, как военному врачу и ветерану Афганистана, хорошо известно, что такое подвиг и самопожертвование. Однако уже в нашей повседневной мирной жизни постоянная борьба с болезнями и эпидемиями делает героями обычных врачей и ученых медиков. Так, Михаил Петрович Чумаков, старший научный сотрудник Института микробиологии АН СССР в 1937-м году, при изучении этиологии клещевого энцефалита на Дальнем Востоке *«установил путь передачи болезни через укусы клещей, разработал методы диагностики и борьбы с этим заболеванием, однако сам заразился этой болезнью, последствия которой (паралич рук, глухота) остались на всю жизнь...»*

Многие врачи и ученые, как Александр Васильевич Шлепов, работали даже на заслуженном отдыхе.

Гуманизм врача хорошо показан автором на примере педиатра Юрия Владимировича Вельтищева. Это *«умение общаться с детьми и родителями, видеть в каждом, даже самом маленьком человечке — личность, а в родителях — друзей...»* Когда *«объектом является не только больной, но, прежде всего, здоровый ребенок...»*.

А каким примером благородства стало поведение Николая Федоровича Гамалеи, когда он, изгнанный Пастером из своего парижского института после серии неудачных опытов с холерным вибрионом, *«несмотря на страшную обиду... глубоко чтит Пастера, считал его своим учителем и везде возил с собой его портрет с автографом»*.

Всем известно, какое значение для горожан имеют парки. Поэтому Н. Макаров, как патриот Тулы, не может пройти мимо таких имен санитарных врачей, как Александр Александрович Александров — заложивший в 1907-м году Александровский (Комсомольский) парк, и Петр Петрович Белоусов — создатель одного из лучших в России и Европе парков — Центрального парка г. Тулы (заложен в 1902 г.) и город-

ского водопровода (открыт в 1894 г.), и его соратник, детский врач и общественный деятель Викентий Игнатьевич Смидович.

Были и есть врачи, работа для которых стала образом жизни. Таким является Александр Федорович Симонов. *«Гвозди бы делать из этих людей» — эти слова в полной мере относятся к тем, кто воюет с одним из самых страшных недугов современности, продлевает людям жизнь, а то и вовсе возвращает их из, казалось бы, небытия».* Главный врач Тульского областного онкодиспансера совершал, и ныне, в должности главврача Тульской областной клинической больницы, совершает свой ежедневный, из года в год, подвиг.

И таких примеров и в жизни, и в книге — отражении судеб медиков, связанных либо рождением, либо работой с Тульским краем,—множество. Автором проведена большая работа — одно перечисление имен таких врачей заняло бы десятки страниц.

Что еще понравилось в книге? Она хорошо оформлена — легко найти требуемую фамилию, текст читаем, стиль письма позволяет даже на документальном материале хорошо понять характер человека-медика. Порой за скупыми строчками чувствуется непростая жизнь человека, посвященная помощи людям.

И еще, как известно, о ком или о чем бы ни писал автор, он пишет о себе. Вот и Николай Макаров, акцентируя внимание читателя на тех или иных примерах из жизни врачей, говоря об их добрых делах и чертах характера, показывает, на что откликается его, автора, душа. Посему, считаем, что главный герой этой книги — сам замечательный писатель и военный врач Николай Алексеевич Макаров.

В заключение скажем: такая книга нужна людям, городу и всей нашей России, ибо культура — это не нечто отвлеченное, застывшее в произведениях великих творцов, но живое поле жизни, ежедневно творимое нашими людьми. Конечно, труд каждого человека является вкладом в культуру, даже если его имя и неизвестно. Однако лучше, если такие люди будут известны и станут примерами для многих!

Яков Шафран,
г. Тула

НЕСКУДЕЮЩАЯ ЖИЗНЬ. К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЫДАЮЩЕГОСЯ ХУДОЖНИКА-МАРИНИСТА, АКАДЕМИКА ЖИВОПИСИ ИВАНА КОНСТАНТИНОВИЧА АЙВАЗОВСКОГО (1917—1900)

ДОЛГИЕ годы писал Айвазовский и штиль и бури на Черном море. Казалось, что художник запечатлел на тысячах полотен все состояния и оттенки родного моря. Поэты воспевали в стихах его картины. Современники называли его певцом морских стихий и сущностей. Но сам художник в последние годы не был вполне доволен своими картинами. Поэтому он повторял многие сюжеты и мотивы.

Иван Константинович был стар. В таком возрасте рука уже слабеет, воображение и чувства не так пылки, как в молодые годы. Но возраст не имел власти над художником. Его талант с годами еще больше расцветал. Айвазовский и раньше постоянно работал, теперь же он трудился еще энергичней. На душе у него было мирно и спокойно.

Дочери от первой жены часто навещали своего знаменитого отца. Они уже повыходили замуж, у них были свои дети. Одна из дочерей со своей семьей жила в его доме. Большая семья окружала Ивана Константиновича. В Феодосии он был самым известным и уважаемым человеком.

Айвазовский еще с детства любил свой родной город. С годами любовь к милой Феодосии, как и к дорогой его сердцу живописи, все больше и больше растет. Иван Константинович многое сделал, чтобы Феодосия стала краше, уютнее.

Долго, очень долго страдали феодосийцы от недостатка воды. Маленький Ованес сам в детстве подолгу стоял в очереди к фонтану за ведром воды. Теперь художник решил спасти Феодосию от этого многолетнего бедствия.

Недалеко от Феодосии Иван Константинович приобрел имение Субаш. В Субаше был прекрасный источник воды. Но Иван Константинович не мог сам спокойно пользоваться этой чудесной водой, пока остальные жители Феодосии

И. К. Айвазовский
«Чесменский бой». 1848
Холст, Масло. 193х183 см
Картинная галерея
им. И. К. Айвазовского, Феодосия

Иван Айвазовский
Автопортрет (1874), Галерея Уффици,
г. Флоренция, Италия. Уникальное
собрание автопортретов художников

«Город Феодосия» (1834-36 гг.)
Литография художника
Никанора Чернецова (1805-
1879), академика Императорской
Академии художеств

страдают от безводья. И он пишет в городскую думу: «Не будучи в силах долее оставаться свидетелем страшного бедствия, которое из года в год испытывает от безводья население родного города, я дарю ему в вечную собственность 50 000 ведер в сутки чистой воды из принадлежащего мне Субашского источника».

В городе построили водопровод, и жители получили воду.

В эти годы Айвазовский создал задуманную им еще в юные годы серию картин о Пушкине.

Россия чествовала своего великого поэта Александра Сергеевича Пушкина. 6 июня 1880 года на Страстной площади и Тверском бульваре, на прилегающих к ним улицах и переулках Москвы с самого раннего утра появились целые толпы народа. В этот день на Тверском бульваре открывали памятник Пушкину. Пушкинские картины Айвазовского

Иван Константинович Айвазовский (Гайвазовский, арм. Ованес Айвазян); 17 июля (29 июля. н.с.) 1817 года, Феодосия — 19 апреля (2 мая. н.с.) 1900 года, Феодосия — знаменитый русский художник.

Иван Константинович Айвазовский создал около 6000 картин и почти все они — о море.

Многие произведения художника обрели мировую известность и наряду с картинами русских художников — классиков Брюллова, Репина, Сурикова, Левитана — составляют славу и гордость русской живописи XIX века.

Живописец Главного Морского штаба, академик и почётный член Императорской Академии художеств, почётный член Академий художеств в Амстердаме, Риме, Париже, Флоренции и Штутгарте.

вызвали большой интерес. Он больше всех русских художников запечатлел образ поэта. К нему обращаются с просьбами из Петербурга и Москвы присылать новые картины о Пушкине. Про-

И. К. Айвазовский, И. Е. Репин.
«Прощание Пушкина с морем».
1877. Всероссийский музей
А. С. Пушкина, Санкт-Петербург

сит об этом же Исторический музей в Москве. И художник посылает туда «Пушкин у гурзуфских скал».

Светла была душа старого художника, и в своих картинах он раскрывал перед людьми свое преклонение перед

вечной красотой природы, свое благоговение перед ней. Был он, как в юности, полон душевных сил.

Но вдруг трагические события врываются в жизнь Айвазовского. В султанской Турции погромщики устроили кровавую резню армянского населения. Об ужасах, творимых турками, с возмущением заговорили во всем мире. Армяне отовсюду обращаются к Айвазовскому, чтобы он своей кистью заклеил кровавожадных убийц. Всюду знают о добром, отзывчивом сердце художника. До сих пор помнят его картины о греках-повстанцах на Крите.

Восьмидесятилетний художник потрясен новыми зверствами турецких каннибалов. И он пишет в Армению:

«Глубоким горем опечалено сердце мое этой неслыханной, невиданной резней несчастных армян».

Безостановочно идет время. Художник спешит. Человеческая жизнь ограничена. Он написал за долгие годы почти шесть тысяч картин. Весь мир удивляется этому великому трудолюбу, способному и в старости работать с неутомимостью юноши. О нем не забывали. Его имя прославляли газеты и журналы. Торжественно прошли юбилеи — пятидесятилетний, а потом ше-

И. К. Айвазовский «Девятый вал», 1850

стидесятилетний его служения искусству.

В его честь была выбита золотая медаль с его профилем и увитой лаврами палитрой. Приветствия на имя художника шли от всей России, из Европы, из-за океана. Торжества в его честь в Академии художеств стали праздником всего русского искусства.

Все эти радостные события воодушевили Айвазовского на новый труд.

Весной художник уехал к себе в Феодосию. На вокзале он был оживлен. Его окружали друзья, знакомые, поклонники. Он делился с ними своими новыми планами: Иван Константинович собирался через несколько месяцев отправиться в Италию.

— Там началась моя европейская слава, — произнес он, — и теперь, через пятьдесят восемь лет, я надеюсь там поработать, как в пору юности и надежд.

Так и в восемьдесят три года самые горячие его мечты были о работе.

Жизнь художника пошла как всегда: он вставал рано и шел в мастерскую.

Так началось и последнее в жизни Ивана Константиновича Айвазовского утро 19 апреля 1900 года. В этот день он писал картину «Взрыв турецкого корабля». День был ясный, лучезарный, весна с ее ароматами и надеждами молодила все вокруг...

«Нескудеющая жизнь» — фрагменты главы книги писателя Льва Арнольдовича Вагнера «Повесть о художнике Айвазовском» (Гос. издательство «Детская литература», М., 1958), в которой рассказывается о жизни и творчестве этого замечательного русского живописца-мариниста, о том, как он создавал свои марины, обогатившие сокровищницу русской культуры (стр. 152-167)

15 июня 2017 г. в Москве прошла акция «Московский пленэр». Более 60 культурных центров проводили бесплатные уроки рисования. Тема: «Творчество русского художника И. Айвазовского»

В Центральном военно-морском музее С-Петербурга проходит выставка «Морская симфония Ивана Айвазовского» приуроченная к его 200-летию.

Впервые представлены графические работы из Государственного музея-заповедника «Петергоф»: 14 рисунков с изображением портовых городов Николаева и Севастополя, выполненные в 1845-1846 гг.

«Литературная газета», 28 июня - 4 июля 2017 г. №25 (6603) стр. 2

Составитель Марина Баланюк (г. Тула) выражает благодарность искусствоведу Е. И. Оленич и Тульской областной универсальной научной библиотеке.

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ

Журнал выходит в электронном (см. стр. 2) и в бумажном виде. Последний издается на коммерческой основе Издательство Тульского госуниверситета. Поэтому для заказа нужного числа экз. следует обращаться к Барановой Елизавете Михайловне по e-mail: elisafine@yandex.ru. Редакция этими вопросами не занимается. По вопросам заказа альманаха «Ковчег» журнала «Приокские зори» обращаться к Шафрану Якову Наумовичу по e-mail: bonyans@yandex.ru

Достаточное число авторов согласилось и с нашей традиционной, отчасти новой, редакционной политикой, суть которой состоит в следующем. Как и ранее, мы публикуем на сайте нашего журнала четыре номера в год — в последние дни каждого квартала. «Приокские зори» оставляют для себя статус всероссийского, а де-факто и международного издания. Поэтому для публикации единственным критерием отбора было и остается: талант автора, истинный — не «квасной»! — патриотизм и народолюбие, воспитанный в нас советской властью искренний интернационализм. На том и стоим.

По просьбе авторов, желающих самим отпечатать экз. журнала с их публикацией, редакция высылает им файл издательского оригинал-макета нужного номера с обложкой в цвете. Поскольку теперь даже в небольших городах хорошо развита сеть мини-типографий с печатью на «электронке» от одного экз., то здесь авторы с какими-либо трудностями не столкнутся. Это принятая ныне во всем мире практика печатания «по заказу». Мы здесь Америку не открываем...

Редколлегия журнала

БИБЛИОГРАФИЯ

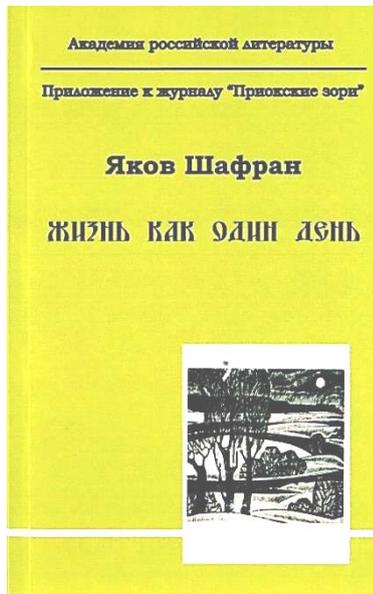
Уважаемые авторы! Начиная с № 3, 2008 журнала, введена регулярная рубрика библиографий вновь выходящих книг, изданных как в Туле, так и в других городах России. Непременным условием публикации в данной рубрике информации о вышедших в текущем квартале, соответствующем номеру журнала, книгах, как «авторских», так и различного рода сборниках и пр., **является их своевременная доставка в редакцию «Приокских зорь»**. Кроме того, публикуется информация и о ранее изданных книгах, поступивших в редакцию.

Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг; помните, что публикация библиографии в журнале «Приокские зори» делает их известными не только в Туле, но и во многих других городах и регионах России. Не забудьте занести экземпляр в редакцию журнала или прислать по почте.

И еще раз приглашаем в «Библиотеку журнала «Приокские зори» — проставлением этого логотипа на титульном листе книги (вверху страницы) и в аннотации на оборотном листе. В этом случае вы вполне можете рассчитывать на появление в журнале отзыва, рецензии на вашу книгу. Возможна и внеочередная публикация отрывка из вашей книги.

Просьба обратить внимание на нижеследующие строки.

С начала III квартала 2011 года «стартовала» книгой Якова Шафрана «Жизнь как один день» новая серия книг в рамках «Библиотеки журнала «Приокские зори» — «Приложение к журналу «Приокские зори». Серия продолжающаяся, ее книги будут выходить в однотипном оформлении с обложкой «под журнал»:

Книги каждый автор издает сам на базе наиболее удобного ему издательства. К сожалению, журнал «Приокские зори» не имеет никакого государственного или частномеценатского финансирования, поэтому не обладает возможностью материально помочь авторам серийных книг.

Издание серии будет способствовать повышению престижа журнала, в чем его авторы, несомненно, заинтересованы.

Авторы же серийных книг получают следующие, несомненные, преимущества:

— это уже не «самиздат», которым, честно говоря, является подавляющее большинство современных малотиражных изданий;

— поскольку журнал выходит под эгидой Академии российской литературы, то и книги серии-приложения также имеют отношение к Академии;

— как правило, на каждую выходящую книгу серии в журнале «Приокские зори» публикуется рецензия или отзыв, *если автор об этом позаботится*;

— наиболее существенное: книги серии, наряду с публикациями в журнале, могут участвовать в конкурсе на присвоение звания лауреата всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, ежегодно присуждаемой — в четырех номинациях — за лучшие публикации в журнале «Приокские зори».

Редакция журнала по просьбе авторов, желающих издать свои книги в серии, высылает файлы и шрифты для однотипного оформления обложки (многие из авторов «Приокских зорь» уже их получили).

О намерении издать книгу в серии автор извещает редакцию. При необходимости редакция может затребовать для ознакомления сверстанный текст книги или отрывок из нее. По напечатании автор предоставляет в редакцию 2 экз.

На момент формирования содержания настоящего номера в редакцию журнала «Приокские зори» поступили следующие книги:

1. *Московский Парнас*. Независимый альманах.— М.: Изд-во Независимого литературного агентства «Московский Парнас».— 2017.— № 1—3.
2. *Бийский Вестник*. Литературно-художественный, научный и историко-просветительский журнал (г. Бийск Алтайского края).— 2017.— № 1—3.
3. *Общеписательская* литературная газета.— 2017.— №№ 1—5.
4. *Новая Немига литературная* (Белоруссия).— 2017.— №№ 1, 2.
5. *Макаров Н. А.* Писатели земли тульской: биографический словарь.— Тула: Фонд поддержки земляков «Тульский край», 2017.— 368 с. (В книге помещены статьи о многих авторах журнала «Приокские зори» — туляках и жителях Тульской области).
6. *Макаров Н. А.* Политработники земли тульской.— Тула: Изд-во «Промпилот», 2017.— 215 с.
7. *Макаров Н. А.* Детская глаголица.— Тула: Изд-во «Промпилот», 2017.— 28 с.
8. *Макаров Н. А.* Узоры рифмосплетений.— Тула: Изд-во «Промпилот», 2017.— 36 с.
9. *Валентин Киреев*. Тропинка к дому: стихи.— Тула: Папирус, 2016.— 162 с.
10. *Петрушенков В. Н.* В своем краю: стихи и басни.— Тула: Отп. в АО «Первая образцовая типография», филиал «Чеховский печатный двор», 2017.— 304 с., ил.
11. *Иванов Л. К.* Избранное. Будем жить!: Собр. произв. в 2-х тт. Т. 1. Повести, роман.— Тюмень: Аксиома, 2014.— 292 с.
12. *Иванов Л. К.* Охотничий сезон: Романы.— Тюмень: ОАО «Тюменский издат. дом», 2016.— 500 с.

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» вышли следующие книги:

1. *Сказки пряничного города*: Сб. произв. молодых авторов / Под ред. А. А. Яшина; составитель О. В. Чмыр.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2017.— 170 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
2. *Шафран Я. Н.* Человек человеку: Сб. рассказов / Предисл. А. Яшина и И. Карлова.— Тула: Изд-во «Папирус», 2016.— 216 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
3. *Яшин А. А.* Задушевные беседы об умозамещении: Роман-новеллино / Предисл. Л. В. Ханбекова.— Тула: Аквариус, 2017.— 343 с., ил. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» — Приложение к журналу «Приокские зори» вышла следующая книга:

Николай Макаров. Суворовцы земли тульской.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2017.— 286 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии, а равно усиления актуальности и информационной ценности публицистических материалов, редколлегия, начиная с 2008 года, вводит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова».

Ежегодно лауреатами становятся четыре автора наиболее значимых произведений по разделам:

- проза, включая драматургию;
- поэзия;
- публицистика, включая историко-политическую;
- литературоведение, включая литературную критику, краеведение, этнографию и историографию.

Звания лауреата — по номинациям — удостоиваются авторы, опубликовавшие в течение года в журнале произведения, отличающиеся своей художественно-публицистической значимостью, следующие высоким традициям классической русской и советской литературы, вносящие весомый вклад в возрождение и развитие духовности и культуры России, сочетающие верность изначальной национальной русской идее и проверенный веками подлинный интернационализм народов России и ранее входивших в состав Российской империи и Советского Союза. Поощряются публикации молодых талантливых авторов, а также литераторов, входящих в неформальный актив журнала. В конкурсе также могут принимать участие авторы книг, изданных в серии «Приложение к журналу «Приокские зори» (см. выше). По положению о лауреатах последними не могут быть руководители журнала, то есть главный редактор и его заместители, руководители организаций-учредителей и меценаты, оказывающие материальную поддержку журналу. Место и страна проживания авторов роли не играет и не является каким-либо ограничением.

Звания лауреатов присваиваются коллегиальным решением редколлегии с учетом мнения учредителей журнала. Читатели «Приокских зорь» также приглашаются к представлению кандидатур; свое мнение они могут высказать письменно по обычной или электронной почте (не по телефону!) на имя главного редактора; адреса указаны на 2-й стр. журнала. Имена лауреатов с указанием номинированных произведений и фотографией автора публикуются в первом номере журнала следующего года издания; например, имена лауреатов 2016-го года объявлены в настоящем номере «Приокских зорь». Также имена лауреатов объявляются в литературных газетах. Лауреатам вручаются дипломы, лауреатские медали и удостоверения к ним. Премия имеет статус всероссийской.

Итак, уважаемые авторы и читатели: объявляется конкурс на 2017-й год, а от читателей и представителей заинтересованных общественных и иных организаций и предприятий мы ждем конкретных предложений по номинантам.

В добрый путь!

ЖУРНАЛЬНЫЙ МИР

Единый ресурс русскоязычных литературных журналов и альманахов

Дорогие авторы и читатели! Теперь Вы можете найти номера нашего журнала в «Журнальном мире», созданном журналом «Сибирские огни» по ссылке:

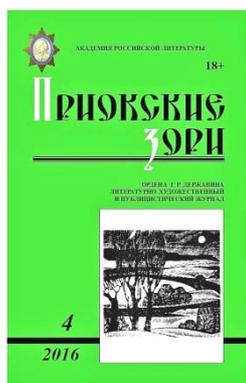
<http://журнальныймир.пф/zhurnaly/priokskie-zori>

и альманаха «Ковчег» по ссылке:

<http://журнальныймир.пф/zhurnaly/kovcheg>

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»!

В апреле этого года в FACEBOOK создана страница нашего журнала. Предлагаем вашему вниманию информацию о странице

<https://www.facebook.com/PRIOKZORI2017/>

Дата создания — 5 апреля 2017 г.

ВНОВЬ ОПУБЛИКОВАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ:

— Информация о выходе в свет № 2, 2017 «Приокских зорь»;

— Оглавление номера;

— Материалы авторов № 2, 2017 «Приокских зорь»;

— Поздравление авторов и читателей журнала с Праздником Светлой Пасхи;

— Поздравление авторов и читателей журнала с Праздником 1 Мая и Днем Победы от имени редколлегии и редакции главным редактором А. А. Яшиным;

— Поздравление авторов и читателей от редколлегии и редакции журнала с Днем Военно-морского флота;

— Поздравление всех авторов, читателей и друзей журнала с Праздником Крещения Руси;

— На странице размещена ссылка на официальный сайт «Приокских зорь»;

Страница «Журнал «Приокские зори» создала одноименную группу для того, чтобы друзья «Приокских зорь» общались друг с другом и с журналом.

НЕМНОГО СТАТИСТИКИ:

Членами группы стали 39 чел.

Всего вместе (страница и группа) охваченных пользователей на Фэйсбуке стало 597 чел.

Всего просмотров материалов — 118.

89 человек отметили страницу как понравившуюся.

83 человека подписались на публикации страницы.

120 отметок о понравившихся отдельных публикациях страницы и группы. Наиболее активными оказались: Олеся Янгол, Ольга Карагодина, Евгений Скоблов, Тамара Соловьева, Нина Волченкова, Валентина Гончарова, Валерий Савостьянов, Светлана Макеева, Андрей Коровенков, Игорь Топоров, Дмитрий Мурзин, Евгений Заболотный, Наталья Макеева, Владимир Пономарев, Gala Hermann, Наталья Сляд-

нева, Лев Воросцов, Ирина Мадрига, Андрей Сутоцкий, Василий Тищенко, Валерий Богушев, Сергей Одинок, Лариса Мерзлякова, Ибн Ильяс.

В группе «Журнал «Приокские зори»»:

Сергей Георг Сретенский опубликовал свои стихи и иллюстрацию к ним, что вызвало общение посетителей группы.

Яков Шафран разместил свои стихи, посвященные Донбассу.

В АДРЕС ЖУРНАЛА ПРИШЛИ СООБЩЕНИЯ:

Ольга Карагодина: Bravo!

Николай Боярчук: «Прекрасный журнал. С поэтическим названием. И скорее всего, с такими же добрыми, романтическими и творчески одаренными сотрудниками! Мой Вам поклон. От безымянного автора, однако получившего дар вкушать всю прелесть и сладость, и могущество нашего родного русского языка, листая Ваши страницы».

Андрей Сутоцкий: «Мои самые добрые пожелания журналу "Приокские зори"!»

Василий Попов: «Давно пора выходить на международный уровень...»

Олеся Янгол: «Добро пожаловать!»

Лариса Ивановна Яшина: «Алексей Афанасьевич! Рада появлению журнала здесь. Боюсь только, что журнал завалят не только достойными произведениями, а и такими, с которыми отделы поэзии, прозы устанут разбираться. Но есть в фейсе и очень достойные авторы, если они предложат свое, будет интересно. Ваш автор — Л. Яшина».

Валерий Акимов: «"Приокские Зори", как приокские зори, вдохновляют на творчество!»

Людмила Козлова: «Здравствуйте, Алексей Афанасьевич! Спасибо за ссылку! Разместила ее на моей странице в Фейсбук».

Сергей Прохоров: «Рад за "ПЗ". А в "ЖМ" мы рядом. Жму краба!»

Андрей Сутоцкий: «ОГРОМНОЕ СПАСИБО, АЛЕКСЕЙ! ПРОЦВЕТАНИЯ ВАШЕМУ ЖУРНАЛУ И ВСЕМ ВАМ КРЕПКОГО ЗДОРОВЬЯ!»

Людмила Козлова: «Здравствуйте, Алексей Афанасьевич! Спасибо за ссылку на интервью! Разместила ее на моей странице в Фейсбук и Майл.ру:

<https://www.facebook.com/profile.php?id=100001273765605>

https://my.mail.ru/mail/max_nin48/

Редколлегия и редакция журнала поздравляет руководителя организационного отдела Академии российской литературы **ЕВГЕНИЯ МАРКОВИЧА СКОБЛОВА**, писателя, академика, дипломанта и лауреата многих литературных наград, с очередной заслуженной наградой «АЛТАРЬ ОТЕЧЕСТВА»!

27 мая 2017 года

в День ветеранов боевых действий

член Союза писателей России,

член Российского Союза ветеранов Афганистана

МАКАРОВ НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

награжден Почетной грамотой

Правительства Тульской области

за активную общественную работу по социальной поддержке ветеранов и патриотическому воспитанию подрастающего поколения.

О НАС ПИШУТ

В Общеписательской Литературной газете № 6 (91) 2017 в разделе «Книжная полка» размещен отзыв на книгу А. А. Яшина «Задуманные «Беседы» Алексея Яшина»

Евгений Скоблов

18 июня в 23:19

<https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1873837829610725&set=gm.1885717591691805&type=3>

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИНФОРМИРУЕТ

*****

Циркулярное письмо литературного-художественного и публицистического журнала «Приокские зори» № 4 от 17 июня 2017 г.

Главный редактор — Алексей ЯШИН,
заместитель главного редактора — ответственный секретарь журнала — Яков ШАФРАН.

Уважаемые авторы и читатели «Приокских зорь»!

В самом конце июня по графику выйдет № 2, 2017 «ПЗ». Прилагаем его содержание. Просьба авторам, желающим заказать экз-ры номера, сообщить до 25.06. Елизавете Михайловне Барановой по эл. почте elisafine@yandex.ru

Большое спасибо тем из Вас, кто присылает экземпляры журнала в редакцию. Мы их, в свою очередь, рассылает по ведущим литературным учреждениям страны. Это поднимает престиж журнала, где Вы публикуетесь. Многие заказывают журнал по указанному адресу. Чтобы Вам не тратиться на двойную пересылку (из Тулы Вам, от Вас в редакцию), проще всего при заказе журнала делать приписку в заказе: N-ое кол. экз. передать Яшину. Кто желает напечатать экз-ры журнала у себя, мы можем бесплатно выслать его файл оригинал-макета. Для этого нужно сообщить на адрес priok.zori@mail.ru Вашу просьбу. Не забудьте, по выше названным причинам, прислать экз. редакции.

С уважением, «Приокские зори».

Евгений Скоблов

23 июля в 18:54

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИНФОРМИРУЕТ

*****

Циркулярное письмо «Приокских зорь» № от 19 июля 2017 года

Уважаемые авторы и читатели «Приокских зорь»!

1. Сообщаем, что на сайте журнала <http://www.pz.tula.ru> появился № 2, 2017 «ПЗ». Просим извинения за двухнедельную задержку. Был в отпуске web-мастер журнала. Далее напоминаем, что файлы журнала постоянно размещаются (с возможной некоторой задержкой) на других сайтах: «Мегалит: евразийский журнальный портал» <http://www.promegalit.ru/magazines/priokskie-zori.html>

«Русское поле» <http://priokskie.ruspole.info> «Журнальный мир» — единый ресурс русскоязычных литературных журналов и альманахов <http://журнальныймир.рф/zhumaly/priokskie-zori> на странице журнала в Фэйсбуке <https://www.facebook.com/PRIOKZORI2017/>

2. 24 июля выходящий из отпуска коллектив издательства ТулГУ начинает печатать № 2 журнала и рассылку заказавшим его. Желающим еще не поздно заказать для себя номер журнала. По всем вопросам заказа, оплаты и пересылки экз. журнала обращайтесь к секретарю редакции Елизавете Михайловне Барановой по адресу: elisafine@yandex.ru А чтобы Вам не тратиться на двойную пересылку (из Тулы Вам, от Вас в редакцию), при заказе журнала в Издательстве ТулГУ сделайте приписку в заказе: N экземпляров передать А. А. Яшину.

3. Наш журнал в литературной части шефствует над Городом Воинской славы Полярным, где в Великую Отечественную войну находился Главный штаб Северного флота СССР. Поэтому авторы, у которых есть произведения о Полярном в военные и предвоенные годы, могут присылать их нам для возможной публикации в журнале.

Редакция журнала «Приокские зори».

ста» о гениальном руководителе Советской страны Иосифе Виссарионовиче Сталине. Во вступлении к роману говорится: «Пожалуй, начиная с конца 20-х годов прошлого века, нет другого такого громкого имени, как имя Сталина, вокруг которого кипели бы страсти абсолютно полярного характера...». Но он «для подавляющего большинства жителей России и стран СНГ, прежде всего русских людей,— выдающийся государственный и полководец-стратег в тысячелетней истории Руси — России — СССР, сравнимый разве что с Владимиром Мономахом, Святославом, Иваном Грозным и Петром Великим...». В этой же рубрике приводится тест «От автора», предваряющий роман. В нем Алексей Яшин справедливо пишет: «Уже почти два десятка лет после каждого очередного крупного несчастья, добывающего веру людей в справедливость <...>, многие из нас восклицают в сердцах: «Сталина на них нет!». И заметьте: восклицают <...> чаще те, для кого Вождь уже история, бывшая до их появления на свет в этом не лучшем из миров...». С интересом читаются главы романа «Проститутка история», «Бремя вождя и культ личности», «Частная собственность — биологический атавизм человека», «Где взять преемника?», «Все же старина Маркс был прав, поторопились...», «Грущу о будущем», в которых изложены мысли, справедливые и актуальные и поныне.

В номере опубликованы материалы авторов Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь». Современная русская проза Белоруссии достаточно интересна и познавательна и представлена достойными прозаиками: Василием Мироновым, Викторией Александровой, Леонидом Пулькиным, Леонидом Волковым, Ниной Высоковой-Мордвинцевой, Николаем Василевским и Татьяной Бурдыко. Русская поэзия союзной страны озвучена не менее талантливыми поэтами: Владимиром Шароновым, Татьяной Фурсовой, Леонидом Волковым, Олегом Зайцевым, Наталией Литвиновой, Петром Магером, Марго Волковой, Иваном Дацкевичем, Михаилом Баранчиком, Сергеем Морозом, Татьяной Дорошко, Вадимом Борисовым, Юрием Мацуком, Татьяной Дорониной и Дмитрием Юртаевым.

Многоцветье русской литературы Белоруссии достойно представлено и публицистикой Олега Зайцева, литературной критикой Юрия Клеванца и Натальи Советной, афоризмами Ирины Денисовой, переводами Василия Мельникова и Александра Морозова, а также стихами для детей Богдана Лемы и Нины Енбулаевой.

Рубрика «Мал золотник да дорог (произведения писателей из России и других стран)» включила в себя работы разных жанров. Открывается она удивительно проникновенными стихами Валерия Кулешова, собранными в Personalia. Издревле на Руси литераторы не только вопрошали: «Кто виноват?» и «Что делать?». Поэт не только задается этими вопросами, но и знает ответ:

Что делать?.. Отчий край, — ответ.

И отзыв — вдалеке:

— Как прежде, Песнь родную петь

на русском языке.

Известный критик Вячеслав Лютый в статье «В складках земли» рассуждает о метафизике стихотворения Юрия Кузнецова «Поэт и монах». В частности он пишет: «...Очень конкретные образы, взятые из реальности, не ушли из поэзии Юрия Кузнецова, но помещены им в координаты христианской этики, точнее — православного нравственного чувства <...> И внезапно выяснилось, что литературное сообщество не готово воспринять нравственную определенность столь высокой концентрации».

Интересны своей непосредственностью «Сказки родом из детства» Лидии Савельевой. Хорош рассказ молодого прозаика, дважды победительницы в тульском городском конкурсе «Ступени» Киры Крестьянкиной «Мама на Новый год» о психо-

логии, проблемах и радостях усыновления. Рассказ Рудольфа Артамонова «Моя жизнь и время. Эго-история» — «это рассказ о том, как время преломилось в жизни и судьбе одного человека», — пишет сам автор. Воспоминания о войне, Москве и школе тех лет непосредственны, что и ценно, наряду с художественностью повествования. Русский человек по природе своей государственный, и ему больно от того, что уже в течение десятилетий не решаются одни и те же проблемы. Оттого и спиваются лучшие народные умы, пока в стране хозяйничают «псевдогуманисты» и «псевдоэкономисты», — пишет в рассказе «Алкаш» Вячеслав Михайлов. Подобны искрящимся под лучами солнца каплям свежей утренней росы лирические стихи о любви Людмилы Сениной. О ее же юбилейном творческом вечере пишет Яков Шафран в статье «Ей дано такое счастье». Высокопрофессионально — кратко и емко, художественно и по-исследовательски точно — рассказывает Евгений Трещев о концерт-презентации поэтического сборника «Настроение» поэта Владимира Сапожникова в работе «Утихла первая метель». Обзор творчества известнейшего тульского поэта Валерия Ходулина к его 80-летию дает читателям журнала Яков Шафран. Привлекают к себе работы: «Князь и крестьянка» (повествование о князе А.П. Голицыне и его жене Елене Ивановне) Валентина Огнева, «Лесные гости» Леонида Иванова, «Что такое “гаммеризм”?» Марка Бенарона. Интересную и актуальную беседу с Владимиром Вольфовичем Жириновским провела и опубликовала Людмила Авдеева. Разрывает сердце стихотворение Галины Ульшиной о катастрофе известного нашего самолета, летевшего в Алеппо. Свои стихи посвятили скоропостижно ушедшему из жизни труженику на ниве просвещения и духовного развития, поэту, прозаику и публицисту Геннадию Миру (Мирошниченко) Олег Пантюхин и Татьяна Леонова.

ТУЛЬСКИЕ ИЗВЕСТИЯ

ВРЕМЯ ЧИТАТЬ

№ 99 (6701) от 12 июля 2017 года

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ

Много бед и невзгод перенес русский народ за последнее столетие: две мировые войны, революцию, гражданскую войну, две смены экономических формаций, разорение, голод и т.п. И все это нашло отражение в творчестве наших земляков — писателей. В написанных ими книгах многогранно раскрываются их человеческие качества. Они писали о военных невзгодах, о любви, о пробуждающейся природе, о весне, о чувствах. Тульские писатели всегда были с народом, с его тревогами и бедами, радостями и печалью.

Алексей Максимович Горький говорил: «Наша литература — наша гордость, лучшее, что создано нами как нацией. В ней вся наша философия, в ней запечатлены великие порывы духа. В этом дивном, сказочно быстро построенном храме по сей день ярко горят умы великой красоты и силы, сердца святой чистоты — умы и сердца истинных художников».

Литературная деятельность — естественная потребность части нашего общества. Ведь писатель не выбирает слова, они в нем живут. Они рвут сердце и просятся на белый лист бумаги. Писательский талант — от Бога!

Писатель по определению — индивидуалист и себялюб. И каждый уверен в своей собственной гениальности. А отношения между писателями иногда складываются, как в «террариуме единомышленников». Но литературное творчество не только разъединяет, но и сближает, создавая общность — Союз писателей России.

Тульская организация Союза писателей была создана по решению Правления Союза писателей РСФСР от 18 ноября 1960 года. В нее вошли: Н. Парыгина, В. Булгаков, И. Панькин, Г. Шмань, А. Лаврик (ответственный секретарь), А. Кузнецов, чуть позже: П. Сальников, М. Казакова, А. Елькин, Н. Любин, Ю. Щелоков, Н. Акулиничев, В. Трапезников, И. Минутко, В. Лазарев, В. Ходулин, А. Харчиков, С. Галкин, В. Маслов, А. Пешков, В. Сапронов, Н. Боев, В. Болохов, В. Большаков, В. Логунов, В. Греков. Шли годы. Писательская организация росла. В настоящее время в нее входят более пятидесяти человек.

Многие, наверное, не знают, что Союз писателей после распада СССР превратился в общественную организацию. Своеобразный клуб по интересам. Здесь нет чиновников. Никто не получает зарплату от государства. Нет льгот. Все основано на добровольной основе и энтузиазме участников. Встретились, пообщались, обсудили какие-то вопросы и на душе как-то стало теплее и светлее. Чтобы не потерять форму, за собственные деньги издаем коллективные сборники и альманахи, встречаемся с читателями, участвуем в различных культурных мероприятиях. Само общение с единомышленниками многого стоит! В абсолютном большинстве это очень интересные и толковые люди.

Мне повезло, что на своем жизненном пути я встретил таких писателей, как В. Г. Ходулин, В. Ф. Пахомов, В. В. Киреев, А. А. Яшин, М. С. Дубинский, В. Я. Маслов, В. Г. Сапожников, Г. Н. Маркин, И. Н. Прасолов, Я. Н. Шафран, И. В. Тальков, В. В. Кулешов, М. С. Казанский, Д. М. Романов, В. И. Северов, В. Н. Савостьянов, В. Ф. Кузьминов, О. В. Пономарев, Т. И. Леонова, Г. Г. Мирошниченко, Н. К. Дружинин, Н. Д. Парыгина, Э. П. Георгиевский, А. Т. Харчиков, Н. А. Дружков, О. С. Каширин, Б. К. Роганков, А. В. Жуков, Д. Е. Ракитин, Н. Н. Минаков, Б. М. Голованов, А. Е. Новгородский, Н. И. Боев, А. М. Меситов, А. Е. Вишневецкий, А. М. Земцов, М. А. Крышко, К. В. Струков, В. И. Боть, Н. Е. Стещенко-Фролов, А. И. Миронов, В. В. Куликов, А. А. Янежич. Все они — талантливые поэты и прозаики. Целые поколения туляков зачитывались их книгами. В литературе писатель живет своей собственной жизнью. Литературный труд — призвание, т.е. состояние души, персональный высокий смысл жизни.

Писатели старшего поколения хорошо помнят, как в 60—70 годы прошлого века их восторженно встречали многочисленные аудитории читателей, любителей поэзии, бардовской песни. Сегодня такого уже не увидишь. Мы живем в период перемен, многое за последние несколько десятков лет в стране изменилось, в том числе отношение к литературе. Но и сейчас не все потеряно. Есть еще люди, которые интересуются творчеством. Это носители духовности, и их не мало, как может показаться на первый взгляд.

Валерий Яковлевич Маслов в статье «Певцы земли Тульской» пишет, что «духовный и поэтический мир предшественников учит благородству чувств, самоотверженности, глубокому восприятию окружающего мира, его пониманию».

Значительное число Тульских поэтов и прозаиков, членов Союза писателей России, являются членами ряда академий и других творческих Союзов, лауреатами и дипломантами творческих конкурсов, имеют почетные государственные награды, звания и ученые степени.

Так, Яшин Алексей Афанасьевич — доктор технических наук, доктор биологических наук, профессор. Заслуженный деятель науки РФ. Почетный радист России. Действительный член ряда академий. Лауреат премии им. Пирогова, премии им. Л. Н. Толстого (дважды) и еще 14 литературных премий. Главный редактор журнала «Приокские зори», член Правления Академии российской литературы.

Сапожников Владимир Григорьевич — доктор медицинских наук, профессор. Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федера-

ции. Действительный член ряда академий. Лауреат литературной премии им. Л. Н. Толстого и многочисленных литературных конкурсов.

Пахомов Виктор Федорович — действительный член Петровской Академии наук и искусств. Заслуженный работник культуры РФ. Почетный гражданин города-героя Тулы. Лауреат литературных премий журнала «Дружба народов», «Союза писателей России», областной премии имени Л. Н. Толстого и др. Около тридцати лет возглавлял тульскую писательскую организацию.

Маслов Валерий Яковлевич — председатель Межрегионального Союза писателей, член Международного литфонда. Член Правления Тульского отделения Союза писателей России (заместитель председателя). Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Награжден медалью Ордена «За заслуги перед Отечеством» и др. Лауреат литературных премий имени Л. Н. Толстого, имени Смелякова, газеты «Молодой коммунар» и др.

Ходулин Валерий Георгиевич — член-корреспондент Петровской Академии наук и искусств. Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Почетный гражданин города-героя Тулы. Лауреат и дипломант многочисленных конкурсов и фестивалей. Лауреат областной литературной премии имени Л. Н. Толстого и др. Имеет правительственные награды. Четыре раза избирался руководителем областной писательской организации.

Дубинский Марк Самойлович — майор-инженер. Ветеран Вооруженных Сил Российской Федерации. Награжден пятнадцатью медалями. Лауреат областной литературной премии имени Л. Н. Толстого. Лауреат и дипломант многочисленных литературных конкурсов. Избирался заместителем ответственного секретаря областной писательской организации.

Киреев Валентин Викторович — член Правления областной писательской организации. Почетный гражданин Богородицкого района. Награжден Золотой медалью «Во имя жизни на земле». Лауреат областных литературных премий имени Л. Н. Толстого и Ярослава Смелякова. Автор слов гимнов городов Богородицк и Новомосковск. Лауреат и дипломант нескольких поэтических конкурсов и фестивалей.

Маркин Геннадий Николаевич — майор. Почетный работник ФСИН Российской Федерации. Заместитель главного редактора журнала «Приокские зори». Имеет правительственные награды. Лауреат и дипломант многочисленных литературных конкурсов.

Активное участие в литературном процессе Тульской области принимают также писатели: В. Боть, С. Крестьянкин, В. Виноградов, О. Пономарев, М. Казанский, О. Каширин, А. Новгородский, В. Кулешов, В. Савостьянов, А. Меситов, А. Вишневецкий, Л. Ваганова, Н. Сорокина, Н. Боев, Э. Георгиевский, О. Коваленко, В. Кузьминов, О. Пономарев, Д. Ракитин, Б. Роганков, В. Родионов, В. Сапронов, К. Струков, А. Хадарцев, Н. Жуков (в апреле 2017 года избран руководителем писательской организации).

Наша литература меняется, нельзя не признать этого. Можно с уверенностью сказать, что уровень литературной культуры, резко упавший с началом «перестройки», показывает положительную динамику. И это обнадеживает.

Имена писателей и поэтов в народной памяти остаются гораздо дольше, чем людей других профессий. Забываются фамилии политиков, руководителей, когда-то решавших судьбы сотен и тысяч людей. А писатель еще живет в своих произведениях, пока их читают люди.

*Евгений Трещев, член Союза Писателей России,
действительный член Петровской Академии наук и
искусств, Почетный работник общего образования*

Вышел в свет № 4 писательской газеты «Тула литературная», в котором кроме прочих интересных материалов есть такая заметка:

Памяти Натальи Деомидовны Парыгиной

Министерство культуры Тульской области во главе с Татьяной Вячеславовной Рыбкиной, Тульская городская Дума, администрация города Тулы для увековечивания памяти недавно ушедшей из жизни старейшей писательницы области, Почетного гражданина города Тулы Натальи Деомидовны Парыгиной решили воздвигнуть на ее могиле памятник за счет бюджета, внебюджетных средств и спонсорской помощи.

Куратором этого благотворительного проекта выступает член Союза писателей России Н. А. Жуков.

НАМ ПИШУТ

С праздником 1 Мая в адрес гл. редактора, редакции и редколлегии поступили поздравления от: Виталия Кузнецова и Татьяны Логиновой («Северо-муйские огни»), Рудольфа Артамонова, Бориса Кобринского, Владимира Сапожникова, Валерия Богушева, Людмилы Козловой («Огни над Бией»), Александра Чаева, Сергея Лебедева, Ольги Борисовой, Федора Ошевнева, Леонида Иванова, Владимира Федорова, Анатолия Аврутина, Валерия Акимова, Ольги и Натальи Артемовых, Валентины Пинаевской, Валерия Савостьянова, Вячеслава Михайлова, Людмилы и Геннадия Авдеевых, Юрия Клеванца.

С Днем Победы нас поздравили: Ефим Гаммер, Рудольф Артамонов, Федор Ошевнев, Владимир Федоров, Ольга и Наталья Артемовы, Валерий Савостьянов, Людмила и Геннадий Авдеевы, Владимир Трусов, Галина Лялина, Ольга Борисова, Виталий Кузнецов и Татьяна Логинова («Северо-муйские огни»), Людмила Козлова («Огни над Бией»),

Валерий Акимов, Валерий Демидов, Анатолий Аврутин и журнал «Новая Немига литературная», Лидия Савельева, Елизавета Баранова, Тамара Булевич, Эд Побужанский и издательство «Образ», Владимир Трусов, Николай Тимохин, Леонид Иванов, Юрий Клеванец, Олег Зайцев и «Белорусский литературный союз "Полоцкая ветвь"» и Игорь Нехамес.

С Днем рождения (6 мая) поздравили главного редактора Алексея Афанасьевича Яшина:

Людмила и Геннадий Авдеевы, Юрий Черняков, Ефим Гаммер, Ольга Борисова, Сергей Лебедев, Людмила Козлова («Огни над Бией»), Владимир Сапожников, Валерий Акимов, Петр Савельев, Валерий Демидов, Эд Побужанский и издательство «Образ», Тамара Булевич, Владимир Федоров и «Общеписательская Литературная газета», Анатолий Аврутин и журнал «Новая Немига литературная», Владимир Трусов, Валерий Савостьянов, Елизавета Баранова, Ольга и Наталья Артемовы и Леонид Иванов.

Добрый день, уважаемый Алексей Афанасьевич!

Спасибо за поздравление с корейским орденом. Мы с мужем поздравляем Вас и весь коллектив ПЗ со всеми майскими праздниками, с Великим Днем Победы, а Вас еще и с Днем рождения. Примите самые добрые и искренние пожелания здоровья, успехов, творческого долголетия, так как Вы воистину человек уникальный и истинный интеллигент и патриот, Слово которого весомо, зримо и необходимо.

Алексей Афанасьевич, посылаю Вам папку с фото, внутри которой 7 внутренних папок и 8 с пояснениями к фото. Там фото ордена и документов, фото презентаций по моим корейским книгам. А еще решила послать несколько фото последних мартовско-апрельских Международных мероприятий, в которых участвовала. В папке «Пояснения» разъяснения ко всем фото, в том числе по КНДР.

Сейчас из КНДР ко Дню Победы приехала делегация Комитета по связям с заграницей и привезли для издания еще две мои книги. Одна «Цветок Азалии» посвящена Ким Чен Сук, легендарной героине антияпонской войны и одновременно жене Ким Ир Сена и матери Ким Чен Ира, умершей, едва перешагнув 30-летие, но заслужившей удивительную любовь всех поколений, с которой сталкиваешься в стране на каждом шагу. Сейчас к ее юбилею они тоже издали 3 тома воспоминаний о ней.

5 мая в Институте мировых цивилизаций, а потом в посольстве пройдет презентация книг к ее юбилею, в том числе 2-х моих новых. В обсуждении задействованы несколько диаспор, ученые-востоковеды, общество сотрудничества РФ и КНДР. Будут из СПРФ, Академии поэзии, общественных организаций и, конечно, молодежь, студенты. Так что сейчас все силы брошены на подготовку. А потом, как все последние годы, с Союзом ветеранов Афганистана участвуем в мероприятиях Победы.

Еще раз всех благ Вам, дорогой Алексей Афанасьевич и «ПЗ».

Людмила Евгеньевна Авдеева. 3 мая 2017 г.

Добрый день, уважаемый Алексей Афанасьевич.

Получила бандероль с Вашими книгами только 14 мая (так у нас почта работает!) Спасибо за большое подробное письмо, да еще рукописное.

Сначала о книгах. Безусловно, Вы правильно решили, что, хотя корейцы свободно говорят по-русски, осилить такой объемный том им будет сложно. А просто стоять на полке даже в Комитете по связям с зарубежными странами в Пхеньяне или в посольстве для такого поразяющего тематическим масштабом труда, более чем обидно.

Поэтому муж, который потрясен размахом вашего художественного и научного творчества, посоветовал 17 мая, когда у нас в Институте мировых цивилизаций состоялась научно-практическая конференция в связи с приездом большой делегации из Тайваня, в которой принимали участие партийные эксперты, депутаты, ученые-экономисты и социологи, и ознакомить их с Вашим фолиантом. К слову, мне пришлось выступить по вопросам культурного сотрудничества, так как я знаю работу

Русского клуба, издательства «Вишневы сад» в Тайбее, была на всех Чеховских театральные фестивалях, в которых с 2005 г. участвуют тайванские хореографические коллективы, о которых я неоднократно писала (издана моя книжечка «О Тайване стихами и прозой»).

Таким образом, появилась возможность показать Вашу книгу аналитикам. Рассматривали и члены делегации из Государственного университета, и Национальной библиотеки, отметившей 80-летие и сотрудничающей с ведущими Российскими библиотеками. Откровенно говоря, потрясение начиналось уже с заголовка «Феноменология ноосферы». Короче, книгой действительно заинтересовались два серьезных опытных аналитика. Это Лисицин Михаил Николаевич, возглавляющий группу советников, доктор наук, и канд. наук Юрий Леонидович Спирин, член Союза писателей России, член редколлегии журнала «За русский народ», где мы с ним часто в одном номере печатаемся, автор нескольких книг по истории партии. Вот они прочтут, надеюсь, результативно, а потом книга может поступить в Библиотеку ИМЦ, так как, думаю, кто-то из студентов или аспирантов использовать сможет материалы для конференций.

Кстати, Вы, Алексей Афанасьевич, пишете, что вопросы глобализации ЛДПР и КПРФ не интересуют. Напротив, ЛДПР ежегодно, уже лет семь, проводит научно-практические конференции «Россия и мир. Глобализация, развитие цивилизаций, прогнозы и прогнозирование», в которых мы с мужем всегда принимаем участие с докладами, которые публикуются в «Вестнике ИМЦ» и сборнике «Россия и мир». В этом году конференция, прошедшая 13 апреля, стала Международной, так как в ней приняли участие специалисты из Ирана, Сирии, Афганистана, Турции, наших бывших республик, поступило более 500 докладов, которые должны быть изданы теперь в разных международных изданиях. Работало несколько секций. У меня был доклад «От соперничества к сотрудничеству через межкультурный диалог», за который получила Сертификат.

Сейчас работаю над продолжением книги «Четки памяти», так как пакистанцы будут отмечать очередную годовщину трагедии Кашмира, а у меня большой цикл, начатый еще в период командировки в Пакистан, а затем в Индию. Готовлю новый выпуск сб. ЛИТО (1 июня презентация) и большое мероприятие к Дням славянской письменности, будет 25 мая отмечаться в Болгарском посольстве. В свое время в 2008 году я получила Золотую медаль «Дивное слово» на Болгарском фестивале искусств, и было не менее десятка публикаций в журнале «Друзья Камчии», ныне закрытого.

Дорогой Алексей Афанасьевич, желаю Вам душевной бодрости, силы духа, здоровья и новых творений. Самые добрые пожелания от моего мужа, почитателя Вашего безграничного таланта ученого и писателя.

Людмила Авдеева. Москва. 22 мая 2017 г.

Добрый день, дорогой Алексей Афанасьевич.

Пришла бандероль с «Задушевными беседами», и, находясь еще под впечатлением от «Феноменологии...», благодаря которой мы для себя получили массу информации о процессах мышления, масштабность Вашей научной и творческой деятельности, энциклопедичность Ваших знаний просто потрясает. Как Вы находите время на реализацию всего задуманного? К слову, читающий сейчас «Феноменологию ноосферы» Лисицин Михаил Николаевич, возглавляющий группу советников у ВВЖ, председатель экспертного совета по актуальным научно-техническим и социально-

экономическим проблемам, академик РАЕН, тоже в разговоре с мужем отметил глубину философских умозаключений, остроту поднятых проблем и что читается с большим интересом, хотя математические вставки для гуманитариев трудноваты. «Задушевные беседы» экз. для ВВЖ передали, и на ЛИТО обсудим обязательно, отчет пришло, но сейчас мы распустились на лето, издав новый альманах и проведя ряд мероприятий ко Дню защиты детей, Дню России и прочее. Соберемся теперь в конце сентября, а за это время дам читать некоторым студийцам, чтобы были в теме. А сама начала читать, взяв на Международную конференцию, «Месопотамия — корни и перспективы езидского государства», но конференция оказалась настолько интересна и трагична по своей сути, что захватила полностью. Всего народ перенес за свою историю 181 геноцид. 74 раза только за 20-ый и нынешний век. Последний раз в 2014 г. вырезали население, причем 12 тыс. женщин и девушек продали на невольничьем рынке и 3 тыс. детей украли в районах северного Ирака. Из детей готовят смертников-террористов. Сейчас общее население чистых езидов не более 2-х млн, скитающихся по всему миру. Изначально это народ, из которого выделились курды, те, кто принял ислам. Многие приглашенные из сирийского, турецкого, иракского Курдистана не смогли приехать, будучи запуганы. Представители народности езидов — эмигранты, из Северного Курдистана, живущие в Германии, рассказывали об ужасающих условиях проживания в горах, в палатках, без воды и света. Удалось приехать и выступить на Конференции избранному в 2016 г. Его высочеству Султану Келаш Резгану, принцу езидов (потом удалось с ним пообщаться и даже сфотографироваться). С 2014 г. стали создавать свои отряды самообороны (армию). А так они противники войн, верят в единого Бога, женятся только между своими тремя кастами. Они типа наших духоборов, которым в свое время помогал Л. Н. Толстой. А еще Пушкин описывал в «Путешествии в Арзум» встречу с горцами, так это были езиды, в 1829 г. там проживавшие. Интересно, что у нас даже ученые-востоковеды в основном считают их одним народом с курдами, в то время как они враждуют. Я сама принимала в апреле участие в Международной женской конференции Курдистана, и там тоже был такой же взгляд. Теперь Султанат требует юридического права на восстановление государства в Месопотамии. Все выступавшие просили помощи России в катастрофическом положении малого народа. Выступали наши эксперты, журналисты, руководители политических организаций, экономисты. Приняли резолюцию, но все понимали, что это только слова на бумаге. Но тема очень трагичная.

Алексей Афанасьевич, постараюсь поучаствовать в объявленной Вами дискуссии «Апология христианской морали». Сейчас время расписано по секундам. Наверно, опять без отпуска год пройдет. Спасибо за ПЗ, которое в пути. Получу, передам, так как собирают все издания с выступлениями.

Еще раз желаем Вам творческих успехов и крепкого здоровья. Большой привет всем членам редколлегии. А Вам от моего мужа, который буквально спит с «Феноменологией...», самые добрые пожелания.

*С неизменным уважением
Людмила и Геннадий Авдеевы.
Москва. 14 июня 2017 г.*

**ПРЕЗЕНТАЦИЯ КНИГИ Н. А. МАКАРОВА
«СКАЗКИ ПРО ЛЕС»**

16 февраля 2017 года

В Тульской детской художественной школе имени В. Д. Поленова состоялась презентация книги члена Союза писателей России, члена Российского Союза ветеранов Афганистана Н. А. Макарова «Сказки про Лес» с иллюстрациями юных художников

Сказки — это волшебный мир, с которым мы знакомимся с детства. Будучи детьми, мы видим в них один смысл, а, повзрослев, понимаем, что их содержание гораздо глубже. Сказки бывают разные — волшебные, бытовые, о животных... Именно о последних написал цикл произведений военный врач, член Союза писателей России, член Российского Союза ветеранов Афганистана Николай Алексеевич Макаров. Сказки Николая Макарова — глубокие, наполненные философским смыслом, в них наша людская жизнь переложена в Лес, а герои сюжетов — звери.

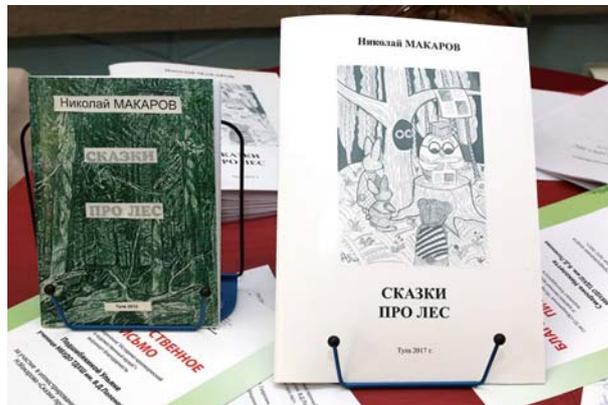
Более 30 философских сказок-притчей вошли в книгу «Сказки про Лес», которая была издана в 2012 году. Изначально первое издание было проиллюстрировано профессиональным художником Александром Алексеевичем Губановым, а в 2016 году автор книги Н. А. Макаров, заведующая научной библиотекой ГУК ТО «Объединение «Историко-краеведческий и художественный музей» Л. В. Шишкина и преподаватель детской художественной школы имени В. Д. Поленова Г. К. Гаева предложили юным художникам проиллюстрировать понравившиеся «Сказки про Лес». Ведь известно, что взгляды взрослых и детей на мир намного отличаются друг от друга.

На презентации книги Г. К. Гаева рассказала, что проект совпал с темой занятий в ее классе — графика, линия, точка, пятно, черное-белое. И поэтому дети охотно взялись за иллюстрацию. Новый опыт занял немало времени: учащиеся находились в творческих поисках, делали зарисовки, и только потом писали работу в натуральный вариант. В результате получилась уникальная серия графических рисунков.

Иллюстрации юных художников опубликованы под авторской подписью в книге Николая Алексеевича Макарова во 2-ом издании (30 экземпляров). На встрече каждый участник проекта получил на память по экземпляру книги с автографом автора. Также издание поступило в фонд научной библиотеки Тульского музейного объединения.

Отметим, что в рамках мероприятия автор Н. А. Макаров познакомил учащихся с профессией писателя, рассказал, как проходит творческий процесс написания литературных произведений.

МЫ ПОМНИМ...

5 мая 2017 года

в Тульском государственном музее оружия состоялась научно-практическая конференция «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов: историческая память поколений» и презентация книги воспоминаний и размышлений поколений «Мы помним... Сразу после войны»

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Ольга Карагодина

6 мая в 13:31

*****

5 мая 2017 года в Туле в Музее оружия состоялась конференция-презентация книги «Сразу после войны», подготовленной в содружестве ученых Тульского филиала Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, МГУ имени М. В. Ломоносова и историко-просветительского центра «Преемственность» под эгидой Министерства молодежной политики Тульской области. Четвертая книга, изданная в рамках проекта «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов», рассказывает, как сложились после Победы в Великой Отечественной войне судьбы героев предыдущих книг из серии «Мы помним...».

В четвертом томе приняли участие 194 автора из шестнадцати регионов России. В том вошли авторы из Беларуси, Украины, Казахстана, Германии, Канады. Авторы этой книги знакомят читателей с судьбами своих семей, размышляют о послевоенном периоде в истории нашей страны.

Проект «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов» начал свою деятельность в 2009 году. Первые два тома вышли в 2010—2011 гг. Руководителем проекта является профессор Тульского филиала РЭУ им. Г. В. Плеханова, генеральный директор Межрегиональной общественной организации «Историко-просветительский центр «Преемственность», доктор социологических наук Ростовцева Людмила Ивановна. Проект высоко оценил Министр культуры РФ Владимир Ростиславович Мединский.

В скором времени планируется выпуск пятой книги «Мы помним ту страну, в которой жили». Она будет посвящена воспоминаниям и размышлениям поколений.

В мероприятии приняли участие: президент Академии геополитических проблем, доктор исторических наук, генерал-полковник Л. Г. Ивашов; научный руководитель и генеральный конструктор предприятия «СПЛАВ», Герой России Н. А. Макаровец; главный научный сотрудник Центрального музея Вооруженных Сил РФ, доктор исторических наук Л. Д. Сабуров; почетный профессор истории Восточной Европы исторического факультета Ганноверского университета, основатель Общества истории мировой системы (Verein für Geschichte des Weltsystems e.V.) Ганс-Генрих Нольте (Германия); ведущий научный сотрудник Государственного центрального музея современной истории России, историк оружия, кандидат исторических наук Р. М. Шепарев; дети выдающихся российских оружейников — Е. М. Калашникова, Т. А. Сакалова (Шипунова); М. В. Грязев; внук наркома вооружения, Министра обороны СССР Д. Ф. Устинова — С. А. Немцов; а также представители Тульской городской Думы, региональных музеев и вузов.

Уникальная книга объемом 827 страниц издана благодаря грантовой поддержке правительства Тульской области.

В четвертой книге присутствуют три члена нашей академии: Александр Тарасов с публикацией «При исполнении погиб...»; Евгения Токарева с публикацией «Нахлынувшие воспоминания»; Ольга Карагодина с эссе «Сухарики».

Конференция длилась более трех часов. Многие авторы взяли слово с трибуны и рассказали о том, как создавались их произведения. Татьяна Михайловна Осипова рассказала о тете, которая воевала в диверсионно-разведывательной группе вместе с Зоей Космодемьянской. Она одна из тех, кто придумал проект «Мы помним...».

Николай Александрович Макаровец рассказал о системах тульского оружия и знаменитых оружейниках Тулы.

Много интересного с переводчиком рассказал почетный профессор истории Восточной Европы исторического факультета Ганноверского университета, основатель Общества истории мировой системы (Verein für Geschichte des Weltsystems e.V.) Ганс-Генрих Нольте, специально приехавший из Германии. Он организатор поисков людей, попавших в концлагерь Баден-Баден в годы войны, и тесно работает с тульским музеем оружия. Собирается издать совместную с музеем книгу воспоминаний узников концлагеря.

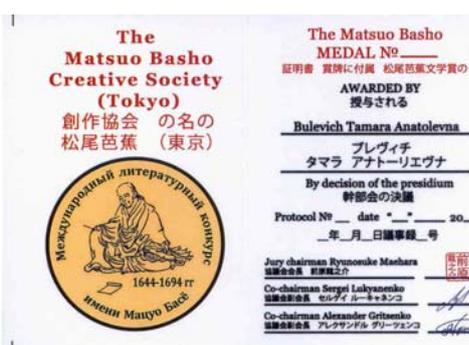
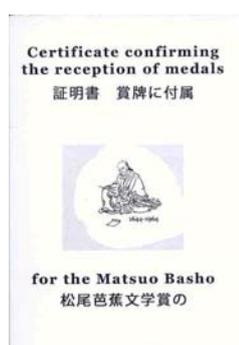
Очень интересно рассказывал о создании и создателях ядерной бомбы главный научный сотрудник Центрального музея Вооруженных Сил РФ, доктор исторических наук Л. Д. Сабуров.

Многие авторы поделились своими мыслями и чувствами. В конце состоялось награждение присутствовавших авторов грамотами «Благодарность за подготовку эссе, вошедшего в книгу воспоминаний и размышлений поколений "Мы помним... Сразу после войны"», а также вручили каждому автору бесплатный экземпляр книги.

В книге (Тула: Аквариус, 2017.— 828 с.) опубликовано эссе члена Союза писателей России, члена Российского Союза ветеранов Афганистана Николая Алексеевича Макарова «Любовь — это на всю жизнь» (289—304 стр.).*

Наш постоянный автор Тамара Анатольевна Булевич награждена дипломом Международного литературного конкурса им. Мацуо Басё

* Продолжение. Начало см.: Макаров Н. А. Об отце // Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений. Ч. 1.— Тула: Гриф и К, 2012. С. 434—443; Макаров Н. А. Из воспоминаний отца // Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений. Ч. 2.— Тула: Аквариус, 2015.— С. 91—101.

**ФОТОРЕПОРТАЖ ЧЛЕНА РЕДКОЛЛЕГИИ НАШЕГО ЖУРНАЛА
И ПОСТОЯННОГО АВТОРА ИЗ Г. ИЕРУСАЛИМ (ИЗРАИЛЬ)
ЕФИМА ГАММЕРА**

Ефим Гаммер в молодости

*Ефим Гаммер на крылечке редакции газеты
«Ленские зори». За ним Светлана Гаммер*

Скалистые берега реки Лены

Киренский порт, 1972 год

Самолет летит в Киренск

Марш Победы в Иерусалиме

ГЮЛАБ АРАМОВИЧ МАРТИРОСЯН

28.12.1925

25.05.2017

На 93-м году жизни скончался яркий представитель поколения победителей в Великой Отечественной войне, ветеран, ученый, профессор, писатель и журналист, постоянный автор нашего журнала «Приокские зори» и газеты «Тулская правда» Гюлаб Арамович Мартиросян.

Г. А. Мартиросян родился в горном селении Чардахлы, что в Нагорном Карабахе. В грозном 1941 г. шестнадцатилетний комсомолец Гюлаб Мартиросян добровольцем вступил в ряды Красной Армии. Летом следующего года в звании лейтенанта, после окончания Бакинского пехотного училища, был направлен на фронт. Воевал в составе знаменитой 89-й армянской, национальной, Таманской, трижды орденосной стрелковой дивизии, дошедшей до Берлина. Участвовал в обороне и освобождении Северного Кавказа, Таманского полуострова и Крыма, в боях на Малой земле. Командовал батареей минометов.

Инвалид Великой Отечественной войны II группы Гюлаб Арамович был награжден орденами Отечественной войны I и II степеней, Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За оборону Кавказа», «За победу над Германией», памятными юбилейными медалями.

Он прожил в Рязани почти 63 года, преподавал в рязанских вузах, выпустил в свет многих кандидатов и докторов наук, которые работают в России. Г.А. Мартиросян, до конца своих дней будучи Почетным Президентом рязанской армянской общины, консолидируя ее и благоприятствуя ее деятельности, был одним из инициаторов присвоения г. Рязани почетного звания «Город воинской доблести» и много сделал для дружбы русского и армянского народов.

Гюлаб Арамович весь свой опыт и мудрость, убеждения и патриотизм отразил в своих выступлениях и произведениях. Так, представление богатейшего материала по обороне Тульской области и военных операциях на ее территории, а также педагогической деятельности, состоялось благодаря военному опыту, научной работе полковника в отставке Гюлаба Арамовича Мартиросяна.

Все знавшие Гюлаба Арамовича Мартиросяна — его близкие и друзья, коллеги и члены общины, ученики и последователи, где бы они ни жили, всегда будут помнить его и любить.

Редколлегия и редакция ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори» выражают глубокое сожаление по поводу ухода из жизни замечательного человека и соболезнования его дочери М. Г. Баланюк в связи с кончиной отца.

(По материалам газеты «Рязанские ведомости» от 26.05.2017 г., «Тулская правда» от 28.06.2017, воспоминаниям друзей, коллег и близких).

Информационное письмо

17 декабря 2017 года в г. Туле в 10:00 часов пройдет 5-й Тульский областной слет молодых литераторов. Место проведения слета: г. Тула, ул. Октябрьская, д. 2, здание-шлем Тульского государственного музея оружия. Регистрация участников — с 9 до 9:45 часов 17 декабря в Тульском музее оружия.

Организаторы слёта:

Тульское региональное отделение Союза писателей России (председатель правления Н. А. Жуков). ФГБУК «Тульский государственный музей оружия» (директор Н. И. Калугина), Тульское областное отделение Литературного Фонда России (председатель В. Я. Маслов), журнал «Приокские зори» (главный редактор А. А. Яшин). Проведение слета согласовано с Министерством культуры Администрации Тульской области.

Председатель оргкомитета слета — В. Г. Сапожников.

Возраст участников слета — до 45 лет.

По итогам слёта победители конкурса – лучшие молодые поэты и прозаики будут награждены дипломами лауреатов I-II-III степени, ценными подарками, рекомендованы для приема в Союз писателей России.

Лучшие произведения участников по итогам слета будут опубликованы в журнале «Приокские зори», других изданиях.

Правила оформления материалов на слёт:

Редактор: MS Word

Шрифт: Times New Roman не жирный, № 12

Интервал: одинарный

Отступы: сверху, снизу, справа и слева — 2,5 см.

Объем: 5 страниц

Параметры страницы: А4 (портрет)

Фамилия, инициалы автора печатается в верхнем регистре жирным шрифтом (Times New Roman) через одинарный интервал. В верхнем левом углу размещается фотография автора. С новой строки печатаются краткие биографические данные об авторе (3—5 строк), затем текст самих поэтических или прозаических произведений, общим объемом до 5 страниц.

Для участия в работе слета необходимо до 1 ноября 2017 г. передать лично (понедельник-четверг с 11 до 13:30 часов) или переслать по почте простой (не заказной) бандеролью каждый подаваемый материал в печатном и электронном виде (на дисках) в Тульское региональное отделение Союза писателей России (по адресу: 300000 г. Тула, ул. Болдина, д. 147 А, второй этаж, Тульское отделение Союза писателей России) вместе с заполненной анкетой участника. Просьба четко указывать обратный адрес. Все молодые литераторы, своевременно подавшие свои заявки на участие, приглашаются на слет 17 декабря 2017 г. к 9 часам в Тульский музей оружия. Для участия в работе слета приглашаются все члены Союза писателей России.

При проведении слета каждому участнику будет предоставлено 5—10 минут на презентацию своего творчества, чтение лучших на его взгляд поэтических или прозаических произведений, или исполнение музыкальных произведений на свои стихи.

Анкета участника слета.

Фамилия _____ Имя _____ Отчество _____

Год рождения _____

Место работы, учебы _____

Организация _____

Сможете приехать на слет _____

Д. индекс _____ Д. адрес _____

Тел/факс: _____ e-mail: _____

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

*Литературно-художественный
и публицистический журнал*

Редакторы: А. А. Яшин, В. В. Резцов, Я. Н. Шафран, В. Г. Демидов
Корректоры: А. А. Яшин, В. Г. Демидов
Компьютерный набор: авторы
Компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета: С. В. Никитин

16+

В соответствии со ст. 27 Закона РФ «О средствах массовой информации» и Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», журнал предназначен для читателей старше 16 лет.

Журнал выходит в заказном тираже
с правом авторов на печатание ими бумажных экземпляров
ЛР № 020300 от 12.02.1997 г.

Дата выхода в свет 30.09.2017
Формат 70×108/16. Печ. л. 21,00
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж по заказам, не более 999 экз.
Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в Издательстве Тульского государственного университета.
Адрес Издательства: 300012, г. Тула, проспект Ленина, 92,
тел. (4872)35-36-20

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Наш журнал, как и большинство современных российских изданий, не имеет твердой финансовой базы. Издаётся он исключительно заботой и энергией редакционной коллегии. Кроме того, мы с самого начала издания журнала отвергли практику (порочную в своей основе) взимания оплаты публикаций с авторов.

Единственно, чем вы можете по-настоящему помочь редакции, — это снять с нее финансовую заботу по первоначальному компьютерному набору текстов ваших произведений. Понятно, что литератор любит писать «от руки», в лучшем случае — на пишущей машинке. Но, полагаем мы, все же задача компьютерного набора решается каждым из вас: наверняка, у каждого есть родственники, знакомые, друзья, владеющие компьютерной грамотностью. Наконец, сейчас широко развита сеть наборных услуг, вполне приемлемых по цене оплаты. В конце концов, каждый может позаботиться о судьбе своего детища — своего произведения.

Поэтому просьба предоставлять свои произведения в компьютерном наборе: CD-RW с файлом текста и 2 экземпляра распечатки. Набирать текст шрифтом Times New Roman Cyr, размер 14 через 1,5 (компьютерных) интервала.

Обязательно приложите свое черно-белое или цветное фото и краткую биографическую справку.

Желательно все компоновать по образцу публикаций в «Приокских зорях». Просьба не присылать материалы «на выбор», а только то, что Вы хотите видеть опубликованным в одном номере журнала. Все материалы представляются в редакцию по «бумажной» почте: 300025, Тула, а/я 920, Яшину А. А. По электронной почте материалы высылать: прозу, включая публицистику и пр., по адресу: markingennady@yandex.ru — зав. отделом прозы Геннадию Николаевичу Маркину; поэзию — по адресу: sensei419@yandex.ru — зав. отделом поэзии Владимиру Вадимовичу Резцову.

Заказ экз. журнала — по адресу: elisafine@yandex.ru

С признательностью — редколлегия журнала.

**К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЫДАЮЩЕГОСЯ
ХУДОЖНИКА-МАРИНИСТА, АКАДЕМИКА ЖИВОПИСИ
ИВАНА КОНСТАНТИНОВИЧА АЙВАЗОВСКОГО (1817—1900)**

*Произведения И. К. Айвазовского из собрания
Тульского областного художественного музея*

Сигнал бури. 1851. Холст, масло. 81,5×116

Морской пейзаж. Картон, масло. 24,5×32

**К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЫДАЮЩЕГОСЯ
ХУДОЖНИКА-МАРИНИСТА, АКАДЕМИКА ЖИВОПИСИ
ИВАНА КОНСТАНТИНОВИЧА АЙВАЗОВСКОГО (1817—1900)**

*Произведения И. К. Айвазовского из собрания
Тульского областного художественного музея*

Приближение бури. 1877. Холст, масло. 99×143

Ночь на море. Холст, масло. 38×57